H9 2/29

А. А. Кауфманъ.

Аграрный Вопросъ въ Россіи.

Курсъ Народнаго Университета.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

121/6

Московское Научное Издательство.
1919.

А. А. Кауфманъ.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

КУРСЪ НАРОДНАГО УНИВЕРСИТЕТА.

МОСКОВСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1918.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
Инвент. № 449641

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА— 1918

Предисловіе къ 1-му изданію.

Настоящая книжка представляетъ собой дважды читанный въ 1907 году въ Московскомъ Народномъ Университетѣ курсъ—«Аграрный вопросъ въ Россіи».

По поводу объема и содержанія этого курса необходимо замѣтить слѣдующее: взявшись прочесть рядъ лекцій по насущнѣйшему вопросу современной русской жизни, авторъ всѣми силами старался сохранить за своимъ изложеніемъ спокойно-научный характеръ и всячески избѣгалъ «злободневности», а тѣмъ болѣе пропаганды или защиты идей какой бы то ни было изъ современныхъ политическихъ партій. Вотъ почему, между прочимъ, въ лекціи, посвященной «правительственнымъ мѣропріятіямъ», авторъ почти не касается *новѣйшихъ* узаконеній и мѣръ въ области земельнаго вопроса, а въ лекціи, посвященной «общественнымъ теченіямъ», онъ разсматриваетъ именно только *теченія* и совершенно не касается *политическихъ партій*, излагаетъ лишь принципіальные взгляды и вовсе не говоритъ о партійныхъ программахъ и платформахъ.

Мартъ 1898 г. *А. К.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ
И
ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

Крестьянскіе надѣлы.

Значеніе аграрнаго вопроса.

Аграрный вопросъ въ Россіи—это все равно, что *крестьянскій* вопросъ,—значитъ, вопросъ, затрогивающій самымъ непосредственнымъ, насущнымъ и жизненнымъ образомъ интересы, приблизительно, пяти шестыхъ населенія нашей родины. Интересы этихъ пяти шестыхъ—это, вмѣстѣ съ тѣмъ, и интересы всего русскаго сельскаго хозяйства: если, можетъ быть, и нельзя сказать, что «*все* сельское хозяйство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, за рѣдкими исключеніями, ведется по системѣ издѣльной или испольной» (Янсонъ), то во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что все владѣльческое хозяйство ведется крестьянскими руками и стоитъ въ тѣсной зависимости отъ условій землевладѣнія, хозяйства и благосостоянія крестьянъ. Интересы этихъ пяти шестыхъ—это въ то же время интересы всей нашей фабрично-заводской промышленности, а значитъ, и нашего рабочаго класса: только обезпеченное крестьянство можетъ составить необходимый для нашей промышленности широкій рынокъ, безъ котораго промышленность не можетъ стать на твердую, широкую почву. Интересы этихъ пяти шестыхъ—это, въ концѣ-концовъ, интересы всего народа и государства, ибо отъ того рѣшенія, какое получитъ современный аграрный кризисъ, зависитъ все будущее Россіи—будетъ вѣрить и надѣяться, *опять единой* и *опять великой* Россіи,—Россіи, которая, конечно, найдетъ въ себѣ внутреннія силы, чтобы пережить тотъ ужасъ, то разореніе и то растерзаніе, среди котораго я сейчасъ вписываю эти строки въ написанную въ раннюю весну нашего политическаго пробужденія страницу.

Въ чемъ же, спрашивается теперь, сущность нашего аграр-

наго кризиса? Точно и правильно отвѣтить на этотъ вопросъ—задача сложная и трудная; отвѣтить на него въ двухъ словахъ и вовсе невозможно; разобраться въ этомъ вопросѣ—задача всего нашего курса. Но общепринятый, какъ извѣстно, отвѣтъ,—что суть нашего аграрнаго вопроса—въ *малоземельѣ*, въ недостаточности земельнаго обезпеченія нашего крестьянства. Если вы спросите самихъ крестьянъ, въ чемъ корень ихъ бѣдъ и злоключеній, отвѣтъ будетъ всегда одинъ: мало стало земли, стало тѣсно, не къ чему приложить рукъ, нечѣмъ пропитаться. А если это такъ, то, значитъ, корни нашего аграрнаго вопроса—во всей исторіи послѣдняго сорокалѣтія, точкой отправленія которой служитъ реформа 1861 года. Съ нею, главнымъ образомъ, связано то хорошее, что есть въ поземельномъ устройствѣ нашего крестьянскаго населенія, и то дурное, съ чѣмъ приходится теперь считаться» (Мануиловъ). То дурное—*но и то хорошее*! Условія освобожденія крестьянъ, дѣйствительно, во многомъ не отвѣчали интересамъ крестьянства и всей страны, но они, въ общемъ, были далеко выгоднѣе, чѣмъ условія освобожденія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ западно-европейскихъ странахъ. «Если значительная часть (замѣтьте теперь же—значительная часть, а отнюдь *не все* крестьянство!) страдаетъ теперь отъ недостатка надѣльной земли, то она обязана этимъ прежде всего тѣмъ элементамъ помѣщичьяго класса, которые сумѣли своимъ вліяніемъ исказить основную идею положеній 19 февраля» (онъ же). Поэтому, и «установить правильный взглядъ на задачи, подлежащія разрѣшенію въ области земельныхъ отношеній, возможно лишь въ связи съ обзоромъ нѣкоторыхъ сторонъ реформы 19 февраля» и условій поземельнаго устройства какъ бывшихъ крѣпостныхъ, такъ и другихъ разрядовъ крестьянъ.

Условія крестьянской реформы, какъ корень малоземелья.

Крѣпостное право, окончательно окрѣпшее и получившее законченную форму въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, дожило до середины XIX столѣтія. Правительство еще съ начала этого столѣтія, даже еще съ конца XVIII вѣка, начинало задумываться о необходимости его уничтоженія, но дѣло не шло дальше учрежденія различныхъ секретныхъ комитетовъ и кое-какихъ частныхъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью облегченіе положенія крѣпостныхъ.

Причины паденія крѣпостного права.

Соображенія и обстоятельства, заставлявшія правительство задумываться надъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, были очень разнообразны, и на выясненіи ихъ мы должны, въ краткихъ словахъ, остановиться.

Нечего уже говорить объ идеяхъ гуманности, человѣколюбія, о требованіяхъ религіи и нравственности. Теперь для всякаго ясно, и всегда было ясно для многихъ, что человѣкъ не можетъ быть рабомъ человѣка. Эти идеи, конечно, имѣли значеніе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, но это значеніе было невелико. Эти идеи выражались въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ, задолго до 1861 года отпускавшихъ своихъ крестьянъ на волю, и въ политикѣ отдѣльныхъ представителей высшей бюрократіи. Эти идеи яркимъ пламенемъ горѣли въ умахъ лучшихъ представителей русской общественной мысли, начиная отъ Радищева, продолжая Пѣтрашевскимъ и кончая Чернышевскимъ. Но литература и общественная мысль не могли, въ тѣ времена, оказать прямого вліянія на намѣренія и рѣшенія правительства. Крестьянскимъ вопросомъ много занималась передовая журналистика 50-хъ годовъ, несмотря на всѣ цензурныя и полицейскія препятствія; «но самостоятельной творческой роли въ развитіи и направленіи крестьянскаго вопроса журналистика 50-хъ годовъ имѣть не могла» (Корниловъ); статьи Чернышевскаго «имѣли огромное вліяніе на молодежь, на интеллигенцію вообще,—но не на представителей помѣстнаго дворянства и не на членовъ редакціонныхъ комиссій» (онъ же), вырабатывавшихъ основанія крестьянской реформы, до высшихъ же правительственныхъ сферъ эти статьи едва ли и доходили.

Дѣло тутъ было не столько въ идеяхъ, сколько *во всей совокупности условій*, настоятельно требовавшихъ освобожденія крестьянъ.

Требованія сельскаго хозяйства.

До извѣстной степени освобожденіе крестьянъ, вообще переходъ съ крѣпостного на свободный трудъ, требовались измѣнившимися условіями сельскохозяйственнаго производства. «Крѣпостное право, — писалъ еще въ 1833 году извѣстный дѣятель эпохи Николая I, Мордвиновъ, — падетъ само собой, когда Россія поднимется въ своемъ экономическомъ развитіи, когда населеніе станетъ соотвѣтствовать пространству земли, когда повысится цѣна земледѣльческихъ продуктовъ, появятся денежные капиталы, и въ результатѣ хозяйство вольнонаемнымъ трудомъ станетъ выгоднѣе

хозяйства съ помощью барщины». Уже въ 1845 году тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій полагалъ, что это время наступило: «время и новыя отношенія,—писалъ онъ,—измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право»; они «уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы»; опыты въ рядѣ губерній, — говорилъ далѣе Перовскій,—показали, что «тамъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ рукахъ, владѣлецъ ненаселенной земли при наемномъ хозяйствѣ оставался въ выигрышѣ противъ помѣщика», хозяйствовавшаго крѣпостнымъ трудомъ.

Однако, и это условіе могло имѣть лишь ограниченное значеніе. Вольнонаемный трудъ въ серединѣ XIX вѣка еще «вовсе не имѣлъ широкаго распространенія» (Семевскій). Въ большихъ размѣрахъ пользовались наемнымъ трудомъ только въ новороссійскихъ степяхъ, въ правобережной Украинѣ, гдѣ уже въ то время велось свеклосахарное хозяйство; даже въ такихъ губерніяхъ, какъ Тамбовская или Рязанская, вольнонаемный трудъ примѣнялся только въ немногихъ имѣніяхъ; въ значительной части страны примѣненіе вольнонаемнаго труда вовсе не встрѣчалось, и помѣщики не только не желали замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ, но, напротивъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, не видѣли возможности вести хозяйства, основаннаго на свободномъ трудѣ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, вольнонаемный трудъ въ тѣ времена былъ уже выгоднѣе крѣпостного, то, конечно, помѣщики, не дожидаясь манифеста 19 февраля, стали бы отпускать своихъ крестьянъ на волю безъ земли; и если бы условія сельскохозяйственнаго производства въ то время дѣйствительно уже не мирились съ крѣпостнымъ трудомъ и настоятельно требовали труда вольнонаемнаго, то освобожденіе крестьянъ на такихъ, притомъ, выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ совершилось, должно было бы повести къ немедленному расцвѣту помѣщичьяго хозяйства. Мы знаемъ, что этого не случилось и не могло случиться: господствовавшіе въ серединѣ XIX вѣка способы обработки земли были такъ просты, что успѣшное веденіе хозяйства было вполнѣ возможно и при крѣпостномъ трудѣ; у помѣщиковъ не было ни необходимыхъ знаній, чтобы завести въ своихъ имѣніяхъ лучшее хозяйство, ни необходимыхъ для этого капиталовъ; не было и оборотныхъ средствъ, чтобы нанимать свободныхъ рабочихъ.

Помѣщики, для которыхъ освобожденіе крестьянъ, да еще освобожденіе съ землею, могло быть выгодно, составляли исключеніе,—исключеніе составляли и мѣстности, гдѣ переходъ къ вольному труду могъ вызвать подъемъ сельскохозяйственнаго производства.

Тѣмъ не менѣе, изслѣдователи крестьянскаго вопроса (Семевскій) отмѣчаютъ, что въ черноземной полосѣ крѣпостное право въ серединѣ XIX в. не представляло уже тѣхъ выгодъ для помѣщиковъ, какія оно имъ давало раньше, когда земля была нипочемъ, а цѣну имѣлъ одинъ только крестьянскій трудъ; крѣпостной трудъ не представлялъ уже тѣхъ выгодъ—а между тѣмъ помѣщикамъ приходилось отвѣчать передъ правительствомъ за крестьянскія подати и продовольствовать крѣпостныхъ при неурожаяхъ; во многихъ губерніяхъ черноземной полосы населенныя земли, продававшіяся вмѣстѣ съ крестьянами, въ концѣ 50-хъ годовъ были не только не дороже, но даже дешевле ненаселенныхъ земель,—крѣпостной трудъ, значитъ, дѣйствительно потерялъ цѣну для помѣщиковъ. А между тѣмъ на очень многихъ помѣщикахъ лежали тяжелые долги—въ концѣ 50-хъ годовъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ было заложено болѣе половины (54%) всѣхъ крѣпостныхъ душъ; такіе задолжавшіе помѣщики нерѣдко могли даже желать освобожденія крестьянъ; они охотно шли и на освобожденіе съ землею, потому что разсчитывали получить хорошій выкупъ и изъ полученныхъ денегъ расплатиться съ кредиторами.

Интересы государства.

Но больше всего требовали освобожденія крестьянъ интересы государства, и прежде всего чисто финансовые интересы,—интересы государственной казны. Единственный въ то время крупный прямой налогъ—подушная подать—не давалъ государству значительныхъ доходовъ. Но пока существовало крѣпостное право, не могли давать достаточныхъ доходовъ и косвенные налоги: косвенные налоги могутъ давать много только тамъ, гдѣ населеніе зажиточно, гдѣ развиты торговля и промышленность; а между тѣмъ существованіе крѣпостного права, конечно, плохо отражалось на благосостояніи крестьянъ, значитъ, главной массы населенія, и тормозило развитіе промышленности и торговли: крѣпостное право привязывало крестьянъ къ землѣ, заставляло болѣе состоятельныхъ изъ нихъ скрывать свои средства, въ то же время

оно позволяло помѣщикамъ удовлетворять большей части своихъ потребностей продуктами крѣпостного труда, не обращаясь къ услугамъ городской промышленности; такимъ образомъ, оно до послѣдней степени суживало спросъ на ея продукты какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны крестьянъ, а безъ такого спроса не могла, конечно, развиваться промышленность, не могла развиваться и торговля.

Но вредныя послѣдствія крѣпостного права захватывали гораздо шире, и съ особенною ясностью они обнаружились въ Крымскую войну; это именно — полная негодность всей правительственной системы и невозможность серьезнаго ея преобразованія, пока существовало крѣпостное право. Страна нуждалась въ самоуправленіи; но какое было возможно самоуправленіе, когда главная масса населенія находилась въ рабствѣ у незначительнаго меньшинства? Пока существовало это рабство, строгая опека правительственной власти была даже необходима, потому что она хоть сколько-нибудь защищала крѣпостныхъ отъ злоупотребленій помѣщичьею властью. А между тѣмъ правительственный механизмъ оказывался уже безсильнымъ удовлетворять все усложнявшимся потребностямъ общественной, экономической и культурной жизни страны.

Мало того: существованіе крѣпостного права ослабляло самую государственную власть, ослабляло самое государство, и это съ особенною наглядностью обнаружилось именно въ эпоху Крымской войны. «Чѣмъ бы ни болѣла земля — усыпленіемъ мысли, застоемъ производительныхъ силъ, разобщеніемъ правительства съ народомъ, разъединеніемъ сословій, порабощеніемъ ихъ одно другому,—всякій подобный недугъ, отнимая у правительства возможность располагать всѣми подвластными ему средствами и въ случаѣ опасности прибѣгать безъ страха къ подъему народной силы, воздѣйствовалъ неизбѣжно на общій ходъ военныхъ и политическихъ событій» (Корниловъ). Какой, въ самомъ дѣлѣ, былъ возможенъ подъемъ народной силы (а только такой подъемъ могъ дать Россіи побѣду надъ внѣшнимъ врагомъ!), когда правительство *боялось* и—пока оно поддерживало крѣпостное право — *должно было* бояться этой силы. Среди крестьянъ, когда началась война, ходили слухи, что «Бонапартъ дастъ волю» отъ помѣщиковъ; манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія вызвалъ всеобщее броженіе среди помѣщичьихъ крестьянъ, кото-

рые толпами записывались въ ополченіе, такъ какъ думали, что всѣ, записавшіеся въ ополченцы, будутъ отпущены на волю; въ концѣ-концовъ, правительству, «вмѣсто того, чтобы опереться на воодушевленныя патріотическимъ чувствомъ народныя массы, пришлось высылать противъ нихъ воинскія команды»,—подъемъ народнаго настроенія не только не далъ государству новыхъ силъ, но заставилъ отвлечь часть вооруженной силы отъ борьбы съ грознымъ внѣшнимъ врагомъ.

И въ то же время, благодаря постояннымъ крестьянскимъ волненіямъ, сопровождавшимся, нерѣдко, убійствами помѣщиковъ, поджогами и т. п., «постепенно усиливалось среди самихъ помѣщиковъ сознаніе опасности сохраненія прежняго порядка»,—«крестьянскій терроръ сильно ослаблялъ для помѣщиковъ прелесть пользованія властью надъ «крещеною собственностью» (Семевскій), а въ правительственныхъ сферахъ все болѣе крѣпла мысль: отмѣнить крѣпостное право сверху, чтобы оно не было отмѣнено снизу; освободить крестьянъ велѣніемъ государственной власти, чтобы освобожденіе не наступило, какъ слѣдствіе революціоннаго террора.

Роль правительства и дворянства.

Всѣ историки и изслѣдователи крестьянскаго вопроса согласны въ томъ, что высшая государственная власть, въ лицѣ императора Александра II, искренно и горячо желала освобожденія крестьянъ, и притомъ освобожденія на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Будучи наслѣдникомъ престола, великій князь Александръ Николаевичъ былъ противникомъ освобожденія. Но совокупность обстоятельствъ, частью изложенныхъ выше, въ особенности исходъ Крымской войны, убѣдила его въ томъ, что освобожденіе крестьянъ—государственная необходимость, и онъ сдѣлался искреннимъ и убѣжденнымъ поборникомъ освобожденія. Чрезвычайно характерно и поведеніе главнаго сотрудника Александра II въ дѣлѣ освобожденія — Я. И. Ростовцева: это былъ старый николаевскій солдатъ, мало понимавшій общія гуманныя идеи; онъ руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ исключительно «крѣпостью, спокойствіемъ и безопасностью государства», и правильное пониманіе нуждъ и интересовъ государства подсказало ему правильный взглядъ на крестьянскій вопросъ.

Въ средѣ помѣстнаго дворянства сознаніе неизбѣжности и государственной необходимости освобожденія крестьянъ было да-

леко не такъ ясно и твердо. Не мало было такихъ помѣщиковъ, которые до послѣдней минуты были рѣшительно противъ освобожденія. Большинство, правда, понимало неизбѣжность освобожденія крѣпостныхъ, но совершенно не понимало, что освобожденіе должно послѣдовать на благопріятныхъ для крестьянъ условіяхъ; въ громадномъ большинствѣ помѣстное дворянство руководствовалось однимъ стремленіемъ: оставить себѣ и получить съ правительства и съ крестьянъ какъ можно больше—все, что только возможно...

Невѣрно было бы, однако, думать, что помѣстное дворянство представляло собою въ то время нѣчто однообразное; напротивъ, интересы дворянства разныхъ мѣстностей были весьма разнообразны. Въ средней черноземной полосѣ земля въ то время была уже дорога, а трудъ былъ дешевъ; крѣпостное право, значитъ, было уже не выгодно для помѣщиковъ—они, поэтому, ничего не имѣли противъ освобожденія; но земля при вольнонаемномъ хозяйствѣ или при арендѣ обѣщала хорошій доходъ, а потому дворянство средней черноземной полосы стремилось стать «монополистами цѣннаго товара—чернозема» (Корниловъ); оно стояло за безземельное освобожденіе, или въ крайнемъ случаѣ соглашалось дать крестьянамъ самый небольшой надѣлъ, чтобы привязать ихъ къ мѣсту и обезпечить себя рабочими руками. Такъ же, приблизительно, понимали свои интересы помѣщики юго-западныхъ губерній, гдѣ уже въ то время помѣщичье хозяйство носило капиталистическій характеръ, и земля обѣщала помѣщикамъ хорошіе доходы. Въ нечерноземной полосѣ земля, какъ извѣстно, малоплодородна, и сама по себѣ, безъ людей, она не имѣла почти никакой цѣны. Цѣнился здѣсь въ то время одинъ только трудъ: крестьянскіе оброки давали помѣщикамъ нечерноземной полосы большій доходъ, чѣмъ въ черноземной полосѣ давала крестьянская барщина, и потому населенныя имѣнія въ неплодородной черноземной полосѣ продавались дороже, чѣмъ на плодородномъ черноземѣ. Потеря крѣпостного права была, поэтому, явно убыточна для помѣщиковъ нечерноземной полосы; а разъ уже приходилось его терять, то, конечно, имъ не было никакого расчета стоять за безземельное освобожденіе—безъ крѣпостного труда малоплодородныя земли не имѣли для нихъ никакого значенія. Ихъ расчетъ былъ, напротивъ, дать крестьянамъ хотя бы и большіе земельные на-

дѣлы, чтобы этимъ привязать ихъ къ мѣсту, а главное—взять за землю возможно дороже; ихъ интересъ былъ, притомъ, выговорить себѣ не долголѣтній оброкъ, а единовременный выкупъ, чтобы получить въ свое распоряженіе капиталы, необходимые для веденія хозяйства на остальной землѣ. Въ степныхъ, новороссійскихъ и заволжскихъ губерніяхъ земля была хотя и плодородна, но малодоходна, вслѣдствіе рѣдкости населенія: земля была дешева, а руки очень дороги, а то ихъ и вовсе нельзя было достать. Помѣщикамъ степныхъ губерній, было, поэтому, выгодно, чтобы крестьяне получили свободу — свобода должна была обезпечить имъ притокъ рабочихъ рукъ изъ густонаселенныхъ и малоземельныхъ среднихъ губерній; имъ было выгодно, съ другой стороны, надѣлить крестьянъ землею, чтобы, опять-таки, привязать ихъ къ землѣ; но имъ было выгодно дать возможно малые надѣлы, чтобы у крестьянъ оставалось достаточно времени работать на помѣщичьей землѣ.

449641

Тѣ интересы, которые приходилось отстаивать дворянству, были, такимъ образомъ, очень разнообразны; но во всякомъ случаѣ все дворянство, какъ классъ, отстаивало *свои*, *классовые* интересы, и только немногія единичныя личности изъ среды помѣстнаго класса возвышались надъ личными и классовыми интересами и являлись поборниками болѣе широкихъ, народныхъ и государственныхъ интересовъ.

А между тѣмъ въ то время помѣстное дворянство было единственнымъ вліятельнымъ общественнымъ классомъ, оно одно играло политическую роль. Оно имѣло огромныя связи при дворѣ и въ средѣ высшей бюрократіи; на сторонѣ его стояли многіе изъ великихъ князей и большинство министровъ; нѣкоторые изъ нихъ (Муравьевъ и Бутковъ) ѣздили даже въ провинцію, чтобы агитировать среди дворянъ. Искренними сторонниками освобожденія крестьянъ и поборниками ихъ интересовъ, кромѣ государя, были только: изъ среды императорской фамиліи императрица Марія Александровна и особенно вел. кн. Константинъ Николаевичъ и вел. княгиня Елена Павловна; изъ среды высшей бюрократіи—министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и назначенный предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій ген. Я. И. Ростовцевъ, о которомъ уже упоминалось выше. Императору Александру II и учрежденнымъ по его повелѣнію редакціоннымъ комиссіямъ пришлось вынести огромную борьбу, при которой высшая власть не оста-

навливалась, временами, передъ очень рѣшительными и даже крутыми мѣрами: государь самъ предпринималъ поѣздки по губерніямъ, говорилъ дворянамъ рѣчи, изъявляя свою непремѣнную волю довести дѣло освобожденія крестьянъ до конца въ благопріятномъ для крестьянства направленіи; когда дворянскіе комитеты и составленный преимущественно изъ представителей того же помѣстнаго дворянства государственный совѣтъ начинали тянуть дѣло, по повелѣнію государя назначались сроки, къ которымъ комитеты и совѣтъ обязательно должны были закончить свое дѣло; когда вызванные въ редакціонныя комиссіи депутаты такъ называемаго второго призыва вознамѣрились выступить съ возраженіями въ неблагопріятномъ для крестьянъ смыслѣ противъ проектированныхъ основаній реформы, имъ было запрещено входить въ обсужденіе этихъ основаній: имъ разъяснили, что они должны только давать нужныя правительству свѣдѣнія, а вовсе не участвовать въ разрѣшеніи законодательнаго вопроса. Особымъ циркуляромъ было воспрещено подвергать крестьянскій вопросъ обсужденію на дворянскихъ собраніяхъ. Бывали даже случаи административной высылки слишкомъ ярыхъ противниковъ крестьянской реформы за направленныя противъ нея рѣчи и записки...

Очень искренно стояли за крестьянскіе интересы, несомнѣнно, и сами редакціонныя комиссіи, воодушевляемыя своимъ предсѣдателемъ Я. И. Ростовцевымъ и подобранныя, въ большинствѣ, изъ людей, сочувствовавшихъ реформѣ. Онѣ признавали себя «какъ бы представителями безгласнаго крестьянства»; онѣ «сознательно наклоняли вѣсы на сторону крестьянъ»: «наклонять вѣсы въ сторону помѣщиковъ будетъ и много охотниковъ и много силы», заступаться же за крестьянскіе интересы будетъ некому, кромѣ комиссій,—такъ писалъ Ростовцевъ государю въ самомъ разгарѣ ихъ работъ.

И, тѣмъ не менѣе, творцамъ положеній 19 февраля пришлось пойти на огромныя уступки; уступки эти—мы сейчасъ увидимъ—касались и размѣра надѣловъ, и крестьянскихъ платежей: надѣлы были значительно сокращены, платежи повышены противъ того, что предполагалось первоначально. И можетъ быть, что уступки эти были неизбѣжны: помѣстное дворянство въ то время представляло собой еще огромную соціальную силу—единственную имѣвшую непосредственное вліяніе на государственныя дѣла.

Число сторонниковъ крѣпостного права «было еще очень велико и могло превратиться въ подавляющее большинство, если бы условія выкупа были предложены невыгодныя для дворянства; хотя жизнь, литература, правительство, дворянство много устранили препятствій къ разрѣшенію вопроса, окончательная его развязка могла еще, при неблагопріятныхъ условіяхъ, быть отсрочена на болѣе или менѣе продолжительный періодъ» (Милюковъ). Приходилось соглашаться на освобожденіе хотя бы на менѣе выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, лишь бы поскорѣе рушилось крѣпостное право...

Уступки, сдѣланныя помѣстному классу при выработкѣ началъ реформы 19 февраля 1861 года, отразились на двухъ существеннѣйшихъ ея сторонахъ: размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ и величинѣ крестьянскихъ платежей. На каждой изъ этихъ двухъ сторонъ мы теперь и должны остановиться.

Размѣръ надѣловъ а) Нормы надѣленія.

I. *Размѣръ надѣловъ.* Въ вопросѣ о размѣрѣ крестьянскихъ надѣловъ положенія 19 февраля представляютъ собою компромиссъ, примиреніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Образованные на мѣстахъ дворянскіе комитеты высказывались *противъ* надѣленія крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. «Одно только опредѣленіе нормальнаго крестьянскаго надѣла,—полагали помѣщики,—и притомъ въ возможно меньшихъ размѣрахъ, можетъ, съ одной стороны, привести къ скорому и естественному замѣщенію въ сельскомъ быту обязательнаго труда трудомъ свободнымъ, а съ другой—доставить помѣщику постоянныхъ работниковъ для его хозяйства, въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, если они будутъ *недостаточно* обезпечены землею въ пользованіе»,—иначе сказать, недостаточное надѣленіе крестьянъ обезпечивало бы помѣщиковъ дешевыми рабочими руками и выгодными арендаторами на остающуюся въ ихъ рукахъ землю. Редакціонныя комиссіи исходили, напротивъ, изъ той точки зрѣнія, что цѣль правительства при освобожденіи крестьянъ—въ созданіи «обезпеченнаго сословія сельскихъ обывателей, а отнюдь не въ лишеніи этого сословія, съ первой же поры его образованія, лучшихъ средствъ къ самостоятельному развитію». Комиссіи, значитъ, дѣйствительно стремились провести ту мысль, которая была выражена императоромъ Александромъ II еще въ рескриптѣ 2 ноября 1857 года—«отвести крестьянамъ надлежащее по мѣстнымъ усло-

віямъ количество земли *для обезпеченія ихъ быта* и выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ».

Мысль редакціонныхъ комиссій была—сохранить за крестьянами, въ видѣ надѣла, существовавшее при крѣпостномъ правѣ пользованіе. Установить какія-либо нормы надѣленія казалось комиссіямъ дѣломъ совершенно несбыточнымъ, въ виду «тройственной невозможности: опредѣлить съ надлежащею точностью самыя нужды крестьянина въ каждой мѣстности, исчислить дѣйствительную производительность поземельнаго надѣла въ каждой отдѣльной полосѣ Россіи, наконецъ, оцѣнить, даже съ приблизительною достовѣрностью, степень выгоды, извлекаемой каждымъ крестьяниномъ изъ промысловъ, служащихъ восполненіемъ дохода, получаемаго отъ земли». 50 лѣтъ тому назадъ редакціонныя комиссіи совершенно ясно поняли тѣ огромныя трудности, какія и по настоящее время препятствуютъ и, надо думать, *всегда* будутъ препятствовать правильному вычисленію нормъ. Напротивъ, *существующіе надѣлы,* по мнѣнію комиссій, «за немногими исключеніями представляютъ лучшее, и даже единственное, правильное практическое мѣрило того количества земли, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянина». Въ основу поземельнаго устройства крестьянъ редакціонныя комиссіи предполагали, такимъ образомъ, положить существовавшее при крѣпостномъ правѣ землепользованіе. Затѣмъ, по соображенію съ фактическими данными, имѣвшимися въ трудахъ дворянскихъ комитетовъ и дѣйствовавшихъ около того времени комитетовъ о земскихъ повинностяхъ, предполагалось установить нормы высшихъ и низшихъ надѣловъ: высшія нормы, чтобы не допустить надѣленія въ явно чрезмѣрномъ размѣрѣ, низшія—чтобы давать добавочный надѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщики, при крѣпостномъ правѣ, совсѣмъ обезземелили крестьянъ или предоставили имъ слишкомъ ничтожные тягловые надѣлы. Высшія нормы были вычислены съ такимъ расчетомъ, чтобы отрѣзки отъ существовавшаго при крѣпостномъ правѣ пользованія могли имѣть мѣсто лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія, когда «по безпечности или великодушію помѣщика» тягловые надѣлы крестьянъ были явно больше, чѣмъ требовалось для удовлетворенія потребностей крестьянъ. Низшіе надѣлы, до которыхъ должно было доводиться надѣленіе безземельныхъ или крайне малоземельныхъ, комиссіи предполагали установить въ

двѣ пятыхъ высшаго надѣла. Самые размѣры нормъ высшаго надѣла, по первоначальнымъ предположеніямъ комиссій, колебались: для губерній нечерноземной полосы—между $3^1/_4$ и 8 дес., для черноземной нестепной—между 3 и $4^1/_2$, для степной—между $6^1/_2$ и 12 десятинами; цифры эти были значительно выше, для многихъ губерній вдвое выше нормъ, проектировавшихся мѣстными дворянскими комитетами [1]). По убѣжденію, высказывавшемуся комиссіями, проектировавшіяся ими нормы высшаго надѣла были не только не слишкомъ щедры,—онѣ были «скорѣе малы»; такіе высшіе надѣлы, полагали комиссіи, «только что обезпечиваютъ существованіе крестьянъ» и «ни въ какомъ случаѣ подлежать дальнѣйшему пониженію не могутъ». Мы сейчасъ увидимъ, однако, что проектированныя комиссіями нормы высшаго надѣла были, въ дѣйствительности, значительно понижены.

Предположенія комиссій были, прежде всего, подвергнуты обсужденію на мѣстахъ,—конечно, обсужденію представителей помѣстнаго сословія. Такая повѣрка и обсужденіе возраженій дворянскихъ депутатовъ, вызванныхъ для участія въ комиссіяхъ, привели, правда, къ нѣкоторому повышенію нормъ высшаго надѣла для степной полосы: самый низшій размѣръ высшаго надѣла былъ повышенъ съ $6^1/_2$ до 7 десятинъ, и вновь явилась вычеркнутая было норма въ 12 десятинъ. Нѣкоторое повышеніе нормъ высшаго надѣла было допущено также для трехъ уѣздовъ черноземной полосы, въ нечерноземной полосѣ—для 13 цѣлыхъ уѣздовъ и для 6 частей уѣздовъ. Общимъ правиломъ было, однако, болѣе или менѣе значительное пониженіе нормъ: такое пониженіе было допущено по нечерноземной полосѣ для 33 цѣлыхъ уѣздовъ и 9 частей уѣздовъ, по черноземной—для 38 цѣлыхъ уѣздовъ и 20 частей уѣздовъ, при чемъ для десяти уѣздовъ и 14 частей уѣздовъ (въ итогѣ по обѣимъ полосамъ) нормы высшаго надѣла были понижены на четверть десятины, по 46

---

[1]) Затѣмъ уже, во второмъ періодѣ своихъ работъ, редакціонныя комиссіи подвергли выработанную ими систему нормъ высшаго надѣла довольно серьезной переработкѣ; нормы были частью понижены, но частью повышены: съ одной стороны, для нѣкоторыхъ мѣстностей черноземной полосы проектирована не предполагавшаяся ранѣе норма въ $2^3/_4$ дес., но зато добавлены нормы въ $5^1/_2$ и 6 дес.; для степной полосы отброшена ранѣе проектировавшаяся по нѣкоторымъ мѣстностямъ норма въ 12 дес. и т. д.

уѣздамъ и 7 частямъ уздовъ—на полдесятины, по 12 уѣздамъ и 2 частямъ уѣздовъ—на $^3/_4$ дес., по 3 уѣздамъ и 6 частямъ уѣздовъ—на цѣлую десятину; любопытно отмѣтить, что случаи пониженія нормы на $^3/_4$ дес. и на цѣлую десятину имѣли мѣсто почти исключительно по черноземной полосѣ; какъ мы указывали выше, помѣщичій классъ въ черноземныхъ губерніяхъ гораздо больше дорожилъ землей, чѣмъ въ нечерноземной, и прилагалъ гораздо больше усилій къ тому, чтобы сократить размѣры надѣленія крестьянъ.

На этомъ сокращенія нормъ, однако, не остановились. Новое пониженіе нормъ высшаго надѣла послѣдовало при разсмотрѣніи проекта положеній въ Государственномъ Совѣтѣ, который, состоя по преимуществу изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему помѣстному дворянству, выступилъ горячимъ защитникомъ его интересовъ. Для 36 уѣздовъ нечерноземной полосы, значитъ, той, гдѣ помѣщики меньше дорожили землей, было, правда, допущено повышеніе нормъ,—въ томъ числѣ по 13 уѣздамъ нормы были увеличены на 1—2 десятины. Но по 107 уѣздамъ, изъ общаго числа 232 уѣздовъ черноземной полосы, нормы высшаго надѣла были понижены: въ 67 случаяхъ на $^1/_4$ и $^1/_2$ десятины, въ 24 случаяхъ—на десятину, въ 15—на $1^1/_2$ десятины и больше. По нечерноземной полосѣ нормы были понижены для 50 уѣздовъ изъ общаго числа 142: для 21 уѣзда или частей уѣздовъ на $^1/_4$ дес., для 21—на $^1/_2$ десятины, для четырехъ—на 1—2 дес., для другихъ четырехъ—даже на 3 и на $3^1/_2$ десятины.

б) Другія условія.

Независимо отъ такого болѣе или менѣе общаго пониженія нормъ высшаго надѣла, въ проектъ положеній постепенно введенъ былъ рядъ другихъ измѣненій, выгодныхъ для помѣщиковъ и стѣснительныхъ для крестьянъ. Прежде всего была сокращена норма низшаго надѣла, т.-е. тотъ размѣръ, до котораго должны были доводиться надѣлы безземельныхъ или крайне малоземельныхъ крестьянъ. Подъ вліяніемъ дворянскихъ настояній, редакціонныя комиссіи признали, именно, необходимымъ «для строгаго соблюденія правила объ исключительности прирѣзки земли» установить размѣръ низшаго надѣла не въ двѣ пятыхъ, какъ предполагалось раньше, а въ одну треть установленной для каждаго уѣзда или части уѣзда нормы высшаго надѣла; «по мнѣнію многихъ»—признавали комиссіи—въ мелкомѣстныхъ имѣніяхъ крестьянскіе надѣлы меньше,

чѣмъ въ большихъ имѣніяхъ, а потому прирѣзка до прежде проектировавшейся нормы низшаго надѣла была бы слишкомъ тяжела для мелкомѣстныхъ владѣльцевъ. Далѣе: въ первомъ періодѣ работъ редакціонныхъ комиссій предполагалось производить отрѣзку излишка земли отъ многоземельныхъ крестьянъ съ извѣстною постепенностью, по мѣрѣ выхода крестьянъ въ другія сословія или выселенія ихъ на новыя мѣста. Во второмъ періодѣ редакціонныя комиссіи отказались отъ этого, весьма важнаго для крестьянъ, ограниченія,—отказались «въ видахъ удовлетворенія желаній, выраженныхъ многими членами комитетовъ». Наконецъ, уже въ самый послѣдній моментъ, при обсужденіи проекта положеній въ Государственномъ Совѣтѣ, въ положенія были введены правила о такъ называемыхъ «дарственныхъ» надѣлахъ: помѣщикамъ предоставлено по добровольному соглашенію съ крестьянами «подарить» имъ четвертую часть высшаго надѣла,—иначе сказать, отвести имъ безплатно четверть нормальнаго надѣла: уступая безплатно небольшую часть надѣла, помѣщикъ получалъ, такимъ образомъ, возможность какъ бы выкупить для себя право вѣчнаго владѣнія всею остальною землей своего имѣнія. Ниже намъ придется подробнѣе выяснить, что такое эти дарственные надѣлы, и къ какимъ послѣдствіямъ для крестьянъ приводилъ такой «подарокъ».

Существенное ограниченіе правъ крестьянъ по части надѣленія землей было введено въ проектъ положеній еще въ первомъ періодѣ работъ редакціонныхъ комиссій: было, именно, признано, что надѣленіе крестьянъ ни въ какомъ случаѣ не должно приводить къ совершенному обезземеленью помѣщика, и за помѣщиками признано право во всякомъ случаѣ сохранить за собою опредѣленную часть своей земли, хотя бы для этого пришлось урѣзать крестьянскіе надѣлы. Какую именно часть—на этотъ счетъ требованія дворянскихъ комитетовъ были очень различны: одни довольствовались четвертью, другіе требовали, чтобы за помѣщикомъ сохранялись двѣ трети, большинство комитетовъ требовало сохраненія за помѣщикомъ трети или половины всей земли. Редакціонныя комиссіи остановились на одной трети; онѣ ясно сознавали вредъ, какой долженъ послѣдовать отъ этого ограниченія для крестьянъ густо населенныхъ имѣній, но пошли на это, «уступая одному лишь согласному требованію всѣхъ почти губернскихъ комитетовъ, въ соединеніи съ желаніемъ устра-

нить, по возможности, разрывъ непосредственной связи помѣщика съ принадлежащею ему землею». Вначалѣ предполагалось при расчетѣ доли, подлежащей сохраненію за помѣщикомъ, принимать въ расчетъ *всѣ* его владѣнія какъ въ данномъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ, смежныхъ. Во второмъ періодѣ признано нужнымъ принимать въ соображеніе одну лишь *удобную* площадь, и притомъ лишь тѣхъ земель помѣщика, которыя лежатъ въ разстояніи не далѣе 25 (а по окончательно утвержденному положенію даже 12) верстъ отъ даннаго селенія. Такимъ образомъ, у помѣщика въ губерніи, даже уѣздѣ, могли быть огромныя пространства земли, и, тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ право требовать отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла, если въ непосредстненной близости отъ селенія (а такой случай былъ очень обыкновеннымъ, гдѣ крестьяне жили большими селеніями), за надѣленіемъ крестьянъ въ полномъ размѣрѣ, у него, помѣщика, осталось бы менѣе трети всей земли.

Сокращеніе землепользованія.

Всѣ эти ограниченія правъ крестьянъ по части надѣленія землею привели къ очень рѣзкому сокращенію размѣровъ крестьянскаго надѣла [1]): въ общемъ для всей страны итогѣ, примѣрно, на одну пятую часть. Въ разныхъ губерніяхъ, притомъ, надѣлы сократились въ очень различной степени. По даннымъ, сообщаемымъ однимъ изъ участниковъ крестьянской реформы, П. П. Семеновымъ, крестьяне въ Рязанской губ. имѣли при крѣпостномъ правѣ 1.070.000 дес., при освобожденіи они получили ровно милліонъ десятинъ; сокращеніе надѣловъ въ этой губерніи было, значитъ, очень невелико. Невелико оно было и въ Симбирской губерніи: изъ 599 тыс. дес. крестьяне получили въ надѣлъ 530 тыс. дес.; но въ Воронежской губерніи крестьянамъ осталось только 570.000 изъ 722.000 дес.

[redacted]

1) Надо, однако, замѣтить, что уступки были все-таки гораздо меньше, чѣмъ требовали помѣщики,—редакціоннымъ комиссіямъ удалось много отвоевать въ пользу крестьянъ. Это видно хотя бы изъ такихъ примѣровъ: по Новгородской губ., если бы прошли нормы, проектированныя дворянскими комитетами, у крестьянъ было бы отрѣзано 933 тыс. дес.,—благодаря сохраненному въ положеніяхъ 19 февр. повышенію нормъ противъ требованій дворянскихъ комитетовъ въ дѣйствительности было отрѣзано 555 тыс. дес. Въ Рязанской губерніи отъ крестьянъ было отрѣзано всего 70.000 дес.,—по дворянскимъ проектамъ пришлось бы отрѣзать 470.000 дес. и т. д.

въ Саратовской 834.000 изъ 1.078.000, въ Новгородской даже только 1.045.000 изъ 1.600.000 десятинъ. Въ Саратовской губерніи надѣлъ увеличился, при освобожденіи, у 7,4%, значитъ у одной четырнадцатой части крестьянъ; съ небольшимъ у четверти (28,4%) надѣлъ остался безъ измѣненія, почти у двухъ третей (64%) надѣлъ сократился; въ общемъ итогѣ у этихъ двухъ третей, отъ которыхъ были сдѣланы отрѣзки, при крѣпостномъ правѣ было въ среднемъ на мужскую душу по 4,9 дес., послѣ выхода на волю осталось всего 2,8 дес., надѣлъ, значитъ, сократился почти что вдвое. Больше нормы высшаго надѣла въ той же губерніи имѣла до реформы почти половина (48%) всѣхъ крестьянъ, послѣ выхода на волю всего 5,8% (одна семнадцатая часть); надѣлъ менѣе трехъ четвертей нормальнаго надѣла имѣли при крѣпостномъ правѣ около одной шестой (16,1%), послѣ выхода на волю на такой надѣлъ попало больше половины (52,4%) всѣхъ крестьянъ.

Дарственники и безземельные.

На дарственный надѣлъ вышло всего 640 тысячъ ревизскихъ душъ—6%, или около одной шестнадцатой части всѣхъ вышедшихъ на волю крестьянъ. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, однако, дарственники распредѣляются чрезвычайно неравномѣрно: въ губерніяхъ сѣверной промысловой области на дарственный надѣлъ почти совсѣмъ не выходили,—помѣщикамъ здѣсь вовсе не было расчета оставлять за собою землю, а было гораздо выгоднѣе дать крестьянамъ полные надѣлы, но взять съ нихъ возможно высокую плату. Напротивъ, въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ число дарственниковъ было очень значительно: въ Воронежской, Симбирской, Казанской, Екатеринославской губерніяхъ на дарственный надѣлъ вышло отъ 20 до 30%—около четверти всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ; въ Пермской, Саратовской, Таврической, Вятской—около трети, 33—35%; въ Уфимской и Самарской—двѣ пятыхъ и больше, 40—45%; въ Оренбургской, гдѣ, впрочемъ, помѣщичьихъ крестьянъ было немного, почти три четверти ихъ получили дарственный надѣлъ: помѣщики здѣсь уже въ то время дорожили землей, потому что предвидѣли возрастаніе ея цѣнности и доходности, и въ то же время имъ былъ расчетъ «дарить» крестьянамъ четвертные надѣлы, чтобы привязать ихъ къ мѣсту, какъ постоянныхъ арендаторовъ и рабочихъ. Почему же, спрашивается, *крестьяне* соглашались итти на четвертной надѣлъ?

Отчасти подъ вліяніемъ прямого или косвеннаго принужденія и насилія; отчасти—благодаря своей темнотѣ и незнанію законовъ роста арендныхъ и продажныхъ земельныхъ цѣнъ: обычная средняя доходность земли и арендныя цѣны въ то время были далеко ниже тѣхъ платежей, которыми облагались крестьянскія земли въ пользу помѣщиковъ; крестьяне, поэтому, считали для себя выгоднымъ взять даромъ четвертной надѣлъ, а затѣмъ по дешевой цѣнѣ арендовать помѣщичьи земли. Конечно, крестьяне сильно ошиблись въ своихъ расчетахъ: цѣны на землю, естественнымъ образомъ, должны были расти по мѣрѣ увеличенія народонаселенія; а между тѣмъ отрѣзка у соглашавшихся на дарственный надѣлъ трехъ четвертей той земли, которою они раньше пользовались, создавала огромный добавочный спросъ на землю, а въ то же время и усиленное предложеніе рабочихъ рукъ: оставшись на дарственномъ надѣлѣ, крестьяне должны были усиленно арендовать помѣщичью землю,—значитъ, набивать на нее цѣны; они должны были искать работы въ помѣщичьихъ хозяйствахъ,—значитъ, сбивать цѣну на свой трудъ; они проигрывали и на томъ и на другомъ, а помѣщики, какъ *они* правильно разсчитали, получали огромныя выгоды и отъ повышенія арендныхъ цѣнъ, и отъ удешевленія крестьянскаго труда.

Такимъ образомъ, крестьянская реформа, извращенная противъ благихъ намѣреній государя и немногихъ его сотрудниковъ, искренно желавшихъ добра крестьянамъ, значительно сократила общіе размѣры крестьянскаго землевладѣнія и создала многочисленный классъ крайне малоземельныхъ крестьянъ; мало того, она создала еще обширный классъ *безземельнаго* сельскаго населенія. Это, прежде всего, бывшіе дворовые, которыхъ по 10 ревизіи насчитывалось болѣе 720 тыс. душъ муж. пола, а затѣмъ — довольно значительное число крестьянъ, перечислившихся въ мѣщане и потому не получившихъ земельнаго надѣла. Многихъ крестьянъ, въ то время, просто принудили перечислиться въ мѣщане и отказаться отъ надѣла; другіе были введены въ обманъ помѣщиками, желавшими оставить за собой всю свою землю, или отказались отъ надѣла подъ вліяніемъ все того же ошибочнаго расчета, въ надеждѣ не платить за землю высокаго выкупа, а взамѣнъ того вести хозяйство на арендованной, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, помѣщичьей землѣ.

Способъ отвода надѣловъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще самого *способа отвода* надѣловъ, который, въ очень многихъ случаяхъ, былъ крайне неблагопріятенъ для крестьянъ и поставилъ въ безвыходное положеніе даже многихъ изъ тѣхъ, которые получили въ надѣлъ вполнѣ достаточное количество земли: очень многіе крестьянскіе надѣлы отведены чрезполосно съ землями, оставшимися за помѣщикомъ; въ другихъ случаяхъ помѣщичьи земли вклиниваются въ крестьянскія и вплотную подходятъ къ крестьянскимъ усадьбамъ; еще въ другихъ, клочки помѣщичьей земли остались вкрапленными въ самую середину крестьянскихъ надѣловъ, и т. п. Опять-таки, и такой нецѣлесообразный отводъ надѣловъ вызывался, нерѣдко, неправильнымъ расчетомъ *обѣихъ* сторонъ: и помѣщики и крестьяне думали только о томъ, чтобы оставить за собою всѣ лучшіе клочки земли, чтобы не отдать ни пяди обработанной земли; крестьяне, поэтому, настаивали на включеніи въ надѣлъ всѣхъ клочковъ пашни или покоса, далеко заклинившихся въ помѣщичью землю или расположенныхъ съ нею чрезполосно, и охотно отдавали помѣщикамъ всю неудобную и малоудобную землю, хотя бы и вкрапленную среди крестьянскихъ полей. Многіе помѣщики, однако, вели дѣло съ сознательнымъ расчетомъ: они *нарочно* устраивали «клинья» и «западни», чтобы впослѣдствіи, при помощи ихъ, прижимать крестьянъ; въ концѣ-концовъ, явились деревни, которымъ «некуда курицу выпустить», потому что помѣщичья межа прошла подъ самыми усадьбами; деревни, не имѣющія прогона на свои поля иначе, какъ чрезъ помѣщичью землю; деревни, отрѣзанныя отъ водопоя и т. д.,—и крестьяне были поставлены въ необходимость переплачивать огромныя деньги за потравы или по несообразнымъ цѣнамъ арендовать иногда совершенно безплодныя земли.

Крестьянскіе платежи.

II. *Крестьянскіе платежи.* Переходя теперь къ вопросу о крестьянскихъ платежахъ, необходимо прежде всего выяснить, *что* крестьянамъ приходилось выкупать у помѣщиковъ,—одну только землю, или также и свою личную свободу? Со стороны помѣщиковъ, особенно въ нечерноземной полосѣ, гдѣ земля не имѣла цѣнности, а помѣщичьи доходы извлекались изъ оброковъ, было не мало поползновеній выторговать себѣ вознагражденіе и за личное освобожденіе крѣпостныхъ—за тотъ крѣпостной трудъ, котораго они

лишались. Во многихъ дворянскихъ комитетахъ шла сильная борьба между «плантаторами», какъ тогда выражались, требовавшими выкупа *и за людей*, и «либералами», считавшими возможнымъ требовать выкупа *только за землю*. Тверской губернскій комитетъ прямо-таки требовалъ выкупа «не только за земли, отведенныя крестьянамъ, но и за личность крѣпостныхъ».

Что подлежало выкупу.

Однако, императоръ Александръ II положилъ конецъ прямымъ притязаніямъ помѣщиковъ получить плату за личность крѣпостныхъ: онъ положительно и безповоротно указалъ, что «личность крѣпостныхъ и обязательный ихъ трудъ выкупу подлежать не могутъ». *Прямо* требовать вознагражденія за личность и трудъ крестьянъ помѣщикамъ было, значитъ, запрещено. И вотъ, поборники интересовъ помѣстнаго класса, которыхъ было много среди высшей бюрократіи, придумали способъ обойти волю государя,— именно, такъ называемую «подесятинную градацію» обложенія. Говорили, что равномѣрное подесятинное обложеніе надѣльныхъ земель не соотвѣтствовало бы выгодамъ, какія получаютъ и будутъ получать отъ нихъ крестьяне: крестьяне, надѣленные, напримѣръ, одною десятиной, обрабатываютъ ее чрезвычайно тщательно и извлекаютъ изъ нея весь доходъ, какой она только можетъ дать. Вторая десятина крестьянамъ тоже необходима; съ двухъ десятинъ крестьяне получатъ больше выгодъ, чѣмъ съ одной, но *не вдвое* больше, потому что вторая десятина будетъ не такъ полно использована, какъ первая: крестьянинъ не въ состояніи уже будетъ затратить на ея обработку столько труда и оборотнаго капитала, сколько онъ затратилъ бы на одну первую десятину. Еще меньше выгодъ крестьянинъ извлекаетъ изъ третьей, четвертой, пятой десятинъ, потому что на обработку ихъ онъ сможетъ затратить еще гораздо меньше труда и капитала, чѣмъ на обработку второй, а тѣмъ болѣе первой десятины.

Подесятинная градація.

Отсюда выводъ: оцѣнить дороже всего первую десятину, вторую десятину оцѣнить нѣсколько ниже первой, но выше остальныхъ. 9-рублевый душевой оброкъ, по первоначальному проекту редакціонныхъ комиссій, предполагалось разложить такимъ образомъ: при четырехдесятинномъ надѣлѣ на первую десятину положить 4 р., на вторую—2 р. 40 к., на двѣ остальныхъ—по 1 р. 30 к., при пятидесятинномъ надѣлѣ — на первую тѣ же четыре рубля, на

вторую—2 р. 20 к., на остальныя—по 93$^1/_3$ к., при восьмидесятинномъ—на первую десятину тоже четыре рубля, на вторую—1 р. 60 к., на остальныя шесть десятинъ—по 56$^2/_3$ к.

Размѣръ обложенія.

Совершенно ясно, что *дѣйствительная* цѣль изобрѣтателей этой системы обложенія была—обезпечить помѣщикамъ вознагражденіе «за души», за личность и трудъ крѣпостныхъ: вмѣстѣ съ первою десятиной выкупалась «душа», и четырехрублевый оброкъ являлся платою за землю *и за душу*; остальныя десятины оплачивались дешевле, потому что выкупъ здѣсь взимался уже за одну только землю. Желаніе вознаградить помѣщиковъ за потерю права на крѣпостной трудъ ясно выразилось и при опредѣленіи общихъ суммъ оброка, наложеннаго на крестьянъ. Собственно говоря, оброкъ долженъ былъ оплачиваться только «за пользованіе надѣлами»,—значитъ, размѣры его должны были опредѣляться въ зависимости только отъ качества и сельскохозяйственной доходности земли. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, при опредѣленіи размѣра оброковъ въ разныхъ мѣстностяхъ были приняты во вниманіе и доходы отъ неземледѣльческихъ заработковъ (только такъ могло, очевидно, выйти, что оброки по нечерноземной полосѣ, съ ея безплодными и бездоходными землями, оказались не ниже и даже выше, чѣмъ по черноземной!),—значитъ, оброки должны были вознаградить помѣщика не только за землю, но и за крѣпостной трудъ, т.-е. за потерю права на личность крѣпостного.

За исходную точку при опредѣленіи размѣра оброковъ редакціонныя комиссіи признали нужнымъ принять существовавшіе при крѣпостномъ правѣ размѣры повинностей. Были собраны свѣдѣнія о повинностяхъ по всѣмъ губерніямъ. И вотъ, отбросивъ крайности, т.-е. исключительно высокія или низкія цифры, комиссіи получили сравнительно однообразныя нормы душевого оброка: для пяти подстоличныхъ и наиболѣе промышленныхъ губерній нечерноземной полосы—10 р., для остальныхъ губерній нечерноземной оброчной полосы—9 р.; для всей остальной Россіи,—значитъ для нечерноземной барщинной, для черноземной не-степной и для степной полосы—8 р. съ души. Впослѣдствіи были внесены различныя болѣе или менѣе несущественныя поправки, и, въ концѣ-концовъ, положеніями установлено четыре нормы оброка, причитающагося съ полнаго душевого надѣла:

12, 10, 9 и 8 руб., при чемъ въ нечерноземной полосѣ съ первой десятины взимается половина, со второй — четверть полнаго оклада, послѣдняя же четверть распредѣляется поровну между остальными десятинами положеннаго для даннаго уѣзда полнаго надѣла; значитъ, при 12-рублевомъ оброкѣ и 5-десятинномъ надѣлѣ на первую десятину ложится шесть рублей, на вторую—3, на остальныя три — по одному рублю, и, слѣдовательно, двухдесятинный надѣлъ платитъ 9 р., 3-десятинный—10, 4-десятинный—11 р. и т. п. Въ черноземной полосѣ, гдѣ хозяйство ведется безъ удобренія и гдѣ, поэтому, доходность первыхъ десятинъ не такъ рѣзко отличается отъ доходности остальныхъ надѣльныхъ земель, на первую десятину (включая въ то число усадьбу) положено 4 р., остальная же сумма оброка распредѣляется поровну между всѣми остальными десятинами полнаго душевого надѣла; значитъ, при 10-рублевомъ оброкѣ и 5-десятинномъ высшемъ надѣлѣ съ первой десятины причитается 4 рубля, со всѣхъ остальныхъ по полтора рубля, и, слѣдовательно, крестьянамъ съ 3-десятиннымъ надѣломъ приходится платить $4 + (2 \times 1$ р. 50 к.), т.-е. всего 7 рублей.

Такимъ образомъ, въ основу обложенія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ за отведенные имъ надѣлы положенъ принципъ *обратнаго* отношенія размѣровъ подесятиннаго обложенія съ размѣрами надѣла: чѣмъ меньше надѣлъ, тѣмъ тяжелѣе обложена всякая десятина. Но совершенно очевидно, что изложенныя выше соображенія, которыми оправдывался такой способъ обложенія, не имѣютъ ничего общаго съ разумными основами финансоваго обложенія: платить налоги населеніе можетъ только изъ того дохода, который у него остается свободнымъ за покрытіемъ его насущнѣйшихъ потребностей; между тѣмъ надѣлъ въ одну десятину не только не оставляетъ подобнаго свободнаго дохода, но не покрываетъ и необходимыхъ потребностей, — съ одной десятины крестьянинъ, значитъ, вовсе *не можетъ ничего* платить; чѣмъ больше размѣръ надѣла, тѣмъ больше тотъ излишекъ, который остается за покрытіемъ необходимыхъ потребностей, и тѣмъ, значитъ, большую часть дохода со своего надѣла крестьянинъ могъ бы отдавать въ видѣ оброковъ и другихъ платежей. Понять принятый въ положеніяхъ 19 февраля способъ земельнаго обложенія можно *только*, если принять въ соображеніе, что обложеніе первой десятины являлось, въ дѣйствитель-

ности, выкупомъ за личность. Но даже и при этомъ условіи такую систему обложенія приходится признать крайне неравномѣрною и неразумною: для нечерноземной полосы, гдѣ главнымъ источникомъ доходовъ населенія являются промыслы, 5 и даже 6 рублей съ первой десятины было не слишкомъ тяжелымъ обложеніемъ личности крестьянина; для черноземной полосы, гдѣ промысловъ не было, даже 4 рубля были крайне тяжелымъ обложеніемъ.

Оброкъ и выкупъ.

Формой платежей, по «положеніямъ», былъ безсрочный оброкъ, который, въ случаѣ добровольнаго соглашенія сторонъ, могъ быть замѣненъ единовременнымъ выкупомъ при содѣйствіи правительства; въ этомъ послѣднемъ случаѣ годовой оброкъ подлежалъ капитализаціи изъ 6%, т.-е. сумма годового оброка, для полученія выкупной суммы, помножалась на $16^2/_3$, и затѣмъ правительство выдавало въ ссуду 75 или 80% получившейся суммы; эта выкупная ссуда выдавалась непосредственно помѣщику, въ видѣ, притомъ, не денегъ, а особыхъ кредитныхъ бумагъ, такъ называемыхъ выкупныхъ свидѣтельствъ, и затѣмъ подлежала выплатѣ крестьянами въ теченіе 49 лѣтъ, ежегодными платежами въ размѣрѣ 6% съ общей суммы ссуды, изъ которыхъ $^1/_2$% предназначались въ возмѣщеніе расходовъ казны по веденію выкупной операціи, остальные же $5^1/_2$% составляли ростъ и погашеніе долга. Помѣщику, однако, предоставлялось требовать перевода крестьянъ на выкупъ и помимо ихъ согласія, — въ такомъ случаѣ помѣщикъ долженъ былъ ограничиться тѣми 75—80% выкупной суммы, которые выдавались въ ссуду казною, и терялъ право на доплату остальныхъ 20 — 25% со стороны крестьянъ.

Впослѣдствіи, въ 1882 году, добровольный выкупъ оброчной подати былъ замѣненъ обязательнымъ выкупомъ. Мнѣ нѣтъ, однако, надобности останавливаться здѣсь на этой позднѣйшей реформѣ крестьянскихъ платежей, потому что насъ занимаютъ въ данную минуту тѣ условія, на которыхъ состоялся въ 1861 году выходъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на волю, и роль правительства и помѣстнаго класса при установленіи этихъ условій. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ напомнить, что замѣна непрерывно уплачиваемаго крестьянами оброка единовременнымъ выкупомъ была въ интересахъ помѣщиковъ, преимущественно, нечерноземной полосы, для которыхъ выкупная операція была равносильна вынужденной для покупщиковъ-крестьянъ

продажѣ, по чрезмѣрнымъ цѣнамъ, безплодной и малоцѣнной земли,—вотъ почему во всей нечерноземной полосѣ преобладалъ выкупъ по требованію помѣщика, хотя помѣщики при этомъ лишались, какъ мы видѣли, права на крестьянскія доплаты, т.-е. теряли пятую или четвертую часть всей выкупной суммы. Очевидно, что и остальныя $^3/_4$ или $^4/_5$ были болѣе чѣмъ достаточною продажною цѣной за помѣщичьи земли нечерноземной полосы. Но и независимо отъ этого, соглашаться на выкупъ и даже требовать выкупа побуждали помѣщиковъ два другихъ обстоятельства: крайняя нужда въ оборотныхъ средствахъ, чтобы организовать хозяйство на вольнонаемномъ трудѣ, и большіе долги, лежавшіе на помѣщичьихъ земляхъ: изъ 748 милл. рублей выкупной ссуды на погашеніе долговъ пошло 302 милліона рублей. Но *это* обстоятельство, конечно, было выгодно для крестьянъ, такъ какъ заставляло помѣщиковъ соглашаться на выкупъ на сравнительно легкихъ для крестьянъ условіяхъ, т.-е. безъ доплатъ къ выдававшимся правительствомъ выкупнымъ ссудамъ.

Общій выводъ. Таковы существеннѣйшія, съ занимающей насъ точки зрѣнія, условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, сопровождавшаго ихъ освобожденіе. Общій выводъ изъ изложеннаго сводится къ тому, что крестьянская реформа, какъ она вылилась въ положеніяхъ 19 февраля 1861 года, была результатомъ упорной борьбы правительства съ помѣщичьимъ классомъ, который, благодаря своему вліянію, успѣлъ вынудить въ свою пользу цѣлый рядъ существенныхъ уступокъ и на урѣзкѣ крестьянскихъ надѣловъ, и на увеличеніи крестьянскихъ платежей. «Реформа въ томъ видѣ, какъ она совершилась, явилась компромиссомъ между владѣльцами, желавшими освобожденія крестьянъ безъ земли или съ завѣдомо недостаточными надѣлами, и тѣми, которые находили, что цѣль реформы заключается въ созданіи у насъ класса не только лично свободныхъ, но и экономически-самостоятельныхъ поселянъ-собственниковъ». Пройдя посерединѣ, «положенія 19 февраля создали классъ поселянъ-собственниковъ, частью недостаточно надѣленныхъ землею и поэтому оказавшихся, по освобожденіи, въ болѣе или менѣе тяжелой зависимости отъ того же владѣльческаго класса, отъ котораго юридически освободила ихъ реформа» (Мануиловъ).

Однако, если искать корней, первопричины современнаго аграр-

наго кризиса въ условіяхъ поземельнаго устройства крестьянъ, то это будетъ правильно, какъ отмѣчаетъ и проф. Мануиловъ, лишь для «значительной части» крестьянъ. «Отрѣзки,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ,—вѣдь были не вездѣ, многіе крестьяне получили полностью пахотныя и сѣнокосныя земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; нѣкоторые получили даже прибавку къ своему до-реформенному надѣлу. Почему же вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ остается закрѣпощенной?».

И это справедливо даже для помѣщичьихъ крестьянъ. Даже и по отношенію къ нимъ лишь съ большою осторожностью можно говорить объ условіяхъ надѣленія землею по положеніямъ 19 февраля, какъ объ основной причинѣ переживаемаго ими кризиса. Тѣмъ болѣе рѣчи не можетъ быть объ этомъ по отношенію къ бывшимъ государственнымъ и удѣльнымъ крестьянамъ. Поземельное устройство тѣхъ и другихъ, также сопровождавшее переводъ ихъ на свободное положеніе, послѣдовало внѣ всякой зависимости отъ вліянія владѣльческаго класса, который вѣдь не былъ заинтересованъ въ условіяхъ надѣленія этихъ группъ крестьянъ,—и потому реформа не только не понизила, но въ общемъ скорѣе повысила ихъ земельное обезпеченіе.

Удѣльные крестьяне.

Удѣльные крестьяне получили личную свободу еще въ 1858 году, когда имъ были дарованы права «свободныхъ сельскихъ сословій». Основанія ихъ поземельнаго устройства были установлены, первоначально, указомъ 5 марта 1861 года; основанія эти были, въ общемъ, тѣ же, что и для бывшихъ помѣщичьихъ,—установленъ былъ только льготный пятилѣтній срокъ, въ продолженіе котораго крестьянамъ предоставлялось сохранять во временное пользованье тѣ угодья, которыя, какъ излишнія сверхъ установленныхъ нормъ, подлежали отрѣзкѣ въ распоряженіе удѣла. 23 іюня 1863 года было издано окончательно выработанное, полное положеніе о надѣленіи землею бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Оно содержало значительныя отклоненія отъ началъ, указанныхъ въ указѣ 5 марта 1861 года,—отклоненія исключительно *въ пользу крестьянъ* и въ ущербъ удѣльному вѣдомству, какъ владѣльцу земли. Утвержденію этого новаго положенія предшествовалъ рядъ проектовъ, каждый изъ которыхъ содержалъ болѣе или менѣе существенныя уступки интересамъ крестьянъ, самое же положеніе представляетъ «наиболѣе полное торжество гуманныхъ началъ

крестьянской реформы»; «интересы крестьянъ ни въ чемъ не жертвуются въ пользу матеріальныхъ интересовъ удѣла» (Ходскій), крестьянамъ отводятся въ надѣлъ всѣ состоящія въ ихъ пользованіи земли, безъ какихъ бы то ни было отрѣзокъ, съ обязательнымъ выкупомъ у удѣльнаго вѣдомства. Начало обязательнаго выкупа, такимъ образомъ, впервые получило осуществленіе именно у удѣльныхъ крестьянъ; самый размѣръ выкупныхъ платежей былъ опредѣленъ безъ какого-либо увеличенія противъ плативщихся удѣльными крестьянами оброчныхъ платежей,—удѣльное вѣдомство только обезпечило себѣ исправное ихъ полученіе: оно получало выкупные непосредственно отъ казны, и уже казна должна была взимать платежи съ крестьянъ.

Государственные крестьяне.

Еще болѣе благопріятными были условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ крестьянъ: «надѣленіе государственныхъ крестьянъ не встрѣтило той оппозиціи, съ которою приходилось имѣть дѣло при опредѣленіи размѣровъ надѣла помѣщичьихъ крестьянъ, и потому устроившая ихъ бытъ реформа 24 ноября 1866 года въ гораздо большей степени послужила дѣлу народнаго благосостоянія, нежели реформа 19 февраля (1861 года),—она въ гораздо большей степени осуществила идею обезпеченія крестьянъ землею» (Иванюковъ).

Еще уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, дѣйствовавшій въ то время, когда государственные крестьяне были въ личной зависимости отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, установилъ для надѣленія государственныхъ крестьянъ нормы въ 8 и 15 дес. на ревизскую душу; первую для малоземельныхъ, вторую для многоземельныхъ мѣстностей. На основаніи этихъ нормъ было произведено надѣленіе государственныхъ крестьянъ во всей средней полосѣ Россіи, а также въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ: въ первую очередь производилось дополнительное надѣленіе землею тѣхъ изъ государственныхъ крестьянъ, которые имѣли менѣе $2^1/_2$, потомъ—имѣвшихъ отъ $2^1/_2$ до 5 дес., потомъ всѣхъ остальныхъ, кому не хватало до нормы; всѣмъ имъ отводилась земля либо изъ свободныхъ дачъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, либо изъ излишковъ, которые отрѣзывались отъ многоземельныхъ казенныхъ селеній; если земли на мѣстѣ не хватало, всѣмъ малоземельнымъ въ той же, только что указанной, постепенности

предоставлялось право на переселеніе на свободныя государственныя земли другихъ мѣстностей, при широкомъ и правильно организованномъ содѣйствіи правительства. Оброчные платежи при первомъ министрѣ государственныхъ имуществъ, П. Д. Киселевѣ, который былъ создателемъ всей этой широкой системы поземельной и переселенческой политики, были очень умѣренны; его преемникъ, извѣстный М. Н. Муравьевъ, бывшій потомъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ въ эпоху польскаго возстанія, исходилъ въ своей политикѣ изъ другихъ цѣлей и въ особенности изъ стремленія къ увеличенію доходовъ казны, и во время его управленія вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ послѣдовало значительное повышеніе платежей государственныхъ крестьянъ: по пяти губерніямъ, напримѣръ, платившимъ до Муравьева 1.822.000 р., платежи государственныхъ крестьянъ были возвышены до 2.939.000 рублей.

Въ 1863 году были высочайше утверждены «основанія поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ». Эти основанія «дѣйствительно согласованы съ основаніями положенія 19 февраля и отличаются совершенною ясностью и опредѣленностью»; и послѣдовательнымъ развитіемъ этихъ основаній явился землеустроительный законъ 24 ноября 1866 года. По силѣ этого закона бывшіе государственные крестьяне вездѣ, гдѣ имъ ранѣе были отведены надѣлы, сохраняютъ всѣ отведенныя имъ въ надѣльное пользованіе земли. Гдѣ отвода надѣловъ ранѣе не послѣдовало (въ сѣв. и сѣв.-вост. губерніяхъ), надѣлы отводятся имъ по соразмѣрности съ существующимъ пользованіемъ, не свыше, однако, тѣхъ же 8 и 15-десятинной нормъ; особыми инструкціями, также имѣвшими силу закона, былъ подробно установленъ способъ опредѣленія «существующаго пользованія», причемъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существовало переложное хозяйство, крестьянамъ было предоставлено право получать въ надѣлъ не только дѣйствительно состоящія въ ихъ пользованіи земли, но и необходимое количество цѣлинной или залежной земли для веденія переложнаго хозяйства, хотя бы при этомъ общій размѣръ отводимаго надѣла и получался болѣе 15 десятинъ; крестьянамъ, дѣйствительное пользованіе которыхъ не достигало нормы, было предоставлено право на полученіе дополнительнаго надѣла, при недостаткѣ же въ данной мѣстности свободныхъ казенныхъ земель — право на переселеніе на сво-

бодныя казенныя земли другихъ мѣстностей. За отводимые имъ надѣлы крестьяне должны были, по закону 1866 года, платить оброчную подать, размѣры которой установлялись первоначально на 20 лѣтъ и по истеченіи этого срока могли подлежать повышенію; оброчная подать могла, по желанію крестьянъ, подлежать выкупу, но условія этого послѣдняго были крайне затруднительны, ибо законъ требовалъ единовременнаго взноса всей выкупной суммы, безъ какого-либо содѣйствія выкупу со стороны правительства.

Способъ отвода надѣла.

Чтобы покончить съ вопросомъ объ основаніяхъ поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о *способахъ отвода* надѣловъ, практиковавшихся въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, въ особенности Вологодской, Костромской и Вятской: по закону, какъ я упоминалъ, отводу въ надѣлъ подлежало «существующее пользованіе»; подъ такимъ пользованіемъ разумѣлись такъ называемыя «постоянныя угодья», т.-е. пашни, передѣляемые и подворные покосы и т. п. Между тѣмъ угодья постояннаго пользованія крестьянъ сѣверныхъ губерній, въ значительной своей части, либо вклиниваются длинными и узкими полосами въ окружающіе крестьянскія поселенія казенные и удѣльные лѣса, либо разбросаны среди этихъ лѣсовъ мелкими клочками, совершенно оторванными отъ селеній и «починковъ». При такомъ расположеніи угодій отводъ надѣловъ по принципу сохраненія существующаго пользованія приводилъ къ крайней чрезполосности и длинноземелью и такимъ образомъ создавалъ, съ одной стороны, существенныя неудобства для самихъ крестьянъ и ихъ хозяйства, а съ другой—обезцѣнивалъ огромныя пространства казенныхъ (или удѣльныхъ) земель, изрѣзанныя крестьянскими угодьями; обезцѣнивалъ въ томъ смыслѣ, что лишенныя покосовъ, отрѣзанныя отъ воды, эти пространства становились совершенно недоступными для дальнѣйшаго заселенія. Во многихъ случаяхъ, однако, крестьяне отказывались принимать въ надѣлъ эти чрезполосно расположенные клочки и ленты покосныхъ и всякихъ иныхъ угодій, разсчитывая на болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ пользоваться ими на правахъ арендаторовъ; бывало и такъ, что не въ мѣру ретивые чиновники казны или удѣла, лѣсничіе и т. п., не ожидая конца поземельно-

устроительныхъ работъ, зачисляли эти угодья въ оброчныя статьи; въ такомъ случаѣ надѣлы получались недостаточно обезпеченные необходимыми угодьями, въ особенности покосами, а крестьяне оказывались въ положеніи вынужденныхъ арендаторовъ этихъ угодій у казны или удѣла.

Сравненіе съ бывшими помѣщичьими крестьянами.

Въ общемъ однако — повторяю — условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были несравненно болѣе благопріятны, чѣмъ условія поземельнаго устройства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: въ то время, какъ послѣдніе получили, въ среднемъ выводѣ для всей Россіи, по 3,2 дес. на ревизскую душу, бывшіе удѣльные получили кругомъ по 4,9 дес., значитъ, въ полтора раза больше, бывшіе государственные—по 6,7 дес., вдвое больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Если, въ частности, остановиться на бывшихъ удѣльныхъ крестьянахъ, то окажется, что при отводѣ имъ надѣловъ по положенію 23 іюня 1863 г. землепользованіе ихъ увеличилось по всѣмъ губерніямъ, кромѣ Симбирской; въ общемъ итогѣ по 18 губерніямъ средняя земельная обезпеченность удѣльныхъ крестьянъ возросла послѣ надѣленія съ 4,2 до 4,8 дес. на ревизскую душу. По нѣкоторымъ губерніямъ, именно, Петербургской, Московской, Калужской, Нижегородской, бывшіе удѣльные получили, правда, нѣсколько меньше земли, чѣмъ бывшіе помѣщичьи; напр., по Московской первые получили $2^1/_4$, вторые—2,9 дес.; по Калужской первые получили 2,9, вторые — 3,4 дес. Но по большинству губерній средній надѣлъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ оказался значительно больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; такъ, средній надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Тверской губерніи составлялъ 4 дес., бывшихъ удѣльныхъ 5,7 дес.; въ Новгородской губ. первые получили въ среднемъ 5,6, вторые 6,3—дес., въ Вятской первые — 3,3 дес., вторые—5,7 дес. Что касается до бывшихъ государственныхъ крестьянъ, то только въ губерніяхъ Ярославской и Тверской они получили, въ среднемъ, столько же земли, сколько бывшіе помѣщичьи; во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ они получили больше, въ нѣкоторыхъ — значительно больше, чѣмъ помѣщичьи; такъ, въ Калужской губерніи послѣдніе получили въ среднемъ по 3,4, бывшіе государственные—по 4,3 дес., въ Костромской—4,8 и 5,7 дес., въ Петербургской—4,7 и 7,5 дес., въ Вятской—3,3 и

и 9,5 десятинъ. Къ тому же бывшіе государственные крестьяне, кромѣ земельнаго надѣла въ указанныхъ выше размѣрахъ, получали еще лѣсной надѣлъ, какого бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ не полагалось вовсе.

Что касается до оброчныхъ платежей, то въ среднемъ выводѣ для всей Россіи на десятину падало: у бывшихъ помѣщичьихъ 1 р. 31 к., у бывшихъ государственныхъ 83 копейки, такъ что разница между платежами тѣхъ и другихъ достигала 58%; по отдѣльнымъ губерніямъ эта разница была еще гораздо болѣе рѣзкою, достигая, напримѣръ, по Ставропольской губерніи 207%,—значитъ, платежи помѣщичьихъ крестьянъ въ этой губерніи были втрое выше, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ; въ Самарской разница 142%, въ Оренбургской, Херсонской и Екатеринославской 88—98%, въ Вятской и Вологодской 70—71% и т. д.

ъ о стетаточноестьянадѣловъ.

Для того, чтобы составить себѣ точное и опредѣленное сужденіе о степени достаточности надѣленія крестьянъ разныхъ категорій, необходимо было бы, строго говоря, располагать данными о нормально-необходимыхъ размѣрахъ надѣленія крестьянъ. Мы видѣли, что редакціонныя комиссіи, вырабатывавшія положенія 19 февраля, признали задачу выработки такого рода нормъ неразрѣшимою, и вопросъ о такихъ нормахъ остался неразрѣшеннымъ и до настоящаго времени: мы и теперь не можемъ и, вѣроятно, никогда не сможемъ *точно* и *достовѣрно* опредѣлить, какое количество земли можно признать за нормально-необходимое. И вотъ, чтобы выяснить степень сравнительной обезпеченности землею различныхъ группъ крестьянства, проф. Ходскій обратился къ такому пріему.

Вычисленія проф. Ходскаго.

Онъ принялъ за доказанное, что казна, какъ землевладѣлецъ, стремившійся къ наиболѣе полному использованію своихъ земель, надѣляла крестьянъ землею въ количествѣ, въ общемъ соотвѣтствующемъ ихъ рабочей силѣ, а потому призналъ возможнымъ принять за трудовую норму (т.-е. за количество земли, достаточное для использованія всей рабочей силы крестьянской семьи) среднее въ каждой губерніи количество земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; надѣлы, соотвѣтствующіе этой, приблизительно-вычисленной, рабочей нормѣ, онъ призналъ *достаточными,* превышающіе ее—*избыточными,* не достигающіе этой нормы—*недостаточными.* А затѣмъ, подсчитавъ

число ревизскихъ душъ въ селеніяхъ съ различными размѣрами надѣла, проф. Ходскій вычислилъ, что *избыточно* (т.-е. свыше трудовой нормы) надѣленные составляютъ среди бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ 50,7%, среди бывшихъ помѣщичьихъ 13,9%; 35,6% первыхъ и 43,5% вторыхъ получили *достаточные*, 13,7% первыхъ и 42,6% вторыхъ—*недостаточные* надѣлы; иначе сказать, половина бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ получила избыточные, треть—достаточные, одна седьмая—недостаточные надѣлы; изъ бывшихъ владѣльческихъ недостаточные надѣлы получили немного болѣе двухъ пятыхъ; приблизительно такое же число крестьянъ получило достаточные, а около одной седьмой—избыточные, превышающіе трудовую норму надѣлы; *достаточнымъ* и *болѣе чѣмъ достаточнымъ* является такимъ образомъ, по вычисленіямъ проф. Ходскаго, земельное обезпеченіе шести седьмыхъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ и почти трехъ пятыхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Выводы Янсона.

Еще раньше проф. Ходскаго, въ концѣ 70-хъ годовъ, вопросъ о степени достаточности крестьянскихъ надѣловъ и посильности крестьянскихъ платежей былъ подвергнутъ подробному разбору въ извѣстномъ трудѣ проф. Янсона: «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». Въ виду того громаднаго вліянія, которое имѣла въ свое время работа Янсона на общественное мнѣніе, я считаю необходимымъ съ извѣстною подробностью изложить, подлинными словами автора, его окончательные выводы.

По всѣмъ 12 губерніямъ нечерноземной великорусской полосы, по Янсону, «не только надѣлы, но и вся обрабатываемая крестьянами земля въ иныхъ случаяхъ можетъ только прокормить ихъ, не покрывая другихъ потребностей крестьянскаго хозяйства, въ большинствѣ же и прокормить ихъ не въ состояніи. На тощей почвѣ, требующей сильнаго удобренія, душевой надѣлъ, чтобы обезпечивать продовольствіе семьи, и притомъ, если земля не очень ужъ плоха, не можетъ быть менѣе 8 десятинъ. Средніе надѣлы даже у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ они въ половину менѣе», а между тѣмъ «за прокормленіемъ остается еще уплата податей и оброковъ». Для черноземной полосы надѣлъ съ усадьбой и выпускомъ «не можетъ быть менѣе 10 десятинъ или 5

десятинъ въ душевомъ надѣлѣ; при такомъ надѣлѣ почти не можетъ быть, за покрытіемъ потребности въ кормовыхъ средствахъ, никакихъ избытковъ—на необходимые расходы не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей»; ясно, что «не только средніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающіе вообще трехъ десятинъ, но и высшіе ихъ надѣлы, въ 3—3½ дес., даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ, не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенія. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины, а особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средней по губерніи и низшіе по губерніи? А такихъ въ трехпольной черноземной полосѣ почти половина, а мѣстами и большинство». Въ результатѣ «въ 74,5%, значитъ, въ трехъ четвертяхъ уѣздовъ, сѣверной части черноземной полосы всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне не могутъ получать со своихъ надѣловъ даже насущнаго хлѣба, а въ остальныхъ 25,5%, или одной четверти уѣздовъ, въ такомъ положеніи находится значительная часть этихъ крестьянъ»; а что касается до крестьянъ на низшемъ надѣлѣ, дарственниковъ и т. п., то «ихъ положеніе хуже, чѣмъ было при крѣпостномъ правѣ, когда они были, по крайности, сыты и когда помѣщикъ платилъ за нихъ подати. Если стать исключительно на точку зрѣнія матеріальной обезпеченности, то едва ли, впрочемъ, не всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ трехпольной черноземной полосы было легче, въ среднемъ выводѣ, при крѣпостномъ правѣ»... Платежи въ большинствѣ губерній нечерноземной полосы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ превышаютъ доходность надѣльной земли, примѣрно, въ полтора раза, у бывшихъ помѣщичьихъ на полномъ надѣлѣ—въ два и въ 2½ раза; и притомъ, замѣчаетъ Янсонъ, «доходность здѣсь величина совершенно фиктивная», не выражающая дѣйствительнаго дохода: «если земельный надѣлъ не можетъ обезпечить насущныхъ потребностей крестьянской семьи, то еще менѣе, конечно, онъ можетъ давать дѣйствительнаго дохода»; и, въ концѣ-концовъ, «вся тяжесть платежей ложится на трудъ, на заработки» крестьянъ. Въ черноземной полосѣ платежи за землю бывшихъ государственныхъ крестьянъ «составляютъ отъ 30 до 148% фиктивной доходности земли, по земскимъ оцѣнкамъ, а у бывшихъ помѣщичьихъ—отъ 24 до 124% при сред-

немъ надѣлѣ и до 200% при низшемъ; отсюда для черноземнаго крестьянина то-же стремленіе къ постороннимъ заработкамъ, не изъ желанія увеличить свое благосостояніе, а изъ нужды, чтобы прокормить, одѣть семью и уплатить подати», а между тѣмъ въ черноземной полосѣ «никакихъ заработковъ и промысловъ внѣ земледѣлія нѣтъ для громаднаго большинства крестьянъ». По всей Россіи, таково заключеніе Янсона, имѣетъ мѣсто «слабая обезпеченность хозяйственнаго быта крестьянъ, особенно въ той части, которая великимъ актомъ 1861 года призвана къ благоденствію и процвѣтанію свободнаго труда», т.-е. у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Гдѣ нѣтъ экономической обезпеченности, тамъ почти излишне дополнять картину состоянія народа изображеніемъ явленій, отъ нея зависящихъ, какъ «плохое питаніе, дурныя физическія и нравственныя условія жизни, большая болѣзненность и сильная смертность». И покойный изслѣдователь заканчивалъ внушительнымъ предостереженіемъ: «податная система и аграрное законодательство наше не могутъ долѣе оставаться въ настоящемъ видѣ безъ серьезной опасности для благоденствія и настоящаго и будущихъ поколѣній».

Въ качествѣ такого грознаго предостереженія трудъ Янсона имѣетъ большое историческое значеніе: какъ я сказалъ, онъ оказалъ громадное вліяніе на общественное мнѣніе. Но правительство отнеслось къ предостереженіямъ Янсона безъ достаточнаго вниманія: взгляды Янсона были признаны «неблагонамѣренными», по части расширенія крестьянскаго землевладѣнія ничего, въ сущности, не было сдѣлано еще въ теченіе многихъ лѣтъ, и только пониженіе выкупныхъ платежей было непосредственнымъ практическимъ результатомъ Янсоновской работы.

Значеніе этихъ выводовъ.

Повторяю, историческое значеніе этой работы было очень велико. Тѣмъ не менѣе, выводы Янсона не могутъ быть приняты въ полномъ объемѣ. Свѣдѣнія-то были крайне не полны и далеко не всегда отличались достаточностью точностью и достовѣрностью; необходимыя данныя въ то время приходилось брать почти исключительно изъ трудовъ разныхъ офиціальныхъ комитетовъ и канцелярій, и эти свѣдѣнія были очень неточны. При расчетѣ необ-, ходимаго для нечерноземной полосы количества земли (которое какъ мы видѣли, онъ опредѣляетъ въ 8 дес.) Янсонъ принимаетъ, напримѣръ, средній урожай ржи въ самъ-3. А между тѣмъ, въ

дѣйствительности, урожайность ржи въ губерніяхъ нечерноземной полосы гораздо выше: она достигаетъ въ Калужской и Новгородской губерніяхъ самъ-4,7 и 4,8, въ Смоленской—самъ-5, въ Вологодской—самъ-5,4, въ Ярославской—самъ-6,2 и т. д. А если исправить расчеты Янсона и въ основу ихъ положить болѣе близкія къ дѣйствительности цифры урожаевъ, то, очевидно, и выводы его потребуютъ значительныхъ измѣненій, и надѣлы окажутся хотя и недостаточными для значительной части населенія нечерноземной полосы, но далеко не для такой большой части и далеко не въ такой большой степени, какъ выходило по вычисленіямъ Янсона. И гораздо болѣе близкими къ дѣйствительности приходится признать приведенныя выше заключенія проф. Ходскаго: значительная часть крестьянъ, особенно бывшихъ помѣщичьихъ, конечно, съ самаго начала была недостаточно обезпечена землею, но на ряду съ ними имѣется многочисленная группа крестьянъ, получившихъ достаточные и даже избыточные, превышающіе трудовую норму, надѣлы: среди бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ достаточно обезпеченные землею составляли около шести седьмыхъ, и даже среди бывшихъ помѣщичьихъ—почти три пятыхъ общаго числа.

Что касается до поземельныхъ платежей, то въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ со времени Янсона значительно измѣнилось: отчасти подъ вліяніемъ труда Янсона, были понижены сами платежи; съ другой стороны, значительно повысилась доходность земли, повысились арендныя цѣны. «Несоразмѣрность крестьянскихъ платежей за землю съ ея доходностью устранилась за 30-лѣтіе пореформенной эпохи, частью благодаря прямымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, какъ пониженіе выкупныхъ платежей, частью путемъ естественнаго экономическаго развитія Россіи, которое почти повсемѣстно повысило денежную доходность земли» (Ходскій). «Стоитъ только сопоставить современныя цифры платежей крестьянъ,—писалъ проф. Ходскій еще въ 1889 году,—съ тѣми, что находятся въ «опытѣ» Янсона, и припомнить, что подушная подать отошла въ область исторіи (она отмѣнена въ 1882 году), чтобы вопросъ о высокихъ казенныхъ платежахъ, лежащихъ на крестьянской землѣ, отпадалъ самъ собою...» Возраженія собственно противъ выкупныхъ платежей основываются не столько на несоразмѣрной ихъ высотѣ, сколько на чисто принципіальныхъ соображеніяхъ; земельные платежи

крестьянъ могутъ показаться значительными, только если сравнивать ихъ съ платежами крупныхъ владѣльцевъ. Если же дѣйствительно можно говорить о тягости обложенія крестьянъ, то эта тягость является послѣдствіемъ не высоты поземельнаго обложенія, а всей вообще нашей финансовой системы, налагающей все бремя прямыхъ и косвенныхъ налоговъ на народныя массы, и крайне низкаго экономическаго уровня этихъ массъ.

Пособія. Сборникъ «Аграрный вопросъ», изд. Петрункевича и кн. Долгорукова, т. I, ст. *Мануилова* «Поземельный вопросъ въ Россіи».—Сборникъ «Крестьянскій строй», изд. кн. Долгорукова и Шаховского, статьи *Семевскаго* и *Корнилова*.—Энциклопедическій словарь Брокгауза-Эфрона, полут. 32, ст. «Крестьяне» *(П. Н. Милюкова)*. Статьи подъ тѣмъ же заглавіемъ въ «Новомъ Энцикл. Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (*А. А. Корнилова*) и въ «Энц. Словарѣ» бр. Гранатъ, 7-е изданіе (*В. И. Семевскаго*).—*Янсонъ*. «Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ».—*Ходскій*. «Земля и земледѣлецъ», т. II, гл. обр., главы 2, 3, 6, 8, 9, 11.—*Иванюковъ*. «Паденіе крѣпостного права».

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Современное положеніе крестьянъ и ихъ земельныя отношенія.

Мы видѣли въ предыдущей лекціи, что земельное обезпеченіе, полученное крестьянами разныхъ категорій, было весьма неравномѣрно: наряду съ многочисленными, особенно среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, малоземельными элементами, значительная часть крестьянъ, особенно среди бывшихъ удѣльныхъ и государственныхъ, получила при освобожденіи отъ личной зависимости вполнѣ достаточное земельное обезпеченіе.

Вліяніе прироста населенія.

Но это земельное обезпеченіе, если и было достаточнымъ для извѣстной части крестьянства, то оно было достаточнымъ *для того населенія, какое имѣлось налицо въ 60-хъ годахъ*. Съ тѣхъ поръ «народу умножилось»,—населеніе непрерывно росло. Сельское населеніе 50 губерній Европейской Россіи, не превышавшее въ 60-хъ годахъ 50 милліоновъ, къ 1900 году достигало 86 милліоновъ, къ 1 января 1914 года уже 103 милліоновъ душъ. Росло населеніе—значитъ, на душу населенія становилось все меньше земли: кругомъ на ревизскую душу приходилось у крестьянъ всѣхъ трехъ разрядовъ по 4,8 десятинъ; на наличную душу мужескаго пола приходилось въ 1880 году уже только 3,5 дес., въ 1900 г.—только 2,6 дес.; теперь на наличную душу приходится, приблизительно, двѣ дес.,—во всякомъ случаѣ уже менѣе половины того, что было по расчету на ревизскія души во время надѣленія крестьянъ. Если взять отдѣльные районы, въ которыхъ приростъ населенія былъ далеко не одинаковъ, то мы увидимъ, что въ юго-восточныхъ губерніяхъ на ревизскую душу приходилось

4,1 дес., на наличную душу 1900 года—2,2 дес.; по другимъ районамъ среднее на ревизскую душу и на душу 1900 года земельное обезпеченіе выражалось въ такихъ цифрахъ: для среднеземледѣльческаго 3,0 и 1,7, для малороссійскаго 3,3 и 1,7, для средне-промышленнаго (подмосковнаго) 4,0 и 2,6, для сѣверо-западнаго 5,0 и 2,2, для новороссійскаго 6,2 и 2,5, для юго-восточнаго 8,4 и 3,5,—по ряду районовъ средняя земельная обезпеченность крестьянъ сократилась, значитъ, вдвое или нѣсколько меньше, чѣмъ вдвое, по ряду другихъ районовъ—въ $2^1/_2$, можетъ быть и въ три раза.

Весьма важно при этомъ, что вѣдь приростъ населенія не былъ одинаковымъ у всѣхъ группъ земледѣльческаго населенія: по даннымъ, собраннымъ въ концѣ 70-хъ годовъ, на каждыя 100 душъ населенія, за время съ 1858 по 1877 г., прибыло: у безземельныхъ и самыхъ малоземельныхъ, получившихъ на ревизскую душу до одной десятины,—16 душъ, у получившихъ свыше 5 дес.—почти вдвое больше, именно 30 человѣкъ. Но это значитъ, что сокращеніе земельнаго простора у многоземельныхъ крестьянъ шло еще гораздо быстрѣе, чѣмъ въ малоземельныхъ группахъ; средняя земельная обезпеченность многоземельныхъ группъ сократилась гораздо больше, чѣмъ вдвое и въ $2^1/_2$ раза; слѣдовательно, гораздо большее, чѣмъ было бы при равномѣрномъ приростѣ, число душъ перешло изъ разряда обильно-обезпеченныхъ землею въ разрядъ обезпеченныхъ ею болѣе или менѣе скудно.

И вотъ, по отдѣльнымъ губерніямъ мы имѣемъ, напримѣръ, такія данныя.

Въ Саратовской губерніи имѣли полный указной надѣлъ, или болѣе того, при выходѣ на волю 65,3%, т.-е. почти двѣ трети крестьянъ; уже въ самые первые годы XX столѣтія, по расчету на наличную душу, имѣли полный указной надѣлъ всего 28%—немногимъ болѣе четверти; отъ трехъ четвертей до полнаго надѣла имѣли 10,7%, теперь имѣютъ 21,1%; отъ половины до трехъ четвертей полнаго надѣла имѣли 5,0, или одна двадцатая, теперь имѣютъ 26,3%, или болѣе четверти; менѣе половины указного надѣла имѣли при выходѣ на волю 19%, или около одной пятой, теперь, по расчету на наличныя души, такіе малые надѣлы имѣютъ 24,3%, или почти одна четверть всѣхъ крестьянъ губерніи.

Въ Симбирской губерніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ

на душу обоего пола приходилось земли: въ 1861 году по 2,6 дес., въ 1900 г. уже только 0,9 дес.; у бывшихъ удѣльныхъ средняя земельная обезпеченность упала съ 4,2 до 1,3 дес., у бывшихъ государственныхъ съ 4,3 до 1,3 дес., благодаря большему приросту лучше обезпеченныхъ землею группъ населенія; гораздо лучше надѣленные землею бывшіе государственные и удѣльные крестьяне въ настоящее время немногимъ лучше обезпечены землею, нежели бывшіе помѣщичьи.

Въ Курской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе высшій надѣлъ, по $2^{3}/_{4}$ дес. на ревизскую душу, теперь имѣютъ не болѣе десятины на наличную душу; у дарственниковъ приходится на наличную душу не болѣе 0,3—0,4 дес.,—чуть не весь надѣлъ ихъ занятъ усадьбою и пріусадебной землею, и почти ничего не остается для того, чтобы пропитаться и выработать деньги на повинности.

И при этомъ—многочисленные совершенно безземельные элементы: въ Херсонской губерніи безземельныхъ свыше 200 тыс., въ Самарской—50 или 60 тыс., въ Псковскомъ уѣздѣ они составляютъ около одной пятой, въ южныхъ, такъ называемыхъ крымскихъ, уѣздахъ Таврической губерніи—даже цѣлую половину всего сельскаго населенія, не говоря уже о прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ поземельныя отношенія имѣютъ совершенно особый характеръ: въ Курляндской губерніи, напримѣръ, безземельныхъ насчитывается свыше 250 тысячъ или болѣе половины всего крестьянскаго населенія.

Малоземелье, какъ основная причина нужды.

Въ этомъ безземельѣ и малоземельѣ, частью создавшемся уже въ самый моментъ выхода крестьянъ на волю, частью обусловленномъ громаднымъ приростомъ населенія, совершенно естественно искать главную причину бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства; это,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ, «не просто одна изъ причинъ упадка сельскохозяйственнаго промысла, но она является главною причиной, и непремѣнно главною»; у крестьянъ «мало во владѣніи земли, и никакіе палліативы помочь этому горю не въ силахъ; одно только и есть коренное улучшеніе—это дать въ достаточномъ количествѣ землю». Насколько вѣренъ этотъ взглядъ—дѣйствительно ли въ малоземельѣ можно видѣть главную причину нашего аграрнаго кризиса, дѣйствительно ли дать землю—единственное коренное улучшеніе,—это мы увидимъ

въ дальнѣйшихъ лекціяхъ [1]). Пока для насъ достаточно отмѣтить *самый фактъ* малоземелья.

Измѣненія производительности земли.

Но вѣдь земля землѣ рознь, очень различна можетъ быть и доходность земли вмѣстѣ съ ея производительностью; и, можетъ быть, по мѣрѣ того, какъ сокращалась площадь надѣльной земли, падающая на душу наличнаго населенія, возрастала ея производительность и доходность? Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ, потому что вѣдь ясно, что полторы десятины, дающія, скажемъ, по сто рублей дохода, гораздо лучше обезпечатъ крестьянина, чѣмъ три десятины, дающія по 30 или по 20 рублей.

На первый взглядъ отвѣтъ на этотъ вопросъ кажется совершенно яснымъ: конечно, нѣтъ!.. Вѣдь характеръ крестьянскаго хозяйства, способы обработки земли во всемъ существенномъ остались тѣ же, какіе были въ моментъ выхода крестьянъ на волю. Въ залежной, южной и юго-восточной полосѣ Россіи ведется все тоже переложное хозяйство, которое, подъ вліяніемъ «утѣсненія», все болѣе вырождается въ простое «пестрополье»: земля получаетъ все меньше и меньше отдыха, все сильнѣе истощается непрерывными посѣвами, и притомъ посѣвами все однихъ и тѣхъ-же зерновыхъ хлѣбовъ. Въ трехпольной полосѣ, гдѣ хозяйство только и могло бы хорошо итти при достаточномъ количествѣ луговъ и выгоновъ, распахивается все большая и большая доля надѣльныхъ земель,—во многихъ изъ центральныхъ губерній распахано уже четыре пятыхъ всей надѣльной площади и даже еще больше; но при такихъ условіяхъ нечѣмъ кормить скотъ, нечѣмъ, значитъ, и удобрять землю. Вообще, «чѣмъ мельче землевладѣніе, тѣмъ больше земли отводится подъ пашню, и въ пашнѣ подъ продовольственные хлѣба,— слѣдовательно, тѣмъ болѣе усиливается несоотвѣтствіе между размѣрами пищевой и кормовой площади»; это, «въ связи съ усушкой почвы, вслѣдствіе усиленной распашки, отражается крайне неблагопріятно на урожайности и ведетъ къ истощенію почвы» (Сосновскій).

Могла ли при такихъ условіяхъ возрастать урожайность крестьянскихъ земель? Казалось бы, ни въ какомъ случаѣ. А между тѣмъ, какъ это ни неожиданно, нѣкоторое повышеніе урожай-

---

[1]) См. 2-ю часть этого курса, лекція 4-я.

ности все-таки замѣчается. Если взять среднія для всѣхъ хлѣбовъ цифры урожайности на крестьянскихъ земляхъ, то окажется, что за десятилѣтіе 1861—1870 гг. средняя по 50 губерніямъ урожайность выражалась въ цифрѣ 29 пудовъ; въ слѣдующія три десятилѣтія средняя урожайность была 31, 34 и 39 пудовъ, за десятилѣтіе 1901—1910 гг.—даже 43 пуда; средняя урожайность крестьянскихъ земель возрасла, значитъ, почти въ полтора раза. Возрастаніе урожайности наблюдается, какъ это ни удивительно, по всѣмъ безъ исключенія районамъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ—именно по всему востоку—оно очень невелико: такъ, въ нижневолжскомъ районѣ средній урожай за десятилѣтіе 1861—1870 гг. былъ 24 п., за десятилѣтіе 1901 – 1910 гг.—30 пудовъ, въ средневолжскихъ губерніяхъ средняя урожайность за первое и за послѣднее десятилѣтія была 31 и 39 пуд., въ центрально-черноземныхъ—34 и 35 пудовъ. Въ другихъ районахъ возрастаніе урожайности болѣе значительно: такъ, въ малороссійскомъ районѣ средняя урожайность возросла съ 25 до 46 пуд., въ юго-западномъ—съ 31 до 64 пуд.,—по обоимъ районамъ, значитъ, приблизительно вдвое; для новороссійскаго района средняя урожайность возросла тоже почти вдвое—съ 20 до 39 пудовъ.

Итакъ, повышеніе урожайности нигдѣ не угналось—и *далеко* не угналось—за ростомъ населенія. Но, скажетъ читатель, вѣдь не въ одномъ только ростѣ урожайности дѣло. Вѣдь съ ростомъ населенія росли и запашки, и повышеніе урожайности вмѣстѣ съ ростомъ запашки *должно* было дать все то количество хлѣба, какое требуется для возросшаго населенія. Въ дѣйствительности это не такъ, или не совсѣмъ такъ. Общая по 50 губерніямъ коренной Россіи площадь пашни около времени освобожденія крестьянъ была около 82 милліоновъ десятинъ, по земельной статистикѣ 1881 года 114, по изслѣдованію 1887 года—124 милліона десятинъ. Съ тѣхъ поръ земельныхъ обслѣдованій съ учетомъ *пашни* не было, а собирались свѣдѣнія только о площадяхъ *подъ посѣвомъ*. По тѣмъ же 50 губерніямъ общая площадь подъ посѣвами въ среднемъ за пятилѣтіе 1901—1905 гг. опредѣлялась въ 74 милліона, за пятилѣтіе 1906—1910 гг. въ 75 мил., за трехлѣтіе 1911—1913 гг.—въ 77 милліоновъ десятинъ,—значитъ, если включить площади подъ паромъ, толокой, залежей и т. п., всѣ эти цифры *посѣвовъ* соотвѣтствуютъ, приблизительно, общей площади *пашни* около 115—120 милліоновъ десятинъ.

Очень можетъ быть, что эти, болѣе новыя, цифры *менѣе* близки къ дѣйствительности, чѣмъ болѣе старыя, и что въ дѣйствительности площадь подъ посѣвами и подъ пашней на нѣсколько милліоновъ десятинъ больше. Но и въ такомъ случаѣ окажется, что запашки за послѣднія, приблизительно, 30 лѣтъ, если и возрасли, то, во всякомъ случаѣ очень не на много. При этомъ въ различныхъ частяхъ Россіи дѣло, въ этомъ отношеніи, обстояло очень различно. Дѣло въ томъ, что самыя условія земледѣльческаго хозяйства въ центральныхъ, густо-населенныхъ губерніяхъ, не тѣ, что на сравнительно рѣдко населенномъ югѣ и особенно юго-востокѣ, не тѣ, что на сѣверѣ или на бѣлорусскомъ сѣверо-западѣ. И вотъ, на сѣверо-востокѣ и на югѣ, гдѣ населеніе еще могло распахивать степи или расчищать лѣса, также и на западѣ, посѣвныя площади, за время съ 1887 по 1905 годъ, увеличились: въ сѣверномъ районѣ на 20%, или на одну пятую, въ новороссійскомъ даже на цѣлую четверть, на востокѣ и на западѣ на 10—12%. Напротивъ, во всемъ черноземномъ центрѣ, въ Малороссіи и на сѣверо-востокѣ, размѣры посѣвныхъ площадей не возрасли вовсе или увеличились лишь на ничтожную долю, въ московской же промышленной области, въ черноземномъ центрѣ и въ среднемъ Поволжьѣ площадь подъ посѣвами даже *сократилась,*—сократилась подъ вліяніемъ того переживаемаго крестьянскимъ хозяйствомъ кризиса, о которомъ мнѣ придется говорить дальше. По болѣе новымъ даннымъ, посѣвная площадь, за время между 1895 и 1912 годами, увеличилась, гдѣ больше, гдѣ меньше, въ 223 уѣздахъ изъ общаго числа 532 уѣздовъ Европейской Россіи; въ 131 уѣздѣ она осталась приблизительно такою же или же увеличилась на незначительную долю, не болѣе чѣмъ на 10%; а *въ цѣлыхъ 166 уѣздахъ* площадь подъ посѣвами не только не увеличилась, но *сократилась*, притомъ въ 39 уѣздахъ болѣе чѣмъ на 10%; изъ нихъ въ 26 уѣздахъ болѣе чѣмъ на 20%, т.-е. болѣе чѣмъ на одну пятую.

Такимъ образомъ, то необходимое для быстро растущаго населенія количество хлѣба, котораго не могло дать слишкомъ незначительное, по сравненію съ ростомъ населенія, повышеніе урожайности, не могло получиться и отъ увеличенія площади подъ хлѣбами. Общая масса производимаго хлѣба хотя и росла, но росла далеко медленнѣе, нежели росло населеніе. Понятно, что на душу населенія или на надѣльный дворъ во всѣхъ безъ

исключенія районахъ не только не возрасло, но, напротивъ, сократилось. А затѣмъ: для всякаго сельскаго хозяина земледѣльческой полосы Россіи, и въ частности для крестьянъ, важны *не только урожаи* и не только общая масса получаемаго продукта,—важны также и *хлѣбныя цѣны*.

Хлѣбныя цѣны.

Между тѣмъ, при всѣхъ случайныхъ колебаніяхъ, цѣны на хлѣбъ въ общемъ рѣзко упали [1]). Если взять среднія по пятилѣтіямъ цѣны за тридцатилѣтіе съ 1871 по 1915 годъ, то среднія цѣны ржи въ первыя три пятилѣтія окажутся 64, 74 и 86 к., за послѣднія три—58, 72 и 59 к. за пудъ; среднія цѣны овса за первыя три пятилѣтія—64, 67 и 72 к., за послѣднія три—56, 58, 57 к.; средняя цѣна пшеницы въ пятилѣтіе 1881—1885 гг. была 1 р. 7 к., въ слѣдующія три пятилѣтія—86, 85 и 82 копейки. Въ частности, въ юго-восточныхъ губерніяхъ среднія мѣстныя цѣны на пшеницу были: въ первыя три пятилѣтія 88 к., 1 р. 4 к. и 98 к., въ послѣднія три—85, 80 и 83 к.; въ юго-западныхъ губерніяхъ въ первыя три 84, 94 к. и 1 р., въ послѣднія три—82, 77 и 78 к.; въ новороссійскихъ въ первыя три пятилѣтія—1 р., 1 р. 21 к. и 1 р. 4 к., въ послѣднія три—89, 75 и 84 копейки за пудъ.

А между тѣмъ крестьянинъ земледѣльческой полосы, ведущій самостоятельное хозяйство, необходимо долженъ продать хлѣбъ и изъ продажи его выручить, сколько нужно, на подати и на всякій расходъ по дому и хозяйству; разъ цѣны упали, — значитъ, продать нужно больше, значитъ, изъ меньшаго, по расчету на душу населенія, количества собираемаго хлѣба еще того меньшая доля можетъ быть израсходована на продовольствіе семьи.

Земледѣліе и продовольственныя потребности.

Послѣдствія такого положенія вещей понятны: земледѣліе не удовлетворяетъ продовольственныхъ потребностей нашего крестьянства, или во всякомъ случаѣ удовлетворяетъ эти потребности въ весьма недостаточной степени. Вотъ цифры: въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, кругомъ, на душу потребляется хлѣба и картофеля 62 пуда въ годъ, въ Даніи—57, во Франціи—34, въ Германіи—28, въ Англіи—26½ пудовъ. У насъ, въ Россіи, *весь сборъ*, по расчету на душу земледѣльческаго населенія, не превышаетъ, въ среднемъ, 22,4 пуда. На потребленіе

[1]) Конечно, имѣется въ виду періодъ *до войны*.

нашего земледѣльческаго населенія поступаетъ, въ среднемъ, по однимъ расчетамъ 16, по другимъ — 18 пудовъ, — значитъ, гораздо меньше, чѣмъ въ странахъ, прокармливающихся покупнымъ хлѣбомъ, а главное—меньше, чѣмъ сколько, по научнымъ даннымъ, необходимо для поддержанія силы и здоровья человѣка. И притомъ, вѣдь на Западѣ или въ Америкѣ населеніе питается не однимъ хлѣбомъ или пустыми щами, какъ приходится питаться нашему крестьянину... «Надѣльныя земли, — говоритъ одинъ изслѣдователь, подробно разработавшій вопросъ о питаніи нашего крестьянства (Маресс̀ъ),—въ большинствѣ случаевъ оказываются не въ состояніи прокармливать сидящее на нихъ населеніе даже въ смыслѣ доставленія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія насущныхъ физіологическихъ потребностей; зерна, получаемаго съ надѣльной земли, недостаточно для большинства крестьянъ не только въ обыкновенные по урожаю годы, но и въ годы почти небывалаго въ Россіи урожая». Россія вывозитъ за границу сотни милліоновъ пудовъ хлѣба, русскою мукою питается нѣмецкій рабочій, а русскимъ сахаромъ откармливаютъ англійскихъ свиней. Но весь хлѣбъ, который уходитъ за границу, идетъ изъ помѣщичьихъ экономій или съ полей небольшой, зажиточной части крестьянства; «хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ»: осенью, когда приходитъ время платить подати и отдавать долги, сдѣланные за предыдущую зиму и за лѣто, до новаго урожая, «хлѣбъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣста сдачи его крестьянами; онъ ждетъ того же крестьянина, который, дѣйствительно, и приходитъ за нимъ весною и лѣтомъ и платитъ за свой же хлѣбъ двойную и тройную цѣну»; это, значитъ, на самомъ дѣлѣ *не продажа* избыточнаго хлѣба, *а закладъ* самаго необходимаго, конечно на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, за самые жестокіе, ростовщическіе проценты...

Такъ пишетъ спеціалистъ, подробно изучившій вопросъ о продовольствіи нашего крестьянства. Могутъ подумать, что онъ намѣренно изображаетъ положеніе вещей въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Но вотъ что мы читаемъ уже въ офиціальномъ изданіи—въ сводкѣ трудовъ созванныхъ въ 1902 году уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, состоявшихъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, изъ представителей чинов-

ничества и мѣстнаго дворянства: «Большинство мѣстныхъ комитетовъ и отдѣльныхъ членовъ ихъ сходится въ общемъ заключеніи относительно недостаточности крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія для обезпеченія главнѣйшихъ потребностей крестьянъ при современныхъ условіяхъ и пріемахъ сельскаго хозяйства». Въ одномъ, также официальномъ, статистическомъ изданіи сдѣланъ подсчетъ продовольственныхъ нуждъ и запасовъ нашего крестьянства по 50 губерніямъ, при чемъ въ основу этого подсчета положена крайне умѣренная продовольственная норма—20 пудовъ хлѣба на душу. И вотъ, даже при такой умѣренной и скорѣе скудной продовольственной нормѣ, избытки хлѣба получились только по тремъ районамъ: новороссійскому, 18 пуд. на душу, восточному, $5^1/_4$, и юго-восточному, $4^1/_2$ пуда на душу населенія. По всей нечерноземной полосѣ уже само собою оказался недостатокъ въ хлѣбѣ: въ сѣверномъ и пріозерномъ районахъ не хватаетъ хлѣба, кругомъ, по $10^1/_4$ пуд. на душу, въ среднемъ промышленномъ—$9^1/_4$, въ сѣверо-восточномъ—$4^1/_4$, въ сѣверо-западномъ—$7^1/_2$ пуд. на душу. Недостача хлѣба получилась и въ большей части районовъ черноземной полосы; кругомъ на душу, именно, не хватаетъ: въ юго-западномъ районѣ по 6,8 пуд., въ малороссійскомъ — 6,5, въ среднихъ приволжскихъ губерніяхъ — 4,2, въ сѣверо-восточной части центрально-земледѣльческаго района—2,3, въ юго-западной части того же района даже 8 пудовъ на душу,—въ общемъ же итогѣ для всѣхъ 50 губерній Европейской Россіи недостача продовольственнаго хлѣба составляетъ кругомъ на душу по 3,4 пуда. Далеко недостаточно и количество получаемаго овса: если принимать, кругомъ, на каждую лошадь по 40 пудовъ, то въ итогѣ для 50 губерній не хватаетъ овса 16,4 пудовъ; небольшой излишекъ овса, 6 пудовъ на лошадь, оказывается только въ сѣверо-восточномъ районѣ,—во всѣхъ остальныхъ районахъ овса недостаетъ отъ 5,8 до 34,2 пудовъ на лошадь. Въ концѣ-концовъ «для большей части русскихъ крестьянъ землепашество или не даетъ достаточно хлѣба для личнаго прокормленія, или даетъ его лишь въ количествѣ, достаточномъ для умѣреннаго личнаго потребленія, при чемъ избытковъ для прокормленія скота и на продажу не остается». Гдѣ есть избытки, они цѣликомъ вывозятся за границу, и такимъ образомъ «пополненіе крестьянами дефицита покупками возможно лишь въ весьма тѣсныхъ границахъ, такъ

какъ хлѣба для такихъ покупокъ въ государствѣ не остается» (Лохтинъ).

Что все это такъ, — что количество получаемаго въ нашей, чисто-земледѣльческой, странѣ хлѣба, этого нашего главнаго богатства, въ дѣйствительности очень незначительно, и что наши хваленые хлѣбные избытки, которыми мы кормили не только нѣмцевъ и англичанъ, но и нѣмецкихъ и англійскихъ свиней, въ дѣйствительности урывались отъ скуднаго потребленія нашего крестьянства; что это такъ,—это ясно показали событія переживаемаго нами нынѣ тяжелаго времени. Вѣдь тѣ сотни милліоновъ пудовъ хлѣба, которые вывозились, въ обыкновенное время, за границу, съ начала войны перестали вывозиться,—значитъ, могли пойти на увеличеніе потребленія нашего собственнаго, русскаго населенія. А между тѣмъ, стоило очень, правда, большой части мужского населенія перейти на положенный въ арміи усиленный хлѣбный паекъ; стоило обстоятельствамъ измѣниться такъ, что крестьянамъ уже не приходится урѣзывать себя на хлѣбѣ и, во что бы то ни стало, продавать каждый лишній и нелишній пудъ, — и хлѣба, оказалось, не хватаетъ для продовольствія городовъ, и въ городахъ мы переживаемъ голодовку. Положимъ, говорятъ, что крестьяне, просто, придерживаютъ хлѣбъ, и что въ деревенскихъ закромахъ огромные запасы. Но едва ли эти запасы и въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ велики,—и если бы деревня въ самомъ дѣлѣ производила не такое, сравнительно, малое количество хлѣба, если бы урожайность нашихъ полей была не такъ уже, до смѣшного, мала, то за прекращеніемъ вывоза хлѣба за границу его уже навѣрно должно было бы хватить и крестьянамъ про запасъ, и на армію, и на городское населеніе.

Продавать, значитъ, крестьянамъ, по-настоящему, нечего, а между тѣмъ продавать необходимо; вѣдь хозяйство теперь не такъ называемое натуральное, какъ прежде: прежде у крестьянина было все свое—и пища, и одежда, и обувь,—деньги нужны были только на подати; хлѣбъ продавали только, когда дѣйствительно былъ лишній, а остатки отъ урожая одного года очень часто доживали до другого года; кое-какъ, такимъ образомъ, и обходились своимъ хлѣбомъ. Теперь крестьянину все приходится купить—керосинъ, ситецъ, сапоги, картузъ; приходится покупать чай, сахаръ, вино и т. п., и за все приходится платить втридорога, потому что на всемъ лежатъ тяжелые пошлины и

акцизы. А между тѣмъ денегъ на все это крестьянину земледѣльческой полосы неоткуда взять иначе, какъ отъ продажи хлѣба. И вотъ, когда уродился хлѣбъ, его приходится продавать—продавать и на подати, и на уплату долговъ, и на текущіе расходы,—приходится продавать весь излишекъ сверхъ самаго необходимаго для текущаго продовольствія; никакихъ запасовъ хлѣба, такимъ образомъ, не остается, и, разъ наступаетъ неурожай, крестьянинъ встрѣчаетъ его съ пустыми руками. А сплошь и рядомъ, когда есть хлѣбъ, приходится продавать и значительную часть того, что нужно на свое продовольствіе, и потомъ приходится свое же покупать обратно. И, какъ каждый знаетъ, продавать свой хлѣбъ крестьянину приходится задешево, потому что выжидать цѣны онъ не можетъ, а покупать обратно приходится дорого, нерѣдко по двойной и тройной цѣнѣ. И чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, чѣмъ меньше у него земли, тѣмъ дешевле ему приходится продавать хлѣбъ и тѣмъ дороже онъ его покупаетъ обратно. Въ Пермской губерніи земскими статистиками собирались свѣдѣнія о цѣнахъ хлѣба при продажѣ и покупкѣ крестьянами. И вотъ оказалось, что крестьяне, засѣвающіе не свыше 5 десятинъ, продаютъ хлѣбъ, кругомъ, по 68 к., засѣвающіе отъ 5 до 15 десятинъ—по 74, засѣвающіе свыше 15 десятинъ по 79 копеекъ пудъ; покупаютъ хлѣбъ малосѣющіе, кругомъ, по 72 к., крестьяне со среднимъ посѣвомъ—по 71, многосѣющіе—по 66 копеекъ за пудъ. Малосѣющіе, т.-е. бѣднѣйшіе дворы, переплачиваютъ на каждомъ покупаемомъ пудѣ по 6 копеекъ и не дополучаютъ на каждомъ продаваемомъ пудѣ по 11 копеекъ.

Не хватаетъ или едва хватаетъ хлѣба крестьянамъ даже при среднихъ урожаяхъ... Но вѣдь у нашихъ крестьянъ не только низка общая урожайность,—еще хуже то, что размѣры урожаевъ рѣзко измѣняются изъ года въ годъ, и что хорошіе и посредственные урожаи чередуются съ очень плохими урожаями или даже полными неурожаями; изъ каждыхъ десяти лѣтъ бываетъ не болѣе 3—4 годовъ хорошаго или порядочнаго урожая, а три или четыре года — плохого урожая или полнаго неурожая. Въ хорошій годъ, я сказалъ, всѣ излишки приходится продать, а когда наступаетъ недородъ, съ нимъ вмѣстѣ приходитъ голодъ, съ его обычными спутниками — толченою корою и мякиною, и обычными послѣдствіями — цынгою, тифомъ и полнымъ разоренiемъ крестьянскаго хозяйства.

Условія жизни крестьянъ.

Впрочемъ, для многихъ мѣстностей кора и мякина не только спутники неурожая: онѣ стали уже обычною пищею значительной части крестьянъ. Вообще ужасныя условія жизни нашего крестьянства слишкомъ хороши извѣстны. Я приведу поэтому только одну выдержку, гдѣ въ яркихъ краскахъ описываются условія жизни крестьянъ одной изъ губерній черноземной полосы,- именно Тульской.

«Жилищемъ тульскому крестьянину,—читаемъ мы въ трудахъ Тульскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, — служитъ обычно 8 — 9-аршинная изба, высотою не болѣе сажени... До сихъ поръ нерѣдки курныя избы, въ Епифанскомъ уѣздѣ онѣ составляютъ 16,4% всѣхъ (шестую часть!) жилыхъ построекъ. Изба почти всегда крыта соломой, часто протекаетъ, а на зиму для тепла во многихъ мѣстностяхъ обкладывается почти до крыши навозомъ. На пространствѣ 7—9 куб. саж. живетъ крестьянская семья, достигающая въ отдѣльныхъ случаяхъ значительныхъ размѣровъ. Спятъ въ два этажа— на лавкахъ, нарахъ и печи. Полы почти всегда земляные, такъ какъ въ холода въ избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населенія дѣлаетъ воздухъ тяжелымъ и какъ бы промозглымъ. Сырость внутри, течь черезъ крышу и навозъ снаружи быстро изнашиваютъ постройки; значительная часть ихъ подгнила, требуетъ серьезнаго ремонта или совершеннаго возобновленія, но изо дня въ день поддерживается всевозможными домашними средствами, подпорками, подмазкой подгнившихъ угловъ и т. д. Топятъ крестьяне въ безлѣсныхъ уѣздахъ соломой, а въ неурожайные годы даже навозомъ, и такимъ образомъ лишаютъ землю необходимаго удобренія... Бань почти нѣтъ. Моются крестьяне въ избахъ, въ печахъ, размазывая грязь по тѣлу помощью небольшого количества теплой воды, и почти всегда безъ мыла... Часотка и другія кожныя болѣзни распространены въ ужасающихъ размѣрахъ. Сифилисъ въ Епифанскомъ уѣздѣ обнаруженъ, напр., у 2,15% населенія, у каждыхъ 21 человѣка на тысячу!.. Но надо думать, что, въ дѣйствительности, этою болѣзнью страдаетъ еще большее количество лицъ... Вообще, несмотря на благопріятныя, казалось бы, общія условія, въ деревнѣ создается такая антигигіеническая обстановка, которая дѣлаетъ борьбу съ эпи-

деміями почти невозможною. *Громадное значеніе въ этомъ* отношеніи имѣетъ *общее подорванное состояніе организма крестьянъ, являющееся результатомъ плохого питанія*... Такіе продукты, какъ мясо, крупа, сало, постное масло, являются на столѣ крестьянина лишь въ исключительные моменты его жизни, иногда 2—3 раза въ годъ; обычную же его пищу составляютъ: хлѣбъ, квасъ, часто капуста и лукъ, а осенью свѣжіе овощи, если вблизи селенія имѣется огородникъ. При этомъ далеко не всегда крестьяне ѣдятъ столько, «сколько съѣдятъ»,—не всегда даже въ годы порядочнаго урожая»... Вслѣдствіе частаго систематическаго недоѣданія развиваются среди населенія всевозможныя гастрическія заболѣванія,—словомъ, «скудость крестьянскаго хозяйства бросается въ глаза»...

Пониженіе народнаго здравія. Смертность.

Приведенная выдержка относится, я сказалъ, къ Тульской губерніи. Но нарисованная въ ней ужасная картина вѣрна для значительной части, если не для большинства крестьянъ большей части черноземной полосы. Послѣдствія такого состоянія нашей деревни совершенно понятны: плохое питаніе, смѣняющееся полнымъ голоданіемъ, вообще ужасная, обусловленная бѣдностью и некультурностью, гигіеническая и санитарная обстановка, въ которой живутъ крестьяне, имѣетъ своимъ необходимымъ слѣдствіемъ общее ухудшеніе народнаго здравія, мало того,—прямое физическое вырожденіе народныхъ массъ. Это ясно видно изъ данныхъ о числѣ забракованныхъ при призывѣ на военную службу или получившихъ отсрочку «по невозмужалости»—значитъ, по слабости организма: за десятилѣтіе 1874—1883 гг. на каждые сто призывавшихся приходилось, кругомъ, забракованныхъ 6 чел., получившихъ отсрочку—7, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—13 человѣкъ; за десятилѣтіе 1884—1893 гг.—забракованныхъ 8, получившихъ отсрочку—9, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 17 человѣкъ; за восьмилѣтіе 1894—1901 гг.—забракованныхъ 10, отсроченныхъ 9, тѣхъ и другихъ вмѣстѣ 19 человѣкъ,—количество забракованныхъ и получившихъ отсрочку возросло, значитъ, приблизительно, въ полтора раза; а вѣдь тѣ болѣзни и слабость организма, которыя послужили основаніемъ для забракованія или отсрочекъ, въ концѣ-концовъ,—прямое слѣдствіе постояннаго недоѣданія и вообще ужасныхъ условій жизни нашего крестьянства.

Но недоѣданіе и связанныя съ нимъ болѣзни, конечно, должны

были отразиться и на смертности населенія. И въ самомъ дѣлѣ, смертность въ Россіи больше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ,—и притомъ въ одной только Россіи смертность почти не падаетъ. Въ Россіи въ настоящее время ежегодно умираетъ 30 человѣкъ изъ тысячи; между тѣмъ въ Германіи и Италіи смертность на тысячу не превышаетъ 26, во Франціи—22, въ Голландіи и Швейцаріи—20, въ Англіи—18, въ Швеціи и Норвегіи умираетъ изъ тысячи даже только 16—17 человѣкъ; смертность въ Россіи, значитъ, въ полтора раза и даже вдвое больше, чѣмъ въ большинствѣ европейскихъ странъ. При этомъ во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ смертность, благодаря улучшенію условій жизни населенія, замѣтно понижается; такъ, во Франціи сто лѣтъ тому назадъ умирало 30 человѣкъ, теперь умираетъ всего 22 человѣка изъ тысячи; въ Пруссіи въ серединѣ XIX вѣка, 50—70 лѣтъ тому назадъ, умирало 27—32, теперь умираетъ 20—25 человѣкъ на тысячу; въ Англіи полвѣка тому назадъ умирало 23—24, теперь умираетъ 17—20 человѣкъ на тысячу, въ скандинавскихъ государствахъ—Швеціи, Норвегіи и Даніи—смертность и того еще ниже,—въ послѣднія нѣсколько лѣтъ она не превышала 13—14 человѣкъ на тысячу. Между тѣмъ, въ Россіи, въ началѣ XIX вѣка,—если вѣрить, очень можетъ быть, неполнымъ статистическимъ даннымъ того времени—умирало 24—29 человѣкъ на тысячу, въ послѣдней же трети XIX столѣтія смертность была и даже до сихъ поръ осталась *выше* этихъ цифръ: въ среднемъ выводѣ за 1871—1880 гг. умирало 36 человѣкъ, а въ отдѣльные годы смертность поднималась до ужасной цифры 40 человѣкъ на тысячу; въ слѣдующее десятилѣтіе умирало, въ среднемъ, тоже еще 34,5, еще въ слѣдующее 33, за послѣднія девять лѣтъ, для которыхъ имѣются свѣдѣнія, съ 1901 по 1909 г., тоже еще 30 человѣкъ на каждую тысячу душъ населенія. Такимъ образомъ, смертность хотя и нѣсколько понизилась (какъ и во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ) по сравненію съ семидесятыми годами, но все-таки стоитъ *выше,* нежели стояла въ началѣ XIX столѣтія. Какъ ни тяжелъ былъ гнетъ, въ то время, крѣпостного права, какъ ни плохо, конечно, куда еще хуже, чѣмъ теперь, обстояло съ санитарно-гигіеническою обстановкой жизни нашихъ народныхъ массъ,—а о медицинской помощи въ то время смѣшно было бы и говорить; и все-таки тотъ еще широкій просторъ, какимъ въ то время могли

еще пользоваться наши земледѣльческія массы, обезпечивалъ имъ возможность болѣе сноснаго существованія, чѣмъ сто лѣтъ спустя, когда населеніе переживаетъ вызванный—въ конечномъ счетѣ—исключительно его культурною отсталостью кризисъ своего земледѣльческаго хозяйства.

И болѣе подробныя данныя относительно смертности совершенно ясно показываютъ, что причина огромной смертности въ Россіи—именно въ ужасномъ положеніи нашего крестьянства; во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ смертность въ городахъ больше, чѣмъ въ деревнѣ; напримѣръ, во Франціи въ городахъ умираетъ 30, въ деревнѣ 23 человѣка на тысячу, въ Англіи въ городахъ 26, въ деревнѣ—19; и это совершенно понятно, потому что жизнь въ деревнѣ здоровѣе и полезнѣе для человѣческаго организма, чѣмъ жизнь въ городѣ, особенно въ большомъ. А между тѣмъ у насъ, въ Россіи, смертность сельскаго населенія—35 на тысячу, больше, чѣмъ смертность городского—всего 30 чел. на тысячу; хотя деревенскій воздухъ и здоровѣе городского, но недоѣданіе и нищета нашего крестьянства дѣлаютъ свое дѣло и обрекаютъ множество людей на преждевременную смерть. И всякій сильный недородъ, за которымъ слѣдуетъ усиленное недоѣданіе, ведетъ за собой рѣзкое повышеніе смертности: въ неурожайные 1841—1842 гг. смертность поднималась до 49 человѣкъ на тысячу, въ 1892 году до 40 человѣкъ, тогда какъ въ 1894 году, когда урожай былъ удовлетворйтеленъ, смертность не превышала 34 человѣкъ на тысячу. Если же взять цифры смертности по отдѣльнымъ губерніямъ, то окажется, что въ Воронежской губерніи смертность достигаетъ огромной цифры 46, въ Саратовской и Пензенской—45, въ Самарской—43, въ Тульской—42, въ Симбирской и Орловской—40, въ Рязанской—39 человѣкъ; сильнѣе всего умираетъ народъ какъ разъ въ тѣхъ самыхъ губерніяхъ, которыя чаще всего посѣщаются неурожаями и голодовками. Гораздо меньшую смертность мы находимъ въ губерніяхъ: Херсонской (25 на тысячу), Бессарабской (28), Таврической (27 на тысячу), но еще гораздо меньше смертность въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Эстляндской и Курляндской губерніяхъ съ ихъ превосходно поставленнымъ сельскимъ хозяйствомъ: здѣсь умираетъ всего 20 человѣкъ на тысячу—столько же, сколько въ самыхъ передовыхъ въ данномъ отношеніи западно-европейскихъ странахъ.

Упадокъ крестьянскаго хозяйства.

Само собой разумѣется, что недостаточная производительность и доходность крестьянскихъ надѣльныхъ земель, по сравненію съ потребностями возросшаго населенія, не можетъ не отражаться и на состояніи крестьянскаго хозяйства. Получается безысходный кругъ: нищета крестьянина можетъ быть устранена только подъемомъ крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ сама же эта нищета не только не позволяетъ крестьянину кореннымъ образомъ улучшить свое хозяйство, но ведетъ еще къ его дальнѣйшему упадку. Судить о состояніи крестьянскаго хозяйства можно, прежде всего, на основаніи данныхъ о степени обезпеченности крестьянскаго населенія лошадьми. И вотъ, мы видимъ, что въ Россіи, у крестьянъ, на каждую тысячу десятинъ удобной земли приходится всего по 94 лошади, тогда какъ во Франціи лошадей имѣется, на тысячу же десятинъ, 107, въ Англіи — 115, въ Германіи — 119, въ Соединенныхъ Штатахъ — 124, въ Венгріи и Даніи даже — 171—172. Во всѣхъ безъ исключенія западно-европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ количество лошадей растетъ, на каждую тысячу лошадей ежегодно прибываетъ отъ шести до 90 лошадей. Какъ измѣнялось, съ теченіемъ времени, количество скота у насъ — сказать очень трудно, въ виду плохого состоянія нашей статистики скота; особенно трудно сказать это потому, что въ серединѣ 90-хъ годовъ измѣнились способы учета скота, а потому сравнивать тѣ цифры, какія имѣются для времени *до* и для времени *послѣ* того, уже совсѣмъ нельзя. Но можно сдѣлать такія сопоставленія: лошадей въ серединѣ 60-хъ годовъ насчитывали 16, въ 1892 г. 18 милліоновъ; по даннымъ 1897 года лошадей было 20, въ 1912 году 23 милліона. Количество рогатаго скота за время съ середины 60-хъ годовъ до 1892 года увеличилось съ 23 до 26,7 милліоновъ, за время же съ 1897 до 1912 г. не увеличилось совсѣмъ, а осталось стоять на той же цифрѣ 33 милліона, или точнѣе—даже нѣсколько упало: съ $33^1/_2$ до неполныхъ 33 милліоновъ. Количество овецъ падало и въ первомъ, и во второмъ періодѣ, что, впрочемъ, какъ разъ по отношенію къ овцамъ, не представляетъ ничего неожиданнаго или особенно печальнаго, потому что овцеводство неизбѣжно д о л ж н о сокращаться, когда цѣлинныя степи распахиваются подъ посѣвы; за время съ середины 60-хъ гг. до 1892 года оно сокра-

тилось съ 50 до 41 милліона, по болѣе полнымъ цифрамъ съ 1897 до 1912 г., опять-таки, съ 50 и даже съ 51 до 41 милліона. Но въ то время, какъ вездѣ на Западѣ взамѣнъ сокращенія численности овецъ сильно растетъ численность самаго доходнаго вида скота—свиней, у насъ число свиней совершенно не растетъ: за время между серединою 60-хъ гг. и 1892 г. наша статистика даетъ все тѣ же цифры, около 10 милліоновъ, за время между 1896 и 1912 гг. количество свиней колеблется между $12^1/_2$ и 14 милліонами. Такимъ образомъ, растетъ, да и то слабо, только число лошадей; количество рогатаго скота до недавняго времени тоже росло, но тоже чрезвычайно слабо, въ самое же послѣднее время скорѣе убываетъ; количество овецъ падаетъ, численность свиней держится, приблизительно, на одномъ уровнѣ. А такъ какъ населеніе у насъ, въ Россіи, растетъ такъ быстро, какъ ни въ одной другой странѣ, то ясно, что по расчету, скажемъ, на сто или на тысячу душъ, все равно, взять ли все или одно сельское населеніе, становится все меньше всѣхъ безъ исключенія видовъ скота; уменьшается, значитъ, обезпеченность населенія какъ рабочею силою животныхъ, такъ и тѣми продуктами животноводства, которые нужны для его потребленія. Опять-таки, и въ этомъ мы слишкомъ хорошо могли убѣдиться во время войны: стоило немалой—правда—долѣ мужского населенія перейти на хорошую солдатскую мясную порцію, стоило создаться такимъ условіямъ, которыя позволили крестьянамъ начать нѣсколько лучше питаться, не урывая отъ своего питанія каждый лишній и нелишній кусокъ,—и въ городахъ начался не только хлѣбный, но и мясной, и всякій другой голодъ. Какъ быстро сокращалась обезпеченность населенія скотомъ,—это явно видно хотя бы изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ, сколько приходилось рогатаго скота по расчету на тысячу душъ населенія: въ 1861 году 357, въ 1882 году—306, въ 1898—уже всего только 252 штуки рогатаго скота. А между тѣмъ въ Германіи на тысячу душъ населенія приходится 344, во Франціи—358, въ Швеціи—516, въ столь близкой къ намъ Финляндіи—560, въ Соединенныхъ Штатахъ даже—840 головъ рогатаго скота... И при этомъ *нашъ* крестьянскій скотъ—и западно-европейскій!.. Наша крестьянская корова «тасканка», наша крестьянская лошадь, которую весною приходится выволакивать за хвостъ, и крупный, гладкій, сытый нѣмецкій или швейцарскій скотъ!.. Средній убойный вѣсъ нашего

степного скота 18 пудовъ, великорусскаго скота всего только 7 пудовъ; и это—вѣдь по свѣдѣніямъ городскихъ боенъ, куда попадаетъ только хорошо откормленный скотъ. Такой убойный вѣсъ соотвѣтствуетъ живому вѣсу: для степного скота въ 30 пудовъ, для великорусскаго въ 12 пудовъ. А въ Германіи средній вѣсъ быка 29, коровы 24 пуда; во Франціи средній вѣсъ вола 30, коровы 20 пудовъ; въ Соединенныхъ Штатахъ средній вѣсъ рогатаго скота, выращиваемаго на фермахъ, 35—38 пудовъ, степного скота, который въ Штатахъ считается самымъ плохимъ, все-таки отъ 25 до 33 пудовъ, смотря по мѣстности.

Чтобы производительность земли не отставала отъ роста населенія, необходимо повышеніе техники сельскаго хозяйства, т.-е. примѣненіе къ обработкѣ земли новыхъ, улучшенныхъ способовъ, способныхъ поднять ея урожайность и доходность. Но мыслимо ли, при указанныхъ условіяхъ, такое повышеніе?.. Очевидно, что если оно и мыслимо, то во всякомъ случаѣ для этого приходится преодолѣть самыя серьезныя препятствія, и подъемъ крестьянскаго хозяйства, при такихъ условіяхъ, возможенъ лишь при самомъ энергичномъ воздѣйствіи государства. «Оскудѣніе» крестьянства—это сильнѣйшій тормозъ, задерживающій улучшеніе его техники, а слѣдовательно, и повышеніе производительности земли. Вотъ что говоритъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ, на основаніи данныхъ тѣхъ же комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности:

«Крестьянинъ, — цитируетъ онъ сводный журналъ Боровичскаго комитета, — даже при скудномъ питаніи не могъ сдѣлать сбереженій, а иногда (вѣрнѣе, почти всегда! А. К.) долженъ былъ захватывать основной капиталъ, какъ скотъ, естественное плодородіе почвы и проч.; естественно, что хозяйство не только не могло сдѣлаться интенсивнѣе, т.-е. что крестьянинъ не имѣлъ возможности улучшить обработку земли и поднять ея производительность,—но не могло удержаться и на прежнемъ уровнѣ». Отсутствіе свободнаго остатка,—продолжаетъ г. Пѣшехоновъ,—какого-либо излишка въ бюджетѣ неизбѣжно порождаетъ застой въ хозяйствѣ; техническія улучшенія уже по этой одной причинѣ, не говоря о цѣломъ рядѣ другихъ, вовсе недоступны для массы крестьянства. Если такія улучшенія и имѣютъ мѣсто, то почти исключительно въ селеніяхъ лучше обставленныхъ, въ хозяйствахъ болѣе зажиточныхъ. «Воспріимчивость населенія къ

пропагандѣ агрономическихъ улучшеній,—говоритъ по этому поводу одинъ видный дѣятель по сельскохозяйственной части,—обратно пропорціональна его недоимочной задолженности»,—улучшенія хозяйства легче прививаются въ малонедоимочныхъ, иначе сказать, болѣе состоятельныхъ, и хуже всего принимаются въ селеніяхъ съ большими недоимками, значитъ, наиболѣе бѣдныхъ. «Если,—заканчиваетъ г. Пѣшехоновъ,—отсутствіе излишка въ бюджетѣ обусловливаетъ застой въ хозяйствѣ, то дефициты дѣлаютъ почти неизбѣжнымъ регрессъ въ немъ, т.-е. ухудшеніе: подъ вліяніемъ нужды навозъ, вмѣсто вывозки въ поле, обращается на обкладку хатъ или даже сжигается вмѣсто топлива; крестьянскій скотъ, заморенный и изнуренный, но за всѣмъ тѣмъ представляющій самое цѣнное имущество крестьянъ, въ трудную минуту ихъ жизни неизмѣнно служитъ средствомъ, чтобы достать деньги, не считаясь уже съ цѣлостью хозяйства»... Получается, значитъ, такое положеніе дѣлъ: нужда крестьянства можетъ быть устранена лишь при улучшеніи хозяйства и при повышеніи производительности и доходности земли, а между тѣмъ, какъ разъ эта самая нужда не только дѣлаетъ такое улучшеніе и повышеніе невозможнымъ, но ведетъ за собой еще дальнѣйшее ухудшеніе хозяйства, дальнѣйшее ухудшеніе земли...

Недоимочность.

Я остановлюсь еще на одномъ признакѣ, дающемъ ясное представленіе о степени «оскудѣнія» нашего крестьянства: это именно податныя недоимки. Конечно, не всегда и не всякая недоимка—слѣдствіе и признакъ недостатка средствъ: извѣстно, что не мало крестьянъ предпочитаютъ тянуть съ уплатой податей—авось, молъ, подвернется милостивый манифестъ!—а деньги, какія есть, расходовать, хотя бы на аренду земли. Но все-таки, въ большой массѣ, недоимка, конечно, несомнѣнный признакъ оскудѣнія. И вотъ, оказывается, что въ 1875 году общая сумма недоимокъ не превышала 29 милліоновъ; въ 1880 году она поднимается до 38, въ 1890—до 50 милліоновъ, въ 1895,—несмотря на сложенія по манифесту 1894 года,—до 102, въ 1900 году—до 119 милліоновъ; на каждую сотню рублей податного оклада приходилось недоимки: въ 1875 году всего только 22 рубля; въ 1880—27 р., въ 1885—36, въ 1890—49, въ 1895 году—уже 98, въ 1895 году—даже 119 рублей; недоимка въ послѣднее время превышаетъ, значитъ, податной окладъ. Положеніе отдѣльныхъ районовъ въ

данномъ отношеніи далеко не одинаково. Если подсчитать цифры недоимокъ по отдѣльнымъ районамъ и вычислить для каждаго изъ указанныхъ годовъ число рублей недоимки, падающихъ на сотню рублей годового оклада, то мы увидимъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ недоимка даже убываетъ: въ сѣверо-западномъ районѣ, напримѣръ, она упала съ 33 до 7 рублей на каждую сотню рублей оклада, въ сѣверномъ—съ 52 до 33 рублей. Въ другихъ недоимочность стоитъ, приблизительно, на одномъ уровнѣ или колеблется безъ опредѣленнаго повышенія или пониженія; такъ, цифры недоимочности, по расчету на сотню рублей оклада, по юго-западному району таковы: 9, 6, 5, 3, 3, 6; по новороссійскому—24, 20, 40, 29, 11, 39 рублей. Есть районы, гдѣ недоимочность хотя и растетъ, но очень медленно; напримѣръ, въ средне-промышленномъ районѣ она выражалась въ цифрахъ 28, 29, 31, 33, 39, 42 рубля на сотню рублей оклада. Но зато въ рядѣ районовъ недоимочность растетъ чрезвычайно быстро. Въ восточномъ районѣ она возросла съ 4 до 19 милліоновъ, или съ 66 р. до 391 рубля на каждую сотню рублей оклада; въ среднемъ приволжскомъ — съ 682 тыс. до 30 милліоновъ, или съ 7 до 376 процентовъ оклада; въ юго-восточныхъ губерніяхъ средне-земледѣльческаго района—съ двухъ до 28 милліоновъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ того же района—съ 2 до 23 милліоновъ, или въ первой группѣ губерній съ 7 до 142 руб., во второй—съ 13 до 171 рубля на каждую сотню рублей оклада. Такимъ образомъ, наиболѣе рѣзкій ростъ недоимочности наблюдается во всей черноземной полосѣ, и особенно въ приволжьѣ и заволжьѣ, а наименьшія недоимки—въ Юго-Западномъ краѣ, съ его развитымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, съ ихъ сравнительно, все-таки, высокимъ уровнемъ техники крестьянскаго хозяйства, и въ средне-промышленномъ районѣ, гдѣ сторонніе заработки возмѣщаютъ недостаточную доходность надѣльной земли.

Отхожіе заработки.

Крестьянамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становится на надѣльной землѣ, и они ищутъ того или другого выхода. Въ нечерноземной полосѣ, гдѣ господствующее значеніе всегда имѣли промыслы, они массами бросаютъ землю и уходятъ въ города или на фабрики. Вотъ что говорятъ о положеніи крестьянъ въ Московской гу-

берніи земскіе дѣятели въ запискѣ, доставленной въ 1902 году губернскому комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности:

«При данномъ малоземельѣ» и низкомъ уровнѣ хозяйства (эта добавка принадлежитъ мнѣ. А. К.) «только трехдушевой надѣлъ даетъ возможность использовать сполна рабочую силу одного мужчины; двухдушевой надѣлъ недостаточенъ для этого. Поэтому семьи, имѣющія не болѣе двухъ мужчинъ (и, стало быть, не болѣе двухъ надѣловъ), не въ состояніи использовать на надѣлѣ все рабочее время одного лица, вслѣдствіе чего пропадаютъ непроизводительно промежутки между работами, если нѣтъ стороннихъ поденныхъ работъ, которыя далеко не всегда случаются. Благодаря этому, постепенно происходитъ отборъ семей, которыя еще считаютъ возможнымъ вести земледѣліе, и другихъ, которыя должны отказаться отъ него; въ Московской губерніи такія отказавшіяся уже отъ земледѣльческаго хозяйства семьи составляютъ 20%». Благодаря отказу отъ земли значительной части крестьянскаго населенія, размѣръ душевого надѣла въ Московской губерніи удержался на прежнемъ уровнѣ и даже нѣсколько увеличился, а души, оказавшіяся излишними въ земледѣліи, не находящія приложенія своему труду на надѣльной землѣ, находятъ себѣ въ городѣ или на фабрикѣ то или иное, лучше или хуже оплачиваемое занятіе» (Пѣшехоновъ).

Въ черноземной полосѣ избыточный въ надѣльномъ хозяйствѣ трудъ ищетъ себѣ примѣненія въ отходѣ на заработки въ южныя, частью—въ юго-восточныя губерніи. Идутъ наниматься, главнымъ образомъ, на сельскохозяйственныя работы, въ особенности на косьбу хлѣба и травы,—въ послѣднее же время къ заработкамъ такого рода присоединились еще заработки въ каменноугольныхъ копяхъ, на горныхъ заводахъ и т. п. Главнымъ очагомъ отхода на заработки являются 14 губерній, принадлежащихъ къ районамъ центральному черноземному, малороссійскому съ юго-западнымъ и средне-приволжскому. Какъ велики размѣры отхода, объ этомъ нѣтъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній. По основанному на данныхъ земской статистики подсчету покойнаго Н. А. Карышева, изъ 131 уѣзда уходило на заработки до 1.168.000 человѣкъ. Среднее годовое число паспортовъ, выдаваемыхъ въ губерніяхъ указанной полосы, достигало, по даннымъ начала 900-хъ годовъ, 2.850.000. Прежде огромное большинство отхожихъ рабо-

чихъ шло на сельскохозяйственные заработки, косьбу и жнитво, вообще на уборку хлѣба и сѣна въ новороссійскія и заволжскія губерніи и въ предкавказскія степи, гдѣ мѣстное населеніе, еще недавно очень рѣдкое, не могло управиться съ уборкой хлѣбовъ и травъ. Въ послѣднее время спросъ на рабочія руки въ этихъ мѣстностяхъ сильно сократился, отчасти благодаря значительному увеличенію мѣстнаго населенія, отчасти вслѣдствіе введенія машинъ—сѣнокосилокъ и жатокъ, значительно уменьшившихъ потребность въ живомъ трудѣ; теперь на сельскохозяйственные заработки уходитъ, повидимому, не болѣе милліона человѣкъ. Земледѣльческій отходъ понемногу уходитъ въ область преданій, и избыточныя рабочія руки въ черноземной полосѣ все больше и больше поглощаются быстрымъ ростомъ городовъ, горнаго и горнозаводскаго дѣла, желѣзныхъ дорогъ и пароходства и т. п.

Причины ихъ.

Что же, спрашивается, гонитъ людей на отхожіе заработки? Едва ли стоитъ даже задавать себѣ такой вопросъ: конечно—тѣснота, малоземелье, невозможность приложить весь трудъ къ надѣльному хозяйству, при отсутствіи достаточныхъ мѣстныхъ заработковъ. Изъ каждой данной мѣстности отхожихъ рабочихъ даютъ, главнымъ образомъ, наиболѣе малоземельныя группы крестьянства. Такъ, въ пяти уѣздахъ Орловской губерніи, по подсчету земскихъ статистиковъ, среди безземельныхъ на каждыя сто семей приходится 66, отпускающихъ отхожихъ рабочихъ; изъ ста семей съ надѣломъ отъ 1 до 5 дес. отхожихъ рабочихъ отпускаютъ 50, изъ ста семей съ надѣломъ отъ 5 до 15 дес.—45, изъ ста семей съ надѣломъ болѣе 15 дес.—уже только 40 семей; *однако и среди самыхъ многоземельныхъ—мы видимъ—двѣ пятыхъ отпускаютъ рабочихъ на отхожіе заработки*; значитъ, даже и самые многоземельные не могутъ использовать всего своего труда въ собственномъ хозяйствѣ. Въ Орловскомъ уѣздѣ, можетъ быть благодаря близости губернскаго города, отхожіе заработки менѣе распространены; но такъ же точно—чѣмъ меньше земли, тѣмъ сильнѣе отходъ: процентъ семей съ отхожими рабочими среди имѣющихъ не свыше десятины на душу—75%, у имѣющихъ отъ 1 до 3 дес.—57, у имѣющихъ отъ 3 до 5 дес.—46, у имѣющихъ свыше 5 дес.—даже только 30—32%. Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, гдѣ Нижній и Волга даютъ достаточно мѣстныхъ заработковъ и гдѣ отходъ, поэтому, въ общемъ невеликъ, беззе-

мельные дают 27% отхожихъ рабочихъ, имѣющіе земли не свыше 1 дес. 20—21%, имѣющіе болѣе 10 дес.—всего только 11%. Есть, однако, и данныя другого рода, показывающія, что отхожіе заработки распространены не столько среди самыхъ малоземельныхъ, сколько среди крестьянъ со *средними* размѣрами земельнаго обезпеченія. Такъ, по записямъ, дѣлавшимся на регистраціонномъ пунктѣ въ Березовкѣ (Харьковской губ.), гдѣ проходитъ очень большое число отхожихъ рабочихъ, оказывается, что изъ каждой сотни прошедшихъ черезъ пунктъ рабочихъ наибольшее число, именно 25%, шло изъ семей съ надѣломъ въ 4—5 десятинъ на ревизскую душу; семьи съ надѣломъ въ 2—3 десятины дали уже только 20%, съ надѣломъ въ 1—2 дес.—17%, съ надѣломъ менѣе десятины на ревизскую душу—5%, безземельные—всего только 3% записанныхъ отхожихъ рабочихъ. На долю болѣе многоземельныхъ семей приходилось: съ надѣломъ въ 5—6 дес.—10%, съ надѣломъ въ 6½—7 дес.—даже 15% всѣхъ прошедшихъ черезъ Березовскій регистраціонный пунктъ.

Обстановка отхожихъ заработковъ.

Вліяніе «тѣсноты», которая гонитъ людей на заработки, страшно обостряется, конечно, въ годы неурожаевъ. Изъ Воронежской губерніи, напримѣръ, въ голодные 1891—1892 гг. ушло до полумилліона людей; многія семьи уходили въ полномъ составѣ, «для прокормленія». Куда направляются отхожіе рабочіе,—это зависитъ, въ общемъ, отъ густоты населенія и отъ степени преобладанія крупныхъ хозяйствъ: идутъ больше туда, гдѣ своего народа мало, а много большихъ экономій, нуждающихся въ большомъ числѣ рукъ. Но огромное значеніе имѣетъ, при этомъ, урожай: спросъ на рабочихъ, конечно, бываетъ великъ въ какой-либо мѣстности, когда хлѣбъ уродился хорошо, и, напротивъ, онъ можетъ оказаться очень малъ при неурожаѣ. Но отсюда—огромный рискъ, связанный съ отходомъ на заработки. Никакихъ точныхъ свѣдѣній о размѣрахъ спроса на рабочихъ въ той или другой мѣстности нѣтъ, нѣтъ никакихъ учрежденій, черезъ посредство которыхъ можно было бы заблаговременно навести справки и обезпечить себя работой. И вотъ, направленіе отхожаго движенія опредѣляется, главнымъ образомъ, всякаго рода слухами, часто неизвѣстно откуда взявшимися, о томъ, что въ такой-то, дескать, мѣстности хорошій урожай и много спрашиваютъ ра-

бочихъ. И вотъ, подъ вліяніемъ такого слуха срываются съ мѣста тысячи и десятки тысячъ людей и двигаются въ какой-нибудь одинъ уѣздъ или въ какое-нибудь одно большое имѣніе. Сплошь и рядомъ слухъ оказывается невѣрнымъ,—оказывается, что и урожая-то особеннаго въ данной мѣстности не было, и рабочихъ вовсе не требуется много. А если слухъ и былъ вѣренъ,—рабочихъ набирается часто гораздо больше, чѣмъ можетъ найти себѣ заработокъ въ извѣстной мѣстности. Многимъ приходится подолгу бродить въ поискахъ работы, работать за грошъ и, въ концѣ-концовъ, возвращаться домой безъ копейки, съ нищенскою сумой. Но даже если не случится такого несчастья—отхожіе заработки тоже даютъ крестьянамъ мало радости. Весь валовой заработокъ работника—отъ 30 до 70 р., работницы—отъ 20 до 50 рублей; домой приносятъ, чаще всего, рублей 20—30, часто меньше, и даже гораздо меньше; рѣдко когда удается принести домой 40 — 50 рублей. И это — при огромной тратѣ времени на переѣзды или переходы съ мѣста на мѣсто, на поиски и ожиданіе работы и т. п.; чтобы принести домой эти 20—30 рублей, отхожій рабочій проводитъ внѣ дома три—четыре и до шести мѣсяцевъ. На создаваемой плохимъ питаніемъ—все больше сухой хлѣбъ и сухари!—ужасными жилищами, недостаточностью одежды, почвѣ отчаянныхъ гигіеническихъ условій, среди отхожихъ рабочихъ развиваются всякаго рода эпидемическія и вообще заразныя болѣзни; рабочій день продолжается—когда есть работа—по 12 и по 15 часовъ. Нечего уже говорить о томъ громадномъ ущербѣ, который приноситъ крестьянскому хозяйству уходъ, на много мѣсяцевъ, лучшихъ рабочихъ силъ. «Если крестьянъ побуждаетъ искать отхожихъ заработковъ неудовлетворительность ихъ хозяйства на родинѣ, то и самый отходъ способствуетъ его упадку. Въ самомъ дѣлѣ, къ отхожимъ промысламъ прибѣгаетъ самая здоровая, выносливая, полная силъ часть мужского населенія нашихъ селъ и деревень. Все домашнее хозяйство зачастую оставляется, вслѣдствіе этого, на попеченіе стариковъ, женщинъ и подростковъ. Въ селеніяхъ, откуда уходитъ на сторонніе заработки значительное число рабочихъ, нерѣдко можно видѣть за обработкою земли бабъ, которыя сами и пашутъ, и сѣютъ, и боронятъ. При нормальномъ ходѣ семейныхъ работъ существуетъ извѣстное раздѣленіе труда: мужчины пашутъ, сѣютъ, боронятъ; женщины жнутъ занима-

ются уходомъ за скотомъ и домашнимъ хозяйствомъ. Но если бы здороваго работника заставить производить *всѣ* эти работы, онъ выбился бы изъ силъ. Естественно, что при веденіи всего хозяйства женщинами да стариками обработка земли должна сильно страдать. Вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо должны происходить упущенія и въ домашнемъ хозяйствѣ, и въ уходѣ за дѣтьми, которыя, оставаясь безъ всякаго надзора, становятся легче жертвами болѣзней, увѣчій и т. п.» (кн. Н. В. Шаховской).

Переселеніе.

Отъ «тѣсноты» народъ идетъ на переселеніе. Наше переселенческое движеніе—это продолженіе первоначальной колонизаціи, первоначальнаго заселенія страны. Еще въ серединѣ XIX вѣка переселеніе продолжало направляться въ нѣкоторыя мѣстности средней черноземной полосы; въ 70-хъ годахъ оно шло въ Новороссію, въ башкирскій край, въ предкавказскія степи; въ теченіе 70-хъ годовъ въ Уфимскую и Оренбургскую губернію переселилось до 200 тыс. человѣкъ. Приблизительно столько же народу за то же время ушло въ предкавказье, а къ настоящему времени число этихъ, такъ называемыхъ «иногороднихъ» въ предкавказскихъ областяхъ и въ Ставропольской губерніи превысило милліонъ. Въ послѣднее время, начиная съ середины и въ особенности съ конца 80-хъ годовъ, переселеніе направляется, главнымъ образомъ, за Уралъ — въ Сибирь и въ киргизскія степи. Но, конечно, переселеніе могло бы имѣть серьезное значеніе, какъ средство разрѣдить земельную тѣсноту, только въ томъ случаѣ, если бы оно могло унести за Уралъ *много милліоновъ* населенія, — унести весь тотъ избытокъ, который не находитъ себѣ пропитанія, не находитъ приложенія своему труду на своей надѣльной землѣ. Между тѣмъ, въ эпоху своего наибольшаго—до недавняго времени—роста, именно во второй половинѣ 90-хъ годовъ, переселеніе въ Сибирь уносило не болѣе 200 тысячъ въ годъ, въ началѣ 900-хъ годовъ—уже только по 60—80 тыс., въ годы войны съ Японіей размѣры переселенія упали до 30—32 тысячъ въ годъ. Послѣ японской войны и первой революціи переселеніе въ Сибирь и киргизскія степи опять рѣзко возросло, въ значительной мѣрѣ, какъ мы увидимъ дальше, благодаря той переселенческой политикѣ, которой держалось послѣднее время самодержавное правительство, разсчитывавшее сдѣлать изъ переселенія одно изъ орудій борьбы съ аграрнымъ движеніемъ: въ 1906 году переселилось свыше 200 тысячъ человѣкъ, въ

1907—1909 гг. уходило за Уралъ по 500 — 650 тыс. душъ въ годъ. Но даже такая огромная, на первый взглядъ, цифра, какъ полмилліона или 600 тыс., не говоря уже о такихъ, какъ 200, а тѣмъ болѣе 80 или 60 тысячъ въ годъ,—это лишь ничтожная доля, четвертая, десятая или двадцатая часть годичнаго прироста населенія. Переселеніе, значитъ, не только не могло и не можетъ разрѣдить земельной тѣсноты,—оно не можетъ даже задержать дальнѣйшаго прироста населенія, а слѣдовательно—и дальнѣйшаго роста «утѣсненія». Сейчасъ мы увидимъ, что переселеніе даетъ для самихъ переселенцевъ, но прежде мы должны вкратцѣ коснуться вопроса, откуда, главнымъ образомъ, идетъ переселеніе и какія группы крестьянства даютъ главную массу переселенцевъ. Переселеніе идетъ, главнымъ образомъ, изъ черноземной полосы,—наряду съ послѣднею въ переселенческомъ движеніи прежде участвовали нѣкоторыя изъ сѣверо-восточныхъ губерній, въ послѣднее же время сильное переселеніе идетъ также изъ сѣверо-западныхъ, бѣлорусскихъ губерній. На первыхъ мѣстахъ въ числѣ губерній, выпускающихъ переселенцевъ, стоятъ, правда, такія малоземельныя, въ общемъ, губерніи, какъ Полтавская, выпустившая за время съ 1899 по 1914 годъ болѣе 350 тысячъ переселенцевъ, Черниговская (за то же время 260 тыс.), Курская (225 тыс.), Воронежская (200 тыс.), Тамбовская (150 тыс.)— къ этимъ издавнимъ переселенческимъ губерніямъ въ послѣдніе годы присоединилась крайне малоземельная Кіевская губернія (185 тыс.), въ меньшей мѣрѣ Подольская (80 тыс.). Но наряду съ ними значительныя массы переселенцевъ выпустили, за послѣднее время, такія рѣдко-населенныя и многоземельныя губерніи степного юга, какъ Екатеринославская (200 тыс.), Херсонская (155 тыс.), даже Таврическая (120 тыс.). На юго-востокѣ такая сравнительно малоземельная губернія, какъ Саратовская, съ ея огромнымъ контингентомъ дарственниковъ, дала гораздо меньшее количество переселенцевъ (85 тыс.), нежели самая многоземельная изъ губерній коренной Россіи — Самарская (150 тыс.). Еще болѣе неожиданныя вещи получаются, если брать *не цѣлыя губерніи*, а *уѣзды* одной и той же губерніи: въ Харьковской, напримѣръ, губерніи группа южныхъ, многоземельныхъ уѣздовъ, съ среднимъ количествомъ земли 1,9 дес. на душу, выпустила на переселеніе 3,6%, группа сѣверныхъ уѣздовъ, съ почти вдвое меньшимъ (съ небольшимъ десятина) на душу количествомъ земли—всего 1,5% населенія. То же самое было

отмѣчено, въ разное время, и для ряда другихъ губерній, какъ Рязанская, Курская, Черниговская, Самарская, Пермская, Вятская, Тобольская,—во всѣхъ этихъ губерніяхъ выселеніе идетъ или шло гораздо сильнѣе изъ многоземельныхъ уѣздовъ, по большей части обладающихъ, притомъ, лучшими почвами, нежели изъ малоземельныхъ и, по большей части, менѣе благопріятныхъ по почвеннымъ условіямъ. Дальнѣйшій вопросъ—какія группы крестьянъ больше всего участвуютъ въ переселенческомъ движеніи. Переселеніе—слѣдствіе «утѣсненія»; а потому слѣдовало ожидать, что сильнѣе всего переселяются хуже обезпеченные землею, бывшіе помѣщичьи крестьяне. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ свидѣтельствуютъ данныя опросовъ, производимыхъ на Челябинскомъ проходномъ пунктѣ, а также статистика переселенцевъ на Алтаѣ и цѣлый рядъ земскихъ статистическихъ сборниковъ, обильно надѣленные бывшіе государственные крестьяне переселяются отнюдь не слабѣе, а даже нѣсколько сильнѣе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, и наряду съ представителями наименѣе обезпеченныхъ землею группъ среди переселенцевъ всегда имѣется и значительное число такихъ, которые были болѣе или менѣе изобильно надѣлены землею. Такъ, изъ числа 340 тыс. семей, переселившихся въ Сибирь за 1907—1911 года, на долю удовлетворительно и хорошо обезпеченныхъ землею приходилось 10% съ надѣломъ отъ 6 до 10 дес. и 6% съ надѣломъ болѣе 10 десятинъ,—по даннымъ же переписи переселенцевъ 1911 года средній размѣръ земельнаго обезпеченія переселенцевъ мало отличался отъ средняго размѣра надѣла всѣхъ крестьянъ въ главныхъ переселенческихъ губерніяхъ. Во второй части этого курса мнѣ придется подробно выяснить смыслъ и причины этого нѣсколько неожиданнаго явленія, пока же достаточно отмѣтить, что та «тѣснота», которая гонитъ крестьянъ на переселеніе,—это *какая-то особенная* тѣснота, и что степень этой «тѣсноты» далеко не всегда находитъ себѣ выраженіе въ числѣ десятинъ земельнаго надѣла.

Что же, посмотримъ далѣе, находятъ переселенцы на новыхъ мѣстахъ?.. Въ былое время, еще въ началѣ 90-хъ годовъ, правительство не только не заботилось о переселенцахъ, но даже запрещало переселеніе и грозило переселенцамъ возвращеніемъ по этапу. Тѣмъ не менѣе, переселенцы устраивались сравнительно не худо,—изъ ста семей переселенцевъ возвращалось на родину три, много четыре; и это понятно, потому что пересе-

ленцы въ то время легко находили въ Сибири свѣжія и легкія для разработки земли, находили землю въ такихъ мѣстностяхъ Сибири, которыя по почвѣ и климату мало отличались отъ тѣхъ мѣстъ, откуда шли переселенцы; при этомъ они всегда могли найти хорошіе заработки у зажиточнаго старожильскаго населенія, а хлѣбъ, скотъ, строевой матеріалъ, вообще все нужное для обзаведенія, было подъ рукой и стоило очень дешево. И, тѣмъ не менѣе, даже среди тогда переселившихся насчитывается до четверти или даже трети безлошадныхъ и однолошадныхъ (а въ Сибири на одной лошади пахать нельзя!), вообще такихъ, которые не смогли обосновать на новомъ мѣстѣ прочнаго самостоятельнаго хозяйства. *Теперь* условія переселенія за Уралъ стали гораздо хуже: та сравнительно небольшая полоса Сибири, гдѣ переселенцы могли устраиваться легко и удобно, теперь уже заполнена; переселенцамъ приходится итти либо въ сибирскую тайгу съ ея суровымъ климатомъ и трудными для разработки землями, либо въ безводныя и засушливыя киргизскія степи,—да и то, въ этихъ послѣднихъ, болѣе или менѣе удобныя земли составляютъ только небольшія пятна среди необъятныхъ пустынь, вовсе негодныхъ для заселенія. Заработки стали гораздо хуже, потому что «народу пріумножилось», а потому предложеніе рабочихъ рукъ часто далеко превышаетъ спросъ,—и въ то же время значительно поднялись цѣны на хлѣбъ, на скотъ и на всѣ предметы обзаведенія. И вотъ, обратное переселеніе за пятилѣтіе 1899—1903 гг. достигаетъ уже почти двадцати процентовъ; *пятая часть* всѣхъ переселенцевъ возвращается на родину, совершенно разоренная; успѣваетъ найти себѣ землю только треть, четверть, даже пятая часть всѣхъ ходоковъ, остальныя двѣ трети, три четверти или четыре пятыхъ возвращаются ни съ чѣмъ, даромъ потерявъ дорогое вреия. Голодовки среди переселенцевъ въ Сибири и въ особенности въ киргизскихъ степяхъ такъ же часты, какъ и въ Европейской Россіи — голодовки съ цынгой, голоднымъ тифомъ и подкармливаніемъ на казенный паекъ.

Возможное его значеніе.

Значитъ, привлекательнаго въ Зауральѣ мало. И можно ли, спрашивается, разсчитывать на такое возрастаніе переселенія, которое дѣйствительно разрѣдило бы земельную тѣсноту въ Европейской Россіи? Для этого нужно было бы, чтобы переселялись не сотни тысячъ, а цѣлые милліоны, а объ этомъ, конечно, не прихо-

дится и думать. Все, что было лучшаго въ Сибири и въ киргизскихъ степяхъ, уже занято: частью переселенцами, частью мѣстнымъ населеніемъ—сибирскими старожилами и туземцами-киргизами. Тѣ сотни милліоновъ десятинъ, которыя еще не заселены, это въ киргизскомъ краѣ—почти исключительно сухія, безводныя степи, гдѣ земледѣльческое хозяйство было бы возможно лишь при поливкѣ полей,—а воды можетъ хватить развѣ только на какую-нибудь сотую или пятидесятую часть этихъ пустынь. Въ Сибири — это необъятная тайга; но незаселенной тайги много и въ Европейской Россіи, такъ что за нею не къ чему ходить въ Сибирь, и таёжныя земли совершенно не пригодны для переселенцевъ какъ разъ изъ тѣхъ мѣстностей, откуда идетъ главное переселенческое движеніе,—изъ черноземной полосы. Да и не въ одной землѣ дѣло; если бы годныхъ для заселенія и подходящихъ къ требованіямъ переселенцевъ земель было и въ десять разъ больше, — приходилось бы считаться съ отсутствіемъ сколько-нибудь выгодныхъ заработковъ и дороговизною продуктовъ и инвентаря, которая, конечно, еще усилилась бы при массовомъ переселеніи. Значитъ, разсчитывать на очень широкое переселеніе нельзя и не слѣдуетъ. Переселеніе и впредь будетъ итти въ такихъ размѣрахъ, при которыхъ оно не только не разрѣдитъ населенія Европейской Россіи, не разрѣдитъ, значитъ, земельной тѣсноты, но не сможетъ даже задержать дальнѣйшаго прироста населенія, а слѣдовательно—и усиленія этой тѣсноты.

Покупка земли. Крестьянамъ тѣсно, и они стремятся расширить свое землевладѣніе, прибѣгая для этого къ покупкѣ владѣльческихъ земель. Къ 1897 году крестьянами было куплено до 13 милліоновъ; къ 1 января 1901 года количество земли, перешедшей въ крестьянскія руки, достигло 19.885.000, или почти двадцати милліоновъ десятинъ; къ 1905 году, по даннымъ поземельной статистики, въ рукахъ крестьянъ было уже 24.600.000 десятинъ, въ 1907 году—26,3 милліона. Для времени послѣ 1907 года у насъ есть данныя только о крестьянскихъ покупкахъ при содѣйствіи или черезъ посредство крестьянскаго поземельнаго банка: за 1908—13 гг. этимъ путемъ перешло въ руки крестьянъ 9 милліоновъ десятинъ,—всего, значитъ, къ началу 1914 года общая площадь купленныхъ крестьянами у помѣщиковъ земель достигла, приблизительно, 35 мил-

ліоновъ дес. Не вся эта площадь, однако, можетъ быть отнесена къ *настоящему крестьянскому, трудовому* землевладѣнію,— нѣкоторая часть ея принадлежитъ хотя и лицамъ крестьянскаго сословія, но представляетъ собою болѣе или менѣе крупныя владѣнія капиталистическаго типа. Точно сказать, *сколько* такихъ владѣній, нельзя. Но не будетъ существенной ошибки, если сказать, что къ разряду капиталистическихъ принадлежатъ всѣ крестьянскія владѣнія площадью свыше 50 десятинъ,—таковыхъ, по даннымъ обслѣдованія 1905 года, насчитывалось до 9 милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ съ небольшимъ полтора милліона во владѣніяхъ отъ 50 до 100 дес., 5 милліоновъ дес. отъ 100 до 1000 и 2,3 милліона во владѣніяхъ площадью свыше тысячи десятинъ каждое, и такимъ образомъ настоящее крестьянское, чистотрудовое владѣніе, или владѣніе полу-трудовое, т.-е. обрабатываемое при нѣкоторой помощи наемнаго труда, за время съ момента освобожденія крестьянъ и до начала 1914 года увеличилось, путемъ покупокъ, приблизительно, на 25 милліоновъ десятинъ. При этомъ, однако, крестьянскія покупки чрезвычайно неравномѣрно распредѣлились по губерніямъ и районамъ,— главная масса крестьянскихъ купчихъ земель сосредоточивается въ губерніяхъ нечерноземной полосы. Въ губерніяхъ этой полосы, по даннымъ 1900 года, во владѣніи крестьянъ состояло: въ Новгородской 1.662.000 дес., въ Тверской 1.034.000, въ Костромской 935.000, въ Вологодской 724, Смоленской 706, Ярославской 593 тыс. дес. и т. д. Значительныя площади земли перешли во владѣніе крестьянъ также и въ степныхъ, южныхъ и частью восточныхъ губерніяхъ: такъ, въ Екатеринославской губерніи, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, во владѣніи крестьянъ состояло 366.000 дес., въ Таврической—750, Херсонской—777, Самарской—916, Уфимской—684, Саратовской—750, Харьковской—495 тыс. дес. Всего меньше купчихъ крестьянскихъ земель приходится на земледѣльческій центръ, на центрально-промышленныя и на юго-западныя губерніи; такъ, въ Московской губерніи крестьянскихъ купчихъ земель насчитывалось всего 172.000, въ Курской—324, Орловской—268, Тульской—184, въ Симбирской—158, Кіевской—167, Подольской—133 тыс. дес. и т. д. Это, впрочемъ, и совершенно понятно, потому что занятое, по преимуществу, тѣми или другими промыслами населеніе центрально-промышленной полосы не особенно стремится къ расширенію своего землевладѣнія,—

въ губерніяхъ же земледѣльческаго центра, а также въ юго-западныхъ, крайне высокія цѣны на землю удерживаютъ очень многихъ крестьянъ отъ пріобрѣтенія владѣльческой земли.

Ихъ значеніе.

Но *какое значеніе* имѣютъ, спрашивается, покупки крестьянами земли, какъ средство удовлетворенія земельной нужды недостаточно обезпеченной землею части крестьянства? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ значительной степени, зависитъ отъ того, *кто покупалъ* частновладѣльческія земли? Не подлежитъ сомнѣнію, что упомянутыя только что покупки болѣе зажиточныхъ отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянской среды, болѣе или менѣе крупными участками, уже, очевидно, не могли помочь крестьянской массѣ и устранить ея малоземелье. Если, затѣмъ, даже и считать, что остальные, приблизительно, 25 милліоновъ десятинъ перешли въ руки трудового крестьянства, то это еще не значитъ, что они пошли на пользу именно малоземельной и нуждающейся его части. Въ особенности это приходится сказать о единоличныхъ покупкахъ—покупкахъ отдѣльныхъ домохозяевъ. По даннымъ нашей земельной статистики, изъ каждыхъ ста десятинъ, купленныхъ крестьянами единолично, на долю мелкихъ покупокъ, не свыше 25 дес. каждая, въ 1865 году приходилось 22, въ 1875 г. 16, въ 1885—20, въ 1895 году 16 десятинъ; значитъ, отъ четырехъ пятыхъ до пяти шестыхъ всей покупавшейся отдѣльными крестьянами земли покупалось болѣе крупными участками и, значитъ, попадало въ руки «деревенской буржуазіи»—наиболѣе зажиточныхъ элементовъ нашей деревни. Но единоличныя покупки до послѣдняго времени, когда крестьянскій банкъ, какъ мы увидимъ, сталъ продавать землю почти исключительно въ единоличное владѣніе, составляли немногимъ болѣе половины, а если оставить въ сторонѣ 9 милліоновъ десятинъ тѣхъ покупокъ, которыя мы отнесли къ разряду капиталистическихъ, то менѣе трети всѣхъ крестьянскихъ купчихъ земель: по даннымъ обслѣдованія 1905 года, во владѣніи крестьянскихъ обществъ состояло нѣсколько менѣе четырехъ милліоновъ десятинъ, во владѣніи крестьянскихъ товариществъ нѣсколько менѣе восьми милліоновъ, въ единоличномъ владѣніи 13 милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ во владѣніяхъ менѣе 50 десятинъ съ небольшимъ четыре милліона десятинъ. Относительно того, въ чьихъ рукахъ, фактически,—въ рукахъ какихъ элементовъ нашего крестьянства,—состоятъ

земли, купленныя обществами и товариществами, мы не имѣемъ сколько-нибудь полныхъ свѣдѣній. Извѣстно однако, что даже при—казалось бы—наиболѣе отвѣчающихъ интересамъ нуждающейся части крестьянства общественныхъ покупкахъ,—и то распредѣленіе земли, фактически, далеко не всегда бываетъ равномѣрно, и что фактически земля, сплошь и рядомъ, распредѣляется между одними только болѣе зажиточными общественниками; тѣмъ болѣе то же самое приходится сказать относительно товарищескихъ покупокъ,—товарищества для покупки земли очень часто и даже, можно сказать, какъ общее правило, составляются изъ зажиточныхъ крестьянъ, располагающихъ свободными деньгами для покупки земли. Болѣе полныя цифровыя данныя имѣются только относительно покупщиковъ крестьянскаго банка. Изъ этихъ данныхъ видно, что покупщики, воспользовавшіеся содѣйствіемъ банка, располагали до покупки, въ среднемъ на дворъ: въ 1899 году 5,7 десятинами, въ 1900—6,5 въ 1901—6,8, въ 1902—7,2, въ 1903—6,8, въ 1904—тоже 6,8 десятинами, считая въ томъ числѣ какъ надѣльную, такъ и ранѣе купленную землю. Что касается до размѣровъ покупокъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, то въ общемъ итогѣ для всѣхъ покупокъ—общественныхъ, товарищескихъ и единоличныхъ—въ среднемъ на дворъ было куплено: въ 1899 году 6,3, въ 1900 6,6, въ 1901 6,9, въ 1902 5,7, въ 1903 6,4, въ 1904 5,2 дес.,—очевидно, что это были настоящія *крестьянскія* покупки, что онѣ увеличивали собой настоящее *крестьянское*, *трудовое* землевладѣніе. Сравнительно велики были покупки отдѣльныхъ домохозяевъ: въ среднемъ на дворъ, единолично покупавшій землю при содѣйствіи банка, въ каждый изъ тѣхъ же шести годовъ было пріобрѣтено 12,5, 13,9, 12,4, 14,4, 14,7, 14,0 десятинъ. Средніе размѣры единоличныхъ покупокъ такимъ образомъ оказываются, приблизительно, въ два съ половиной раза больше, чѣмъ средніе размѣры покупокъ общественныхъ и товарищескихъ; и можно, говоря вообще, сказать, что такіе размѣры покупокъ, не выходя изъ предѣловъ того, что обычно понимаютъ подъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, предполагаютъ уже пользованіе наемными руками при обработкѣ земли,—слѣдовательно, что путемъ *такихъ* покупокъ возрастало уже не чисто-трудовое, а смѣшанное землевладѣніе — землевладѣніе болѣе состоятельныхъ группъ крестьянства.

Покупныя цѣны. Очень характернымъ показателемъ земельной нужды является чрезвычайно быстрый ростъ покупныхъ цѣнъ пріобрѣтаемой крестьянами земли. Еще въ 1891 году средняя цѣна земли, купленной при содѣйствіи крестьянскаго банка, не превышала 39 рублей; за время съ 1892 по 1896 годъ среднія цѣны колебались между 45 и 52 рублями; въ 1897 году средняя цѣна земли сразу поднимается до 71 рубля; затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ цѣны на земли, покупаемыя при содѣйствіи банка, растутъ сравнительно медленно: въ 1898 году средняя цѣна была 76, въ слѣдующіе годы 78, 83, 91 рубль; въ 1902 году средняя цѣна сразу поднимается до 108 рублей. Въ 1906 году, когда операціи банка, какъ извѣстно, значительно расширились, цѣны возрасли еще: средняя цѣна земли, купленной за собственный счетъ банка, выразилась въ цифрѣ 118 р., средняя цѣна земли, покупавшейся крестьянами при содѣйствіи банка,—въ 132 р. за десятину. Какъ быстро растутъ земельныя цѣны, особенно ясно видно на примѣрѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній: въ Полтавской губерніи среднія цѣны, по даннымъ крестьянскаго банка, за время съ 1900 по 1906 годъ поднялись съ 156 до 212 р. за десятину, въ Тамбовской—съ 116 до 152, въ Черниговской—съ 99 до 137, въ Псковской—съ 47 до 74, въ Гродненской—съ 61 до 95 дес. и т. д. И эти цѣны—это еще далеко не все, что крестьянамъ приходится, въ дѣйствительности, платить за землю: при покупкахъ при содѣйствіи крестьянскаго банка имъ сплошь и рядомъ приходится вносить болѣе или менѣе крупныя негласныя доплаты къ тѣмъ цѣнамъ, по которымъ банкъ разрѣшаетъ ту или другую покупку; при покупкахъ земли по мелочамъ, безъ содѣйствія банка, приходится платить, въ видѣ правила, еще значительно дороже: при *такихъ* покупкахъ обычныя цѣны въ среднихъ земледѣльческихъ и въ малороссійскихъ губерніяхъ—это 200, 300, иногда и до 400 рублей за десятину. И при этомъ мелкимъ покупщикамъ, т.-е. какъ разъ тѣмъ, кто покупаетъ землю для удовлетворенія самой острой земельной нужды, приходится платить значительно дороже, чѣмъ тѣмъ, кто покупаетъ землю болѣе крупными участками. Такъ, по свѣдѣніямъ за 1893 годъ, средняя цѣна земли при покупкахъ дачами свыше 10.000 десятинъ была всего 9 р. 90 к., при покупкахъ отъ 5.000 до 10.000 дес.—уже 23, при покупкахъ отъ 1.000 до 5.000 дес.—39 рублей; при покупкахъ

участками отъ 50 до 100 дес. платили, въ среднемъ, уже 55 р., отъ 20 до 50 дес.—58 р., отъ 10 до 20 дес.—68 р., а средняя цѣна земли при покупкахъ мелкими участками, не свыше 10 дес. каждый, достигала уже 156 рублей за десятину. По даннымъ за 1897 годъ средняя цѣна земли при покупкахъ не свыше 25 дес. была 127 рублей, при покупкахъ отъ 25 до 500 дес.—63 рубля, при покупкахъ свыше 500 дес.—уже только 44 рубля за десятину; по даннымъ за 1907 годъ среднія цѣны по тѣмъ же тремъ категоріямъ покупокъ были: 158, 120 и 90 рублей. И это совершенно понятно: мелкіе покупщики покупаютъ землю по крайней нуждѣ и потому вынуждены платить какія угодно, хотя бы явно убыточныя цѣны; напротивъ, чѣмъ крупнѣе размѣръ покупаемаго участка, тѣмъ болѣе покупщики руководятся правильнымъ расчетомъ, тѣмъ менѣе они пойдутъ на убыточныя цѣны,—и тѣмъ чаще, наоборотъ, нужда въ деньгахъ заставляетъ продавцовъ итти даже на слишкомъ большое пониженіе цѣнъ. Впрочемъ, и помимо крайней нужды: какъ мы увидимъ, когда будемъ говорить объ арендѣ, у трудовыхъ земледѣльцевъ и *расчетъ другой,* чѣмъ у покупщиковъ капиталистическаго типа.

Аренда частновладѣльческихъ земель.

Значитъ, купить землю далеко не всѣмъ по средствамъ, и въ особенности не по средствамъ тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ землѣ. И вотъ, главнымъ, наиболѣе обычнымъ средствомъ расширенія крестьянскаго землепользованія является аренда, и въ частности—аренда частновладѣльческихъ земель. *Сколько* земли въ общемъ итогѣ арендуютъ крестьяне,—объ этомъ мы не имѣемъ сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній. По подсчету покойнаго проф. Карышева, общая площадь арендуемой земли по 183 уѣздамъ, для которыхъ въ то время имѣлись земско-статистическія данныя, достигала 10 милліоновъ десятинъ, что составляетъ около одной пятой части общей площади надѣльной земли въ тѣхъ же уѣздахъ; для всей Европейской Россіи общее количество арендуемыхъ земель должно было бы, по этому расчету, достигать, примѣрно, 20—25 милліоновъ десятинъ. По подсчету, сдѣланному Елецкимъ комитетомъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ 1902 году крестьянами арендуется земли до 50 милліоновъ десятинъ. Эта послѣдняя цифра, впрочемъ, явно невѣрна: въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ вовсе нѣтъ такого количества земельныхъ угодій,—а вѣдь помѣщики не всѣ свои земли сдаютъ

въ аренду, а на значительной части ихъ ведутъ свое экономическое хозяйство. Впрочемъ, ошибка тутъ не такъ ужъ велика: если въ нѣкоторыхъ районахъ подъ экономическою запашкой состоитъ значительная часть владѣльческой земли, то въ другихъ, напротивъ, хозяйство за собственный счетъ владѣльцевъ ведется на какой-нибудь четвертой, пятой, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже десятой части владѣльческихъ земель, а все остальное сплошь арендуется крестьянами. Такъ или иначе—не подлежитъ сомнѣнію, что площадь арендуемыхъ крестьянами земель—это десятки милліоновъ десятинъ, и можно положительно сказать, что аренда, какъ способъ расширенія землепользованія крестьянской массы, имѣетъ большее значеніе, чѣмъ покупка земли: для арендованія, съ одной стороны, не требуется сколько-нибудь крупныхъ единовременныхъ затратъ, а съ другой—легче найти для аренды мелкій клочокъ земли, посильный для зауряднаго крестьянина, чѣмъ найти такой же клочокъ для покупки. Однако, и аренда—даже оставляя пока въ сторонѣ вопросъ объ условіяхъ—далеко не въ достаточной степени восполняетъ испытываемый крестьянами недостатокъ въ надѣльной землѣ,—по признанію комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности аренда вмѣстѣ съ покупкой земли «далеко не можетъ наверстать той потери душевой пропорціи, которая обусловливается приростомъ» (Сосновскій). Большое значеніе имѣетъ здѣсь, прежде всего, мѣстоположеніе земли: чтобы малоземельный крестьянинъ могъ арендовать ее и вести на ней хозяйство одновременно съ хозяйствомъ на надѣльной землѣ, необходимо, чтобы земля была подъ рукою,—а между тѣмъ запасы земель, доступныхъ для арендованія, размѣщаются по странѣ далеко не соотвѣтственно нуждѣ въ арендованіи. Рѣзкій примѣръ представляютъ, въ этомъ отношеніи, государственныя земли въ Заволжскомъ краѣ: запасы такъ называемыхъ казенныхъ оброчныхъ статей здѣсь довольно велики,—но фактически эти земли арендуются, главнымъ образомъ, наиболѣе многоземельными крестьянами, потому что казенныя оброчныя статьи почти всѣ располагаются поблизости отъ хорошо обезпеченныхъ землею бывшихъ казенныхъ селеній и совершенно недоступны, по своему мѣстоположенію, для малоземельныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Съ другой стороны, для того, чтобы малоземельные крестьяне могли арендовать землю, нужно, чтобы она сдавалась

и чтобы были средства для арендованія. Между тѣмъ, та или другая часть владѣльческихъ земель обрабатывается за собственный счетъ владѣльцевъ, значитъ, вовсе не сдается въ аренду, и эта часть увеличивается по мѣрѣ усиленія крестьянской бѣдности: чѣмъ сильнѣе нищаютъ крестьяне, тѣмъ неисправнѣе они вносятъ арендные платежи, тѣмъ большая часть арендной платы остается въ недоимкѣ,—и это обстоятельство побуждаетъ многихъ владѣльцевъ прекращать сдачу земли въ аренду и переходить къ собственному хозяйству. Въ свое время площадь сдаваемой въ аренду земли значительно сократилась, между прочимъ, благодаря росту сахарной промышленности: многіе владѣльцы нашли для себя болѣе выгоднымъ, вмѣсто прежде практиковавшейся сдачи земли въ аренду, обратить землю подъ свекловичныя плантаціи,—и это обстоятельство въ такихъ губерніяхъ, какъ Курская, Полтавская и др., очень усилило земельную нужду и многихъ изъ прежнихъ арендаторовъ заставило двинуться на переселеніе.

Ея условія. Условія крестьянской аренды—это слишкомъ хорошо извѣстно—крайне тяжелы, потому что они цѣликомъ предписываются безысходною крестьянскою нуждою. «Важно не только то,—говоритъ Елецкій комитетъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—что изъ двухъ крестьянскихъ дворовъ одинъ арендуетъ помѣщичью землю, но, главнымъ образомъ, то, что этотъ арендующій дворъ *не можетъ обойтись* безъ пользованія чужою землею... Иногда крестьяне бываютъ вынуждены арендовать тѣ или другія угодья просто для избѣжанія потравы ихъ скотомъ, уплачивать штрафы за которыя для для нихъ является не подъ силу. Такимъ образомъ, наши крестьяне арендуютъ владѣльческія земли не только, когда онѣ нужны имъ, но и тогда, когда онѣ имъ *не* нужны. При такомъ значеніи арендуемой земли съемщикъ готовъ платить за нее очень высокую цѣну, лишь бы въ его распоряженіи оставалось нѣкоторое количество необходимыхъ продуктовъ. Разумѣется, такой арендаторъ не помышляетъ о полученіи обычнаго процента на затраченный капиталъ, потому что онъ никакого капитала не затрачиваетъ, а является съемщикомъ-работникомъ, затрачивающимъ только свою рабочую силу; но онъ даже не заботится о полученіи въ вознагражденіе за свой трудъ средней заработной платы. Ему *безусловно необходимо* добыть извѣстное добавочное

количество пищи для себя и для своей семьи или извѣстный запасъ корма для скота, и онъ волей-неволей вынужденъ затрачивать максимумъ труда для достиженія хотя бы минимальныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ арендная плата обыкновенно достигаетъ чрезвычайной высоты, оставляя съемщику лишь крайне скудное вознагражденіе за его труды». «Ненормальное повышеніе цѣнъ,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ на основаніи сведенныхъ имъ отзывовъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,— засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ показаній, причемъ почти всѣ лица, касавшіяся этого вопроса, ставятъ этотъ фактъ въ непосредственную связь съ малоземельемъ». «Вслѣдствіе прироста населенія и недостаточности земли, полученной при первоначальномъ надѣлѣ,—читаемъ мы въ одной запискѣ,—спросъ на земли со стороны крестьянъ и цѣны на земли ежегодно растутъ, въ особенности цѣны...» «Съ малоземельемъ,—пишетъ членъ одного изъ уѣздныхъ комитетовъ,—еще можно было бы бороться при нормальныхъ арендныхъ цѣнахъ на землю, но, съ одной стороны, высокая аренда земли, а съ другой—рядъ тяжелыхъ условій создали для крестьянъ безвыходное положеніе. Рядъ урожайныхъ лѣтъ поднялъ арендныя цѣны до такой высоты, что при даровомъ крестьянскомъ трудѣ и при хорошемъ урожаѣ въ пользу крестьянина остается лишь солома да мякина». Крестьянинъ, владѣющій лишь клочкомъ земли, по свидѣтельству одного комитета, «готовъ дать какую угодно цѣну, лишь бы, за покрытіемъ расходовъ на живой и мертвый инвентарь, получился остатокъ, оплачивающій хотя сколько-нибудь его личный трудъ. Въ результатѣ мы видимъ страшный подъемъ цѣнъ за послѣднее десятилѣтіе—арендная плата уже подходитъ къ уровню голодныхъ арендныхъ цѣнъ». «Арендныя цѣны,—читаемъ мы еще въ одной запискѣ,—обнаруживаютъ значительную наклонность къ повышенію. Нужда въ землѣ съ ростомъ населенія будетъ все увеличиваться, и принужденные арендовать крестьяне заплатятъ и повышенную аренду, такъ что излишекъ доходности отъ улучшенія сельскаго хозяйства уйдетъ, можетъ быть, весь на повышеніе аренды»... И такія свидѣтельства имѣютъ тѣмъ большую цѣну, такія показанія приходится признать тѣмъ болѣе достовѣрными, что вѣдь авторы записокъ, какъ и вообще участники сельскохозяйственныхъ комитетовъ, въ большинствѣ, принадлежатъ къ помѣстному дворянству, и съ ихъ

стороны никакъ нельзя предполагать намѣреннаго изображенія арендныхъ отношеній въ худшемъ видѣ, чѣмъ они есть въ дѣйствительности.

Свидѣтельства этого рода вполнѣ совпадаютъ, при чемъ съ указаніями экономической науки, которая—впрочемъ—на ряду съ *моментомъ крайней нужды* выдвинула, въ послѣднее время, и другой моментъ, именно *своеобразный характеръ экономическаго расчета* въ крестьянскомъ трудовомъ хозяйствѣ, рѣзко отличающійся отъ характера расчета въ хозяйствѣ капиталистическаго типа. *Капиталистическій* хозяинъ во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, и въ частности тогда, когда онъ арендуетъ (или покупаетъ) землю, всегда руководствуется однимъ мотивомъ—*стремленіемъ къ барышу,* къ мыслимо *выгодному помѣщенію капитала; трудовой* земледѣлецъ стремится, прежде всего, къ возможно *полному использованію своего труда*, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ *покрытію* своихъ, обычныхъ въ крестьянскомъ быту, и, прежде всего, продовольственныхъ *потребностей.* Въ то время, поэтому, какъ арендаторъ (и такъ же точно покупщикъ) *капиталистическаго* типа согласится заплатить за арендуемую (а покупщикъ—за покупаемую) землю лишь такую цѣну, за покрытіемъ которой и за оплатою всего труда, вообще всѣхъ издержекъ по обработкѣ земли, онъ сможетъ разсчитывать удержать въ свою пользу прибыль на затраченный имъ капиталъ,—арендаторъ (или покупщикъ) *трудового* типа, не думающій о прибыли, охотно подниметъ арендную плату до такого размѣра, при какомъ ему не останется никакого барыша,—лишь бы только *окупился его трудъ*, затраченный на обработку земли. Спрашивается, какъ поступитъ онъ, если землевладѣлецъ будетъ требовать *еще болѣе высокой* платы? Если онъ можетъ найти себѣ подходящій заработокъ на сторонѣ,—онъ на такую еще болѣе высокую плату не пойдетъ: ему будетъ тогда выгоднѣе заработать гдѣ-нибудь на сторонѣ, чѣмъ арендовать землю, безъ надежды даже на полную оплату своего труда. А если онъ не можетъ найти себѣ «сподручнаго» заработка? Въ такомъ случаѣ онъ можетъ поступить различно. Если надѣлъ обезпечиваетъ удовлетвореніе его самыхъ насущныхъ потребностей, «прокармливаетъ» его,—онъ на такую высокую цѣну, можетъ быть, и не пойдетъ, не пожелаетъ работать «себѣ въ убытокъ»; а можетъ быть, и пойдетъ, потому что предпочтетъ работать на заарендованной землѣ, хотя бы

даже при неполной оплатѣ своего труда, чѣмъ «лежать на печи» и оставить свой трудъ вовсе неиспользованнымъ. И уже навѣрно онъ поступитъ именно такъ,—онъ уже навѣрно согласится заплатить такую цѣну, которая не оставитъ ему и полной оплаты его труда, если надѣлъ его *не* прокармливаетъ, и если аренда, значитъ, является такъ называемою «продовольственною» арендой. Тутъ уже, въ самомъ дѣлѣ, арендаторъ будетъ руководствоваться *не расчетомъ,* а *безысходною нуждою.* Разъ ему приходится одно изъ двухъ: либо остаться безъ удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ потребностей, т.-е. попросту голодать, либо добывать недостающія продовольственныя средства, хотя бы «себѣ въ убытокъ», съ арендованной земли, онъ поневолѣ долженъ будетъ отдать землевладѣльцу весь избытокъ сверхъ «прожиточнаго минимума», т.-е. сверхъ той части валового дохода съ арендуемой земли, какой ему не хватаетъ, чтобы прокормиться...

Очень любопытны данныя объ арендныхъ цѣнахъ въ Полтавской губерніи, приводимыя М. И. Туганъ-Барановскимъ въ его книжкѣ «Національзація земли». Среднія цѣны земли при крестьянской продовольственной арендѣ въ 1890—1893 гг. колебались между 8 р. 61 к. и 9 р. 73 к. за десятину; въ 1894 и 1895 гг. средняя арендная цѣна падаетъ до 8 р. 93 к. и даже 7 р. 93 к., по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ очень усилившагося, какъ разъ въ это время, выселенія крестьянъ изъ Полтавской губерніи и обусловленнаго имъ сокращенія спроса на землю. Съ 1896 г. арендныя цѣны вновь начинаютъ расти и въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ поднимаются съ 8 р. 33 к. до 12 р. 60 к. А между тѣмъ, арендныя цѣны при болѣе крупной арендѣ, гдѣ арендаторы, соглашаясь на ту или иную цѣну, дѣйствуютъ не подъ давленіемъ крайней нужды, а подъ вліяніемъ извѣстнаго хозяйственнаго расчета, въ 1890 году не превышали 6 р. 56 к.; и эти цѣны также болѣе или менѣе непрерывно поднимались,—тѣмъ не менѣе, и въ 1901 году средняя арендная цѣна при такой, такъ называемой, предпринимательской арендѣ не превышала, въ среднемъ, 8 р. 68 к. Значитъ, крестьяне, арендовавшіе землю по мелочамъ, при такъ называемой «продовольственной» арендѣ переплачивали на каждой десятинѣ въ 1890 году по 2 р. 1 к., въ 1901 году—3 р. 92 к.; въ началѣ даннаго 11-лѣтняго періода имъ приходилось переплачивать около одной трети, въ концѣ уже, приблизительно, половину сверхъ того,

что позволялъ платить правильный хозяйственный расчетъ; очевидно, только безысходная нужда могла заставить ихъ соглашаться на такія переплаты. И переплачивать приходится тѣмъ больше, чѣмъ острѣе земельная нужда, иначе сказать, чѣмъ меньше у крестьянъ надѣльной земли. Въ Рязанскомъ уѣздѣ, напримѣръ, крестьяне съ надѣломъ отъ $1^1/_2$ до 3 десятинъ платятъ за арендуемую землю, въ среднемъ, по 11 р. 21 к., крестьяне съ надѣломъ отъ 3 до 5 дес.—уже только 6 р. 49 к., имѣющіе свыше 5 десятинъ—5 р. 77 к. Въ Орловскомъ уѣздѣ за десятину подъ озимое платятъ въ районѣ лучшихъ земель, среднимъ числомъ, по 19 р. 70 к., въ районѣ худшихъ земель не только не дешевле, но дороже, по 20 р. 70 к.,—и это только потому, что крестьяне здѣсь имѣютъ меньше надѣльной земли, а потому вынуждены за плохую землю платить дороже, чѣмъ лучше обезпеченные землею крестьяне платятъ за хорошую землю.

Натуральная аренда.

Быстро растутъ цѣны не только при денежной, но и при такъ называемой натуральной арендѣ—*изъ части* продукта: еще въ 1895 г. около четверти всѣхъ такого рода арендъ (23%) оплачивалось одною третью продукта, въ 1900 г. уже только одна десятая (10%); изъ половины въ 1895 году снималось менѣе трехъ четвертей (72%), въ 1900 году уже почти шесть седьмыхъ (86%) всей натуральной аренды, да притомъ, за этотъ короткій періодъ, значительно чаще стали случаи доплатъ: въ 1895 году такія доплаты производились только въ одной трети (32%), въ 1900 году уже почти въ половинѣ (45%) случаевъ.

Между прочимъ, нѣсколько словъ объ особенностяхъ *натуральной* аренды. Извѣстно, что натуральная аренда существуетъ рядомъ съ денежною, и ясно, что къ натуральной арендѣ, изъ доли продукта или изъ доли обработанной земли, должны прибѣгать по преимуществу *наиболѣе бѣдные* крестьяне, не имѣющіе свободныхъ средствъ для денежной аренды; но особенно распространена натуральная аренда, въ отработочной формѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянамъ приходится арендовать у сосѣднихъ владѣльцевъ всякіе клинья, черезполосно-лежащіе участки или безусловно необходимые имъ выпасы или водопои. Для помѣщиковъ, въ такого рода случаяхъ, издольная аренда и отработки—самый вѣрный и самый выгодный способъ обезпечить свое хозяйство дешевою рабочею силой,—хотя тутъ же приходит

сказать, что испольщина и отработки чрезвычайно дурно отражаются на обработкѣ земли во владѣльческихъ имѣніяхъ и являются однимъ изъ существеннѣйшихъ препятствій къ улучшенію владѣльческаго хозяйства. Еще гораздо болѣе ощутителенъ, конечно, тотъ вредъ, который испольщина и отработки за землю приносятъ крестьянскому хозяйству. Отработки берутъ у крестьянина все лучшее полевое время, изъ-за отработковъ крестьянинъ не успѣваетъ во-время вывезти навозъ; пока онъ отжинаетъ хлѣбъ помѣщика, утекаетъ его собственный хлѣбъ, пока онъ откашивается на помѣщика, засыхаетъ его собственная трава. Да и независимо отъ натуральной или отработочной формы, краткосрочная аренда—вещь, вредная во всѣхъ отношеніяхъ: у погоднаго съемщика, или арендатора, снимающаго землю на одинъ кругъ, нѣтъ никакого расчета хорошо обрабатывать землю,—тѣмъ болѣе нѣтъ расчета затрачивать много навоза; такіе съемщики либо вовсе не удобряютъ арендуемую землю, либо удобряютъ ее очень плохо, гораздо хуже, чѣмъ надѣльную, а потому и урожаи на такой землѣ получаются самые плохіе; по даннымъ земской статистики—хуже не только, чѣмъ на помѣщичьей запашкѣ, но даже хуже, чѣмъ на крестьянской надѣльной землѣ.

Но нужда *заставляетъ* арендовать и *заставляетъ* платить, сколько требуетъ помѣщикъ. Въ нормальныхъ условіяхъ, когда арендаторъ можетъ руководиться правильнымъ хозяйственнымъ расчетомъ, онъ отдаетъ землевладѣльцу такъ называемую ренту—избытокъ сверхъ оплаты затрачиваемаго труда и процентовъ на затраченный капиталъ. Крестьянинъ-арендаторъ и не мечтаетъ о какихъ-то процентахъ; въ видѣ правила аренда не оплачиваетъ даже его труда, и, напримѣръ, въ Херсонской губерніи, по расчетамъ земскихъ статистиковъ, крестьяне-арендаторы терпятъ на каждой арендуемой десятинѣ, среднимъ числомъ, 3 р. 33 к. убытка; крестьянинъ, нерѣдко, не надѣется даже заработать, онъ хочетъ только какъ-нибудь прокормиться отъ аренды. Онъ платитъ землевладѣльцу не такъ называемую «дифференціальную ренту», т.-е. избытокъ сверхъ оплаты затраченнаго труда и капитала, а «абсолютную» или «монопольную» ренту: крестьянинъ *не можетъ прожить* безъ аренды, а землевладѣлецъ воленъ сдать или не сдать землю, и потому крестьянину приходится арендовать себѣ въ убытокъ, приходится отдавать землевладѣльцу

не только излишекъ земельнаго дохода, но и значительную часть того, что ему слѣдовало бы получить въ оплату своего труда и своихъ затратъ на обработку земли.

Аграрныя волненія.

Вотъ какими чертами обрисовывается положеніе русскаго крестьянства въ послѣднія десятилѣтія. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ создалось то настроеніе,—та неутолимая ненависть крестьянина къ «барину»-помѣщику, которыя нашли себѣ наиболѣе рѣзкое и во всѣхъ отношеніяхъ печальное выраженіе какъ въ той волнѣ аграрныхъ безпорядковъ и погромовъ, которая началась съ 1901 года и, постепенно разрастаясь, въ концѣ-концовъ слилась съ политическимъ революціоннымъ движеніемъ 1905—1906 годовъ,—такъ и въ особенности въ томъ сплошномъ разгромѣ, среди котораго мы живемъ сейчасъ,—разгромѣ, который грозитъ не однимъ только уничтоженіемъ крупнопомѣстныхъ владѣній, но и разрушеніемъ болѣе или менѣе всего, что за послѣднія десятилѣтія было сдѣлано для повышенія сельскохозяйственной культуры; грозитъ не на одно, можетъ быть, десятилѣтіе задержать именно то, въ чемъ—какъ мы увидимъ дальше—только и можно видѣть *дѣйствительное* разрѣшеніе нашего аграрнаго вопроса: задержать культурный подъемъ нашего земледѣлія и обусловленное имъ повышеніе производительности и доходности земли. Повторяю и настаиваю: въ этихъ погромахъ и разгромахъ враждебное крупнопомѣстному землевладѣнію настроеніе крестьянства нашло себѣ во всѣхъ отношеніяхъ печальное, и болѣе чѣмъ печальное, выраженіе. Говорятъ, что самочинные захваты земель, разгромы усадебъ, поджоги и т. п.— это все проявленія «народной воли» и «народной мысли», требующей коренной реформы существующихъ земельныхъ отношеній. Но такой способъ изъявленія народной воли и народной мысли—это, несомнѣнно, худшій, какой только можетъ быть, способъ защищать свои права и отстаивать свои интересы.

И такое настроеніе создалось уже давно. Не даромъ въ правительственныхъ сферахъ, заходила ли рѣчь о кредитѣ для крестьянъ на покупку земли, или о переселеніи, или еще о чемъ-нибудь подобномъ, сейчасъ же возникалъ вопросъ о «превратныхъ толкованіяхъ», «слухахъ», «несбыточныхъ ожиданіяхъ» общаго равненія земли и т. п. Не даромъ императоръ Александръ III во время коронаціи счелъ необходимымъ подтвердить

передъ представителями крестьянства неприкосновенность частной поземельной собственности. Крестьянство, дѣйствительно, не видитъ другого выхода изъ своего безотраднаго положенія, кромѣ увеличенія земельнаго надѣла, и всѣ его вожделѣнія направлены на землю, на помѣщичью землю. Это настроеніе, повторяю, уже давно проявлялось въ постоянныхъ самовольныхъ захватахъ земли—«тѣсныя рамки надѣльнаго землевладѣнія ломились подъ напоромъ той силы, которая заключается въ нихъ, но сдержать которую не въ силахъ никакая власть» (Мануиловъ). Это настроеніе уже давно проявлялось въ постоянныхъ «нарушеніяхъ сельскохозяйственной собственности», на которыя въ 1902 году такъ единодушно и горько жаловались представители помѣстнаго землевладѣнія, а отчасти—даже и крестьяне, въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ этихъ нарушеніяхъ, несомнѣнно, проявлялся твердо укоренившійся взглядъ крестьянъ на свои права и на свои отношенія къ помѣстному землевладѣнію. «Въ сознаніи крестьянина,—говорятъ московскіе земскіе дѣятели въ своемъ докладѣ мѣстному комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—никакъ не укладывается представленіе о томъ, чтобы въ его распоряженіе могло быть предназначено такъ мало земли. Во многихъ случаяхъ населеніе предполагаетъ, что у него такъ мало земли не потому, чтобы на его долю *полагалось* такое малое количество ея, а потому, что ему въ натурѣ отведено меньше, чѣмъ слѣдуетъ. И вотъ, оно безпрестанно возбуждаетъ дѣла объ отысканіи принадлежащей ему земли, объ установленіи границъ ея, приглашаетъ для того на свой счетъ землемѣровъ, при чемъ послѣднимъ, нерѣдко, не приходится доканчивать принятую на себя задачу, такъ какъ, если производимый землемѣромъ обмѣръ не отвѣчаетъ ожиданіямъ пригласившаго его общества, то со стороны послѣдняго можетъ грозить землемѣру довольно серьезная опасность». «Это тревожное состояніе крестьянства,—замѣчаетъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ,—выразившееся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ очень острыхъ уже формахъ (писано въ 1904 году), заставило считаться съ крестьянскимъ малоземельемъ и такихъ дѣятелей, которые въ другомъ случаѣ, можетъ быть, предпочли бы обойти этотъ вопросъ молчаніемъ».

Требованія земли. И съ полнѣйшимъ единодушіемъ требованіе земли звучало во всѣхъ, по всякимъ случаямъ, заявленіяхъ крестьянъ. «Земли мало—это основной мотивъ большинства крестьянскихъ заявленій, какія мы находимъ въ трудахъ работавшихъ въ 1901—1902 годахъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Въ преніяхъ комитетовъ члены изъ крестьянъ по вопросу о малоземельѣ проявляли больше всего единодушія, въ своихъ докладахъ и запискахъ они удѣляли ему преимущественное вниманіе. Съ еще большею силой этотъ мотивъ звучалъ въ тѣхъ прошеніяхъ и приговорахъ, какіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, были представлены въ комитеты волостными и сельскими обществами, и въ тѣхъ словесныхъ заявленіяхъ, какія были сдѣланы ихъ уполномоченными представителями» (Пѣшехоновъ). Жалобы на малоземелье, требованія земли, опредѣленно сознаваемое право на помѣщичью землю,—все это находило себѣ рѣзкое и единодушное выраженіе и въ тысячахъ прошеній, подававшихся крестьянами въ правительственныя учрежденія, и въ наказахъ крестьянскихъ депутатовъ, и въ рѣчахъ послѣднихъ въ Государственной Думѣ какъ перваго, такъ и второго призыва. Тѣ же жалобы и тѣ же требованія громко раздавались на состоявшемся въ Москвѣ, въ 1906 году, старообрядческомъ съѣздѣ. И здѣсь—все тотъ же всеобщій вопль о землѣ; и здѣсь этотъ вопль имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что въ немъ нельзя видѣть продукта какой-нибудь партійной агитаціи: напротивъ, господствовавшее на съѣздѣ настроеніе было опредѣленно-монархическое: старообрядцы всѣ свои надежды возлагали на Царя, они были явно враждебны тому, что они называли «демократіей», они высказывались противъ насильственныхъ способовъ разрѣшенія земельнаго вопроса, — и, тѣмъ не менѣе, они единодушно требовали: земли, земли, земли... О сегодняшнемъ днѣ уже не приходится говорить. Требованіями земли завалено дѣлопроизводство главнаго земельнаго комитета и мѣстныхъ комитетовъ, а на мѣстахъ эти требованія, такъ или иначе, худо ли или хорошо, воплотились въ жизнь...

Пособія. Сборникъ «Нужды деревни», т. II, статьи *Пѣшехонова* «Земельныя нужды деревни» (имѣется отдѣльнымъ изданіемъ) и *Каминки* («Аренда»).—Сборникъ «Аграрный вопросъ», т. I, статья *Мануилова*.—«Очерки по крестьянскому вопросу», подъ ред. проф. Мануилова, гл. обр. статьи *Розенберга* (въ вып. I) и *Мануилова*

(въ вып. 2).—*Каблуковъ.* «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи», гл. обр., главы III, VI. VII, и VIII.—*Туганъ-Барановскій.* «Націонализація земли», гл. обр., глава VI.—*Кауфманъ.* «Переселеніе—мечты и дѣйствительность» (брош., изд. «Народное Право»).—*Онъ же.* «Переселеніе и колонизація».—*Онъ же.* «Вопросы экономики и статистики крестьянскаго хозяйства.—«*Косинскій.* «Къ аграрному вопросу».—Кн. *Н. В. Шаховской.* «Земледѣльческій отходъ крестьянъ».—*Лохтинъ.* «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи по сравненію съ другими странами».—*Макаровъ, Н.* «Крестьянское хозяйство и его интересы».—*Мозжухинъ.* «Аграрный вопросъ въ цифрахъ и фактахъ дѣйствительности».—*Кондратьевъ.* «Аграрный вопросъ. О землѣ и земельныхъ порядкахъ».—*Кауфманъ.* «Къ аграрному вопросу».

ЛЕКЦІЯ ТРЕТЬЯ.

Правительственныя мѣропріятія.

Въ настоящей лекціи мнѣ предстоитъ дать краткій обзоръ того, что дѣлалось правительствомъ въ областяхъ, прямо или косвенно соприкасающихся съ земельнымъ вопросомъ,—дать обзоръ нашей аграрной политики за время, слѣдовавшее за освобожденіемъ крестьянъ. Считаю, однако, нужнымъ теперь же оговориться: я не буду входить въ сколько-нибудь подробную характеристику и оцѣнку мѣропріятій революціонныхъ правительствъ въ аграрной области; не буду потому, что считаю оцѣнку *текущихъ событій* выходящею изъ рамокъ настоящаго курса.

Мы видѣли, что сущность аграрнаго вопроса сводится къ тому, что народу, по тѣмъ или инымъ причинамъ, стало тѣсно на надѣльной землѣ. Первая, насущная потребность—это была, поэтому, потребность въ *расширеніи* крестьянскаго землевладѣнія. Что же, спрашивается, было сдѣлано въ этомъ направленіи? Само собою ясно, что самодержавное правительство дѣйствовало и могло дѣйствовать лишь на почвѣ дѣйствовавшаго права, въ основѣ котораго лежало признаніе начала частной поземельной собственности. А оставаясь на этой почвѣ, оно могло дѣлать только двѣ вещи: во-первыхъ, использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія многомилліонные запасы казенныхъ или государственныхъ земель, и во-вторыхъ, содѣйствовать передвиженію владѣльческихъ земель въ руки малоземельнаго крестьянства, въ порядкѣ добровольной купли и продажи.

Въ области использованія казенныхъ земель передъ государствомъ было открыто два пути: одинъ—переселеніе, другой—аренда такъ называемыхъ оброчныхъ статей. Разсмотримъ, съ возможною краткостью, каждый изъ этихъ двухъ путей.

Переселенческая политика.

а) *Переселеніе.* Это—исконный процессъ разселенія земледѣльцевъ по территоріи страны, и правильная государственная политика заключалась бы, конечно, въ томъ, чтобы возможно широко использовать издавнюю тягу крестьянъ «на новыя мѣста»; использовать ее и ради заселенія, колонизаціи этихъ «новыхъ мѣстъ», и ради разрѣженія населенія тамъ, гдѣ ему слишкомъ тѣсно стало жить. Такой именно, правильный взглядъ на переселеніе существовалъ въ эпоху знаменитаго николаевскаго министра государственныхъ имуществъ П. Д. Киселева. Во время его управленія государственныя земли разсматривались какъ государственная вотчина; само министерство государственныхъ имуществъ смотрѣло на себя какъ на вотчинника, въ интересахъ котораго было: съ одной стороны, заселить пустопорожнія земли и такимъ образомъ сдѣлать ихъ доходными; съ другой—перевести рабочія руки оттуда, гдѣ имъ было тѣсно и гдѣ онѣ, поэтому, не находили приложенія, въ мѣстности, гдѣ простора было много и гдѣ трудъ крестьянъ могъ найти для себя выгодное примѣненіе. Отсюда вытекала широкая и планомѣрная система переселенія государственныхъ крестьянъ и попеченія о переселенцахъ: право на переселеніе предоставлялось всѣмъ, имѣвшимъ менѣе 5 дес. на душу послѣдней ревизіи; переселеніе производилось организованными партіями; переселенцамъ отводилась земля и оказывалась помощь ссудами и предметами обзаведенія. Этимъ путемъ въ 50-хъ годахъ были переселены, частью въ южныя и юго-восточныя губерніи, частью—въ Сибирь, многія сотни тысячъ крестьянъ, и старики съ благодарностью вспоминаютъ о томъ, какъ о нихъ заботились во время переселенія.

Время П. Д. Киселева.

Но эта широкая и мудрая переселенческая политика началась и кончилась вмѣстѣ съ Киселевымъ, и при его преемникѣ, Муравьевѣ, переселеніе государственныхъ крестьянъ было совершенно пріостановлено.

60-е и 70-е года.

Наступилъ 1861 годъ. Переселеніе, какъ хорошо понимали въ то время редакціонныя комиссіи, было необходимымъ звеномъ въ дѣлѣ поземельнаго устройства выходившихъ на волю крестьянъ, особенно въ виду того, что крестьянская реформа либо создала вновь, либо навсегда закрѣпила безземелье сотенъ тысячъ крестьянъ и мало-

земелье цѣлыхъ милліоновъ. А между тѣмъ, положенія 19 февраля ничего не говорятъ о переселеніи, и правительство въ теченіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ проявляетъ, по словамъ офиціальныхъ документовъ, «пассивное и даже отрицательное отношеніе» къ переселенію; оно стремится *не цѣлесообразно использовать, а задержать,* всячески *затормозить* переселеніе. И это совершенно понятно; вѣдь единственный вліятельный классъ—это было земельное дворянство, а оно было заинтересовано въ томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ крестьянъ, которые имъ поставляли дешевыхъ рабочихъ и выгодныхъ арендаторовъ. И вотъ, первые двадцать лѣтъ послѣ 19 февраля правительство просто не хотѣло ничего знать о переселеніи. Единственное исключеніе было допущено только для двухъ мѣстностей: особыми законами было разрѣшено переселеніе на Алтай, потому что это было выгодно владѣвшему огромнымъ Алтайскимъ округомъ кабинетскому вѣдомству, и на Дальній Востокъ, потому что этого требовали интересы внѣшней государственной политики, именно необходимость заселить границу имперіи съ Китаемъ.

Но хотя правительство и не хотѣло знать переселенія,—а переселеніе росло изъ года въ годъ. За 70-е годы въ предкавказскій край прошло до 200 тыс. душъ, въ уфимскій—до 120 тысячъ. Въ министерства массами поступали прошенія о переселеніи, земства возбуждали ходатайства объ изданіи закона, разрѣшающаго переселеніе,—и вотъ, въ 1881 году издаются первыя «временныя правила», предоставляющія министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ разрѣшать переселеніе, а еще нѣсколько раньше начинается выработка постояннаго закона о переселеніи. По первоначальнымъ предположеніямъ, имѣлось въ виду организовать переселеніе довольно широко; но государственный совѣтъ, сыгравшій такую печальную роль въ исторіи положеній 19 февраля, и тутъ проявилъ себя защитникомъ интересовъ помѣстнаго класса. Государственный совѣтъ нашелъ, что малоземелье прекрасно устраняется дешевою арендою владѣльческихъ земель и покупкою ихъ при содѣйствіи незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго крестьянскаго банка; правительство, по мнѣнію государственнаго совѣта, должно «скорѣе сдерживать переселеніе, нежели поощрять его оказаніемъ содѣйствія въ разныхъ видахъ»; а уже если издавать законъ о переселеніи, то

Законъ 1889 года.

такъ, чтобы не давать «пищи какъ преувеличеннымъ надеждамъ, такъ неосновательнымъ ожиданіямъ дополнительныхъ надѣловъ»,—чтобы мужикъ не подумалъ, что правительство взяло на себя устроить всѣхъ малоземельныхъ. Я не могу подробно разсматривать постановленій утвержденнаго 13 іюля 1889 г. закона о переселеніи,—достаточно сказать, что переселеніе на казенныя земли въ Европейской Россіи допускалось лишь на правахъ 12-лѣтней аренды, и только послѣ истеченія 12-лѣтняго срока земля могла быть предоставлена переселенцамъ въ постоянное пользованіе; это—для того, чтобы мужикъ не подумалъ, что казна раздаетъ малоземельнымъ казенныя земли... «По прежнему,—пишетъ одинъ высокопоставленный и хорошо освѣдомленный авторъ,—подъ вліяніемъ, съ одной стороны, сознанія, что уже невозможно долѣе предоставлять переселенческій вопросъ самому себѣ, правительство рѣшалось на оказаніе нѣкотораго пособія переселяющимся, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ опасенія, чтобы подобное дѣйствіе не вызвало нежелательное (кому?) массовое движеніе народа, оно стремилось ограничить воспособленіе переселенію самыми тѣсными предѣлами»; направленіе переселенческой политики сохраняло «характеръ не столько желанія содѣйствовать развитію и организаціи правильнаго переселенческаго движенія, сколько желанія поставить его въ возможно узкія границы» (Тернеръ). И такое настроеніе правительства находило себѣ выраженіе въ крайне сложномъ и стѣснительномъ порядкѣ разрѣшенія переселенія: дѣла о разрѣшеніи продолжались по два года, такъ что переселенцы сплошь и рядомъ уходили, не дождавшись отвѣта на свои ходатайства. Оно находило себѣ выраженіе въ тѣхъ грошахъ, которые отпускались на переселенческое дѣло: сначала—всего 20.000, немного позднѣе—до 80.000 р., да кромѣ того, 40.000 на обмежеваніе земель для переселенцевъ. Съ такими грошами самые самоотверженные дѣятели (а такіе были среди переселенческихъ чиновниковъ!) ничего не могли, конечно, сдѣлать. Переселенцамъ приходилось терпѣть ужасающія бѣдствія: они мерли тысячами на дорогѣ, мерли на переселенческихъ пунктахъ, мерли отъ истощенія въ первые мѣсяцы по водвореніи на новомъ мѣстѣ. У меня есть фотографія двора на Тюменскомъ переселенческомъ пунктѣ съ установленными въ рядъ 38 переселенческими гробами... Недостатокъ нарѣзанныхъ участковъ велъ къ страшной неуря-

дицѣ въ поземельномъ устройствѣ переселенцевъ,—въ концѣ-концовъ правительству въ мартѣ 1892 года пришлось совершенно пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе. А между тѣмъ переселеніе въ Сибирь все росло—въ 1891 году число переселенцевъ дошло уже до 90 тысячъ. И устраивались въ то время переселенцы не худо, а назадъ почти никто не возвращался: всего какихъ-нибудь 3—4 семьи изъ сотни переселявшихся семей. Это потому, что въ Сибири въ то время было еще сколько угодно свободныхъ земель съ хорошею почвой, легкихъ для разработки, притомъ поблизости отъ старожильскихъ селеній, гдѣ переселенцы всегда могли имѣть очень выгодные заработки; а обзаведеніе въ то время стоило пустяки.

Комитетъ Сибирской желѣзной дороги.

Но вотъ въ 1893 году правительство приступаетъ къ постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Зачѣмъ оно взялось за это громадное дѣло—объ этомъ было бы долго говорить здѣсь. Но разъ взявшись, оно стало заинтересовано въ возможно болѣе сильномъ переселеніи въ Сибирь; только при быстромъ ея заселеніи можно было разсчитывать, что дорога окупитъ затраченныя на нее огромныя деньги. И вотъ, возникаетъ новое учрежденіе—комитетъ Сибирской желѣзной дороги, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, и этотъ комитетъ беретъ на себя завѣдываніе переселеніемъ. Вмѣсто прежняго «сдержанно-отрицательнаго» отношенія, правительство начинаетъ проявлять самое доброжелательное отношеніе къ переселенію; чѣмъ больше будутъ переселяться, тѣмъ лучше—такъ считали въ 1893—1895 годахъ. И въ то же время поняли, что переселеніе въ годъ какихъ-нибудь 200—300 тысячъ душъ, «при ежегодномъ естественномъ приростѣ въ полтора милліона, не можетъ оказать невыгоднаго вліянія на экономическое развитіе страны». Вмѣсто прежнихъ десятковъ тысячъ, на переселеніе стали отпускать милліоны рублей—за десятилѣтіе, начиная съ 1893 года по 1903, было отпущено до 30.000.000; передвиженіе переселенцевъ въ Сибирь было устроено настолько сносно, что усиленная смертность переселенцевъ совершенно исчезла; переселенцамъ стали выдаваться не слишкомъ уже маленькія ссуды, и т. д.

Но широкое развитіе переселенія въ Сибирь встрѣтило непредвидѣнныя препятствія. Усилившееся переселеніе очень скоро заполнило въ Сибири все, что только было хорошихъ и легко

доступныхъ для заселенія земель, по близости отъ старожильскихъ селеній; переселенцевъ пришлось направлять либо въ дремучіе сибирскіе лѣса, такъ называемые урманы и тайгу, либо въ засушливыя, часто безводныя, степи юго-западной Сибири и киргизскаго края; большой наплывъ переселенцевъ повелъ къ значительному ухудшенію заработковъ, къ вздорожанію хлѣба и всѣхъ предметовъ обзаведенія. И вотъ, въ 1896 году обратное переселеніе сразу поднимается до 12%—до 12 семей на каждую сотню переселившихся; въ слѣдующіе годы обратное переселеніе было еще гораздо больше: кругомъ за 1894—1898 годъ возвращалось до 14, за 1899—1903 г.г.—до 19 семей изъ каждой сотни, почти одна пятая часть всѣхъ переселенцевъ. Волей-неволей пришлось опять «сдерживать» переселеніе. По мысли правительства, имѣлось въ виду не запрещать переселеніе, а распространять «сознательное отношеніе» къ тѣмъ трудностямъ, съ которыми переселенцамъ приходится встрѣчаться въ Сибири. Для этой цѣли распространялись брошюры, было установлено обязательное ходачество: прежде чѣмъ переселяться, крестьяне должны были посылать ходоковъ, чтобы на мѣстѣ посмотрѣть, каковы условія устройства на новыхъ мѣстахъ, и зачислить за собою землю. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстнымъ властямъ было поручено «наблюдать, чтобы не переселялись семьи, кои по малочисленности состава или по бѣдности не могутъ разсчитывать на успѣшное устройство своего быта въ Сибири»; получивъ такое порученіе, ретивые губернаторы и земскіе начальники стали требовать отъ желающихъ переселяться предъявленія денежной суммы въ 300 рублей на семью; многіе земскіе начальники стали и вовсе задерживать переселенцевъ, затягивать выдачу проходныхъ свидѣтельствъ, что повело, конечно, къ сильному росту самовольнаго переселенія; во второй половинѣ 90-хъ годовъ только четверть переселенцевъ шла по проходнымъ свидѣтельствамъ, остальныя три четверти—самовольно.

Новѣйшее время.

Въ началѣ 900-хъ годовъ наступаетъ новый поворотъ въ переселенческой политикѣ, вызванный, на этотъ разъ, опять интересами—только уже совсѣмъ другими интересами—землевладѣльческаго класса и видами—только опять-таки совсѣмъ другими видами—государственной политики. Прежде, въ интересахъ помѣщиковъ, правительство проявляло «сдержанное и даже отрицательное от-

ношеніе» къ переселенію. Теперь крайнее обостреніе аграрнаго вопроса стало грозить самому существованію помѣстнаго землевладѣнія. И вотъ переселеніе начинаютъ разсматривать какъ громоотводъ, долженствующій разрѣдить угрожавшую бурей атмосферу нашей деревни. Послѣ первыхъ аграрныхъ волненій, происходившихъ въ 1901—1902 г.г., возникала даже мысль о принудительномъ выселеніи крестьянъ изъ Полтавской губерніи, гдѣ безпорядки были сильнѣе всего. Эта мысль скоро была оставлена, и взамѣнъ ея явилась мысль—воспользоваться добровольнымъ переселеніемъ, какъ средствомъ, чтобы разрѣдить земельную тѣсноту. Два года продолжались работы по составленію новаго закона на основѣ этой мысли; въ концѣ-концовъ этотъ законъ былъ утвержденъ 6 іюня 1904 года. Его основная идея—«улучшеніе, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній»; чтобы достигнуть этой цѣли, предполагалось открыть полную свободу переселенія для всѣхъ крестьянъ, но въ то же время оказывать правительственное содѣйствіе переселенію только тѣхъ, чье выселеніе будетъ признано необходимымъ для указанной выше главной цѣли. Въ самомъ законѣ, однако, оказалось нѣчто иное: подъ названіемъ «удостовѣреній» на право содѣйствія правительства, законъ 6 іюня опять вводитъ предварительное разрѣшеніе, безъ котораго не допускаются посылка ходоковъ и зачисленіе за ними земли,—безъ котораго, вообще, положеніе «свободнаго» переселенца, по закону 6 іюня, хуже, чѣмъ было положеніе «самовольныхъ» по правиламъ, дѣйствовавшимъ до того; и право давать или не давать такія «удостовѣренія» предоставлено все тѣмъ-же земскимъ начальникамъ, значитъ, все тѣмъ-же представителямъ земельнаго дворянства.

Съ самаго начала было ясно, что изъ такого рода попытки совмѣстить «свободу» съ «поощреніемъ» однихъ и «непоощреніемъ» другихъ ничего не можетъ выйти; это я высказывалъ, между прочимъ, въ вышедшей въ началѣ 1905 года моей книгѣ «Переселеніе и колонизація». И, дѣйствительно, правительству совершенно не удалось провести въ жизнь порядка переселенія, установленнаго закономъ 6 іюня, и указомъ 10 марта 1906 года право переселенія и предварительной посылки ходоковъ было предоставленно всѣмъ желающимъ безъ всякихъ ограниченій.

Такую мѣру, конечно, можно было только одобрить. Но бѣда

въ томъ, что, желая довести выселеніе до возможно большаго размѣра, правительство забыло все то, что ему было хорошо извѣстно со временъ комитета Сибирской желѣзной дороги: оно забыло о томъ, что изъ каждыхъ ста ходоковъ отъ 70 до 80 возвращалось назадъ съ пустыми руками, не найдя подходящей земли; что до 20%, или пятая часть, переселенцевъ уходила обратно на родину, совершенно разоренная; забыло, что изъ остающихся въ Сибири почти треть остается безлошадными или однолошадными; забыло о голодовкахъ, которыя не менѣе часто посѣщаютъ переселенцевъ, чѣмъ крестьянъ въ Европейской Россіи. Забывъ обо всемъ этомъ, оно въ первой государственной думѣ заявляло о «громадныхъ пространствахъ пригодной для обработки земли, нынѣ пустующихъ въ азіатскихъ владѣніяхъ имперіи». По официальному свидѣтельству, оно принялось «рекламировать» переселеніе, или попросту зазывать на новыя мѣста, черезъ посредство земскихъ начальниковъ и въ изданіяхъ, предназначенныхъ для распространенія среди крестьянъ. Не удивительно, что уже въ 1906 году переселенческое движеніе въ Сибирь и степной край достигло 220.000 душъ, а въ слѣдующіе три года, какъ уже упоминалось выше, дошло до такихъ никогда небывалыхъ ранѣе размѣровъ, какъ 570, 740 и 680 тысячъ (всѣ эти цифры, впрочемъ, включая ходоковъ—число окончательно переселившихся въ тѣ же годы было 420, 650 и 600 тысячъ). Между тѣмъ, правительство, пустившись на «рекламу» и «пропаганду» переселенія, заранѣе не позаботилось хотя бы только нарѣзать нужное для надѣленія такой массы народа количество земли, а тѣмъ болѣе—проложить дороги къ трудно-доступнымъ мѣстамъ, выяснить степень обезпеченности отводимыхъ земель питьевою водою и т. д. Въ результатѣ получилось, что къ веснѣ 1908 года въ распоряженіи правительства было; въ уже нарѣзанныхъ участкахъ, не болѣе чѣмъ на 50 тыс. душъ незанятой земли,—а между тѣмъ спросъ предвидѣлся на многія сотни тысячъ душевыхъ долей. При такихъ условіяхъ, какъ официально писалось, «поиски земель для переселенцевъ» стали «первою и главною задачей» министерства земледѣлія. Межевыя работы были расширены во много разъ противъ прежняго: въ то время какъ раньше, въ теченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ, съ 1893 по 1905 годъ, было отведено подъ переселеніе всего $11^1/_2$ милліоновъ, теперь, въ пять лѣтъ, съ 1906 по 1910 годъ, было нарѣзано почти 22 милліона деся-

тинъ. Крайняя спѣшка привела къ тому, что подъ переселеніе отводились, сплошь и рядомъ, мало пригодныя для заселенія или недоступныя по бездорожью земли. И что еще важнѣе—поиски земель по необъятнымъ лѣснымъ пространствамъ Сибири дали очень мало практическихъ результатовъ: лѣсныя земли не подходили для переселенцевъ, шедшихъ, главнымъ образомъ, изъ черноземной полосы; десятки и сотни милліоновъ десятинъ въ киргизскихъ степяхъ представляли собой безнадежныя пустыни, а потому нарѣзывать необходимые милліоны десятинъ пришлось все въ той же нешироко южной полосѣ Сибири и той же сѣверной полосѣ киргизскихъ степей, гдѣ уже и безъ того довольно плотно осѣли сибирскіе крестьяне-старожилы и полуосѣдлые киргизы, и куда и до того не переставали втискивать переселенцевъ. Но какъ ни старалось въ этомъ смыслѣ правительство, какъ ни мало стѣснялось оно, притомъ, всячески урѣзывать землепользованіе сибирскихъ старожиловъ и киргизъ,—все-таки нарѣзать столько подходящей къ требованіямъ переселенцевъ земли, сколько было-бы необходимо при неограниченно-свободномъ ростѣ переселенія, не было никакой возможности. Поэтому, уже въ томъ же 1907 году, когда правительство, въ началѣ года, еще «рекламировало» переселеніе, были приняты нѣкоторыя ограничительныя мѣры, а въ 1908 году была введена система такъ называемаго «регулированнаго ходачества»: землеустроительнымъ комиссіямъ было предоставлено формировать ходаческія партіи изъ тѣхъ охотниковъ переселиться, переселеніе которыхъ комиссіи признавали необходимымъ и желательнымъ; отводъ земель ходокамъ и переселенцамъ, не попавшимъ въ составъ такихъ партій, былъ сначала разрѣшенъ «во вторую очередь», а потомъ и окончательно запрещенъ. Трехлѣтній опытъ показалъ, однако, что система регулированнаго ходачества рѣшительно не достигаетъ цѣли; въ началѣ 1911 года система эта была отмѣнена, и вновь возстановлена полная свобода ходачества. Правительство окончательно убѣдилось въ невозможности довести переселеніе до такихъ широкихъ размѣровъ, при которыхъ оно только и могло бы, въ самомъ дѣлѣ, разрѣдить населеніе въ перенаселенныхъ мѣстностяхъ и тѣмъ ослабить остроту аграрнаго вопроса; оно, поэтому, «ставитъ главною задачею *не выселеніе* трудовыхъ массъ съ родины, *а заселеніе окраинъ* русскими людьми», и переноситъ центръ тяжести на «качественную

сторону—прочности устройства новоселовъ и на улучшеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, обстановки заселенія». Нельзя не признать, что въ этомъ направленіи, за время съ 1911 года до начала войны, было сдѣлано не мало; нельзя не отмѣтить, съ другой стороны, что правительство въ числѣ мѣръ «къ улучшенію общей культурной обстановки заселенія» занялось проведеніемъ въ Сибири и той отрубно-хуторской политики, тѣхъ самыхъ началъ единоличной собственности, о которыхъ мнѣ придется говорить нѣсколько дальше. Но все это не относится собственно къ занимающему насъ сейчасъ вопросу. Съ этой точки зрѣнія важно только то, что правительство окончательно отказалось отъ надежды довести переселеніе до такихъ широкихъ размѣровъ, при какихъ оно только и могло бы существенно повліять на земельныя отношенія въ странѣ.

Что можетъ дать переселеніе.

Что, въ самомъ дѣлѣ, *можетъ* дать переселеніе, какъ способъ разрѣдить земельную тѣсноту во «внутреннихъ губерніяхъ»? Конечно, ничего. Вѣдь ежегодный приростъ населенія уже въ серединѣ 90-хъ годовъ исчислялся въ $1^1/_2$ милліона, теперь онъ едва ли менѣе двухъ милліоновъ и во всякомъ случаѣ не менѣе $1^3/_4$ милліона. Значитъ, даже такое огромное движеніе, какое было въ 1907—1909 г.г., можетъ унести въ Сибирь какую-нибудь четвертую или пятую часть прироста. Чтобы переселеніе могло, дѣйствительно, уменьшить земельную нужду, нужно было бы, чтобы выселялось ежегодно *больше,* чѣмъ вновь нарождается народу. Между тѣмъ трудно даже представить себѣ, что было бы, если бы, по щучьему велѣнію, размѣры переселенія возросли хотя бы только до двухъ милліоновъ въ годъ... Какъ и гдѣ стала бы производиться нарѣзка земель для такого огромнаго, никогда и нигдѣ небывалаго числа переселенцевъ? Гдѣ они стали бы искать необходимыхъ заработковъ? А если бы принять все ихъ обзаведеніе на казенный счетъ, такъ даже по самому скромному расчету, принимая всѣ расходы на переселеніе и устройство одной семьи въ какихъ-нибудь 300 рублей, на ежегодное переселеніе двухъ милліоновъ пришлось бы затрачивать по 90—100 милліоновъ... Это — при той еще сравнительно скромной стоимости обзаведенія, съ какою приходилось считаться, скажемъ, въ 1905—1906 гг. Чего же стоило бы такое массовое переселеніе т е п е р ь, при возросшихъ въ нѣсколько разъ цѣнахъ на продовольственные

продукты, мертвый инвентарь, скотъ, постройки и т. п!.. И все это въ полномъ смыслѣ слова на ура, съ рискомъ создать сотни тысячъ обратныхъ переселенцевъ и еще большія сотни тысячъ безлошадныхъ и однолошадныхъ, которыхъ пришлось бы, опять-таки, содержать на казенный счетъ... Но главное—все-таки то, что переселять такое огромное количество людей просто-таки некуда. Сибирь, правда, огромна. Но всѣ хорошія, легкія для разработки земли уже заняты. Въ распоряженіи правительства необъятная тайга—но въ тайгу переселенцы не идутъ, по крайней мѣрѣ, переселенцы изъ черноземной полосы, т.-е. какъ разъ изъ тѣхъ мѣстностей, которыя болѣе всего нуждаются въ переселеніи. Въ распоряженіи правительства свободныя земли въ киргизскихъ степяхъ. Но въ сѣверной, черноземной полосѣ киргизскихъ степей все лучшее уже занято: гдѣ уже водворены переселенцы, гдѣ сидятъ киргизы, которыхъ тоже нельзя оставить безъ земли; что не занято, то почти сплошь безводно, да и по почвѣ мало пригодно для переселенцевъ. Необъятная южная полоса киргизскихъ степей—это полоса лѣтняго бездождія. Вести земледѣльческое хозяйство возможно только на орошаемыхъ земляхъ; но не говоря уже о томъ, какихъ огромныхъ денегъ стоило бы искусственное орошеніе, количество воды, которое можетъ быть использовано для орошенія, очень невелико: въ самомъ лучшемъ случаѣ—на какихъ-нибудь нѣсколько милліоновъ десятинъ... Очевидно, что переселеніе, какъ ни широко вести переселенческое дѣло, безсильно оказать какое-нибудь замѣтное вліяніе на земельныя отношенія въ Европейской Россіи.

Аренда казенныхъ земель.

б) Объ *арендѣ казенныхъ земель* въ Европейской Россіи я буду говорить кратко, потому что значеніе этихъ земель, какъ одного изъ средствъ разрѣшенія нашего земельнаго вопроса, очень невелико. Въ распоряженіи казны имѣется земельныхъ угодій въ Европейской Россіи всего 4 милліона десятинъ (не считая нѣсколькихъ сотъ тысячъ десятинъ такъ называемыхъ оброчныхъ статей лѣсного вѣдомства), да, кромѣ того, имѣется 2 милліона десятинъ удѣльныхъ земель. Казенныя земли расположены почти цѣликомъ (93%!) въ двѣнадцати южныхъ и въ особенности юго-восточныхъ, заволжскихъ губерніяхъ, почти половина всего ихъ пространства — въ двухъ губерніяхъ: Самарской и Астраханской; около третьей части удѣльныхъ земель—въ Симбирской

губерніи. Кромѣ этихъ шести милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій, въ распоряженіи казны и частью удѣла имѣются многіе десятки милліоновъ десятинъ лѣсовъ; но огромные избытки лѣсовъ есть только на сѣверѣ, гдѣ земельный вопросъ далеко не имѣетъ того значенія, какъ на югѣ и въ центрѣ, во всей же остальной части Европейской Россіи, т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ земля нужна, лѣсовъ теперь уже не слишкомъ много, а скорѣе слишкомъ мало, и развѣ только случайно, кое-гдѣ, можно было бы отдать какую-нибудь небольшую часть казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ на расширеніе землевладѣнія крестьянъ.

Земельныя угодья казны и удѣла до послѣдняго времени [1]) использовались двоякимъ образомъ: отчасти — какъ переселенческій, главнымъ образомъ — какъ арендный фондъ. Изъ казенныхъ оброчныхъ статей въ заволжскихъ губерніяхъ еще не такъ давно отводились участки для водворенія переселенцевъ; но съ середины, примѣрно, 90-хъ годовъ переселеніе на эти земли почти прекратилось, главнымъ образомъ, потому, что на эти земли стали предъявлять притязанія мѣстные крестьяне. На сѣверѣ происходила, главнымъ образомъ, самовольная колонизація удобныхъ для заселенія мѣстъ въ необъятныхъ лѣсныхъ дачахъ казны и частью удѣла, которая встрѣчала сильное противодѣйствіе со стороны заботившагося объ охранѣ лѣсовъ лѣсного вѣдомства. Въ 1902—1903 гг. возникла мысль о правильномъ заселеніи оставшихся въ распоряженіи казны земельныхъ угодій, а также тѣхъ частей казенныхъ лѣсовъ, которыя были бы годны для этой цѣли и не имѣли особаго значенія, какъ лѣсъ; какъ въ заволжскихъ губерніяхъ, такъ и въ сѣверныхъ лѣсахъ были предприняты работы по заготовленію переселенческихъ участковъ; но и эти работы давали лишь очень малые результаты и грозили остаться и вовсе безъ практическихъ послѣдствій, главнымъ образомъ, опять-таки, въ виду тѣхъ притязаній на эти земли, которыя предъявляются со стороны мѣстнаго населенія. Поэтому, главное значеніе казенныхъ и удѣльныхъ земель—это значеніе ихъ какъ *арендаго фонда*, какъ запаса земель, арендуемыхъ мѣстнымъ населеніемъ. На сѣверѣ населеніе арендуетъ, главнымъ образомъ, покосы, узкими лентами вытянувшіеся вглубь обшир-

---

[1]) О продажѣ ихъ по законамъ 12 и 27 августа 1906 года я не говорю, по указаннымъ въ началѣ главы соображеніямъ.

ныхъ казенныхъ лѣсовъ, частью выгоны и пастбища. На югѣ и въ центрѣ—главнымъ образомъ полевыя угодья и въ особенности пашни. По «уставу о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ» арендное хозяйство казны преслѣдуетъ исключительно цѣль возможнаго повышенія доходовъ казны. Законами 1886 и 1900 гг. выдвинута впередъ землеустроительная точка зрѣнія: аренда казенныхъ земель начинаетъ разсматриваться какъ способъ расширенія землепользованія нуждающихся въ томъ крестьянъ, и эта точка зрѣнія получаетъ ясное выраженіе въ сдачѣ оброчныхъ статей безъ торговъ нуждающимся въ землѣ обществамъ, при чемъ рѣшеніе вопросовъ о такого рода сдачѣ передано въ губернскія присутствія. Между вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ и присутствіями долго шла сильная борьба изъ-за арендныхъ цѣнъ: присутствія стремились, по возможности, понижать цѣны, вѣдомство государственныхъ имуществъ, преслѣдуя интересы казны, стремилось къ повышенію цѣнъ. Въ періодъ, начиная съ 1902—1903 года, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ, стремленіе къ пониженію арендныхъ цѣнъ на казенныя земли обнаружилось съ особенною силой и нашло выраженіе въ рядѣ циркуляровъ центральнаго управленія, внушавшихъ мѣстнымъ управленіямъ стремиться къ установленію возможно дешевыхъ, посильныхъ для населенія цѣнъ.

Ея значеніе.

Значеніе аренды казенныхъ земель, какъ способа удовлетворенія крестьянской земельной нужды, очень невелико—уже въ силу самаго ихъ мѣстоположенія. Вѣдь казенныя и удѣльныя земли располагаются, почти всегда, поблизости отъ селеній государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, значитъ, *наиболѣе изобильно* надѣленныхъ землею, и вдали отъ нуждающихся въ землѣ бывшихъ владѣльческихъ селеній. Но арендовать землю возможно, разъ на нее не переселяться, только поблизости отъ своего мѣстожительства; поэтому-то естественно, что арендаторами на казенныя земли являются, главнымъ образомъ, бывшіе государственные, значитъ наименѣе нуждающіеся въ землѣ крестьяне. Въ Оренбургской губерніи, напримѣръ, изъ 46 крестьянскихъ обществъ, арендующихъ казенную землю, пять съ надѣломъ до 12, 24—съ надѣломъ отъ 12 до 15, 17—съ надѣломъ болѣе 15 десятинъ на ревизскую душу. Изъ имѣющихся въ Самарской губерніи 672 обществъ съ надѣломъ, опять-таки на ревизскую душу, менѣе 5 десятинъ, арендовали казен-

ныя земли только 49, значительно менѣе одной десятой всѣхъ обществъ; изъ 965 обществъ съ надѣломъ въ 7—10 дес. арендовали казенныя земли 215, или болѣе одной пятой, изъ 240 обществъ съ надѣломъ свыше 15 десятинъ—60, ровно одна четверть. Какъ я сказалъ, это обусловливается прежде всего самимъ мѣстоположеніемъ казенныхъ (и удѣльныхъ) земель; но вмѣстѣ съ тѣмъ—и безпорядочною сдачей въ аренду: земскіе начальники и присутствія, отъ которыхъ зависѣла сдача, сдавали землю не тому, кто дѣйствительно нуждался, а тому, кто умѣлъ во-время и пожалобнѣе попросить. Если, затѣмъ, казенная земля и арендовалась на имя обществъ, то въ дѣйствительности арендаторами очень часто являлись товарищества изъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ, тогда какъ болѣе бѣдная часть общественниковъ устранялась отъ аренды. Нечего уже говорить о томъ, что въ случаяхъ товарищеской, а тѣмъ болѣе единоличной аренды казенныя и удѣльныя земли доставались исключительно болѣе состоятельнымъ, очень часто и безъ того хорошо обезпеченнымъ землею лицамъ, и, такимъ образомъ, землеустроительныя задачи аренды казенныхъ земель достигались чрезвычайно плохо.

Крестьянскій банкъ.

Служить другой изъ указанныхъ въ началѣ настоящей главы задачъ—именно облегчать переходъ въ крестьянскія руки частновладѣльческихъ земель, долженъ былъ крестьянскій поземельный банкъ, на обзорѣ дѣятельности котораго мы теперь и остановимся. Мысль учрежденія такого банка была заимствована, въ значительной мѣрѣ, изъ ходатайствъ земскихъ учрежденій, давно настаивавшихъ на необходимости устройства кредита крестьянамъ для покупки земли. По первому проекту устава банка, выработанному въ 1881 году покойнымъ министромъ финансовъ Бунге, бывшимъ профессоромъ и дѣятелемъ «редакціонныхъ комиссій», цѣлью банка ставилась помощь безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ; имъ предполагалось выдавать ссуды для покупки земли до нормъ высшаго или указнаго надѣла, установленныхъ положеніями 19 февраля. Но въ государственномъ совѣтѣ было высказано все то же опасеніе: что это «будетъ истолковано какъ признаніе правительствомъ размѣра, до котораго должны быть доведены крестьянскіе надѣлы», или попросту — какъ признаніе права на дополнительный надѣлъ.

Поэтому, государственный совѣтъ поставилъ задачу банка совершенно иначе: «облегченіе крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне — пріобрѣсти оныя»; цѣль банка — помочь *малоземельнымъ* — совершенно замалчивается; банкъ становится просто кредитнымъ учрежденіемъ, помогающимъ всякаго рода покупкамъ земли крестьянами у помѣщиковъ. И правила дѣятельности банка были установлены на началахъ самаго обыкновеннаго, дѣлового или коммерческаго кредита: «всѣ заботы—чтобы казенная ссуда, выданная на первоначальные расходы банка, была скоро покрыта, и чтобы въ дальнѣйшемъ банкъ обходился собственными средствами» (Герценштейнъ).

Дѣятельность его въ 1883—1886 гг.

Однако, пока министромъ финансовъ былъ Бунге, дѣло велось довольно широко и соотвѣтственно съ интересами малоземельнаго крестьянства. Операціи банка сразу приняли довольно большіе размѣры: за первые три года его дѣятельности при его содѣйствіи было куплено 823.000 десятинъ. Ссуды выдавались, въ среднемъ, въ размѣрѣ до девяти десятыхъ покупной цѣны имѣній, такъ что доплаты, требовавшіяся со стороны самихъ крестьянъ, были невелики; доплаты признавались хотя и желательными — ибо считали, что покупщикъ, внесшій часть покупной цѣны изъ собственныхъ средствъ, будетъ больше дорожить купленною землею, но въ то же время, по господствовавшему въ то время среди банковскаго управленія взгляду, не должны были быть велики, ибо слишкомъ большія доплаты легко могутъ вести къ разоренію покупщиковъ. При выборѣ кліентовъ, опредѣленіи размѣра ссудъ и т. п. банкъ оказывалъ предпочтеніе наиболѣе нуждающимся: имъ давались большія, менѣе нуждающимся—меньшія ссуды; многоземельнымъ и болѣе состоятельнымъ даже просто отказывали, «какъ менѣе желательнымъ для банка кліентамъ». Интересы покупщиковъ-крестьянъ признавались солидарными, совпадающими съ интересами банка, и потому банкъ обращалъ больше вниманія на экономическое значеніе покупки, чѣмъ на оцѣнку покупаемой земли. Банкъ всѣми мѣрами избѣгалъ продажи купленныхъ при его содѣйствіи земель за невзносъ срочныхъ платежей, «видя, что заемщики не платятъ по невозможности, а не по нежеланію платить» (Скалонъ).

Съ конца 80-хъ годовъ, съ назначеніемъ на мѣсто Бунге бир-

жевого дѣльца Выпнеградскаго, въ направленіи дѣятельности банка обнаруживается рѣзкая перемѣна. Къ тому времени успѣло выясниться, что дѣла банка идутъ далеко не вполнѣ удачно, что, впрочемъ, было и совершенно естественно при огромномъ размѣрѣ платежей и тѣхъ сравнительно большихъ ссудахъ, на которыя въ первые годы соглашалась администрація банка. Значительная часть всѣхъ заключавшихся сдѣлокъ, въ концѣ-концовъ, разстраивалась; часть купленныхъ при помощи банка земель была совершенно заброшена покупателями; недоимки очень быстро возросли до одной пятой и даже четверти (20—25%) оклада срочныхъ платежей; въ особенности сильна оказалась заминка въ платежахъ за 1886 годъ, а когда банкъ назначилъ нѣсколько имѣній въ продажу за недоимки, продажа эта тоже встрѣтила большія трудности. И вотъ, вмѣсто того, чтобы понизить платежи хотя бы до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ платятъ заемщики частныхъ банковъ, администрація крестьянскаго банка пошла совсѣмъ другимъ путемъ: начиная съ 1887 года, она начала сокращать операціи банка. Въ то время, какъ въ первые три года дѣятельности банка общее количество купленной при его содѣйствіи земли достигало, въ среднемъ, 274 тыс. дес. въ годъ, уже въ 1887 году оно упало до 219 тысячъ, въ слѣдующія восемь лѣтъ колебалось между 148 и 190 тыс. десятинъ, а въ среднемъ за все девятилѣтіе 1887—1895 гг. количество пріобрѣтавшейся при содѣйствіи банка земли не превышало 175 тыс. дес. въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко измѣнилось и самое направленіе дѣятельности банка. Главною своей задачей администрація банка стала признавать не устройство крестьянъ, а тѣмъ болѣе—не устройство малоземельныхъ, а охрану интересовъ банка, предупрежденіе возможныхъ убытковъ. Отказы по ходатайствамъ о ссудахъ бывали въ первые три года дѣятельности банка въ 4—8% случаевъ, въ 1888 году отказовъ было уже 12,6%—вдвое и втрое чаще, чѣмъ въ первые года. Доплаты, напримѣръ, по малороссійскимъ и новороссійскимъ губерніямъ въ первые годы не превышали 15%; въ 1887—1888 гг. онѣ достигли уже 20—22%, въ слѣдующіе четыре года, съ 1889 по 1892, онѣ возросли еще больше и составляли въ каждый изъ этихъ годовъ: 25, 27, 30 и 33%; вмѣсто пятнадцати рублей на каждую сотню рублей оцѣнки крестьянамъ приходилось, значитъ, доплачивать 30 и 33 рубля... Центральное управленіе прямо пред-

1887—1895 гг.

писывало мѣстнымъ отдѣленіямъ «стараться о значительныхъ единовременныхъ доплатахъ изъ своихъ средствъ». Прежде, при небольшихъ доплатахъ, покупать землю при содѣйствіи банка могли и малосостоятельные крестьяне; теперь, когда приходилось изъ своихъ средствъ вносить, кругомъ, треть оцѣночной стоимости, покупка стала подъ силу только наиболѣе зажиточнымъ. Но именно это новая администрація банка и считала желательнымъ: прежде стремились оказывать помощь малоземельнымъ, теперь задачу банка стали видѣть въ томъ, чтобы оказывать «содѣйствіе развитію мелкой поземельной собственности» путемъ выдачи ссудъ «наиболѣе состоятельной части земледѣльческаго населенія» (Герценштейнъ); стали стремиться къ созданію класса сельской земельной буржуазіи, который, какъ высказывала администрація банка, «повсемѣстно служитъ источникомъ процвѣтанія страны и опорой гражданскаго порядка». Къ неисправности во взносѣ срочныхъ платежей стали относиться чрезвычайно строго: купленныя крестьянами при содѣйствіи банка земли массами назначались въ продажу,—администрація хотѣла этимъ путемъ искоренить убѣжденіе, что «купленная земля есть царская милость, и что она не отберется отъ нихъ»; въ 1887—1889 гг. назначалось отъ 116 до 160 продажъ, въ 1890—уже 570, въ 1891—634,—а между тѣмъ 1891 годъ былъ неурожайнымъ и даже голоднымъ годомъ, и администрація банка, казалось бы, могла оказать нѣкоторыя льготы своимъ заемщикамъ. Эта чрезвычайная строгость имѣла цѣлью устранить недоимки въ платежахъ банку, а между тѣмъ эти недоимки были вовсе невелики. Онѣ были не только не больше, но даже меньше, чѣмъ недоимки по дворянскому банку: въ 1888—1889 гг. недоимки по крестьянскому банку составляли 12—12½%, по дворянскому 15—16% оклада.

Уставъ 1895 года.

Существенное преобразованіе банка послѣдовало въ 1895 году. По первому своему уставу банкъ могъ только выдавать крестьянамъ ссуды на покупку имѣній, и при томъ лишь въ размѣрѣ до 75%, и только въ видѣ исключенія до 90% оцѣночной стоимости. По уставу 1895 года банку предоставлено *покупать* имѣнія *за собственный счетъ* и затѣмъ перепродавать купленныя земли крестьянамъ, конечно въ кредитъ, на продолжительные сроки. Впрочемъ, такая покупка за собственный счетъ допускалась лишь въ ограни-

ченныхъ размѣрахъ: цѣнность земель на рукахъ у банка не должна была превышать размѣровъ его собственнаго капитала, который долженъ былъ составляться путемъ отчисленій изъ выкупныхъ платежей по милостивому манифесту 14 ноября 1894 года; если, такимъ образомъ, у банка на рукахъ оказывалось земли на сумму, равную размѣрамъ его собственнаго капитала, то банкъ долженъ былъ пріостанавливать дальнѣйшія покупки до тѣхъ поръ, пока ему не удастся распродать часть ранѣе скупленныхъ земель. Затѣмъ, по уставу 1895 года допущенъ пріемъ въ залогъ имѣній, ранѣе купленныхъ крестьянами безъ содѣйствія банка; размѣръ ссудъ повышенъ въ обыкновенныхъ случаяхъ до 90% оцѣнки, а въ исключительныхъ случаяхъ допущена и выдача ссудъ въ размѣрѣ *полной* оцѣночной стоимости имѣнія,—значитъ безъ всякихъ доплатъ. Наконецъ, установлены предѣльныя нормы количества земли, могущаго быть купленнымъ въ однѣ руки при содѣйствіи банка, именно «количество земли, которое можетъ быть обработано силами покупщика и его семьи»; такимъ образомъ, опять выдвинуты землеустроительныя задачи, при чемъ нормы были выработаны чрезвычайно высокія, далеко превышающія среднюю покупную и хозяйственную силу заурядной крестьянской семьи.

Все изложенное сразу же повело къ значительному расширенію операцій банка; въ 1896 году было выдано ссудъ на покупку 209.000 дес., затѣмъ операціи банка росли съ каждымъ годомъ, такъ что въ 1900 году при его содѣйствіи было куплено 817.000 десятинъ; въ слѣдующія нѣсколько лѣтъ операціи банка немного сократились,—тѣмъ не менѣе, за восемь лѣтъ (1896—1903) общее количество *купленныхъ крестьянами у помѣщиковъ, при содѣйствіи банка,* земель достигло 4.900.000 дес., что составляетъ, кругомъ на годъ, по 612.000 дес.—почти вчетверо больше, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Покупки земли *за собственный счетъ банка* были все это время невелики: за девятилѣтіе 1896—1904 гг. банкомъ было куплено всего 905.000 дес., изъ нихъ распродано крестьянамъ 627.000 дес.

Указъ 3 ноября 1905 года.

Операціи этого рода, какъ я сказалъ, были значительно стѣснены тѣмъ правиломъ, въ силу котораго банкъ не могъ имѣть на рукахъ земли больше, чѣмъ на сумму, равную размѣрамъ его собственнаго капитала. Это правило было отмѣнено манифестомъ и указомъ

3 ноября 1905 года, одновременно съ отмѣною выкупныхъ платежей и подъ вліяніемъ тѣхъ же обстоятельствъ—аграрныхъ волненій 1905 года; расширеніе операцій крестьянскаго банка (для чего банку приходилось выпускать или «реализовать» свои свидѣтельства) допущено «по мѣрѣ дѣйствительной потребности въ суммахъ для покупки банкомъ земель», а при покупкахъ крестьянами со ссудой банка допущена выдача безземельнымъ и малоземельнымъ ссудъ въ полномъ размѣрѣ оцѣнки. Я подчеркиваю—*безземельнымъ и малоземельнымъ;* это указаніе опять выдвигаетъ на первое мѣсто ту самую задачу помощи наиболѣе обездоленной части крестьянства, о которой при учрежденіи банка такъ не желали говорить и которая во времена Вышнеградскаго была окончательно забыта управленіемъ банка.

Указъ 3 ноября 1905 г. открылъ, такимъ образомъ, безпредѣльный просторъ для операцій крестьянскаго банка. Но для этого, какъ я сказалъ, нужно было «реализировать», т.-е. продавать на биржѣ свидѣтельства банка; между тѣмъ, при недостаткѣ свободныхъ капиталовъ, этого не было возможности сдѣлать. И вотъ, закономъ 21 марта 1906 года былъ установленъ новый порядокъ выдачи ссудъ: ссуды выдаются землевладѣльцамъ-продавцамъ не наличными деньгами, какъ прежде, а свидѣтельствами банка, которыя продавецъ долженъ самъ затѣмъ реализировать — продать, какъ ему угодно и какъ ему удастся; а для того, чтобы разомъ не было выброшено на рынокъ слишкомъ большое количество свидѣтельствъ, и чтобы цѣна ихъ не упала слишкомъ низко, землевладѣльцамъ-продавцамъ предоставлено взамѣнъ обыкновенныхъ 5-процентныхъ свидѣтельствъ получать именныя 6-процентныя, по которымъ уплата капитала начинается черезъ пять лѣтъ со времени выпуска и производится равными частями въ теченіе десяти лѣтъ. Отмѣчу здѣсь же, что въ дѣйствительности продажа тѣхъ и другихъ свидѣтельствъ происходила гораздо дешевле номинальной цѣны: за 5-процентныя свидѣтельства получали 72—73 р., за 6-процентныя именныя—по 82—83 р. за сто,—и это обстоятельство надо не забывать, когда разсматривается вопросъ о цѣнѣ земель, скупаемыхъ банкомъ или при его посредствѣ: продавая землю по 100 рублей за десятину, землевладѣлецъ въ дѣйствительности получалъ не 100, а 73 или 83 рубля. Но, конечно, покупщикамъ-крестьянамъ отъ этого не легче, — имъ приходится

выплачивать банку *полную* сумму, и съ этой полной суммы насчитываются проценты.

Само собою разумѣется, что операціи банка, при такой постановкѣ дѣла, должны были чрезвычайно возрасти—и дѣйствительно чрезвычайно возросли; и росту ихъ еще способствовала та паника, которая возникла среди землевладѣльцевъ подъ вліяніемъ аграрныхъ безпорядковъ и всего связаннаго съ послѣдними. За время съ 3 ноября 1905 года по 1 августа 1906 г. было предложено банку 5.741.000 десятинъ, разрѣшено совѣтомъ банка къ покупкѣ 1.711.000 десятинъ. За время съ того же 3 ноября 1905 года по 1 сентября 1907 года крестьянскимъ банкомъ разрѣшено къ покупкѣ уже 4.608.000 десятинъ за сумму, ни много ни мало, какъ 510 милліоновъ или свыше полумилліарда рублей, при чемъ на 3.042.000 десятинъ уже было получено и окончательное согласіе владѣльцевъ на предложенныя банкомъ условія. Фактически осуществившіяся покупки составили въ 1906 году 1.144.000, въ 1907 году 1.520.000 десятинъ. Съ минованіемъ революціоннаго движенія и вызванной имъ среди землевладѣльцевъ паники, предложеніе съ ихъ стороны земель сразу рѣзко сократилось; уже въ 1908 году банкомъ было куплено только 572.000 десятинъ, а во всѣ послѣдующіе года собственныя покупки банка не выходили изъ такихъ скромныхъ предѣловъ, какъ 150.000 — 200.000 десятинъ въ годъ. Всего за время съ 1 января 1906 года до конца 1913 года банкомъ было скуплено, за свой счетъ, 4.370.000 десятинъ, да сверхъ того, на основаніи указа 12 іюня 1906 года, въ распоряженіе банка было передано для распродажи крестьянамъ 1.250.000 десятинъ удѣльныхъ земель, такъ что, въ общей сложности, банкъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ земельный фондъ площадью свыше $5^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Однако, распродажа земель крестьянамъ значительно отставала отъ покупки: за время съ 1 января 1906 года по 1 іюля 1911 года было распродано, изъ «банковскаго фонда», неполныхъ 3 милліонна десятинъ; немногимъ увеличилось количество распроданныхъ банкомъ земель и въ послѣдующее время, такъ что на рукахъ у банка, къ началу 1917 года, оставалось около $2^1/_2$ милліоновъ десятинъ. Первенствующее значеніе и въ періодъ времени послѣ манифеста и указа 3 ноября 1905 года оставалось за «посредническою» операціей банка—за покупками земли крестьянами непосредственно у владѣльцевъ, при ссудной

помощи банка. Такимъ путемъ было куплено крестьянами, за время съ 1 января 1906 года по 1 октября 1913 года, почти полныхъ 5 милліоновъ десятинъ, при чемъ въ ссуду банкомъ было выдано свыше полумилліарда—538 милліоновъ рублей.

Медленность распродажи «банковскаго фонда» происходила, въ значительной мѣрѣ, благодаря тѣмъ отрубно-хуторскимъ тенденціямъ, или говоря болѣе принципіально—благодаря тому стремленію къ «насажденію» среди крестьянства началъ единоличной собственности, которое возобладало въ земельной политикѣ самодержавнаго правительства послѣ 1906 года и о которомъ мнѣ придется говорить нѣсколько дальше. Банкъ сдѣлался *какъ бы піонеромъ* этой новой земельной политики; въ дѣлѣ насажденія единоличной крестьянской земельной собственности въ отрубно-хуторскихъ ея формахъ онъ шелъ впереди другихъ вѣдомствъ, и выработанные въ *его* практикѣ пріемы такого «насажденія» и шаблоны прямолинейнаго, геометрически-правильнаго отрубно-хуторского землеустройства легли въ основу тѣхъ способовъ и пріемовъ землеустройства, которые нѣсколько позднѣе стали проводиться и по отношенію къ надѣльнымъ землямъ. По инструкціи о порядкѣ распродажи или «ликвидаціи» банковскихъ земель, цѣлью послѣдней ставится «созданіе жизненныхъ и хозяйственныхъ единицъ владѣнія», и прежде всего хуторовъ [1]) правильнаго геометрическаго очертанія, и лишь при невозможности разбивки земли на одноотрубные хутора допускается отводъ хуторовъ болѣе, чѣмъ въ одномъ участкѣ, или отрубовъ, лежащихъ отдѣльно отъ усадебъ: при составленіи плановъ ликвидаціи предписывается «прежде всего итти отъ земли» и «не поступаться этими соображеніями во вниманіе къ наличности ходатайствъ, удовлетвореніе которыхъ препятствовало бы достиженію указанной цѣли»,—иначе говоря, основная задача крестьянскаго банка, *удовлетвореніе земельной нужды*, отодвигается куда-то на задній планъ, и рѣшительно первенствующее мѣсто отводится задачѣ *«насажденія» отрубовъ и хуторовъ*. Продажа земли допускается *только* въ единоличную собственность; продавать землю обществамъ или товариществамъ дозволяется лишь при наличности

[1]) Хуторъ—земельный участокъ округленной и хозяйственно удобной формы, на которомъ находится *и усадьба* даннаго двора; отрубъ—такой же участокъ, но усадьба остается внѣ его, въ старой или вновь образованной деревнѣ.

особо уважительныхъ причинъ,—въ частности, обществамъ продавались почти исключительно недостававшіе имъ выгоны, «отрѣзки», необходимые для уничтоженія острой чрезполосности, и т. п. Чтобы создать для крестьянъ побужденіе покупать землю въ единоличную собственность, для единоличныхъ покупателей былъ установленъ рядъ особыхъ льготъ: пониженіе задатка ниже общей нормы въ 10% съ покупной цѣны, а въ случаѣ переселенія на единолично покупаемую землю даже совершенное освобожденіе отъ задатка. Банкъ не останавливался, однако, и передъ прямымъ давленіемъ на покупщиковъ, отказывая покупщикамъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, если они не желали купить землю въ единоличную собственность, а настаивали на покупкѣ обществомъ или товариществомъ, и продавая землю пришлымъ хуторянамъ, главнымъ образомъ, изъ Малороссіи и изъ западныхъ губерній. Цифры ясно показываютъ, какъ рѣшительно проводилъ банкъ эти собственническо-хуторскіе принципы: въ то время, какъ еще въ 1906 году въ единоличную собственность было продано всего 3% «ликвидированной» банкомъ земли, въ 1909 году единоличныя продажи составили уже 77%, въ каждый изъ послѣдующихъ годовъ 93—94%, и такимъ образомъ продажа земли обществамъ и товариществамъ изъ общаго, еще недавно, правила стала рѣдкимъ исключеніемъ.

Значеніе операцій банка.

Каково же было, спрашивается, значеніе банка, какъ средства расширенія крестьянскаго землевладѣнія?

По 1 января 1907 года въ крестьянскія руки, при посредствѣ банка, перешло всего 8.267.000 десятинъ владѣльческой земли, на сумму всего до 675 милліоновъ рублей, изъ которыхъ въ ссуду было выдано 516 милліоновъ, или свыше полумилліарда рублей. Въ покупкахъ этихъ участвовало до 1.319.000 крестьянскихъ семействъ, т.-е., приблизительно, $7\frac{1}{2}$ или 8 милліоновъ душъ, и, такимъ образомъ, дѣятельность крестьянскаго банка затронула гораздо большую часть нашего крестьянства, нежели переселеніе на государственныя земли азіатской Россіи. Затѣмъ, за послѣдующее время, до начала войны, банкъ перевелъ въ крестьянскія руки еще около 8 милліоновъ дес.,—значитъ всего, за все время, болѣе 16 милліоновъ десятинъ. Интересно, затѣмъ, посмотрѣть, какая была роль крестьянскаго банка въ общемъ процессѣ перехода владѣльческихъ земель въ кре-

стьянскія руки, т.-е. какая часть всей перешедшей въ крестьянскія руки частновладѣльческой земли была куплена при посредствѣ крестьянскаго банка, и какая помимо его. Общее количество перешедшей въ крестьянскія руки земли опредѣлить нетрудно: въ 1877 году въ частномъ владѣніи крестьянъ было всего 7.110.000 десятинъ, по даннымъ поземельной статистики 1905 г. общая площадь крестьянскихъ купчихъ земель достигаетъ уже 25 милліоновъ десятинъ. Значитъ, за этотъ, приблизительно, 20-лѣтній періодъ въ крестьянскія руки перешло около 18 милліоновъ десятинъ; за то же время чрезъ посредство банка крестьянами пріобрѣтено $7^1/_2$—8 милліоновъ дес., т.-е. нѣсколько менѣе половины всей земли, перешедшей въ крестьянскія руки. За время съ 1883 по 1895 годъ при содѣйствіи крестьянскаго банка было пріобрѣтено всего около одной пятой (21%); при дѣйствіи устава 1895 года роль банка стала быстро расти: въ 1896 году изъ каждыхъ ста десятинъ, перешедшихъ въ крестьянскія руки, при содѣйствіи банка было куплено уже 27, въ 1897 году—39, въ 1898 г.—44, въ 1899 г.—49 десятинъ. Еще, конечно, усилилась роль банка съ расширеніемъ его операцій, обусловленнымъ актомъ 3 ноября 1905 года, въ настоящее же время распродажа владѣльческихъ земель крестьянамъ идетъ почти цѣликомъ чрезъ крестьянскій банкъ; помимо него продается крестьянамъ лишь сравнительно ничтожное количество, — это, главнымъ образомъ, уже болѣе крупныя крестьянскія покупки, въ большей или меньшей мѣрѣ не—трудового типа.

Мѣстныя и переселенческія покупки.

Очень важно, далѣе, распредѣленіе покупокъ при содѣйствіи крестьянскаго банка на два главныхъ разряда: *мѣстныя* и *переселенческія* покупки, или иначе сказать: прикупка земли въ дополненіе къ надѣлу—или совершенный переходъ на купленную при посредствѣ банка землю, связанный со сдачей «въ общество» или съ продажей надѣльной земли. Мы располагаемъ по этому вопросу данными за два періода: пятилѣтіе 1884—1888 гг. и шестилѣтіе 1898—1903 гг. Въ 1884—1888 гг. было мѣстныхъ покупокъ 991 тыс. дес., переселенческихъ—всего 241 тыс.; переселенческія составляли, значитъ, менѣе одной пятой части всѣхъ покупокъ. Въ 1898—1903 гг. мѣстныя покупки составляли 2.929.000 дес., переселенческія—1.405.000 дес.; мѣстныя покупки, такимъ образомъ, продолжаютъ преобладать, но переселенческія

составляютъ уже не пятую, а почти третью часть всѣхъ покупокъ. Переселялись на купленныя отъ банка или при содѣйствіи банка земли, главнымъ образомъ, въ южныя, юго-восточныя и въ предкавказскія губерніи и области—Херсонскую, Таврическую, Уфимскую, Оренбургскую, Кубанскую, Ставропольскую и Терскую; довольно значительны были переселенческія покупки въ польскихъ губерніяхъ, въ незначительныхъ же размѣрахъ такія покупки встрѣчались во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовалъ крестьянскій банкъ.

Составъ покупщиковъ.

Дальнѣйшій важный вопросъ: *кто* покупалъ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка? Мы видѣли, что политика банка въ этомъ вопросѣ нѣсколько разъ мѣнялась: сначала стремились помогать бѣднѣйшимъ, потомъ болѣе состоятельнымъ; указъ 3 ноября 1905 г. выдвигаетъ впередъ безземельныхъ и малоземельныхъ; въ самое послѣднее время предпочтеніе опять оказывается, повидимому, болѣе состоятельнымъ элементамъ. Но кто же, въ концѣ-концовъ, *дѣйствительные* покупщики, кто, въ самомъ дѣлѣ, становился кліентами банка? Общераспространенное мнѣніе, что, главнымъ образомъ, такъ называемая «сельская буржуазія», т.-е. самые зажиточные элементы нашей деревни. И къ тому, казалось бы, все должно было вести: и требованія высокихъ доплатъ, и прямыя указанія государственнаго совѣта и центральнаго управленія банка, и чрезвычайно высокія предѣльныя нормы: для центральныхъ губерній 25—40 десятинъ, для окраинныхъ губерній 40—60 и даже до 75 десятинъ на семью. А между тѣмъ, въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Какъ видно изъ одного изъ недавнихъ отчетовъ крестьянскаго банка, покупщики банка имѣли *до покупки*: въ 1899 году надѣльной земли, кругомъ, по 4,6, купчей по 1,1 дес., всего по 5,7 дес.; въ 1900 г. надѣльной 4,9, купчей 1,6, всего—6,5 дес.; въ 1901 году той и другой вмѣстѣ 6,8, въ 1902 году 7,2, въ 1903 и 1904 г.г. опять 6,8 дес. на семью. Ясно, что многоземельные дворы могли попадаться среди покупщиковъ банка развѣ только какъ исключеніе, громадное же большинство составляли слабо обезпеченные землею. Еще яснѣе дѣло станетъ, если сравнить земельное обезпеченіе кліентовъ банка со средними размѣрами крестьянскаго надѣла въ тѣхъ или другихъ районахъ. Только въ средне-промышленномъ районѣ получаются

почти одинаковыя цифры—9,2 и 9,3 дес., т.-е покупщиками при посредствѣ банка являются преимущественно *средне*-надѣльные крестьяне. Во всѣхъ остальныхъ районахъ земельное обезпеченіе кліентовъ банка *меньше* средней надѣленности крестьянъ даннаго района: такъ, въ новороссійскомъ районѣ у всѣхъ крестьянъ имѣется, кругомъ, надѣльной земли 9,9 дес., у покупщиковъ банка, вмѣстѣ съ купчею,—8,3 дес. на семью; въ юго-западномъ у первыхъ—5,9, у вторыхъ—4,1 дес., въ малорусскомъ—7,6 и 5,8 дес., въ среднемъ земледѣльческомъ—9,2 и 6,2 дес., въ бѣлорусскомъ—10 и 8,3 дес.; въ литовскомъ у всѣхъ крестьянъ въ среднемъ 11,9 дес., у покупщиковъ банка даже всего только 5,8 дес. Ясно, опять-таки, что главная масса покупщиковъ банка вездѣ принадлежитъ къ числу сравнительно скудно обезпеченныхъ землей, т.-е. что банкъ, въ концѣ-концовъ, помогалъ *именно тѣмъ, кому слѣдовало* помогать. Если же взять данныя о *среднихъ размѣрахъ покупокъ*, состоявшихся при помощи банка, то окажется, что въ среднемъ на дворъ или на семью было куплено: въ 1899 г.—6,3 дес., въ слѣдующіе четыре года отъ 5,7 до 6,9 дес., въ 1904 г. даже только 5,2 дес. Если прибавить эти среднія цифры къ среднимъ цифрамъ земли, имѣвшейся у покупщиковъ до покупки, то получатся такіе, тоже сравнительно небольшіе, итоги (въ 1899 г.—12,0; въ 1900 г.—12,6 дес. и т. д.), которые ясно показываютъ, что покупки при содѣйствіи банка создавали не капиталистическое, а простое крестьянское, трудовое землевладѣніе. Сравнительно велики покупки, производимыя при помощи банка отдѣльными домохозяевами: въ 1899—1901 гг. они покупали кругомъ отъ 12,4 до 13,4 дес., въ 1902—1904 гг.—по 14,3—14,6 дес. на семью. Это—уже сравнительно значительныя покупки; съ прибавкой надѣльной земли получаются такія площади, которыхъ, при среднемъ составѣ семьи, нельзя обработать безъ помощи наемнаго труда; однако и это, конечно, тоже еще *крестьянскія* покупки, и даже въ этомъ случаѣ трудно говорить, чтобы такими покупками создавалась настоящая «сельская буржуазія».

Для новѣйшаго времени имѣются очень любопытныя данныя—но только за одинъ 1912 годъ. Распредѣленіе покупщиковъ по размѣрамъ землевладѣнія рисуется, по этимъ даннымъ, въ слѣдующемъ видѣ: безземельныхъ—19%, имѣвшихъ до 3 десятинъ—30, имѣвшихъ отъ 3 до 6 дес.—23%, съ 6—9 дес.—12, съ 9—15 дес.—11,

свыше 15 дес. всего 4%; уже этихъ цифръ достаточно, чтобы сказать, что главную массу покупщиковъ банка представляли собой безземельные и крайне малоземельные элементы, составлявшіе, въ сложности, почти половину всѣхъ покупщиковъ; около трети приходилось на долю среднеземельныхъ, и всего 15% на долю такихъ, которыхъ можно признать, въ общемъ, удовлетворительно и хорошо обезпеченными землей. Эти цифры выигрываютъ, однако, въ яркости, если сопоставить ихъ съ распредѣленіемъ по тѣмъ же земельнымъ группамъ *всего* крестьянства европейской Россіи, какъ оно рисуется по даннымъ обслѣдованія 1905 года; это распредѣленіе выражается такими цифрами: 7—9—20—25—22—16%,—ясно, что покупщики банка по своей земельной обезпеченности стоятъ значительно *ниже* общаго уровня, и, слѣдовательно, банкъ дѣлалъ именно то, что слѣдовало — помогалъ въ пріобрѣтеніи земли, главнымъ образомъ, менѣе обезпеченнымъ землей элементамъ. Средній размѣръ покупки по даннымъ за 1912 годъ: для безземельныхъ покупщиковъ—16,4, для имѣвшихъ землю—14,5 дес.,—приблизительно вдвое больше средняго размѣра всѣхъ вообще покупокъ въ болѣе раннемъ періодѣ, но приблизительно тотъ же, что тогда — отдѣльно для единоличныхъ покупокъ. И въ этомъ именно объясненіе отмѣченной только-что разницы: банкъ, какъ мы видѣли, продавалъ землю, въ послѣднее время, почти исключительно единоличнымъ покупщикамъ,— а взятый отдѣльно средній размѣръ единоличной покупки опредѣлился въ 1912 году въ 15 дес., покупки мелкими товариществами въ 6,8, болѣе крупными 4,2, сельскими обществами всего 1,0 дес.—напоминаю, что сельскимъ обществамъ въ послѣдніе годы земля продавалась только *для добавки* къ надѣламъ недостающихъ угодій и т. п. Наконецъ, распредѣленіе покупщиковъ *послѣ покупки* по тѣмъ же группамъ (кромѣ конечно безземельной) выражается такими цифрами: 2,4—4,1—11—12,5—26—29—14%; ясно, что при содѣйствіи банка создавались, въ самомъ дѣлѣ, *крестьянскія, трудовыя* владѣнія, при чемъ большая часть ихъ по своимъ размѣрамъ приблизительно отвѣчаетъ «трудовой нормѣ» крестьянскаго участка.

Другой вопросъ: какія и у кого земли пріобрѣтались, въ частности, при покупкахъ за собственный счетъ банка? Здѣсь, несомнѣнно, банкъ дѣйствовалъ не по опредѣленному плану, а подъ вліяніемъ чисто-случайныхъ соображеній и обстоятельствъ.

Банкъ покупалъ не тамъ, *гдѣ надо было покупать, а тамъ, гдѣ кому-то надо было продавать* землю; огромное значеніе имѣли всякія личныя связи и протекціи,—не даромъ въ числѣ первыхъ покупокъ крестьянскаго банка были огромныя имѣнія гр. Воронцова-Дашкова и Дурново. Распродажа купленныхъ земель сплошь и рядомъ тянулась и тянется годами, и банкъ нерѣдко терпѣлъ на ней крупные убытки. «Мы имѣемъ,—говоритъ покойный Герценштейнъ,—не увеличеніе фонда государственныхъ земель по опредѣленному плану, а случайныя покупки имѣній, при чемъ выборъ послѣднихъ опредѣляется трудно уловимыми, подчасъ мало понятными, съ точки зрѣнія непосредственныхъ задачъ банка, моментами; хотя земли, купленныя банкомъ за счетъ собственнаго капитала, обходятся ему дешевле, чѣмъ крестьянамъ, покупающимъ ихъ у помѣщиковъ, но если эти болѣе дешевыя земли не находятся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянами предъявляется большой спросъ, то они все-таки будутъ предпочитать самостоятельную покупку болѣе дорогихъ, но необходимыхъ имъ земель».

Условія покупки земли. Платежи.

Сказанное приводитъ насъ къ вопросу объ условіяхъ пріобрѣтенія крестьянами земель при содѣйствіи крестьянскаго банка. Прежде всего необходимо остановиться на размѣрахъ платежей банка. Платежи эти, прямо сказать, были громадны. Въ то время, какъ дворянскій банкъ первые годы своей дѣятельности взималъ $4^1/_2\%$ роста, да $^1/_4\%$ на управленіе, акціонерные же земельные банки взимали на расходы по управленію $^1/_2\%$, крестьянскій банкъ взималъ первое время $5^1/_2\%$ роста и 1% на расходы по управленію; съ прибавленіемъ платежей на частичное погашеніе капитальнаго долга крестьянамъ-заемщикамъ банка приходилось платить просто-таки невѣроятный процентъ: именно, смотря по сроку ссуды, отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ годовыхъ. Первое пониженіе платежей, на 1%, послѣдовало по манифесту 14 ноября 1894 г.,—процентъ роста съ платою на расходы по управленію былъ пониженъ на 1%, значитъ, съ $6^1/_2\%$ понизился до $5^1/_2\%$; но платежи дворянскому банку по тому же манифесту были понижены до $4^1/_2\%$; погасительный процентъ, составлявшій, для дворянъ, при долгосрочныхъ ссудахъ, всего $^1/_4\%$, для крестьянъ-заемщиковъ банка остался $1-2\%$, смотря по сроку ссуды; такимъ образомъ, общій годовой платежъ крестьянскому банку и послѣ манифеста оставался $6^1/_2-7^1/_2\%$, тогда какъ заемщики дворян-

скаго банка платили уже только $4^1/_2\%$. Дальнѣйшія пониженія платежей по крестьянскому банку послѣдовали 6 декабря 1898 г. и 14 декабря 1906 г. Въ 1898 г. ростъ былъ пониженъ съ $4^1/_2$ до 4%, плата на расходы по управленію—съ 1 до $^3/_4\%$; наибольшій срокъ ссудъ удлиненъ до $55^1/_2$ лѣтъ, съ погасительнымъ платежомъ въ $^1/_2\%$, и такимъ образомъ полный годовой платежъ по наиболѣе продолжительнымъ ссудамъ сократился до $5^1/_4\%$; тѣмъ не менѣе, платежи по крестьянскому банку и теперь оставались еще выше платежей по дворянскому банку. И только въ 1906 году платежи крестьянскому банку были понижены по ссудамъ на наиболѣе продолжительные сроки съ $5^1/_4\%$ и $5^3/_4\%$ до $4^1/_2\%$. Соотвѣтственно были понижены платежи и при ссудахъ на болѣе короткіе сроки: напримѣръ, при ссудахъ на 28 лѣтъ съ 6,75—7,1% до 5,8%, при ссудахъ на 13 лѣтъ съ 10,75—11,10% до 9,25%.

Доплаты. Другой, существенно важный, вопросъ—это вопросъ о *доплатахъ* къ ссудамъ, выдаваемымъ банкомъ. Мы видѣли, что по первоначальному уставу банка въ ссуду должно было выдаваться до трехъ четвертей, или 75%, оцѣночной стоимости земли, и въ исключительныхъ только случаяхъ допускалась выдача 90%—девяти десятыхъ этой стоимости; остальное покупщики должны были доплачивать изъ своихъ средствъ. Дѣйствительный размѣръ доплатъ, какъ мы тоже видѣли, измѣнялся, смотря по взглядамъ администраціи банка: въ самые первые годы его дѣятельности доплаты составляли, кругомъ, всего 10—15%, въ концѣ 80-хъ годовъ 18—20%, въ началѣ 90-хъ годовъ уже 30—35%, цѣлую треть оцѣночной стоимости имѣній. Доплаты, по первоначальной мысли основателей крестьянскаго банка, должны были сильнѣе заинтересовать покупщиковъ въ ихъ покупкахъ: тотъ, кто при покупкѣ земли выплатилъ часть цѣны изъ своихъ средствъ, будетъ напрягать всѣ свои силы, чтобы удержать въ своихъ рукахъ купленную землю; тотъ, кто купилъ землю цѣликомъ на занятыя деньги, гораздо легче ее броситъ, потому что онъ вѣдь ничего при этомъ не потеряетъ. Но для *этой* цѣли совершенно достаточно небольшихъ доплатъ; высокія доплаты конца 80-хъ годовъ вызывались уже совсѣмъ другими соображеніями: именно—стремленіемъ тогдашней администраціи банка подбирать *болѣе состоятельныхъ покупщиковъ* и этимъ путемъ обезпечить болѣе ис-

правное поступленіе платежей банку. Нечего уже и говорить о томъ, какъ такая постановка дѣла мало соотвѣтствовала основной цѣли банка. Но главное—это то, что высокія доплаты очень плохо отражались на результатахъ его дѣятельности. «Во-первыхъ,—писалъ предсѣдатель одной изъ земскихъ управъ въ докладѣ комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности,—доплаты ведутъ къ значительному неравенству въ распредѣленіи земли между крестьянами, участвующими въ покупкѣ; при различной степени зажиточности покупщиковъ, одинъ вноситъ въ эту доплату больше, другой меньше. Кто внесъ больше, тотъ считаетъ за собою право на большее количество земли, и купленная земля распредѣляется между домохозяевами не поровну, а именно въ соотвѣтствіи съ величиною взноса каждаго домохозяина наличными для уплаты. Во-вторыхъ, очень часто крестьяне, не имѣя собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, вынуждены добывать для нея деньги такими способами, при которыхъ купленная земля не только не можетъ поднять благосостоянія покупщиковъ банка, а напротивъ, ведетъ ихъ къ неизбѣжному разоренію. Такъ, одни продаютъ скотъ, лишая себя необходимаго орудія обработки земли; другіе дѣлаютъ займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ кулаковъ, на самыхъ отяготительныхъ, иногда прямо разорительныхъ условіяхъ. Въ-третьихъ, первое время по пріобрѣтеніи земли крестьяне вынуждены дѣлать истощающіе землю каждогодны посѣвы, отступая даже отъ общепринятой трехпольной системы, съ цѣлью возможно скорѣйшаго и возможно большаго извлеченія изъ купленной земли денежныхъ средствъ на покрытіе произведенной доплаты». Такихъ свидѣтельствъ—сколько угодно, и разорительное вліяніе доплатъ на покупщиковъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Сколько угодно имѣется указаній и вообще относительно неправильнаго и не соотвѣтствующаго интересамъ крестьянскихъ массъ направленія дѣятельности банка, въ частности—того предпочтенія, какое банкъ оказывалъ единоличнымъ и товарищескимъ покупкамъ передъ общественными. Такъ, въ Сарапульскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности указывалось, что «состоятельныя крестьянскія товарищества нерѣдко пріобрѣтаютъ земли черезъ банкъ про запасъ, а иногда и для эксплуатаціи малоземельныхъ крестьянъ; слѣдовательно, легко доступное состоятель-

нымъ товариществамъ пріобрѣтеніе земли идетъ въ ущербъ малоземельнымъ, неимущимъ. Въ Елецкомъ комитетѣ отмѣчалось, что нынѣшняя политика банка даже вредитъ малоземельнымъ крестьянамъ: способствуя переходу земли изъ рукъ владѣльцевъ, не обрабатывающихъ ея личнымъ трудомъ, и уменьшая, такимъ образомъ, поле приложенія наемнаго труда сосѣднихъ крестьянъ, подобная мобилизація земельной собственности отнюдь не удовлетворяетъ интересамъ малоземельныхъ крестьянъ. Въ Харьковскомъ губернскомъ комитетѣ докладывалось, что всѣ жертвы государства, всѣ жертвы крестьянъ, выселяющихся на вновь пріобрѣтаемыя земли, нисколько не улучшаютъ положенія малоземельной части населенія, а напротивъ того—ухудшаютъ его, такъ какъ съ пріобрѣтеніемъ извѣстной части владѣльческихъ земель крестьянскими товариществами поднимается сейчасъ же арендная плата на остальныя земли, которыя, такимъ образомъ, дѣлаются еще болѣе недоступными для бѣднѣйшихъ элементовъ» (Герценштейнъ). Вообще, лишенная планомѣрности передача владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки, а тѣмъ болѣе—преднамѣренный переводъ ихъ въ руки болѣе состоятельныхъ элементовъ приносилъ и впредь будетъ приносить крестьянскимъ массамъ больше вреда, чѣмъ пользы: если малоземельному крестьянину самому не удается получить земли, ему выгоднѣе, чтобы она оставалась въ рукахъ крупнаго землевладѣльца, чѣмъ чтобы она попала въ руки своему же брату крестьянину изъ болѣе зажиточныхъ: съ такимъ переходомъ малоземельный лишается возможности арендовать землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно сокращаются тѣ заработки, которыми малоземельный пользовался, пока земля была въ рукахъ землевладѣльца-помѣщика.

Покупныя цѣны.

Наконецъ, послѣдній и главный вопросъ—о *цѣнахъ* земель, пріобрѣтаемыхъ крестьянами черезъ посредство и при содѣйствіи крестьянскаго банка. Когда открывался банкъ, цѣны на землю были очень низки: въ 1882 году средняя цѣна земли, по нотаріальнымъ книгамъ, не превышала 26 рублей за десятину. Учрежденіе банка сразу подняло цѣны: въ первые же три года его дѣятельности (1883—1885) средняя цѣна земли по сдѣлкамъ при содѣйствіи банка была 52 рубля за десятину. Затѣмъ операціи банка были значительно сокращены,—вмѣстѣ съ тѣмъ упали цѣны: въ 1887 году средняя цѣна банковскихъ покупокъ не превышала 42

рублей, 1889 году—даже 32 рублей. Въ теченіе послѣдовавшаго затѣмъ десятилѣтія былъ, однако, принятъ рядъ мѣръ, которыя, можетъ быть, и были внушены интересами крестьянъ, но которыхъ вліяніе выразилось, главнымъ образомъ, въ *увеличеніи спроса* на землю, а слѣдовательно—и въ новомъ повышеніи цѣнъ: таковы сокращеніе доплатъ, пониженіе платежей, расширявшаяся практика покупокъ за собственный счетъ банка. Отсюда—новый ростъ операцій банка и новый ростъ покупныхъ цѣнъ: въ 1895—1896 гг. банкъ пыкупалъ землю по 52 и 49 р., въ теченіе каждаго изъ слѣдующихъ восьми лѣтъ—по слѣдующимъ среднимъ цѣнамъ: 71, 76, 78, 83, 91, 108, 108, 112 р.; въ 1906 году средняя цѣна земли по покупкамъ банка поднялась даже до 128 рублей за десятину. Чѣмъ болѣе, значитъ, развивались операціи банка, чѣмъ болѣе понижались платежи, тѣмъ болѣе повышались цѣны. Слѣдовательно, всѣ мѣры, имѣвшія своею непосредственною цѣлью облегченіе положенія крестьянъ-заемщиковъ банка, въ концѣ-концовъ, не шли на пользу заемщикамъ; крестьяне отъ нихъ ничего не выигрывали: процентовъ на каждую сотню рублей имъ приходилось, правда, платить меньше, но эти меньшіе проценты исчислялись на все бо́льшую покупную цѣну, и потому, въ концѣ-концовъ, платежи новыхъ кліентовъ банка не только не сокращались, а, напротивъ, оказывались больше, чѣмъ были въ первое время дѣятельности банка. И такія же послѣдствія будутъ имѣть и всякія дальнѣйшія реформы, пока онѣ будутъ стоять на той же почвѣ—покупки по добровольному соглашенію: чѣмъ легче будутъ условія покупки, чѣмъ жаднѣе мужикъ набросится на землю, чѣмъ шире банкъ поведетъ операціи за собственный счетъ, тѣмъ сильнѣе будетъ расти спросъ на землю,—и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ все новое и новое повышеніе цѣнъ.

Однако, прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны еще спросить себя: дѣйствительно ли банковскія цѣны такъ высоки? Дѣйствительно ли повышеніе цѣнъ должно быть отнесено на счетъ коренного порока, лежащаго въ самомъ существѣ дѣятельности банка, и не вытекало ли это повышеніе, въ извѣстной степени, изъ измѣненій въ дѣйствительной стоимости покупавшихся земель?.. Если остановиться сначала на этомъ послѣднемъ вопросѣ, то нельзя не отмѣтить, прежде всего, что покупки банка, сначала сосредоточивавшіяся, главнымъ

образомъ, въ наиболѣе многоземельныхъ губерніяхъ, слѣдовательно, въ такихъ, гдѣ цѣны на землю стояли всего ниже, постепенно распространились на всю Россію,—слѣдовательно, и на мѣстности съ болѣе высокими цѣнами. Еще важнѣе другое: въ первые годы дѣятельности банка, пока онъ только оказывалъ содѣйствіе крестьянскимъ покупкамъ, ссуды выдавались, главнымъ образомъ, подъ *части имѣній*, при чемъ землевладѣльцы чаще всего продавали такія земли, которыя имъ были менѣе нужны—худшія по почвѣ, менѣе удобныя по мѣстоположенію, вообще менѣе цѣнныя земли. Съ тѣхъ поръ, какъ банкъ началъ развивать покупки за собственный счетъ, съ тѣхъ поръ, въ особенности, какъ событія 1905 — 1906 гг. заставили очень многихъ землевладѣльцевъ стремиться къ окончательной ликвидаціи своего хозяйства, въ продажу стали поступать, все больше, *цѣлыя имѣнья*—значитъ, въ томъ числѣ, и лучшія по качеству и наиболѣе цѣнныя земли; и притомъ въ продажную цѣну имѣній вѣдь входитъ цѣнность не одной только земли, но и построекъ и инвентаря. Несомнѣнно, что эти обстоятельства уже сами по себѣ должны были вызвать постепенное повышеніе цѣнъ по операціямъ банка. Но несомнѣнно и то, что *однили* этими обстоятельствами нельзя бы объяснить повышенія среднихъ цѣнъ втрое или вчетверо, — большая роль тутъ остается все-таки и за тѣмъ усиленнымъ спросомъ на землю, который создалъ банкъ.

Теперь второй вопросъ: дѣйствительно ли банковскія цѣны такъ высоки? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ того, съ какой стороны посмотрѣть на дѣло. Возьмемъ нынѣшнія среднія цѣны, напримѣръ, для нѣсколькихъ изъ среднеземельческихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ губерній: для Полтавской губерніи 212 рублей, для Курской 179, Тамбовской 152, Черниговской 137, Подольской 207 руб. и т. д.; возьмемъ минимальный (при долгосрочныхъ ссудахъ) процентъ платежа не только такъ, какъ онъ установленъ съ 6 декабря 1906 года ($4^1/_2$), но даже и такъ, какъ онъ стоялъ до этого пониженія, съ 1898 года ($5^1/_4\%$). Если сравнить это съ тѣмъ, *что теперь платитъ* мужикъ при арендѣ земли у частныхъ владѣльцевъ и при мелкихъ покупкахъ безъ содѣйствія банка, то придется признать, что банковскія цѣны и банковскіе платежи невелики: вѣдь арендная цѣна подъ озимое въ названныхъ районахъ уже давно стоитъ

не ниже 20—25 рублей; кругомъ на годъ (считая и паръ!) это составляетъ отъ 12 до 15 рублей, срочные же платежи крестьянскому банку, при цѣнѣ въ 200 рублей, составляли 11 р. 50 к., теперь—всего только 9 рублей на десятину. Среднія покупныя цѣны по операціямъ банка—мы видѣли—въ однѣхъ изъ названныхъ губерній—200, въ другихъ 150 рублей и даже ниже; при вольной продажѣ крестьянамъ приходилось платить въ лучшемъ случаѣ 200—250, а то 300 и даже 400 рублей за десятину. Значитъ, для тѣхъ, кому удалось купить землю при содѣйствіи банка, это было большимъ благодѣяніемъ: покупка значительно облегчила ихъ положеніе,—не даромъ кліенты банка проявляютъ такую изумительную исправность въ платежахъ... Но вопросъ: можно ли *такъ* смотрѣть, правильно ли сравнивать земельныя цѣны и платежи, какіе приходится нести кліентамъ банка, съ тѣми цѣнами, какія существуютъ при вольной покупкѣ и при крестьянской арендѣ земель?.. Вѣдь эти цѣны—это кабальныя цѣны, вынужденныя земельнымъ голодомъ; мужикъ платитъ то, чего никто другой не платитъ и не можетъ платить за землю: онъ отдаетъ за землю столько, что ему не только не остается никакого процента на затраченный капиталъ, никакого барыша, но и за трудъ свой онъ сплошь и рядомъ выручаетъ меньше, чѣмъ на поденщинѣ. Такъ что же за диво, если банкъ даетъ крестьянину возможность купить землю дешевле *этихъ* цѣнъ и платить меньше *этихъ* платежей?! Но, конечно, то, что крестьянину приходится платить при покупкахъ съ содѣйствіемъ банка—это гораздо больше, чѣмъ земля дѣйствительно стоитъ, гораздо больше, чѣмъ тотъ чистый доходъ, который она дѣйствительно даетъ при крестьянскомъ или при заурядномъ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Пока въ основѣ его дѣятельности лежитъ принципъ вольной покупки и продажи, крестьянскій банкъ не можетъ дать правильныхъ земельныхъ цѣнъ, соотвѣтствующихъ тому, что земля давала и можетъ давать при хозяйственной эксплуатаціи; онъ ни самъ по себѣ, ни при содѣйствіи землеустроительныхъ комиссій не можетъ распредѣлить попадающую въ его руки землю въ соотвѣтствіи съ дѣйствительною земельною нуждою.

Другія стороны аграрной политики.

Я очень подробно остановился на тѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, которыя имѣли и имѣютъ своею непосредственною цѣлью расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. О всѣхъ прочихъ сторонахъ аграрной или соприкасающейся съ областью земельныхъ отношеній политики послѣдовавшаго за освобожденіемъ крестьянъ сорокалѣтія я могу ограничиться немногими замѣчаніями—я остановлюсь, въ частности, лишь на двухъ категоріяхъ мѣръ: на мѣрахъ, касающихся семейныхъ раздѣловъ, и мѣрахъ, относящихся къ общинному землевладѣнію.

Законъ о семейныхъ раздѣлахъ.

Извѣстно, что въ крестьянскомъ быту большая семья куда выгоднѣе малой: всякая работа идетъ спорѣе, и на заработки можно уйти безъ ущерба хозяйству, и промысломъ заняться. Значитъ—рѣшили—все злоотъ семейныхъ раздѣловъ. И рѣшеніе простое: пусть всѣ живутъ въ большихъ семьяхъ, не смѣютъ дѣлиться. Право сельскаго схода вмѣшиваться въ дѣла по семейнымъ раздѣламъ было установлено еще положеніемъ 19 февраля (ст. 51 п. 5). Но крестьяне и крестьянскіе сходы хорошо понимали, что семейный раздѣлъ — частное дѣло, и постороннимъ людямъ въ такое дѣло ввязываться нельзя: насильно не свяжешь семьи, которая расползается во всѣ стороны. И вотъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что изъ 2.371.000 семейныхъ раздѣловъ только 303.000, значитъ, одна восьмая часть, послѣдовали по приговорамъ сходовъ; всѣ остальные произведены были просто самими заинтересованными лицами, и сходъ только отводилъ выдѣлившимся семьямъ новыя усадьбы. Когда принялись вообще «подтягивать» крестьянъ, взялись и за семейные раздѣлы. Законъ 1886 года привлекъ къ участію въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ; раздѣлъ, по этому закону, допущенъ только при согласіи родителя (*безъ* его согласія раздѣлъ допущенъ только, если родитель признанъ «расточителемъ» или человѣкомъ безнравственнаго поведенія); для раздѣла требуется основательный поводъ; требуется, чтобы была доказана способность каждой изъ выдѣляющихся семей къ самостоятельному веденію хозяйства; должна быть установлена обезпеченность исправной уплаты податного оклада и недоимокъ; земскому начальнику предоставлено право вмѣшиваться въ дѣло какъ въ случаѣ жалобъ кого-либо изъ заинтересованныхъ

лицъ, такъ и въ такъ называемомъ «порядкѣ надзора», т.-е. просто по своему усмотрѣнію, и, такимъ образомъ, рѣшеніе дѣлъ о раздѣлахъ цѣликомъ передано въ руки земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ...

Нечего много говорить о томъ, до какой степени этотъ законъ, вызванный стремленіемъ «подтянуть» крестьянъ и укрѣпить почтеніе къ старшимъ, былъ несогласенъ съ требованіями жизни: разъ семьѣ не живется вмѣстѣ, ея веревками не свяжешь. И естественно, что законъ этотъ, какъ официально признано, между прочимъ, собиравшимися лѣтъ 20 тому назадъ особыми губернскими совѣщаніями, такъ и остался на бумагѣ, и на практикѣ не исполнялся; семьи, которымъ нужно было раздѣлиться, дѣлились «самовольно», и законъ, имѣвшій помѣшать раздѣламъ, повелъ только къ одному: ко всяческимъ злоупотребленіямъ и недоразумѣніямъ, вслѣдствіе невозможности обставить раздѣлъ въ законномъ порядкѣ.

Община и передѣлы.

Нѣсколько подробнѣе я остановлюсь въ заключеніе только на одномъ вопросѣ: на отношеніи правительства къ вопросу объ общинѣ. Споръ объ общинѣ, о приносимомъ ею вредѣ или, наоборотъ, пользѣ, идетъ уже давно, больше полустолѣтія. Редакціонныя комиссіи тоже много думали надъ этимъ вопросомъ, и въ общемъ онѣ были скорѣе противъ общины, считали ее вредною для развитія крестьянскаго хозяйства. Но, съ одной стороны, онѣ не рѣшались ломать народную жизнь, а съ другой—вѣдь община была въ рукахъ правительства очень удобнымъ, какъ тогда казалось, средствомъ для взиманія податей и взысканія недоимокъ. И вотъ, положенія 19 февраля носятъ на себѣ явственный отпечатокъ такого нѣсколько нерѣшительнаго, колеблющагося отношенія редакціонныхъ комиссій къ общинѣ: всѣ общинные распорядки, передѣлы и проч. предоставлены власти сельскаго схода, безъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства; но допущенъ переходъ отъ общины къ подворному владѣнію, по постановленію, принятому двумя третями схода, тогда какъ, наоборотъ, переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному не допущенъ вовсе; знаменитая ст. 165 положенія о выкупѣ предоставляетъ каждому желающему внести причитающуюся на его долю выкупную сумму и выдѣлить свой надѣлъ въ личную собственность, а по истеченіи срока выкупа каждому обществен-

нику предоставлено право выхода изъ общины (ст. 12 Общ. полож. и ст. 106 Пол. о выкупѣ).

Общинная жизнь шла послѣ реформы 1861 г. такъ же, какъ шла и до нея, гдѣ не вмѣшивались въ дѣло помѣщики. Гдѣ передѣляли землю, гдѣ не передѣляли; передѣлы гдѣ происходили часто, гдѣ, напротивъ, очень рѣдко; гдѣ производились коренные передѣлы, гдѣ дѣло ограничивалось свалками-навалками душъ; передѣляли и распредѣляли платежи гдѣ по ревизскимъ душамъ, гдѣ на наличное населеніе, гдѣ по работникамъ, гдѣ по ѣдокамъ: въ каждой мѣстности, въ каждой деревнѣ были свои порядки, смотря по тому хозяйству, какое велось у крестьянъ, смотря по тому, былъ ли надѣлъ «кормильцемъ» или «разорителемъ». Но вотъ опять-таки стали доискиваться, гдѣ корень зла, гдѣ причина крестьянской нищеты, и нашли эту причину въ передѣлахъ. И рѣшили ограничить передѣлы. Законъ 8 іюня 1893 года требуетъ для передѣла большинства двухъ третей голосовъ участвующихъ на сходѣ; передѣлы допускаются на сроки не менѣе 12 лѣтъ; приговоры о передѣлахъ подлежатъ повѣркѣ земскаго начальника и должны быть утверждены уѣзднымъ съѣздомъ, который можетъ отказать въ утвержденіи приговора, какъ въ случаѣ «явнаго ущерба для цѣлаго общества», такъ и въ случаѣ «нарушенія законныхъ правъ» отдѣльныхъ его членовъ, иначе сказать, когда ему вздумается; въ приговорѣ должны быть точно указаны какъ основанія новой разверстки земли, такъ и число долей, отводимыхъ каждому домохозяину; въ случаѣ, если кѣмъ-либо изъ домохозяевъ были произведены улучшенія на той землѣ, которою онъ пользовался по предыдущему передѣлу, ему обязательно должны быть оставлены тѣ же полосы или должно быть выдано вознагражденіе за сдѣланныя улучшенія. Частные передѣлы совершенно запрещены, за исключеніемъ точно указанныхъ въ законѣ случаевъ, именно: 1) смерти, высылки или безвѣстной отлучки кого-либо изъ общественниковъ, 2) добровольнаго отказа отъ надѣла, и 3) неисправности въ несеніи платежей и повинностей.

Нельзя не признать, что въ законѣ этомъ имѣется цѣлый рядъ пунктовъ, противъ которыхъ ничего нельзя возразить и которые, напротивъ, заслуживаютъ полнаго одобренія: таковы въ особенности постановленія, касающіяся хозяевъ, сдѣлавшихъ улучшенія на доставшейся по предыдущему передѣлу землѣ; въ

этомъ отношеніи законъ 8 іюня 1893 года установилъ такіе же порядки, какіе во многихъ мѣстахъ ввели у себя и сами крестьяне. Трудно возражать и противъ требованія, чтобы основанія передѣла были точно указаны въ приговорѣ,—это очень важно на случай какихъ-либо споровъ и недоразумѣній. Въ цѣломъ, однако, законъ 8 іюня вызываетъ къ себѣ отрицательное отношеніе. Прежде всего, онъ открылъ въ этомъ насущномъ для крестьянъ дѣлѣ полный просторъ произволу земскихъ начальниковъ: вѣдь на общину и на передѣлы всякій смотритъ по-своему, а враждебно относящійся къ общинѣ земскій начальникъ свободно могъ, по этому закону, никогда не допускать никакого передѣла. Но и кромѣ того, законъ воспретилъ частные передѣлы, а между тѣмъ свалка и навалка душъ безусловно необходима, гдѣ доходность надѣла не покрываетъ повинностей. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно заставить общество оставлять надѣлъ за явно неисправнымъ или выбивающимся изъ силъ хозяиномъ? И вотъ, частные передѣлы либо производятся «самовольно», либо случается и такъ, что общество, не имѣя возможности произвести частный передѣлъ, производитъ общій передѣлъ, когда оно безъ этого, можетъ быть, еще долго осталось бы при старомъ раздѣлѣ. Нецѣлесообразенъ и установленный закономъ обязательный 12-лѣтній срокъ: гдѣ существуетъ унавоживаніе полей, гдѣ вообще чувствуется необходимость въ улучшенной обработкѣ земли, тамъ крестьяне и сами уже давно перешли къ передѣламъ на продолжительные сроки; гдѣ этого нѣтъ, тамъ не вредятъ передѣлы и на болѣе короткіе сроки, въ особенности если ограждены права отдѣльныхъ хозяевъ, сдѣлавшихъ улучшенія на своихъ надѣлахъ; тамъ же, гдѣ ведется толочное хозяйство, при которомъ земля то пашется, то оставляется подъ выгонъ,—тамъ передѣлъ чрезъ короткіе сроки представляется совершенно необходимымъ.

Правительство, такимъ образомъ, въ 1893 году подчинило своему строжайшему контролю и сильно ограничило важнѣйшее изъ проявленій общины и міра—передѣлы. Но *самой общины* въ то время оно не только не собиралось разрушать, а напротивъ, оно приняло одну мѣру, имѣвшую прямою цѣлью противодѣйствовать разрушенію общины. По ст. 165, какъ я упоминалъ, каждый общественникъ могъ внести досрочный выкупъ за свой надѣлъ и въ такомъ случаѣ становился собственникомъ выку-

пленной земли. Не приводя цифръ, скажу только, что выкупъ по 165 статьѣ пошелъ довольно быстро, въ особенности въ промышленныхъ губерніяхъ; другой вопросъ, *что это* былъ за выкупъ, *съ какими цѣлями* онъ производился и къ какимъ послѣдствіямъ онъ могъ привести? По мысли редакціонныхъ комиссій, выкупъ по 165 статьѣ долженъ былъ вести къ созданію хуторскихъ владѣній съ улучшеннымъ хозяйствомъ и т. п. Въ дѣйствительности надѣлы выкупали для того, чтобы освободиться отъ круговой поруки, чтобы воспользоваться избыткомъ стоимости земли, гдѣ такой избытокъ былъ, сверхъ выкупной оцѣнки; бѣдняки выкупали землю, чтобы сейчасъ же перепродать ее скупщикамъ изъ своихъ же крестьянъ или постороннихъ лицъ. Вообще, досрочный выкупъ въ дѣйствительности оказался, просто, выгодною спекуляціей. И вотъ, законъ 14 декабря того-же 1893 года поставилъ досрочный выкупъ въ зависимость отъ согласія общины—для такого выкупа требуется разрѣшительный приговоръ, постановленный двумя третями лицъ, имѣющихъ право участія на сходѣ; такихъ приговоровъ, естественно, сходы не желали давать, и досрочный выкупъ, съ изданіемъ закона 14 декабря 1893 года, совершенно прекратился. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 14 декабря совершенно запретилъ залогъ надѣльныхъ земель, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи, для подворныхъ же владѣльцевъ ввелъ существенное ограниченіе въ правахъ по отчужденію надѣльныхъ земель: продажа послѣднихъ допускается только односельчанамъ или лицамъ, приписывающимся къ обществу,—значитъ, во всякомъ случаѣ, лицамъ крестьянскаго сословія. Сейчасъ мы увидимъ, почему правительство въ то время такъ тщательно ограждало неприкосновенность общины и такъ рѣшительно противодѣйствовало выходу земли изъ крестьянскаго владѣнія.

Законы 8 іюня 1893 года и 14 декабря, въ общемъ, скорѣе благопріятные для общины и основанные на началѣ замкнутости, неотчуждаемаго крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія, дѣйствовали до самаго послѣдняго времени. 3 ноября 1905 года были, какъ извѣстно, отмѣнены выкупные платежи; тогда вспомнили о ст. 12 положенія 19 февраля, предусматривавшей свободный выдѣлъ изъ общины послѣ погашенія выкупного долга. Въ то-же время, въ поискахъ причинъ обнищанія крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причинъ, вызвавшихъ аграрное движеніе, напали

на общину; тотъ самый министръ финансовъ Витте который въ 1892 году написалъ нашумѣвшую въ то время записку въ защиту общины, теперь оказался ея яростнымъ врагомъ, и руководимое имъ особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности въ числѣ главнѣйшихъ мѣръ къ устраненію аграрнаго кризиса поставило уничтоженіе «зависимости крестьянъ отъ общины и міра». На той же точкѣ зрѣнія стоятъ и смѣнявшія другъ друга въ послѣднее время правительства — того же Витте, Горемыкина, Столыпина,—и эта точка зрѣнія нашла себѣ ясное выраженіе во всей земельной политикѣ самодержавнаго правительства за все время, начиная съ момента роспуска первой Государственной Думы до февральскаго переворота. Главнымъ и наиболѣе энергичнымъ носителемъ этой политики, П. А. Столыпинымъ, былъ выставленъ лозунгъ «ставки на сильныхъ», носившій, одновременно, хозяйственный и политическій смыслъ: *хозяйственный*—поскольку въ болѣе крѣпкихъ элементахъ деревни, изъ которыхъ разсчитывали сдѣлать мелкихъ собственниковъ, сельскую «буржуазію», видѣли носителей хозяйственнаго прогресса, и интересамъ этого прогресса признавали возможнымъ жертвовать интересами хозяйственно-слабой «бѣдноты»; *политическій*—поскольку изъ этой новой сельской буржуазіи разсчитывали создать многочисленный консервативный классъ,—*классъ земельныхъ собственниковъ*, въ силу своихъ собственническихъ интересовъ солидарный съ земельнымъ дворянствомъ. Отсюда—открывшаяся указомъ 9 ноября 1906 г. новая эра аграрной политики, рѣзко враждебной общинно-уравнительному землепользованію и направленной къ мыслимо быстрому «насажденію» единоличной собственности въ отрубно-хуторскихъ ея формахъ. Какое, чисто-политическое, значеніе придавалось этой новой задачѣ, видно уже изъ того, что указъ 9 ноября былъ проведенъ помимо законодательныхъ учрежденій, въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ, т.-е. въ чрезвычайномъ порядкѣ, установленномъ для случаевъ самой неотложной необходимости. Указъ этотъ предоставлялъ каждому общественнику «укрѣпить» въ свое единоличное владѣніе всѣ тѣ участки и полосы передѣляемыхъ угодій, которые въ данный моментъ состояли въ его пользованіи, вмѣстѣ съ правомъ участія, въ соотвѣтственной долѣ, въ пользованіи непередѣляемыми угодьями; если въ чьемъ-либо пользованіи имѣлся излишекъ земли сверхъ того, что причиталось бы ему

по расчету на наличныя души, «укрѣпленецъ», правда, долженъ былъ вознаградить общину,—но вознаградить не по дѣйствительной стоимости, а по, конечно, въ нѣсколько разъ болѣе низкой выкупной оцѣнкѣ положеній 1861 года. «Укрѣпленію»—подчеркиваю—подлежали именно тѣ самые участки и полосы, какими «укрѣпленецъ» пользовался по послѣднему передѣлу; выдѣлъ «укрѣпленной» земли къ одному мѣсту былъ сдѣланъ *его правомъ*, но *не обязанностью;* при нежеланіи его выдѣлиться къ одному мѣсту онъ могъ сколько угодно времени продолжать владѣть своею «собственностью» чрезполосно съ общинными землями. Ясно, что составители указа 9 ноября очень мало думали о *хозяйственной* сторонѣ дѣла и что главное ихъ вниманіе было направлено на *чисто-политическую* задачу: возможно быстрое образованіе мелко-собственническаго контингента. Указъ 9 ноября былъ замѣненъ, а въ значительной мѣрѣ и дополненъ, прошедшимъ черезъ третью Думу закономъ 14 іюня 1910 года. Всѣ подробности и указа, и закона цѣликомъ направлены были къ вящшей выгодѣ «укрѣпленцевъ» и въ ущербъ остающимся въ общинѣ. А затѣмъ, уже въ законѣ 14 іюня, по прямой иниціативѣ думскаго большинства, было введено нѣчто совершенно новое: указъ 9 ноября разрушалъ общину *постепенно*, путемъ выдѣла изъ нея отдѣльныхъ домохозяевъ, а затѣмъ и косвенно, путемъ фактическаго уничтоженія возможности передѣловъ; въ законъ 14 іюня введены, кромѣ того, постановленія, въ силу которыхъ всѣ общины, не производившія коренного передѣла со времени надѣленія ихъ землею, признавались, просто, прекратившими общинно-уравнительное пользованіе, и всѣ члены такихъ общинъ признавались единоличными собственниками той земли, которая, въ моментъ изданія закона, состояла въ ихъ пользованіи. Вторымъ основнымъ законодательнымъ актомъ, въ которомъ воплотилась земельная политика разсматриваемаго періода, было положеніе о землеустройствѣ 29 мая 1911 г., впрочемъ, въ большей части своего содержанія лишь объединившее систему землеустроительныхъ мѣръ, постепенно вырабатывавшуюся и проводившуюся въ жизнь, начиная съ 1907 года, въ порядкѣ административныхъ распоряженій; то наиболѣе существенное, что внесло, собственно, положеніе 1911 года,—это было право *принудительнаго*, помимо согласія меньшинства, проведенія землеустроительныхъ мѣропріятій, которыя до того могли проводиться

не иначе, какъ при достиженіи общаго согласія *всѣхъ* заинтересованныхъ сторонъ. Въ противоположность указу 9 ноября и закону 14 іюня, положеніе 29 мая 1911 г. выдвигаетъ впередъ *чисто-хозяйственную задачу:* уничтоженіе вредной чрезполосности и другихъ хозяйственныхъ неудобствъ, притомъ не только *крестьянскаго,* въ сословномъ смыслѣ, но и *всякаго вообще мелкаго* землевладѣнія, и сведеніе отдѣльныхъ владѣній,—какъ общинныхъ, такъ и единоличныхъ,—въ отрубные и, по возможности, хуторскіе участки. Однако и въ этомъ положеніи отчетливо проявились и характерныя для періода послѣ 1906 года земельно-правовыя и политическія тенденціи, выразившіяся въ рядѣ постановленій болѣе или менѣе частнаго характера, рѣшительно благопріятствовавшихъ единоличному и неблагопріятныхъ для общиннаго владѣнія.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробную критику, а тѣмъ болѣе въ разсмотрѣніе тѣхъ весьма разнорѣчивыхъ взглядовъ, какіе высказывались представителями различныхъ теченій по поводу, въ особенности, указа 9 ноября и смѣнившаго его закона 14 іюня, 1910 года. Въ смыслѣ разнорѣчія взглядовъ достаточно отмѣтить, что эти законодательные акты были сочувственно встрѣчены не только консервативными и крупно-помѣстными элементами, но и нѣкоторыми изъ представителей марксистскаго теченія (Лосицкій, Чернышовъ), которые видѣли въ нихъ не *насильственное разрушеніе*, а только *завершеніе* издавняго *естественнаго процесса* разложенія общины, и считали неизбѣжныя послѣдствія указа и закона: образованіе мелкой земельной деревенской буржуазіи и окончательную пролетаризацію болѣе слабыхъ элементовъ деревенскаго населенія соотвѣтствующими нормальнымъ тенденціямъ соціально-экономической эволюціи. Лично я придерживаюсь другого мнѣнія. Какъ бы ни относиться къ общинно-уравнительному пользованію,—указъ 9 ноября и законъ 14 іюня не *реформировали*, а *разрушали* его; на мѣсто общинной черезполосицы они создавали *еще худшую* черезполосицу общинныхъ земель съ «укрѣпленными» въ единоличное владѣніе полосами. Если въ мѣстностяхъ, гдѣ община въ самомъ дѣлѣ прекратила свою жизнедѣятельность,—указъ 9 ноября и законъ 14 іюня, дѣйствительно, только оформили фактически сложившееся положеніе вещей, то въ очень многихъ другихъ мѣстностяхъ это было, такъ-таки, *насильственное разрушеніе* общины,

потому что отсутствіе коренныхъ передѣловъ вовсе не равносильно полному прекращенію всей вообще жизнедѣятельности общины. Въ самой рѣзкой формѣ нарушая законнѣйшіе права и интересы остававшейся въ общинѣ части населенія, указъ 9 ноября и законъ 14 іюня едва ли могутъ быть оправданы и съ точки зрѣнія желательнаго хода экономической и соціальной эволюціи страны: обезземеливающіяся массы не могутъ найти приложенія для своего труда въ нашей слабо развитой и—даже и независимо отъ послѣдствій такъ печально окончившейся войны—не имѣвшей данныхъ для быстраго развитія промышленности, а вновь образующійся классъ крестьянъ-собственниковъ слагается не столько изъ такихъ элементовъ, которые, въ самомъ дѣлѣ, могли бы быть носителями хозяйственнаго прогресса, сколько изъ представителей хищнически-спекулятивнаго типа, которые пользовались случаемъ для того, чтобы «урвать» себѣ возможно жирный кусокъ. Иное слѣдуетъ сказать о землеустройствѣ по положенію 29 мая 1911 года. Землеустройство, въ самомъ дѣлѣ, шло навстрѣчу законнымъ желаніямъ и интересамъ очень многочисленной части крестьянства; оно, дѣйствительно, преслѣдовало разумныя хозяйственныя цѣли и потому ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ огульнаго осужденія. Это не мѣшаетъ тому, что и въ самомъ положеніи 29 мая, и въ особенности въ способахъ его проведеніяхъ въ жизнь было слишкомъ много бюрократической шаблонности и прямолинейности, слишкомъ много стремленія подвести все крестьянское землевладѣніе подъ одинъ образецъ. А широко примѣнявшіеся, подъ вліяніемъ все тѣхъ же обще политическихъ мотивовъ, способы болѣе или менѣе насильственнаго проведенія землеустройства въ жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, въ какое, при всякомъ удобномъ случаѣ, ставились отрубники и хуторяне по сравненію съ остававшеюся въ общинѣ частью населенія, въ значительной мѣрѣ объясняютъ то враждебное отношеніе народныхъ массъ какъ къ землеустройству, такъ и къ воспользовавшимся его выгодами отрубникамъ и хуторянамъ, которое нашло себѣ такое яркое выраженіе въ событіяхъ революціоннаго времени.

Въ рамкахъ этихъ лекцій я не могу входить въ дальнѣйшія подробности по данному вопросу. Остановлюсь только на одномъ частномъ вопросѣ: почему самодержавное правительство такъ быстро и такъ рѣзко измѣнило свое отношеніе къ общинѣ? Почему

оно прежде считало необходимымъ сохранять, а послѣ 1906 года всѣми силами стремилось уничтожать общину? Почему оно прежде хотѣло закрѣпить землю въ рукахъ крестьянскаго сословія, а потомъ стремилось сдѣлать изъ крестьянъ «мелкихъ земельныхъ собственниковъ», свободныхъ распоряжаться своею собственностью и продавать землю, какъ имъ угодно? Объясненіе одно: прежде въ крестьянахъ видѣли консервативный классъ, въ крестьянскомъ сословіи видѣли «носителя исконныхъ русскихъ началъ», какъ ихъ понимало самодержавное правительство, въ общинѣ видѣли удобный аппаратъ для взиманія податей; вотъ почему въ то время охраняли общину отъ разрушенія, вотъ почему заботились о томъ, чтобы крестьянство оставалось замкнутымъ сословіемъ, чтобы земля не выходила изъ его рукъ. Въ началѣ XX вѣка среди крестьянства обнаружились неугодныя правительству стремленія, хваленый консерватизмъ крестьянъ оказался басней; община, какъ средство взиманія податей, не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, и правительство, навязавшее крестьянскому міру круговую поруку, въ концѣ-концовъ было вынуждено отмѣнить ее; мало того—въ общинѣ стали видѣть разсадникъ соціалистическихъ началъ, общинному духу стали приписывать возникновеніе аграрныхъ волненій и безпорядковъ. И вотъ, община изъ друга сдѣлалась врагомъ самодержавнаго правительства, и вмѣсто того, чтобы оберегать, какъ прежде, неприкосновенность крестьянства и крестьянскихъ земель, правительство стало на совершенно противоположную точку зрѣнія, которая и нашла себѣ выраженіе въ указахъ 9 и 15 ноября и во всей земельной политикѣ послѣднихъ одиннадцати лѣтъ самодержавія.

По плану этого курса въ него не входитъ обозрѣніе правительственныхъ мѣропріятій въ области земельнаго вопроса,—вообще земельной политики настоящаго момента. Да и независимо отъ плана даннаго курса, это было бы слишкомъ трудною задачей. Истекшіе ко времени, когда я пишу эти строки, пятнадцать мѣсяцевъ съ момента февральскаго переворота—это такая эпоха, когда не мѣсяцъ, а чуть ли не недѣля должна засчитываться за годъ. О земельныхъ мѣропріятіяхъ или, точнѣе, предположеніяхъ этой эпохи, о земельныхъ законопроектахъ, а главное—если можно такъ выразиться—о земельныхъ событіяхъ этого времени, если бы поставить обзоръ ихъ какъ самостоя-

тельный вопросъ или самостоятельную задачу, пришлось бы говорить очень много—или не нужно говорить ничего. Я предпочитаю этотъ послѣдній исходъ; предпочитаю, съ одной стороны, потому, что сейчасъ я неимѣю или во всякомъ случаѣ не вижу для себя возможности въ маломальски полномъ видѣ подобрать матеріалъ, который позволилъ бы составить себѣ и дать читателю сколько-нибудь полное представленіе о томъ, въ особенности, во что складывались, *въ дѣйствительности*, земельныя мѣропріятія и тѣмъ болѣе—то, что я называю «земельными событіями» текущаго момента; съ другой же стороны, еще и потому, что сейчасъ, когда еще во всю силу бурлитъ революціонный потокъ и мутится вся поднятая его бурнымъ волнами грязь, было бы слишкомъ трудно сохранить ту максимальную объективность трактовки предмета, отъ которой я, подъ вліяніемъ настроенія момента, позволяю себѣ мѣстами отступать въ отдѣльныхъ попутныхъ замѣчаніяхъ, но которой я хотѣлъ бы и хочу держаться въ основномъ ходѣ моего изложенія. Я не буду поэтому говорить ни о работѣ главнаго земельнаго комитета до-октябрьскаго періода, которой мнѣ довелось быть однимъ изъ ближайшихъ участниковъ, ни о «временныхъ» мѣропріятіяхъ министерства земледѣлія въ управленіе имъ сначала покойнаго Шингарева, а потомъ, номинально, В. М. Чернова, фактически же, главнымъ образомъ, «управлявшаго министерствомъ» П. А. Вихляева, въ той или другой мѣрѣ предрѣшавшихъ, въ опредѣленномъ направленіи, еще только планировавшуюся земельную реформу; ни тѣмъ болѣе о дѣятельности мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ и создававшемся многими изъ нихъ «мѣстномъ законодательствѣ», и о томъ, что эвфемистически называли «народнымъ правотворчествомъ»,—иначе говоря, о производившемся въ «явочномъ порядкѣ» разборѣ владѣльческихъ земель, въ концѣ концовъ превратившемся въ настоящій «потокъ и разграбленіе» и приведшемъ въ ужасъ даже самыхъ убѣжденныхъ поклонниковъ народной мысли и «народнаго разума»; не буду говорить, наконецъ, и о земельномъ законодательствѣ и земельныхъ мѣропріятіяхъ «рабоче-крестьянскаго правительства». Весь этотъ бурный потокъ мѣропріятій и событій ждетъ своего историка, и еще не мало времени—какъ можно думать—будетъ ждать историка достаточно освѣдомленнаго и достаточно безпристрастнаго.

Пособія. Сборникъ «Аграрный вопросъ», т. (статьи *Герценштейна* о крестьянскомъ банкѣ и *Кауфмана* о переселеніи).— Сборникъ «Очерки по крестьянскому вопросу» (статья *Скалона* о крестьянскомъ банкѣ, статья *Розенберга* «Изъ хроники крестьянскаго дѣла»).—*Каблуковъ.* «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства», гл. VI и VIII.—*Кауфманъ.* «Переселеніе и колонизація», часть первая. — *Огановскій.* Закономѣрность аграрной эволюціи, т. III, вып. I. (Населеніе, переселеніе).—*Тернеръ.* «Государство и землевладѣніе», т. II.—*Страховскій.* «Крестьянскія права и учрежденія», отдѣлъ второй.—*Риттихъ.* «Зависимость крестьянъ отъ общины и міра».—Сборникъ «Нужды деревни», т. II (статьи *Пѣшехонова* о «земельныхъ нуждахъ деревни» и *А. А. Чупрова* объ «общинномъ землевладѣніи»). — *Закъ.* Крестьянскій поземельный банкъ. *Моя* статья о крест. поз. банкѣ въ энцикл. слов. Гранатъ, 8-ое изд. *Мои* статьи «Землеустройство» и «переселеніе», тамъ же. *Кофодъ.* Русское землеустройство.

ЛЕКЦІЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Сущность аграрнаго вопроса.

Что такое малоземелье?

Какъ ни различны проявленія современнаго аграрнаго кризиса [1]), суть его все-таки въ одномъ: тѣсно стало народу, земля не кормитъ... И какъ въ умахъ крестьянъ, такъ и въ представленіяхъ интеллигентнаго общества все сводится къ одному воплю: «*мало земли*»...

Основнымъ пунктомъ, значитъ, въ сознаніи и крестьянства и общества всегда былъ вопросъ о землѣ; не даромъ «*земля* и воля»—было лозунгомъ одной изъ наиболѣе активныхъ частей современной русской интеллигенціи... Не даромъ политическая группа, захватившая власть въ октябрѣ 1917 года, начала съ «декрета» о передачѣ земли въ распоряженіе крестьянскихъ земельныхъ комитетовъ и — въ рѣшительный разрѣзъ со своими собственными принципами—провела построенный на совершенно другихъ, по существу ей чуждыхъ, принципахъ, но зато съ максимальною рѣшительностью идущій навстрѣчу вожделѣніямъ крестьянства, «основной законъ о соціализаціи земли».

Для насъ, однако, вопросъ не разрѣшается такъ просто. Моя задача—не провозглашать какіе-либо лозунги, а подробно разобрать и всесторонне выяснить причины и сущность того аграрнаго кризиса, который переживаетъ наша страна. Только тогда для насъ выяснятся и способы излѣченія той тяжкой болѣзни, которою мы уже такъ давно страдаемъ.

А между тѣмъ, причины кризиса очень сложны и разнообразны: можно смѣло сказать, что нашъ аграрный кризисъ—это

---

[1]) См. и гл. обр., гл. II.

слѣдствіе всей совокупности условій, въ которыхъ мы прожили послѣдніе полвѣка. Можно сказать и болѣе того: нашъ аграрный кризисъ—это кризисъ тѣхъ отжившихъ свой вѣкъ формъ и способовъ веденія хозяйства, на которыхъ многіе вѣка зиждилось благополучіе крестьянина.

Мы видѣли въ первыхъ лекціяхъ этого курса, какъ плохо живется русскому крестьянину. Но если крестьянину нѣтъ возможности прожить на своемъ надѣлѣ; если онъ жадно набрасывается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если онъ постепенно нищаетъ, переходитъ отъ полуголоднаго существованія, отъ постояннаго недоѣданія, къ полной голодовкѣ, отъ нужды уходитъ на заработки, этимъ окончательно разстраивая свое хозяйство, или бѣжитъ безъ оглядки «на новыя мѣста»; если онъ, въ концѣ-концовъ, бросаетъ землю и уходитъ въ городъ или на фабрику,—то вѣдь это все можетъ происходить отъ разныхъ причинъ. Можетъ-быть, у крестьянина, въ самомъ дѣлѣ, *мало земли*, а можетъ быть, земли не такъ уже мало, да *земля очень ужъ мало даетъ;* можетъ быть, конечно, и то и другое вмѣстѣ: и мало земли, и даетъ она меньше, чѣмъ могла бы и должна бы давать. И потому аграрный вопросъ—вопросъ о *малоземельи*, о недостаткѣ земли, самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ сельскохозяйственнымъ вопросомъ—о *производительности* земли, о томъ, что́ земля даетъ, и что́ она можетъ давать. А что у насъ на *этотъ* счетъ обстоитъ очень плохо, объ этомъ не приходится и говорить. Вѣдь крестьянская посѣвная десятина даетъ у насъ, кругомъ, менѣе 45 пудовъ всякаго хлѣба. Но это—*посѣвная* десятина; а вѣдь около одной трети всей земли у насъ пропадаетъ подъ паромъ, и если разсчитать не на посѣвную, а на *пахотную* десятину,—на десятину всей пахотной земли, то кругомъ придется уже меньше 30 пудовъ, а за вычетомъ сѣмянъ—около 23 пудовъ... А между тѣмъ, вотъ какіе урожаи, въ среднемъ, получаются въ Западной Европѣ: въ Германіи и Франціи—63 пуда, въ Швеціи—75, въ Даніи—93, въ Голландіи—102, въ Англіи—112, въ Бельгіи даже 116 пудовъ по расчету на нашу десятину... Средній урожай пшеницы у насъ 28 пудовъ, во Франціи—70, въ Германіи—77, въ Голландіи и Бельгіи—111, въ Англіи—124, въ Даніи даже 179 пудовъ; даже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ пріемы хозяй-

Низкая производительность надѣльныхъ земель.

ства ближе всего къ нашимъ, и гдѣ человѣкъ до сихъ поръ такъ же мало или еще меньше, чѣмъ у насъ, дѣлаетъ для поднятія производительныхъ силъ земли, средній урожай пшеницы около 50 пудовъ. Овесъ даетъ у насъ въ среднемъ 29 пудовъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—63, во Франціи—61, въ Германіи—74, въ Голландіи—117, въ Бельгіи—125 пудовъ на десятину. Только рожь даетъ не такую большую разницу: средній урожай у насъ 34 пуда, въ Соединенныхъ Штатахъ—42, въ Германіи—56, во Франціи—64, въ Голландіи—88, въ Даніи—101 пудъ съ нашей десятины; понятно, почему мы до сихъ поръ сѣемъ такъ много ржи,—этого наиболѣе дешеваго и наименѣе питательнаго, но зато, при нашемъ хозяйствѣ, сравнительно болѣе урожайнаго хлѣба. И притомъ какая громадная разница въ колебаніяхъ урожаевъ!.. Если принять средній урожай пшеницы *въ самый лучшій* годъ за 100, то средній урожай ея *въ самый плохой* годъ будетъ: въ Англіи—76 пудовъ, въ Германіи—73 пуд., въ Россіи для озимой—27 и для яровой пшеницы—около 30; если за 100 принять средній размѣръ самаго хорошаго урожая ржи, то самый плохой урожай окажется, кругомъ на десятину, въ Германіи—73, у насъ—всего 48 пуд.; если за 100 принять средній на десятину размѣръ хорошаго урожая овса, то въ плохой урожай приходится кругомъ на десятину: въ Англіи—79, въ Германіи—66, въ Россіи—44 пуда. Это значитъ, что въ Англіи, напримѣръ, земледѣлецъ въ самый плохой годъ не добираетъ противъ хорошаго всего около одной четвертой части, тогда какъ у насъ онъ собираетъ пшеницы меньше третьей части, овса—немногимъ болѣе двухъ пятыхъ и даже озимой ржи—меньше половины противъ хорошаго урожая.

Посмотримъ теперь дальше. У насъ очень обычны жалобы на недостатокъ кормовыхъ угодій и въ особенности сѣнокосовъ. А между тѣмъ луговъ и пастбищъ у насъ не только не меньше, но даже больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, кромѣ Даніи и Австріи: изъ ста десятинъ всѣхъ угодій въ Россіи приходится на долю кормовыхъ угодій 33,7 дес., или ровно треть, и даже у крестьянъ 28,7 дес., т.-е. болѣе четверти. Между тѣмъ въ другихъ странахъ на долю луговъ и пастбищъ приходится: во Франціи—19, въ Германіи—25, въ Италіи—27, даже въ Соединенныхъ Штатахъ тѣ же 28 десятинъ на каждую сотню десятинъ всѣхъ угодій, какъ у насъ на крестьянскихъ земляхъ. *Но что даютъ*

кормовыя угодья за границей и у насъ? Въ Россіи средній укосъ на десятину 77 пудовъ, во Франціи—182, въ Германіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ — 205, въ Англіи — 235 пудовъ...

Причина ея не климатъ, а плохое хозяйство.

Мы привыкли причину нашихъ плохихъ урожаевъ, нашихъ столь частыхъ неурожаевъ валить на неблагопріятныя свойства природы, на суровый или засушливый климатъ. А между тѣмъ приблизительно половина Европейской Россіи по пространству и гораздо больше половины по количеству населенія—это вѣдь знаменитый русскій черноземъ, подобнаго которому нѣтъ во всей остальной Европѣ,—и какъ разъ на этомъ-то черноземѣ чаще всего неурожаи и сильнѣе всего голодовки. Климатъ нашъ, если ближе разобрать, отнюдь не слишкомъ суровъ и не слишкомъ засушливъ. Если смѣрить, сколько дождя выпадаетъ, въ среднемъ за хорошіе и плохіе года, въ тѣ пять мѣсяцевъ, когда происходитъ произрастаніе хлѣбовъ, то окажется, что въ средней Германіи количество выпадающаго дождя около 26, въ средней Франціи и восточной Англіи около 25 сантиметровъ; у насъ, въ Нижегородской губерніи, среднее количество выпадающаго дождя за пять мѣсяцевъ—29, въ Рязанской и Воронежской—27, въ Симбирской—25 сантиметровъ; значитъ, во всей средней черноземной полосѣ дождей выпадаетъ даже больше, чѣмъ въ Западной Европѣ, и только для юго-восточныхъ губерній можно говорить о недостаточности количества дождей: въ Самарѣ среднее количество дождя за пять мѣсяцевъ—20, въ Оренбургѣ—19, въ Саратовѣ 18 сантиметровъ,—уже значительно меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ; но это, повторяю, только на крайнемъ юго-востокѣ Европейской Россіи [1]).

Очевидно, дѣло здѣсь не въ естественныхъ условіяхъ, не въ суровомъ климатѣ, тѣмъ болѣе не въ плохой почвѣ: «урожайность земли находится въ прямой зависимости не столько отъ качества земли, сколько отъ тщательности, интенсивности ея обработки» (П. П. Масловъ). И въ самомъ дѣлѣ: на песчаныхъ и под-

---

[1]) Эти цифры (25, 19 сантиметровъ)—это высота слоя воды, который получился бы, если бы вся вода, выливающаяся съ дождями и снѣгомъ, оставалась на поверхности земли и не высыхала, или того столбика воды, который въ теченіе пяти мѣсяцевъ получился бы въ выставленномъ подъ дождь сосудѣ.

золистыхъ почвахъ сѣвера Пермской или Вологодской губерній урожайность крестьянскихъ земель, благодаря усиленному унавоживанію, поднимается, кругомъ, до 80, а мѣстами и до 100 пудовъ съ десятины, а на тучномъ черноземѣ нашихъ среднихъ и южныхъ губерній родится, кругомъ, менѣе 40 пудовъ; во многихъ мѣстностяхъ—напримѣръ, въ такомъ богатомъ почти непочатою степью уѣздѣ, какъ Новоузенскій, Самарской губерніи, средній урожай падаетъ даже до 20—25 пудовъ. И еще несомнѣнное доказательство того, что дѣло не въ климатѣ и не въ почвѣ, а въ плохомъ хозяйствѣ: вѣдь во всякомъ мало-мальски хорошемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ—конечно не изъ тѣхъ, которыя всю землю раздаютъ въ аренду или обрабатываютъ кругами!—урожаи вдвое, а въ особенно выдающихся хозяйствахъ втрое и вчетверо выше, чѣмъ на сосѣднихъ крестьянскихъ земляхъ или хотя бы и на такихъ же помѣщичьихъ земляхъ, но сдаваемыхъ въ аренду крестьянамъ или обрабатываемыхъ изъ доли урожая.

Дѣло, значитъ, не въ почвѣ и не въ климатѣ, а *въ плохомъ хозяйствѣ, плохой обработкѣ* земли. Въ значительной части Россіи, именно по всей черноземной полосѣ, до сихъ поръ еще держится залежное или переложное хозяйство, при которомъ производительная сила земли не возстановляется ни навознымъ, ни какимъ-либо другимъ удобреніемъ, а однимъ только отдыхомъ въ промежуткахъ между посѣвами. Такое хозяйство было очень удобно и хорошо, оно давало населенію достаточно хорошіе урожаи, пока земли было много и пока, поэтому, заброшенная послѣ нѣсколькихъ посѣвовъ пашня успѣвала хорошо задернѣть и отдохнуть; теперь земли стало мало, наступило «утѣсненіе», и залежное хозяйство выродилось въ пестрополье или «однополье»—пашня изъ года въ годъ засѣвается хлѣбами; развѣ, изрѣдка, совсѣмъ уже выпаханной полосѣ дается годъ, рѣдко два года отдыха. Земля, значитъ, истощена до послѣдней крайности, она обратилась въ порошокъ, непрерывные посѣвы вытянули изъ нея всѣ соки,—не удивительно, что она отказывается родить хлѣбъ, и неурожаи случаются чуть ли не чаще, чѣмъ сколько-нибудь добропорядочные урожаи. Средне-русское трехполье было очень хорошо, пока населеніе, наряду съ пахотною землею, располагало достаточною кормовою площадью, пока оно, значитъ, могло содержать достаточно скота и его навозомъ

удобрять поля. Но въ значительной части страны надѣльныя земли распаханы чуть не сплошь; подъ пашней занято гдѣ четыре пятыхъ, гдѣ и шесть седьмыхъ всей надѣльной площади, гдѣ и того больше; часть земли еще отходитъ подъ усадебныя мѣста, дороги и всякія неудобныя земли; кормовъ, значитъ, нѣтъ или чрезвычайно мало—стало быть, нѣтъ навоза, нечѣмъ удобрять поля, и поля не могутъ давать прежнихъ урожаевъ. Пашутъ крестьяне, въ большинствѣ, сохою-ковырялкой или допотопнымъ сабаномъ, заставляющимъ терять даромъ огромное количество рабочей силы, а пріемы обработки земли, по отзывамъ агрономовъ, «поражаютъ своей нераціональностью»: крестьяне какъ бы нарочно дѣлаютъ все, чтобы испортить землю, дѣлаютъ какъ разъ не то, что́ нужно было бы, чтобы ее поправить. Отсюда и ничтожные средніе урожаи нашихъ полей, отсюда все болѣе и болѣе частые неурожаи: земля выпахалась или, какъ говорятъ крестьяне, выболталась, и при *такомъ* хозяйствѣ она не можетъ давать лучшихъ и болѣе постоянныхъ урожаевъ.

Значитъ, чтобы поправить дѣло, нужно другое хозяйство, надо повести дѣло такъ, чтобы земля давала больше, чѣмъ даетъ теперь. Наука и практика *знаютъ* способы улучшить хозяйство; такое улучшенное хозяйство ведется и на западѣ, въ Западной Европѣ, и во многихъ странахъ на востокѣ, даже на нѣкоторыхъ нашихъ русскихъ окраинахъ: мы считаемъ какихъ-нибудь китайцевъ или туркестанскихъ сартовъ некультурными народностями, стоящими гораздо ниже русскихъ,—между тѣмъ у нихъ вѣками выработались такіе способы хозяйства, при которыхъ земля даетъ несравненно большіе и болѣе постоянные урожаи, гораздо большій доходъ, нежели у насъ. Почему же, спрашивается, *мы* стоимъ на мѣстѣ? Почему *у насъ* продолжаетъ вестись такое хозяйство, которое не можетъ дать ничего, кромѣ плохихъ урожаевъ или совершенныхъ неурожаевъ, которое не даетъ населенію ничего, кромѣ бѣдности и голодовокъ?

Причины плохого хозяйства.

Причинъ этому много, и прежде всего—вѣковая привычка, отъ которой народу очень трудно отрѣшиться. «Чтобы совершилась перемѣна въ интенсивности труда,—говоритъ проф. А. И. Чупровъ въ своемъ извѣстномъ курсѣ политической экономіи,—долженъ пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный

Вѣковая привычка къ простору.

промежутокъ времени; если нація, народъ, въ теченіе долгаго времени находилась подъ вліяніемъ причинъ, не благопріятствовавшихъ энергичной работѣ, то вялость въ трудѣ сохраняется долго даже послѣ того, какъ устраняются условія, ее производившія». Наша родина еще только выходитъ изъ періода заселенія страны и разселенія по странѣ: въ теченіе болѣе чѣмъ цѣлаго тысячелѣтія населеніе страны еще только размѣщалось по ея необъятному пространству, заселяя на сѣверѣ лѣса, а на югѣ необъятныя степи; и всѣ трудовыя привычки русскаго земледѣльца цѣликомъ вынесены изъ этого періода колонизаціи. Когда поля гдѣ-нибудь выпахивались, «засаривались», онъ бросалъ одно поле и переходилъ на другое; когда въ цѣлой «округѣ» становилось тѣсно, когда, другими словами, не оказывалось больше нетронутыхъ цѣлинъ или достаточно отдохнувшихъ залежей, онъ шелъ «на новыя мѣста», на вольныя и крѣпкія земли. И это было совершенно разумно, пока было вдоволь новыхъ мѣстъ и непочатыхъ, «крѣпкихъ» земель. Теперь совершенно другое: «вольныя земли», какія еще есть въ Сибири, не такъ-то ужъ заманчивы; «на старинѣ» усвоенное отъ дѣдовъ хозяйство не даетъ крестьянину ничего, кромѣ горя и нужды. Но хозяйственныя привычки нашего крестьянина «сохранились послѣ того, какъ устранились условія, ихъ производившія» (Чупровъ); эти привычки гонятъ крестьянина попрежнему *вширь* когда давно пришла пора направить свои усилія *вглубь*,—онѣ побуждаютъ его «пахать побольше», когда нужно было бы «пахать получше». Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ, если у него есть оборотныя средства, по многовѣковой наслѣдственной привычкѣ обратитъ ихъ *не на улучшеніе* своего хозяйства, а на его *расширеніе:* на покупку земли, на аренду, хотя бы на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, въ крайнемъ случаѣ на переселеніе. Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ не вѣритъ въ улучшенные пріемы хозяйства и не желаетъ принимать ихъ, разъ они не соотвѣтствуютъ его вѣковому стремленію вширь,—не вѣритъ и не желаетъ именно потому, что попрежнему еще ищетъ простора и еще вѣритъ въ возможность найти такой просторъ.

Или иначе сказать: мы привыкли къ тому, что гдѣ-то еще есть свободная, плодородная земля; разъ намъ «стало тѣсно», мы бросаемся искать этой свободной земли, и намъ трудно рѣшиться углубить культуру, затратить лишній трудъ и лишнія

средства на обработку той же десятины земли, какая у насъ есть подъ руками, хотя бы это было и гораздо выгоднѣе, чѣмъ арендовать, покупать землю или переселяться. И мы остаемся вѣрны этимъ своимъ привычкамъ даже тамъ, гдѣ мѣстная практика уже выработала говаздо лучшіе пріемы хозяйства и доказала ихъ выгодность и цѣлесообразность. Въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ среди русскихъ деревень разселилось уже не мало колонистовъ-латышей или эстонцевъ, которые продолжаютъ вести то самое, гораздо лучшее, хозяйство, какое они вели у себя на родинѣ, и благодаря этому не знаютъ неурожаевъ; на Дальнемъ Востокѣ нашъ переселенецъ воочію видитъ чрезвычайно разумное хозяйство китайцевъ и корейцевъ, превосходнѣйшимъ образомъ приспособленное къ мѣстнымъ особенностямъ почвы и климата; въ Туркестанѣ онъ встрѣчается съ не менѣе хорошо или даже еще лучше поставленнымъ хозяйствомъ сартовъ, въ основѣ котораго лежатъ искусственное орошеніе и плодосмѣнъ, связанный съ воздѣлываніемъ разныхъ цѣнныхъ растеній. А между тѣмъ онъ и тутъ и тамъ продолжаетъ пахать своими привычными сабаномъ или плугомъ, все такъ же ведетъ распашку широкими загонами, все такъ же норовитъ засѣять побольше пшенички, какъ онъ привыкъ дѣлать у себя въ Полтавщинѣ или «на Самарѣ». И отъ такого хозяйства на Дальнемъ Востокѣ уже и сейчасъ опустѣло немало крестьянскихъ поселковъ, а туркестанскіе переселенцы, получивъ 25—30-десятинные надѣлы, арендуютъ землю, хлопочутъ о прирѣзкахъ и въ концѣ-концовъ бѣгутъ «отъ тѣсноты», тогда какъ туземцы благоденствуютъ на 4—5 десятинахъ. И отчего это? На этотъ вопросъ вамъ очень ясно отвѣтитъ всякій крестьянинъ: оттого, что ему «не съ руки», «не подходящее дѣло» копаться въ землѣ, какъ «копаются» латыши, сарты или корейцы; ему надо распахаться пошире, да побольше посѣять, хотя бы его широкая запашка давала ему, въ концѣ-концовъ, гораздо меньше, чѣмъ даютъ маленькія поля китайца или сарта, раздѣланныя квадратиками въ родѣ шахматной доски...

Низкій уровень умственнаго развитія.

Но это все стоитъ въ самой тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, и прежде всего — съ низкимъ уровнемъ умственной культуры нашихъ народныхъ массъ, съ недостаткомъ у нихъ образованія и общаго развитія. При низкомъ уровнѣ умственнаго развитія въ дѣйствіяхъ человѣка всегда господству-

етъ наслѣдственная привычка, такъ называемая традиція: дѣлаютъ то или другое не потому, что такъ, въ самомъ дѣлѣ, нужно, а потому, что «такъ повелось», такъ «дѣды и отцы» дѣлали; раціональное, т.-е. сообразованное съ обстоятельствами даннаго времени, основанное на правильномъ расчетѣ, хозяйство, быстрое приспособленіе хозяйства къ такъ часто наступающимъ въ настоящее время измѣненіямъ этихъ условій,—это все можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если умъ отточенъ широко поставленнымъ научнымъ образованіемъ. А между тѣмъ что мы видимъ у насъ? Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ обстоитъ у насъ дѣло съ народнымъ образованіемъ, достаточно немногихъ цифръ. На тысячу человѣкъ населенія приходится учащихся: въ Соединенныхъ Штатахъ 230, въ Германіи 158, въ Англіи 155, въ Франціи 146, а у насъ всего 36, значитъ, вчетверо меньше, чѣмъ во Франціи, и въ шесть разъ меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Расходы на народное образованіе, по расчету на душу населенія, составляютъ: въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 4 р. 86 к., въ Пруссіи 2 р. 45 к., въ Англіи 2 р. 36 к., во Франціи 1 р. 66 к., а у насъ еще недавно составляли всего 30 копеекъ—въ восемь разъ меньше, чѣмъ въ Пруссіи, и въ 16 разъ меньше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. И достаточно двухъ-трехъ примѣровъ, чтобы стало ясно, какъ непосредственно недостатокъ образованія отражается на хозяйственныхъ условіяхъ, на трудоспособности населенія. По статистическому обслѣдованію олонецкихъ кустарей оказалось, что въ числѣ постоянно работающихъ грамотные зарабатываютъ среднимъ числомъ 25 р., неграмотные—16 руб. въ годъ; среди временныхъ грамотные—127 р., неграмотные—83 руб.; среди кратковременныхъ грамотные зарабатываютъ 41 р., неграмотные—21 руб. При группировкѣ кустарей по родамъ производства оказывается то же самое: въ обработкѣ дерева грамотные зарабатываютъ 26 р., неграмотные—14 руб.; въ обработкѣ металла первые 119 р., вторые—50 руб., — заработокъ неграмотныхъ кустарей въ полтора и въ два раза меньше, чѣмъ грамотныхъ. «Не вооруженные со стороны общаго развитія, знаній и искусства, они—эти неграмотные—безсильны въ борьбѣ съ рутиной и косностью; знанія и искусство ихъ остаются зачаточными и первобытными; они не могутъ прокладывать новыхъ путей въ своемъ дѣлѣ, вводить въ него новыя отрасли, улучшать качество издѣлій. Тонкая, изящная, а потому и наиболѣе

цѣнная работа для нихъ недоступна; воображеніе ихъ сковано невѣжествомъ, умственною темнотою и духовнымъ убожествомъ, ограничено, тускло и слабо; попытки творчества безплодны или выливаются въ курьезныя и грубыя формы» (Озеровъ). То же самое наблюдается и въ области фабричной промышленности: грамотный рабочій всегда можетъ заработать больше, чѣмъ неграмотный; на фабрикѣ Цинделя дневной заработокъ неграмотныхъ и полуграмотныхъ рабочихъ составлялъ, кругомъ, 58 к., грамотныхъ—77 копеекъ. Не менѣе сильно недостатокъ общаго образованія и умственнаго развитія отражается на условіяхъ сельскохозяйственнаго труда и деревенской жизни. Чтобы понять улучшенные пріемы хозяйства, чтобы умѣть отрѣшиться отъ наслѣдственной привычки и рутины, необходимо извѣстное умственное развитіе—нужно умѣть прочесть и понять сельскохозяйственную книжку, нужно умѣть разобраться въ разъясненіяхъ агронома, нужно понять сущность и смыслъ показываемаго опыта, который неразвитому уму легко можетъ показаться, просто, господскою забавой. Не даромъ сельскохозяйственные корреспонденты саратовскаго земства отмѣчаютъ, что «грамотные разумнѣе проводятъ время отдыха, чище живутъ, довѣрчивѣе относятся ко всякаго рода нововведеніямъ и, главное, благоразумнѣе въ санитарномъ отношеніи; грамотные отличаются большею расторопностью въ веденіи своего хозяйства, стараются вести хозяйство болѣе раціонально и т. д. Множество отвѣтовъ свидѣтельствуетъ о благотворномъ вліяніи грамотности на сельское хозяйство. Правда, въ виду того, что грамотные составляютъ новое поколѣніе и еще молоды, а хозяйство, главнымъ образомъ, ведется стариками, еще нѣтъ возможности этому новому фактору грамотности проявиться во всей своей силѣ: много еще стариковъ неученыхъ, а они держатся древняго обычая» (Озеровъ).

Вліяніе общаго строя.

Но вѣдь если наши народныя массы малограмотны и малокультурны, то это тѣсно связано съ недавнимъ общимъ строемъ нашей гражданской и политической жизни. Вѣдь образованіе у насъ считалось какъ бы сильнымъ ядомъ, который можно давать народу съ большою осторожностью: какъ мышьякъ полезенъ при малыхъ пріемахъ, но можетъ убить, если принять большую порцію, такъ народное образованіе—думали многіе—полезно, пока оно не идетъ дальше простой грамотности, и вредно, даже гибельно для народа, если

давать его слишкомъ большими порціями; образованіе—это «сильный ядъ, который можно принимать лишь съ большой осторожностью, въ малыхъ дозахъ и подъ наблюденіемъ опытнаго врача», т.-е. администраціи. Мы поэтому не столько заботились о распространеніи широкаго образованія, сколько боролись съ нимъ, старались ослабить дѣйствіе этого «яда» разными противоядіями: отсюда такая заботливость о распространеніи церковно-приходскихъ школъ,—предполагалось, что дѣйствіе яда грамотности въ этихъ школахъ будетъ ослабляться противоядіемъ церковнаго вліянія; отсюда непрестанная борьба правительства съ земствомъ, постоянныя старанія администраціи уменьшить участіе земства въ школьномъ дѣлѣ; отсюда гоненія, которымъ постоянно подвергалось такое необходимое для правильной постановки народнаго образованія учрежденіе, какъ учительскіе курсы; отсюда всевозможныя полицейскія стѣсненія и препятствія, которыя ставились и ставятся дѣлу внѣшкольнаго образованія народа—достаточно вспомнить, какими формальностями и препонами обставлена была такая вещь, какъ народныя чтенія...

Административный гнетъ.

Въ сказанномъ выражалось косвенное вліяніе нашего отживавшаго свой вѣкъ, но не желавшаго сдаваться политическаго строя. Но этотъ строй оказывалъ и гораздо болѣе прямое вліяніе въ образѣ того тяжкаго гнета, который тяготѣлъ и надъ личностью крестьянина со стороны всякаго рода начальства. Этотъ административный гнетъ тяготѣлъ не только надъ личностью крестьянина, но и надъ столь необходимою и въ интересахъ улучшенія крестьянскаго хозяйства общественною самодѣятельностью, потому что вѣдь и крестьянскіе сходы, и крестьянскія выборныя власти—все это только по названію было крестьянское, а на самомъ дѣлѣ всѣмъ распоряжался по своему произволу земскій начальникъ. Понятно, что темный, связанный по рукамъ и по ногамъ всяческою опекой крестьянинъ не могъ ни сознать, какъ слѣдуетъ, необходимости улучшенія своего хозяйства, ни разобраться въ тѣхъ способахъ улучшенной обработки земли, которые давно знаетъ наука; и такимъ образомъ эта темнота, эта подавленность личности крестьянина были одною изъ главныхъ причинъ того, что крестьянское хозяйство не могло измѣняться и улучшаться, какъ того требовали измѣнившіяся условія, и главное,—какъ того требовалъ непрерывный ростъ населенія, переросшаго то, что могла дать земля при старыхъ способахъ хозяйства.

И всѣ это отнюдь не одни только пустые разговоры, не одни такъ называемыя общія мѣста, выдуманныя «неблагонадежными» людьми,—сказанное можетъ стать совершенно яснымъ для всякаго изъ извѣстныхъ каждому жизненныхъ примѣровъ. Крестьяне какой-нибудь волости надумали образовать сельскохозяйственное общество съ цѣлью распространенія сельскохозяйственныхъ знаній, производства хозяйственныхъ опытовъ, совмѣстной закупки орудій и сѣмянъ — дѣла о разрѣшеніи тянутся годами, а сплошь и рядомъ кончаются отказомъ, потому что земскій начальникъ или губернаторъ считаетъ образованіе общества ненужнымъ или вреднымъ. Какое-нибудь земство задумываетъ сельскохозяйственныя чтенія или бесѣды, но дѣло разстраивается изъ-за того, что избранные лекторы не нравятся администраціи; а если они и нравятся—для каждаго чтенія еще недавно требовался такой сложный порядокъ разрѣшенія, при которомъ совершенно невозможно было какое-либо живое дѣло. Въ Сибири широко развивается маслодѣліе; чтобы выгоды отъ него не достались небольшому числу торговцевъ и кулаковъ, необходимо организовать маслодѣльныя и молочныя артели или товарищества; но земскіе начальники (въ Сибири носящіе названіе крестьянскихъ) всячески препятствуютъ этому дѣлу, потому что дѣятельность такихъ товариществъ не подчиняется *ихъ* руководительству и контролю. И такъ рѣшительно во всемъ: всякое живое дѣло, необходимое для улучшенія крестьянскаго хозяйства и для подъема благосостоянія крестьянъ, разбивается о бюрократическую опеку и волокиту.

Община и міръ. Когда начинали говорить о гнетѣ надъ личностью и надъ общественною самодѣятельностью крестьянина, многіе очень охотно забывали о тѣхъ формахъ гнета, о которыхъ я только что говорилъ, но зато тѣмъ охотнѣе говорили о томъ, что называютъ *общиннымъ* гнетомъ, о «зависимости крестьянина отъ общины и міра» (Риттихъ), — и министерство И. Л. Горемыкина, выступая со своею декларацією передъ первою Государственною Думой, сочло необходимымъ упомянуть, въ числѣ необходимыхъ мѣръ къ подъему благосостоянія крестьянъ, и объ отмѣнѣ «всѣхъ тѣхъ ограниченій права собственности на надѣльныя земли», которыя, будто бы, созданы положеніями 19 февраля ради обезпеченія исправной уплаты выкупного долга; подъ этимъ нѣсколько мудренымъ названіемъ

разумѣлась, конечно, община. На той же почвѣ стояло и замѣнившее кабинетъ И. Л. Горемыкина, послѣ разгона 1-ой Государственной Думы, министерство П. А. Столыпина. Въ его глазахъ если не немедленное, единовременное, рѣшительное уничтоженіе, то, во всякомъ случаѣ, возможно быстрое разложеніе общины представлялось дѣломъ настолько необходимымъ и безотлагательнымъ, что ради скорѣйшаго проведенія направленныхъ къ этой цѣли мѣръ оно—какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ—сочло возможнымъ прибѣгнуть къ тому порядку междудумскаго законодательства, который былъ установленъ для экстренныхъ мѣръ, не терпящихъ никакого отлагательства,—и указъ 9 ноября 1906 г. о выдѣлѣ надѣльныхъ земель изъ общиннаго землевладѣнія и укрѣпленія ихъ въ единоличную собственность былъ изданъ въ порядкѣ 87 статьи основныхъ законовъ, предусматривающей именно лишь такія, безусловно безотлагательныя мѣры. И въ этомъ отношеніи правительство шло навстрѣчу довольно распространенному въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ взгляду, имѣющему немало представителей и среди крестьянъ. Вѣдь очень многіе, въ самомъ дѣлѣ, видятъ въ общинѣ и общинномъ, мірскомъ землевладѣніи корень всѣхъ золъ, переживаемыхъ нашею деревней. Говорятъ, что при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ, связанный трехпольемъ и общинными распорядками, рискующій лишиться своей земли при передѣлѣ, лишенный свободы въ выборѣ чередованія хлѣбовъ и способовъ обработки земли, не можетъ улучшать свое хозяйство,—отсюда, будто бы, и плохіе урожаи, отсюда, значитъ, и голодовки; и такіе взгляды, какъ я сказалъ, распространены не только въ образованномъ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ,—такъ думаютъ и говорятъ многіе изъ крестьянъ, въ особенности тѣ, кто боится передѣла, чтобы не отдать лишнюю противъ душевого расчета землю; много голосовъ раздавалось въ этомъ смыслѣ на московскомъ съѣздѣ старообрядцевъ,—вопросъ объ общинѣ и мірскомъ землевладѣніи, о пользѣ или вредѣ передѣловъ былъ однимъ изъ тѣхъ, по которымъ на съѣздѣ происходили самыя жаркія пренія, и съѣздъ, въ концѣ-концовъ, такъ и остался при полномъ разногласіи. Но все, что говорится противъ общиннаго землевладѣнія, нисколько не доказано. Вѣдь и тамъ, гдѣ земли *не* передѣляютъ, крестьянское хозяйство и посейчасъ ведется не лучше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ община

и передѣлы, и, напротивъ, тамъ, гдѣ передѣляютъ землю, хозяйство ведется теперь далеко не такъ, какъ велось 100 или 50 лѣтъ тому назадъ. «Мудрено доказывать,—говоритъ проф. А. И. Чупровъ,—недоступность для крестьянъ-общинниковъ усовершенствованной техники, улучшенныхъ способовъ обработки земли послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному, правильному земледѣлію—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ». Хорошо ли или худо это многополье—это другой вопросъ; важно то, что община не помѣшала крестьянамъ переломать поля, перейти къ совершенно новымъ способамъ хозяйства, и не только не помѣшала, но даже помогла,—значитъ, она и въ будущемъ не будетъ мѣшать *дѣйствительно необходимымъ* и общеполезнымъ перемѣнамъ въ устройствѣ крестьянскаго хозяйства. А если въ другихъ мѣстностяхъ крестьянинъ не улучшаетъ своего хозяйства, то это не оттого, что ему мѣшаетъ община со своими передѣлами, а оттого, что онъ бѣденъ, что онъ теменъ, что онъ связанъ по рукамъ и по ногамъ административнымъ гнетомъ, а главное,—что онъ пока еще плохо вѣритъ въ необходимость улучшеній, что онъ все еще продолжаетъ считать ихъ барскою затѣей. И отъ этихъ-то причинъ, какъ я сказалъ, крестьянское хозяйство не улучшается и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне уже очень давно, съ самой X ревизіи или съ выхода на волю, не передѣляли и не собираются передѣлять землю, и въ такихъ (напримѣръ, въ Малороссіи), гдѣ вовсе нѣтъ общиннаго землевладѣлія. Какъ-никакъ, а подмосковный районъ, хотя въ немъ и существуетъ община, давнымъ-давно ведетъ хозяйство съ навознымъ удобреніемъ, а теперь переходитъ къ многополью съ травосѣяніемъ; въ Малороссіи же, гдѣ общины нѣтъ, до сихъ поръ еще не дошли до навознаго удобренія, а продолжаютъ вести все то же извѣчное пестропольное хозяйство. Если что дѣйствительно мѣшаетъ крестьянину улучшать свое хозяйство, то это не община и не общинное землевладѣніе, а такія вещи, какъ круговая порука въ отбываніи казенныхъ платежей, какъ длинноземелье и чрезполосность надѣльныхъ земель,—но все это такія вещи, въ которыхъ община нисколько не повинна: длинноземелье и чрезполосность не слабѣе въ мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, а круговая порука была навязана общинѣ

правительствомъ; общинное землевладѣніе существовало и тамъ, гдѣ не было никакой круговой поруки, и упраздненіе круговой поруки нисколько не помѣшало и не помѣшаетъ ея существованію. Въ концѣ-концовъ, «противники общины и абсолютные защитники общины слишкомъ много придаютъ значенія вопросу объ общинѣ при рѣшеніи крестьянскаго вопроса, при чемъ одни склонны видѣть въ ней чуть не якорь спасенія противъ капитализма» и противъ всѣхъ бѣдъ, которыя претерпѣваетъ крестьянство, «а другіе склонны считать ее единственною причиною всѣхъ бѣдъ, которыя претерпѣваетъ крестьянство. Если вѣрно представленіе объ общинѣ послѣднихъ, то не болѣе основательны и ожиданія первыхъ» (Масловъ). И обратно: если неправы тѣ немногіе (да и есть ли еще такіе?!), кто въ самомъ дѣлѣ видитъ въ общинѣ «якорь спасенія противъ *всѣхъ* бѣдъ», то не менѣе неправы тѣ, кто въ общинѣ видитъ «*единственную* причину всѣхъ бѣдъ» и кто уничтоженіемъ общины думаетъ серьезно помочь народному горю.

Финансовая система.

Гораздо важнѣе, въ числѣ причинъ упадка крестьянскаго хозяйства и въ числѣ условій, препятствующихъ его улучшенію, другое обстоятельство, именно дурная финансовая система. И дѣло тутъ вовсе не въ выкупныхъ платежахъ. Какъ я говорилъ въ первой части этого курса, выкупные платежи послѣднее время были отнюдь не тяжелы, по указу же 3 декабря 1905 года они и совершенно отмѣнены, а между тѣмъ крестьянамъ отъ этого не стало легче. Дѣло не въ выкупныхъ платежахъ, а именно *во всей финансовой системѣ* государства. Это была, можно сказать, финансовая система наизнанку. Всѣ податныя тягости ложились прежде всего на нашу многострадальную деревню; крестьянской землѣ приходилось нести во много разъ больше всякаго рода повинностей и платежей, нежели помѣщичьей, крестьянину съ малымъ надѣломъ приходилось платить съ десятины гораздо больше, чѣмъ многонадѣльному. Эта система заставляла крестьянина переплачивать на всемъ необходимомъ—на керосинѣ, сахарѣ, чаѣ, казенномъ винѣ, на спичкахъ, на своей одеждѣ,—рѣшительно на всемъ; крестьянинъ переплачивалъ за желѣзныя издѣлія, потому что желѣзо было обложено пошлинами въ интересахъ желѣзныхъ заводчиковъ; онъ переплачивалъ на сахарѣ, потому что правительство искусственно

поддерживало выгодныя для сахарозаводчиковъ дорогія цѣны на сахаръ. Эта податная система выжимала изъ деревни каждый лишній грошъ, заставляла продавать каждый лишній и не лишній пудъ хлѣба; у крестьянина, въ силу этого, не оставалось никакихъ средствъ не только, чтобы улучшать свое хозяйство, но даже чтобъ имѣть какой-нибудь запасъ про черный день,—и это было одною изъ главныхъ причинъ того, что каждый сильный неурожай ведетъ у насъ за собою голодовку. И государство, вытягивавшее всѣ соки изъ деревни, жившее тѣмъ, что ему удалось такъ или иначе—не мытьемъ, такъ катаньемъ, выжать изъ мужика,—это государство находило деньги на все, что угодно: и на войско, и на флотъ, и на желѣзныя дороги, и на разныя воспособленія дворянамъ и дворянству,—но не находило денегъ, когда онѣ были нужны для крестьянъ; денегъ не было ни на народную школу, ни на переселеніе, ни на расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, ни на улучшеніе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Сельскохозяйственный кризисъ.

Наконецъ, я долженъ упомянуть еще о двухъ группахъ условій, также повинныхъ въ бѣдственномъ положеніи нашего крестьянства, и прежде всего о такъ называемомъ общемъ сельскохозяйственномъ кризисѣ, отъ котораго страдали сельскіе хозяева, крупные и мелкіе, и у насъ, въ Россіи, и въ Западной Европѣ. Суть этого сельскохозяйственнаго кризиса была въ томъ, что въ послѣднія, примѣрно, 25 лѣтъ очень увеличились распашки въ новыхъ странахъ—въ Америкѣ, Индіи, Австраліи и пр.,—странахъ съ еще свѣжими и очень плодородными землями, гдѣ, поэтому, хлѣбъ можно получать съ самыми небольшими затратами на обработку земли. Эти заморскія страны стали посылать свой дешевый хлѣбъ въ Европу, и отъ этого сильно упали цѣны и въ Западной Европѣ, и у насъ, въ Россіи: до тѣхъ поръ вѣдь *мы* были почти что главными поставщиками хлѣба въ Западную Европу,—новые поставщики уронили цѣны, и поэтому и намъ пришлось дешевле продавать свой хлѣбъ. Главный убытокъ отъ этого, конечно, крупнымъ землевладѣльцамъ; но не мало повредили дешевыя цѣны на хлѣбъ и нашимъ крестьянамъ,—и не только тѣмъ, у кого былъ лишній хлѣбъ, но даже и тѣмъ, у кого своего хлѣба нехватало: вѣдь и тотъ крестьянинъ, которому недостаетъ хлѣба на годовое прокормленіе, осенью

все-таки продаетъ хлѣбъ на подати, на расплату съ долгами и на всякую неотложную нужду; тѣмъ паче, конечно, продаетъ хлѣбъ тотъ, у кого есть излишекъ. Разъ цѣны на хлѣбъ упали,— значитъ, для того, чтобы выручить, скажемъ, 25 рублей на необходимые расходы, приходится продать съ осени уже не 30 или 35, а 40—45 пудовъ хлѣба. Но разъ больше пришлось продать хлѣба съ осени, чтобы выручить необходимыя деньги, значитъ, весной придется купить больше обратно, уже по весенней, дорогой цѣнѣ; и многіе изъ тѣхъ, кто при хорошей осенней цѣнѣ на хлѣбъ могъ-бы выручить нужныя деньги отъ продажи одного только излишка хлѣба, при дешевой цѣнѣ вынуждены продавать и часть необходимаго, а весной—покупать обратно...

Капитализація промысловъ.

Упомяну, также вкратцѣ, о томъ, что называютъ «индустріализаціей и капитализаціей» обрабатывающей промышленности. Въ прежнее время, еще не такъ давно, крестьянинъ не только кормился отъ земли и надѣльнаго хозяйства; онъ и всѣ остальныя важнѣйшія потребности удовлетворялъ продуктами собственнаго хозяйства— достаточно напомнить объ одеждѣ, которая изготовлялась изъ своего льна, конопли и шерсти; въ то время, значитъ крестьянамъ не нужно было или очень мало нужно было денегъ и на одежду, и на обувь, и на такія вещи, какъ керосинъ, какъ всяческая домашняя утварь; вообще, покупали крестьяне мало,— значитъ, и денегъ имъ требовалось немного. Во многихъ мѣстностяхъ, кромѣ того, существовали разнообразные кустарные промыслы—гдѣ ткачество, гдѣ выдѣлка разныхъ деревянныхъ или желѣзныхъ издѣлій, и они давали крестьянамъ хотя и не обильные, но все же достаточные заработки въ дополненіе къ доходу отъ своего хозяйства. Теперь все стало выдѣлываться на фабрикахъ; крестьянская домашняя и кустарная промышленность либо прекратилась, либо кустарямъ, чтобы какъ-нибудь сбыть свои издѣлія, приходится отдавать ихъ по гораздо болѣе дешевымъ цѣнамъ. Съ другой стороны, крестьянинъ теперь одѣвается уже не въ домотканыя, а въ фабричныя ткани; онъ покупаетъ сапоги, чай, сахаръ, керосинъ, металлическую посуду, многое изъ домашней утвари и т. п. И вотъ, получается такое положеніе: крестьянинъ, который прежде имѣлъ хорошій заработокъ отъ кустарнаго промысла, теперь ничего не зарабатываетъ отъ промысла или зарабатываетъ гораздо меньше; кресть-

янская семья, которой прежде домотканая одежда ничего не стоила, которая не тратила денегъ на освѣщеніе, на домашнюю утварь, на чай и сахаръ, теперь одѣвается въ покупные ситцы и сукна, носитъ покупную обувь, жжетъ покупной керосинъ въ купленной лампѣ-коптилкѣ и т. д. Доходъ крестьянина, значитъ, сталъ гораздо меньше, а денежный расходъ—гораздо больше: надѣльная земля должна уже *не только прокормить* крестьянина и дать ему деньги на повинности,—она должна ему *дать и деньги* на всѣ необходимыя покупки; разъ этихъ денегъ нельзя выручить отъ продажи излишка, приходится, опять-таки, продавать необходимое и потомъ либо не доѣдать, либо какъ-нибудь покупать обратно. Это случилось, правда, не въ одной только Россіи, а во всѣхъ странахъ—и вездѣ крестьянамъ, въ особенности крестьянамъ съ мелкими земельными участками, отъ этого стало гораздо тяжелѣе жить. Но одно дѣло въ зажиточной Америкѣ или въ Германіи, другое дѣло у насъ, гдѣ и безъ того всякій ломоть хлѣба на счету, гдѣ крестьянину, чтобы купить сапоги или зипунъ, приходится продать лишній возъ хлѣба, котораго ему и безъ того не хватало или едва хватало: „приходилось отчуждать все больше и больше сельскохозяйственныхъ продуктовъ для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя до того удовлетворялись собственнымъ трудомъ, такъ что объ увеличеніи производительности своего земледѣльческаго труда надо было забыть и думать“ (Н.—онъ).

Роль города и фабрики.

Но фабрика, убивъ кустарную и домашнюю промышленность, сокративъ этимъ приходы и увеличивъ расходы крестьянской семьи, могла отвлечь извѣстную часть населенія отъ земли и этимъ ослабить дѣйствіе естественнаго прироста населенія, разрѣдить надвигающуюся земельную тѣсноту. Такъ дѣло идетъ на Западѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ. Такъ, въ Германіи земледѣльческое населеніе въ 1882 году составляло $19^1/_4$ милліоновъ душъ обоего пола, въ 1895 году, черезъ тринадцать лѣтъ—уже всего $18^1/_2$ милліоновъ. Во Франціи въ 1881 году насчитывалось $18^1/_4$ милліоновъ, черезъ 10 лѣтъ, въ 1891 году, уже только $17^1/_2$ милліоновъ земледѣльческаго населенія. Значитъ, въ обѣихъ этихъ странахъ приростъ населенія не только не ведетъ за собою усиленія земельной тѣсноты, но напротивъ,—земельный просторъ возрастаетъ, земледѣльческому населенію

становится свободнѣе и шире на землѣ: городъ, фабрика, не только поглощаютъ весь приростъ земледѣльческаго неселенія, но отвлекаютъ отъ земли даже часть тѣхъ, кто раньше занимался земледѣліемъ. Мѣстами и у насъ замѣчается нѣчто похожее; въ Московской губерніи, напримѣръ, почти пятая часть крестьянъ забросила свои надѣлы и ушла въ города или на фабрики. Въ общемъ, однако, этого у насъ не было и не могло быть—тѣмъ болѣе нѣтъ и не можетъ быть *теперь*, послѣ такъ несчастно кончившейся войны и брестскаго позора. На Западѣ фабрично-заводская промышленность можетъ расти такъ сильно потому, что она работаетъ отчасти на иностранные, въ особенности на заморскіе рынки, отчасти на тотъ широкій спросъ, который предъявляетъ на продукты сравнительно состоятельное, значитъ, располагающее покупными средствами, собственное населеніе страны. Нашей промышленности никогда нельзя было расширяться въ расчетѣ на внѣшніе рынки—эти рынки давно уже захвачены промышленностью западно-европейскихъ странъ, наша же промышленность такъ отстала въ своемъ развитіи, что ей всегда впору было не искать внѣшнихъ рынковъ, а обороняться отъ конкуренціи иностранной промышленности: недаромъ у насъ всегда, за исключеніемъ короткихъ періодовъ болѣе «свободной торговли», существовали высокія пошлины на продукты послѣдней, не даромъ намъ всегда приходилось переплачивать на всемъ, чтобы поддержать «отечественную промышленность», иначе сказать, нашихъ фабрикантовъ, которые безъ этого не могли бы конкурировать съ иностранными. Наша промышленность могла бы широко развиться только за счетъ внутренняго рынка. Но этого не происходило, промышленность развивалась медленно, потому что громадная масса населенія Россіи—это мужикъ; мужикъ бѣденъ, у него нѣтъ покупательной силы,—значитъ, наша фабрично-заводская промышленность не можетъ расти, потому что она не найдетъ покупателей на свои продукты. Впослѣдствіи—можно было надѣяться—если бы аграрная реформа и преобразованіе всей нашей политической и финансовой системы, повышеніе уровня народнаго образованія и умственнаго развитія народныхъ массъ, улучшеніе сельскохозяйственной культуры и связанное съ нимъ повышеніе производительности и доходности крестьянскихъ земель подняли благосостояніе нашихъ крестьянскихъ массъ; если бы, благодаря

этому возросъ нашъ внутренній рынокъ, то можно было бы ожидать и сильнаго развитія нашей обрабатывающей промышленности. Но всякому трезво-мыслящему было ясно, что этого, даже въ лучшемъ случаѣ, можно ожидать не скоро. «Въ ближайшемъ будущемъ — писалъ я въ 1906 г., въ разгарѣ первой революціи, въ 1-мъ изданіи этой книжки,—можно, скорѣе, ожидать обратнаго; слѣды современнаго политическаго и соціальнаго кризиса изгладятся еще не скоро; если болѣе свободный государственный строй ослабитъ нынѣ дѣйствующее таможенное покровительство, это на первое время приведетъ, вѣроятно, только къ сокращенію фабрично-заводской промышленности, по крайней мѣрѣ, многихъ отраслей ея, которымъ пока еще не подъ силу конкурировать съ иностранною промышленностью, и только впослѣдствіи, по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, можно ожидать здороваго и сильнаго расцвѣта нашей обрабатывающей промышленности, такого расцвѣта, при которомъ она оказалась бы въ состояніи отвлекать отъ земледѣлія весь приростъ населенія или хотя бы значительную часть этого прироста. Значитъ, въ ближайшемъ времени земледѣльческое населеніе у насъ будетъ продолжать сгущаться; земля, земледѣліе должны будутъ прокармливать все больше и больше народа; значитъ, *для насъ* коренной вопросъ—въ землѣ, и этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться на землѣ. И отсюда-то крайняя острота и неотложность нашего земельнаго вопроса: на Западѣ излишекъ населенія уходитъ отъ земли, у насъ онъ остается на землѣ и настоятельно требуетъ земли».

Такъ — повторяю — я писалъ въ 1906 году, въ разгарѣ первой русской революціи. Что же я сказать теперь, когда позорно окончившаяся война и завершившій ее постыдный Брестскій договоръ сдѣлали Россію, или, вѣрнѣе, осколки Россіи, какою то не то колоніею, не то плантаціею Германіи; когда Брестскимъ договоромъ созданы такія условія, при которыхъ Россія на многіе годы не только не можетъ мечтать о пріобрѣтеніи какихъ-либо внѣшнихъ рынковъ для продуктовъ своей обрабатывающей промышленности, но когда нашъ собственный внутренній рынокъ отданъ цѣликомъ во власть германской конкуренціи; когда, значитъ, мы не только не можемъ надѣяться на какое-либо развитіе, въ предвидимомъ будущемъ, нашей обрабатывающей промышленности, но должны предвидѣть гибель

даже и значительной части того, что успѣло у насъ создаться и что, несомнѣнно, не въ состояніи будетъ выдержать, съ одной стороны, натискъ германской конкуренціи, а съ другой—сложившихся, подъ вліяніемъ революціоннаго угара, условій рабочаго рынка и всего того, что теперь называется «завоеваніями рабочаго класса». Ясно, что *теперь* уже окончательно не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо отливѣ избыточнаго населенія отъ земли, и что, слѣдовательно, земельный вопросъ пріобрѣтаетъ еще большую, нежели когда-либо прежде, остроту.

Опять вопросъ о малоземельѣ.

Мы, значитъ, опять подошли къ самому главному — къ вопросу о малоземельѣ.

Я говорю, что это самое главное. И въ самомъ дѣлѣ—кто хоть сколько-нибудь прислушивался къ тому или вчитывался въ то, о чемъ говорятъ и чего требуютъ крестьяне, тотъ знаетъ, что они говорятъ прежде всего о землѣ и требуютъ прежде всего земли; въ 1905—1906 гг. они требовали земли и въ тысячахъ приговоровъ, которыми заваливались правительственныя учрежденія, и въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, и въ депутатскихъ наказахъ, и въ рѣчахъ крестьянскихъ депутатовъ въ первой и второй Государственной Думѣ, и на старобрядческомъ съѣздѣ, и на съѣздахъ крестьянскаго союза. А сейчасъ, когда я готовлю къ печати это второе изданіе моей книжки, они уже не только требуютъ земли,—они просто *берутъ* землю, — берутъ либо просто въ порядкѣ самочиннаго захвата, либо въ видѣ захвата, узаконеннаго или легализованнаго, оформленнаго и санкціонированнаго постановленіями созданныхъ революціею земельныхъ комитетовъ и совѣтовъ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ «потокѣ и разграбленіи», вообще о всемъ томъ разрушеніи культуры, которымъ сопровождается этотъ «разборъ» земли,—этотъ «черный передѣлъ», такъ не похожій на то, что рисовали себѣ, подъ этимъ названіемъ, идеологи народническихъ теченій. Я упоминаю сейчасъ объ этомъ «разборѣ» исключительно какъ о воплощеніи въ реальную дѣйствительность тѣхъ требованій земли, той *жажды земли*, которою сгорала и сгораетъ крестьянская масса.

Повторяю, *всѣ* крестьяне, *всегда и вездѣ*, думаютъ больше всего о землѣ и требуютъ больше всего земли. Требуютъ земли безземельные, отцы которыхъ либо были дворовыми и потому не получили права на земельный надѣлъ, либо при выходѣ на

волю почему-либо отказались отъ надѣла. Требуютъ земли дарственники, которые въ 1861 году дали себя заманить или загнать на четвертной надѣлъ, и которые слишкомъ скоро почувствовали послѣдствія своей неосторожности и довѣрчивости. Требуютъ земли всѣ тѣ, отъ кого, при выходѣ на волю, почему-нибудь отошла добрая часть прежней тягловой земли, да отошла еще отъ многихъ такъ, что они оказались какъ бы въ западнѣ или въ мышеловкѣ. Но такъ же громко требуютъ земли и тѣ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которымъ поступила въ надѣлъ вся, до послѣдней пяди, тягловая земля; требуютъ ея и бывшіе государственные крестьяне, получившіе въ надѣлъ въ однѣхъ губерніяхъ по восьми, въ другихъ—по пятнадцати десятинъ на душу десятой ревизіи, и теперь еще имѣющіе въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 7—8 дес., въ малоземельныхъ—по 3—4 дес. на наличную мужскую душу. Требуютъ прирѣзки земли даже переселенцы, которымъ какихъ-нибудь десять, а то и пять лѣтъ тому назадъ отведено: въ Заволжьѣ по 5, 6, 7 дес., въ Сибири и Степномъ краѣ—по 15 удобныхъ десятинъ на наличную мужскую душу. Требуютъ земли и «на прибылыя души», и по случаю плохого грунта или выпаханности земли, и изъ-за недостатка сѣнокосовъ или скотскаго выпуска; требуютъ земли «малолѣтки» и «заревизные», которымъ не удалось добиться передѣла, и переселенцы-новоселы, причисленные къ старымъ поселкамъ — у нихъ изъ-подъ носу староселы выхватили всѣ лучшія угодья. И что крестьянину въ самомъ дѣлѣ «тѣсно», это показываетъ и повсемѣстное распространеніе аренды, и страшно быстрый ростъ какъ продажныхъ, такъ и арендныхъ цѣнъ на землю. Крестьянинъ арендуетъ вездѣ, гдѣ только есть возможность, онъ снимаетъ все, что̀ только сдается въ аренду; и если крестьяне гдѣ-нибудь *не* арендуютъ земли, то не потому, что не хотятъ или что имъ не нужно, а либо потому, что въ окру́гѣ земля не сдается, либо потому, что не на что̀ арендовать. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ крестьянскій банкъ покупалъ землю кругомъ по 39 рублей; въ 1896 году—уже по 52 р., въ 1902 году—вдвое дороже, по 108 рублей, въ 1906 году, кругомъ, по 130 рублей за десятину. Помѣщичьи земли въ Полтавской губерніи въ 1890 году арендовались, кругомъ же, по 8 руб. 60 коп., а черезъ 10 лѣтъ, въ 1901 году, — въ полтора раза дороже, по 12 руб. 60 коп. «Регуляторомъ арендныхъ цѣнъ,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ,—сдѣлалась крестьянская земельная нужда, и онѣ стали расти

внѣ всякой связи съ доходностью самихъ земель». Иначе сказать, цѣны на землю поднимаются не потому, что хозяйство на землѣ даетъ больше дохода, чѣмъ прежде, а только потому, что растетъ крестьянская земельная нужда, и крестьянинъ готовъ покупать и арендовать хоть себѣ въ убытомъ, только бы достать земли...

Въ недостаткѣ ли земли суть дѣла.

Крестьянину, мы видимъ, тѣсно, ему нехватаетъ земли. Я уже ставилъ выше вопросъ: отчего это такъ, въ чемъ тутъ суть дѣла? Въ томъ ли, что *земли*, въ самомъ дѣлѣ, *мало*, что малы крестьянскіе надѣлы, или въ томъ, что *земля мало даетъ*? Въ *недостаточности размѣра надѣловъ*—или *въ плохомъ хозяйствѣ*, въ низкой производительности и малой доходности крестьянскихъ земель?

На первый взглядъ тутъ не о чемъ и спрашивать... Конечно, скажетъ всякій или почти всякій, благосостояніе или нищета крестьянина вполнѣ зависятъ отъ того, много или мало у него земли. Вѣдь не даромъ населеніе малонадѣльныхъ крестьянскихъ обществъ за двадцатилѣтіе 1858—1877 гг. возросло, въ общихъ итогахъ по всей Россіи, всего на 16—19%, а населеніе хорошо обезпеченныхъ землею обществъ—на 27—30%: приростъ у хорошо обезпеченныхъ землею, значитъ, почти вдвое сильнѣе, чѣмъ у малонадѣльныхъ. И приблизительно то же самое наблюдается и въ отдѣльныхъ районахъ и губерніяхъ: въ Воронежской, напримѣръ, губерніи, по вычисленіямъ земскихъ статистиковъ, годовая смертность въ хорошо надѣленныхъ землею обществахъ не превышаетъ 26 — 28 человѣкъ на тысячу населенія; въ средненадѣльныхъ обществахъ она поднимается уже до 32, въ обществахъ съ самыми малыми надѣлами—даже до 35 на тысячу... Но въ томъ-то и дѣло, что такая разница окажется лишь въ томъ случаѣ, если сравнивать между собою получившихъ большіе и малые надѣлы крестьянъ въ *какомъ-нибудь одномъ*, большомъ или маломъ, районѣ, гдѣ ведется приблизительно однородное хозяйство. Но *этого* вѣдь и доказывать не надо: само собою разумѣется, что *при одинаковомъ хозяйствѣ*, когда, значитъ, и производительность земли приблизительно одинакова, двѣ десятины даютъ крестьянину больше, чѣмъ одна, а семь десятинъ даютъ больше, нежели четыре; что, значитъ, крестьянину на семи десятинахъ будетъ житься лучше, чѣмъ на четырехъ, а

съ одною десятиною будетъ тяжелѣе, чѣмъ съ двумя. Совсѣмъ другое получится, если сравнивать положеніе крестьянъ *разныхъ мѣстностей*, съ разными порядками крестьянскаго хозяйства. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, чаще всего и сильнѣе всего свирѣпствуютъ голодовки? Развѣ въ густо-населенной, малоземельной Малороссіи и среди еще хуже обезпеченнаго надѣльною землею крестьянства Юго-Западнаго края? Совсѣмъ нѣтъ: чаще всего и сильнѣе всего голодаютъ въ Приволжьѣ и Заволжьѣ, гдѣ у крестьянъ, въ среднемъ, вдвое, втрое и вчетверо больше земли, чѣмъ въ Малороссіи или въ юго-западныхъ губерніяхъ; голодаютъ въ Сибири и въ киргизскихъ степяхъ, гдѣ переселенцамъ отведено по 45 десятинъ одной удобной земли на семейство и гдѣ, кромѣ того, можно задешево снимать, сколько вздумается, киргизскихъ земель. Гдѣ за крестьянами накапливаются самыя большія недоимки—вѣдь большая недоимка, какъ-никакъ, ясный признакъ разстроеннаго положенія крестьянскаго хозяйства? Опять-таки, въ томъ же Приволжьѣ и Заволжьѣ и, напротивъ, исправнѣе всего подати поступаютъ въ самыхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной полосы; нечего уже говорить о той общеизвѣстной вещи, что во всей нечерноземной полосѣ, съ ея тощими почвами, недоимокъ во много разъ меньше, чѣмъ на нашемъ плодородномъ черноземѣ. Если сравнивать положеніе крестьянъ въ *различныхъ* мѣстностяхъ, то никакъ нельзя будетъ сказать, чтобы многоземельнымъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ малоземельнымъ, скорѣе выходитъ, какъ будто бы, наоборотъ...

Еще, пожалуй, ярче сказывается въ высшей степени условное значеніе такихъ понятій, какъ «малоземелье», если сравнивать между собой не цѣлыя губерніи или районы, а отдѣльные уѣзды или группы уѣздовъ, внутри однѣхъ и тѣхъ же губерній. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, ту самую Харьковскую губернію, о которой мнѣ приходилось уже говорить, когда шла рѣчь о переселенческомъ движеніи. Одиннадцать уѣздовъ этой губерніи можно разбить на три группы: южную, съ среднимъ на дворъ размѣромъ земельнаго надѣла 8,8 дес., среднюю съ 5,9 и сѣверную съ 4,7 десятинами на дворъ; и вотъ, при произведенномъ губернскимъ земствомъ, въ 1907 году, опросѣ земскихъ корреспондентовъ, какъ разъ изъ южной, *многоземельной* части губерніи получился наибольшій процентъ, именно 34%, жалобъ на *малозе-*

мелье, тогда какъ изъ средней и сѣверной частей губерніи, гдѣ—казалось бы—гораздо скорѣе можно было бы говорить о малоземельѣ, такихъ жалобъ получилось всего 15 и 16%; «гнетъ малоземелья,—справедливо замѣчаетъ разрабатывавшій земскую анкету, очень извѣстный дѣятель общественной агрономіи К. А. Меціевичъ,—возрастаетъ въ направленіи къ югу, между тѣмъ объективныя данныя о размѣрахъ надѣльной земли правильно растутъ»; и этотъ усиливающійся въ *многоземельной* части губерніи гнетъ *малоземелья*, какъ мы видѣли, находитъ себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ размѣрахъ переселенческаго движенія, которые на многоземельномъ югѣ губерніи оказались втрое больше, чѣмъ на малоземельномъ ея сѣверѣ. И приблизительно то-же самое можно сказать для цѣлаго ряда другихъ губерній—назову еще хотя бы только Пермскую или Тобольскую, на степномъ югѣ которыхъ населеніе вдвое и втрое лучше обезпечено землею, нежели на лѣсистомъ сѣверѣ, земля притомъ, въ южныхъ уѣздахъ, и по качеству далеко лучше, нежели въ сѣверныхъ, а между тѣмъ именно на многоземельномъ югѣ наблюдаются всѣ такіе симптомы «малоземелья», какъ періодически повторяющіяся голодовки, массовое нищенство, отхожіе заработки и выселеніе на новыя мѣста.

Такимъ образомъ, получается, что десятина земли въ Заволжьѣ или въ многоземельной Сибири даетъ, кругомъ, гораздо меньше, чѣмъ такая же десятина въ районѣ трехпольнаго хозяйства, а десятина земли въ трехпольномъ районѣ даетъ крестьянину, опять-таки, далеко меньше, чѣмъ въ Ярославской губерніи съ ея промысловымъ огородничествомъ или въ юго-западномъ краѣ съ его свекловичными плантаціями. Крестьянская семья съ десятью десятинами земли можетъ превосходно жить гдѣ-нибудь въ Подольской губерніи; но на тѣхъ же десяти десятинахъ она будетъ голодать гдѣ-нибудь въ Заволжьѣ, въ Самарской или Оренбургской губерніи: на десяти десятинахъ здѣсь вовсе нельзя вести никакого хозяйства. Въ Сибири будетъ «тѣсно» даже на 20—25 десятинахъ; между тѣмъ 20—25 десятинъ—это даже въ Заволжьѣ порядочный надѣлъ, а въ Малороссіи—это чуть не маленькое дворянское имѣнье...

Вы видите изъ этого, что сказать «тѣсно», «мало земли»,—это еще вовсе не значитъ разрѣшить вопросъ: что въ одномъ мѣстѣ будетъ очень мало, то въ другомъ можетъ оказаться,

напротивъ, очень много; возьмемъ хоть участокъ земли площадью въ десять десятинъ,—это, смотря по хозяйству, можетъ оказаться чрезвычайно мало и можетъ оказаться очень много—гораздо больше, чѣмъ можетъ обработать или вообще использовать крестьянская семья. Значитъ, «малоземелье», «утѣсненіе»—это все понятія условныя, относительныя; какой-нибудь земельный участокъ будетъ очень малъ, если урожай хлѣбовъ не превышаетъ въ среднемъ 23 пудовъ, какъ у насъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ; онъ будетъ совсѣмъ не малъ, если средній урожай будетъ 116 пудовъ, какъ въ Бельгіи; и тотъ же участокъ,—это будетъ цѣлое имѣніе, гдѣ придется держать, можетъ быть, десятки батраковъ и нанимать сотни поденщиковъ, если онъ будетъ разработанъ подъ виноградникъ или огородъ.

Земельное обезпеченіе у насъ и на Западѣ.

Можно ли сказать, что у насъ, такъ-таки просто, *мало земли?* Вѣдь если корень нашего аграрнаго кризиса просто въ томъ, что у нашихъ крестьянъ мало земли, такъ, значитъ, въ Западной Европѣ, гдѣ нѣтъ ни голодовокъ, вообще ничего похожаго на бѣдственное положеніе громадной массы нашего крестьянства, должно быть *больше* земли, чѣмъ сколько имѣется у насъ?!. И вотъ, попробуемъ сравнить данныя о земельной обезпеченности крестьянъ у насъ съ данными о землевладѣніи сельскаго населенія въ Западной Европѣ. Въ среднемъ выводѣ для всей Европейской Россіи крестьяне получили у насъ на ревизскую душу по 4,8 десятинъ; теперь на наличную душу мужескаго пола они имѣютъ, кругомъ же, приблизительно, $2^1/_4$—$2^1/_3$ десятины, т.-е. около семи десятинъ на дворъ, считая въ крестьянскомъ дворѣ по три мужскихъ души. Земельное обезпеченіе крестьянъ разныхъ районовъ очень различно: въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи и въ сѣверо-западныхъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, на дворъ приходится, круглымъ счетомъ, по 4—5, мѣстами даже и по 3 десятины; въ сѣверныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ—примѣрно по 12—13 десятинъ; во всѣхъ остальныхъ—центрально-черноземныхъ, приволжскихъ и промышленныхъ губерніяхъ—по 5, 6, гдѣ по 7 десятинъ. Но если мы возьмемъ статистическія данныя о крестьянскомъ землевладѣніи въ западно-европейскихъ государствахъ, то увидимъ, что въ Германіи и во Франціи около трехъ четвертей (71,6 и 76,5%), а въ Бельгіи даже свыше девяти десятыхъ

(90,1%), всѣхъ крестьянскихъ дворовъ имѣютъ менѣе пяти гектаровъ земли, т.-е. на нашу мѣру, менѣе 4½ десятинъ. Въ Германіи крестьянинъ, имѣющій отъ двухъ до пяти гектаровъ (1,8 — 4,5 дес.) считается уже «клейнбауэромъ» — это полный, хотя и мелкій хозяинъ; онъ не только не ходитъ по батракамъ, но напротивъ, когда случится, и самъ принанимаетъ людей, и, во всякомъ случаѣ, живетъ на доходъ со своего земельнаго участка. А нѣмецкій крестьянинъ съ 6, 8, 10 десятинами—это «миттельбауэръ», «хозяинъ средней руки»; онъ уже работаетъ на продажу и непремѣнно держитъ батраковъ,—развѣ только у самого ужъ очень большая семья...

Но вѣдь какъ же можно, скажете вы, сравнивать десятину земли у нѣмецкаго, а тѣмъ паче у бельгійскаго крестьянина, съ десятиной у насъ въ Заволжьѣ, а тѣмъ болѣе гдѣ-нибудь въ Сибири?.. Вѣдь нѣмецкій крестьянинъ—скажете вы дальше—со своей десятины получаетъ, можетъ быть, втрое больше, чѣмъ нашъ полтавецъ, въ десять разъ больше, чѣмъ самарецъ, въ двадцать или въ тридцать разъ больше, чѣмъ нашъ сибирякъ или переселенецъ, хозяйничающій гдѣ-нибудь въ киргизскихъ степяхъ. Такъ какое же тутъ можетъ быть сравненіе?.. И въ самомъ дѣлѣ, именно на этомъ-то я и настаиваю: *сравненія никакого быть не можетъ.* бельгійскій крестьянинъ съ пятью гектарами не можетъ и, конечно, не вздумаетъ жаловаться на малоземелье, а самарецъ съ пятнадцатью десятинали *будетъ* жаловаться и *имѣетъ право* жаловаться. Но это *не потому, что у самарца мало земли*—земли у него втрое или впятеро больше, чѣмъ у бельгійскаго или нѣмецкаго крестьянина — а потому, что *земля,* при теперешнемъ хозяйствѣ, ему *слишкомъ мало даетъ и слишкомъ малаго стоитъ.*

Абсолютно-малоземельные.

Значитъ, выходитъ какъ будто бы, что у насъ никакого малоземелья нѣтъ? Значитъ, всѣ разговоры о малоземельѣ, всѣ требованія прирѣзокъ и дополнительнаго надѣла,—все это одни пустые разговоры, не стоящіе вниманія?.. Нисколько. Вѣдь прежде всего—четыре, пять или даже три десятины на дворъ въ Малороссіи или въ Западномъ краѣ, 12—13 десятинъ въ Заволжьѣ — это только *среднія* цифры: сколько приходится кругомъ на каждый крестьянскій дворъ. Въ каждой мѣстности есть и такіе, у которыхъ земли, и даже одной надѣльной земли (не считая купчей), гораздо больше,—но есть и совсѣмъ малоземельные, у которыхъ земли

гораздо меньше. Достаточно вспомнить о дарственникахъ съ ихъ «четвертными» надѣлами — вѣдь они составляютъ, въ общемъ итогѣ по 37 губерніямъ, гдѣ дѣйствовало «общее положеніе» 19 февраля, почти десятую часть (9%) всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этихъ губерній; въ губерніяхъ Екатеринославской, Таврической, Вятской, Пермской и Саратовской дарственники составляютъ около трети, въ Самарской и Уфимской болѣе двухъ пятыхъ, а въ Оренбургской даже три четверти всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Если взять данныя о распредѣленіи всѣхъ вообще крестьянъ, безъ различія разрядовъ, по размѣрамъ земельнаго надѣла, то мы увидимъ, что 1.887.000 ревизскихъ душъ, т.-е. 18,8%, или почти одна пятая всего крестьянскаго населенія, получили въ надѣлъ менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу, изъ нихъ 555.000 ревизскихъ душъ получили менѣе одной десятины; 1.887.000 ревизскихъ душъ — это, примѣрно, около семи или семи съ половиною милліоновъ душъ наличнаго населенія. Что у этихъ семи или $7^1/_2$ милліоновъ *мало земли,* — объ этомъ не приходится и говорить: вѣдь даже двѣ десятины на ревизскую душу—это, круглымъ счетомъ, около десятины на наличную мужскую душу или около трехъ десятинъ на наличный дворъ. Конечно, и крестьянинъ, получившій на ревизскую душу $1^1/_2$ или 2 десятины и теперь имѣющій по расчету на наличный дворъ двѣ или три десятины, могъ бы просуществовать на своемъ надѣлѣ, если бы велъ хозяйство такъ, какъ хозяйствуетъ нѣмецкій или англійскій крестьянинъ. Но объ этомъ—всякому ясно — не приходится и говорить. «Можетъ ли огородная культура злаковъ, — справедливо замѣчаетъ А. В. Пѣшехоновъ, — быть выгодной, разъ рядомъ ведется переложное хозяйство? При данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи» — одинъ разумный способъ веденія хозяйства, «равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи», — и нѣтъ никакой возможности «ожидать, что одна группа хозяевъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей». Иначе сказать, дарственники съ ихъ четверными надѣлами, вообще крайне малоземельные крестьяне, не могутъ такъ устроить свое хозяйство, чтобы

имѣть возможность прожить съ какой-нибудь десятины или двухъ, разъ кругомъ все населеніе имѣетъ втрое или вчетверо, а гдѣ есть государственные крестьяне, то и въ десять разъ больше земли, и разъ все хозяйство окрестнаго населенія приспособилось именно къ такому, болѣе значительному размѣру земельнаго надѣла. *Такимъ* малоземельнымъ нѣтъ другого выхода, какъ либо получить дополнительный надѣлъ и сравняться съ остальнымъ мѣстнымъ крестьянствомъ, либо совсѣмъ бросить землю и искать другого источника средствъ существованія. Многіе, и даже изъ искренно желающихъ добра народу,—въ частности послѣдовательные сторонники «ортодоксальнаго» марксистскаго или соціалъ-демократическаго направленія—думаютъ, что и въ такомъ исходѣ вовсе не было бы худа: пусть лучше такіе малоземельные совсѣмъ бросятъ землю и пойдутъ въ городъ или на фабрику, чѣмъ жить впроголодь на жалкихъ клочкахъ своихъ «нищенскихъ» надѣловъ... Но вѣдь для того, чтобы такъ могло случиться, нужно было бы, чтобы наши города, заводы и фабрики могли дать заработокъ всему тому малоземельному населенію, которое будетъ окончательно отрываться оть земли. Какъ я говорилъ уже, при современномъ положеніи дѣлъ на это надѣяться никакъ нельзя; малоземельному населенію, значитъ, *некуда уйти* изъ деревни, и потому единственнымъ выходомъ изъ его безотраднаго положенія можетъ быть *только* расширеніе его землевладѣнія.

Приблизительно то же самое слѣдуетъ сказать, вообще, о всѣхъ тѣхъ крестьянахъ, которыхъ земельный надѣлъ значительно меньше средняго въ извѣстной мѣстности; значитъ, для Заволжья, гдѣ на крестьянскій дворъ приходится кругомъ 12—13 десятинъ, придется признать малоземельными всѣхъ, у кого имѣется по 6, по 8, по 10 десятинъ; въ какой-нибудь Московской или Калужской губерніи, гдѣ кругомъ на дворъ приходится десятинъ 6—7 надѣльной земли, малоземельными будутъ всѣ, у кого десятины по три или по четыре. Всѣ такіе малоземельные ведутъ хозяйство приблизительно такъ же и получаютъ съ десятины примѣрно столько же, какъ и ихъ сосѣди съ полнымъ надѣломъ, а при *такомъ* хозяйствѣ и при *такой* доходности, при которыхъ и на полномъ-то надѣлѣ едва возможно прожить, маленькіе надѣлы ужъ совсѣмъ не могутъ дать необходимыхъ средствъ существованія.

Относительное малоземелье. Говоря о дарственникахъ и о томъ, что они никоимъ образомъ не могутъ устроить свое хозяйство такъ, чтобы прожить на полудесятинѣ или на $^3/_4$ десятины, я указалъ на «невозможность ожидать, что одна группа крестьянъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей»; малоземельные не могутъ вести, напримѣръ, китайскаго или итальянскаго огороднаго хозяйства, если многоземельные сидятъ на простомъ трехпольѣ; я призналъ справедливыми слова г. Пѣшехонова, что «при данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть *одинъ* раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи». Но если это такъ, то не придется ли намъ признать малоземельными всѣхъ безъ исключенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя бы и получившихъ полный, неурѣзанный надѣлъ, разъ только въ одной съ ними мѣстности есть бывшіе государственные крестьяне? Не придется ли признать, что надѣлы *всѣхъ* бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вездѣ должны быть доведены до тѣхъ же размѣровъ, въ какихъ надѣлялись бывшіе государственные крестьяне? Вѣдь государственные крестьяне получили въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 15 дес., въ малоземельныхъ по 8 дес. на ревизскую душу,—круглымъ счетомъ втрое больше, чѣмъ бывшіе помѣшичьи крестьяне. Если у тѣхъ и у другихъ хозяйство, дѣйствительно, «стоитъ на одномъ раціональномъ уровнѣ интенсификаціи», или, говоря попросту, если земля у тѣхъ и у другихъ обрабатывается одинаковыми способами, то это значитъ вѣдь, что бывшіе помѣщичьи крестьяне получаютъ со своихъ надѣловъ втрое меньшій доходъ, чѣмъ бывшіе государственные; на такой меньшій доходъ имъ нельзя существовать, и чтобы дать имъ такую возможность, надо сравнять ихъ надѣлы съ надѣлами бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Однако, такой выводъ былъ бы вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ каждой мѣстности всѣ крестьяне, дѣйствительно, вели *совершенно одинаковое* хозяйство; если бы рядомъ, дѣйствительно, не могли примѣняться *различные* способы хозяйства и обработки земли. А между тѣмъ это не совсѣмъ такъ. Конечно, я говорилъ уже, совершенно невозможно, чтобы въ одной и той же мѣстности одни, многоземельные, вели, по-

ложимъ, переложное хозяйство, какъ оно посейчасъ существуетъ въ Сибири, а другіе, малоземельные, вели хозяйство по-китайски: перекапывали бы землю заступами и сажали бы всякое зернышко руками въ проткнутую прутикомъ лунку. Но совершенно невѣрно было бы думать, что въ одной и той же мѣстности непремѣнно всѣ должны вести совершенно одинаковое хозяйство;—что въ этомъ отношеніи между сосѣдними мѣстностями или даже деревнями не можетъ быть *никакихъ* различій. Вѣдь по мѣрѣ того, какъ населеніе сгущается, ему становится тѣсно, и приходится заботиться о томъ, чтобы изъ той-же площади земли выручить большій доходъ,—приходится, иначе сказать, замѣнять свое прежнее хозяйство другимъ, болѣе интенсивнымъ. Такая замѣна, такой переходъ невозможенъ, конечно, для дарственниковъ, потому что на ихъ клочкахъ земли нельзя вести *никакого* хозяйства; но онъ не только возможенъ, но даже въ дѣйствительности всегда начинается именно у тѣхъ, кто сравнительно *менѣе* обезпеченъ землей: многоземельные, худо ли, хорошо ли, еще кой-какъ могутъ просуществовать при старыхъ способахъ хозяйства, тогда какъ малоземельныхъ оно уже давно перестало прокармливать. И вотъ, еще въ 70-хъ годахъ было замѣчено, что хуже надѣленные землею, бывшіе помѣщичьи крестьяне въ южныхъ степныхъ губерніяхъ перешли къ трехпольному хозяйству, а обильно надѣленные, бывшіе государственные крестьяне какъ въ то время вели, такъ и посейчасъ еще продолжаютъ вести старое залежное хозяйство (Чаславскій). Въ 80-хъ годахъ земскіе статистики отмѣчали, что въ сѣверныхъ, сравнительно малоземельныхъ уѣздахъ Самарской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне гораздо лучше обрабатываютъ землю, чѣмъ бывшіе государственные: троятъ пары, гораздо лучше пробораниваютъ землю, кое-гдѣ начинаютъ удобрять; что въ сѣверныхъ уѣздахъ, напримѣръ, Рязанской губерніи, гдѣ у крестьянъ и меньше земли, и земля хуже, уже укоренилось трехполье съ унаваживаніемъ полей, а въ южныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ, съ черноземною почвой, продолжало еще держаться залежное хозяйство, и только еще начинался переходъ къ трехполью. Чрезвычайно интересныя данныя добыты при уже упоминавшейся анкетѣ, произведенной въ 1907 году въ Харьковской губерніи,—интересныя въ особенности тѣмъ, что эта анкета даетъ намъ не только легко могущія быть

„Утѣсненіе“ какъ двигатель улучшенія хозяйства.

обманчивыми впечатлѣнія, но и достаточно объективныя численныя данныя. Читатель помнитъ, что южная часть Харьковской губерніи наиболѣе многоземельна, сѣверная самая малоземельная. И вотъ, о наличности какихъ-либо улучшеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ свидѣтельствуютъ, по уѣздамъ сѣверной группы, 67% корреспондентскихъ сообщеній, по среднимъ уѣздамъ тоже еще 58%, по южнымъ, многоземельнымъ, уже только 28% всѣхъ корреспондентскихъ сообщеній; объ *отсутствіи* какихъ бы то ни было улучшеній въ группѣ малоземельныхъ сѣверныхъ уѣздовъ свидѣтельствуютъ всего 33%, въ группѣ южныхъ, многоземельныхъ, цѣлыхъ 72% корреспондентскихъ сообщеній. Въ частности, мѣстности, гдѣ еще совсѣмъ не начали примѣнять навознаго удобренія, составляютъ въ уѣздахъ первой, малоземельной, группы всего 5%, въ среднеземельныхъ 40, въ южныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ уже 87%, и напротивъ, мѣстности, гдѣ удобряетъ большинство, составляютъ, въ томъ же порядкѣ группъ, 56, 44 и всего 11%; если же взять не группы уѣздовъ, а отдѣльные уѣзды, то окажется, что въ самомъ малоземельномъ, Сумскомъ уѣздѣ мѣстностей, гдѣ удобреніе не примѣнялось бы въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, совершенно нѣтъ, тогда какъ въ самомъ многоземельномъ уѣздѣ, Старобѣльскомъ, такія мѣстности составляютъ 99%. И общій выводъ, къ которому приходитъ разрабатывавшій данныя анкеты К. А. Маціевичъ, сводится къ тому, что «южные крестьяне не научились еще цѣнить самостоятельное значеніе техники—они меньше улучшаютъ хозяйство и меньше значенія отводятъ техникѣ въ ряду причинъ, понижающихъ урожаи», тогда какъ малоземельные крестьяне сѣвера губерніи «настолько убѣдились въ этомъ, что это, по ихъ мнѣнію, самая важная причина низкой урожайности ихъ полей». И наоборотъ, объясненія плохихъ урожаевъ истощенностью почвы—этимъ неизбѣжнымъ спутникомъ отсталаго первобытнаго хозяйства—встрѣчаются по сѣвернымъ, малоземельнымъ уѣздамъ всего въ 14%, по среднимъ въ 35, по южнымъ въ цѣлыхъ 59% сообщеній, полученныхъ въ отвѣтъ на разосланную анкету. И въ конечномъ результатѣ всего этого, средній урожай ржи въ малоземельныхъ уѣздахъ Харьковской губерніи за десятилѣтіе 1898—1907 гг. достигалъ 54 пудовъ, въ среднихъ уѣздахъ тоже еще 42 пуда, въ южныхъ, многоземельныхъ, онъ не превышалъ смѣхотворной цифры 23 пуда съ десятины.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что хозяйство въ сосѣднихъ губерніяхъ, въ уѣздахъ той же губерніи; мало того—въ различныхъ частяхъ того же уѣзда, бываетъ очень различно, причемъ, въ частности, въ мѣстностяхъ съ меньшими размѣрами земельнаго обезпеченія хозяйство обнаруживаетъ больше элементовъ агрикультурнаго прогресса, нежели тамъ, гдѣ населеніе еще пользуется большимъ просторомъ,—гдѣ «еще не угасли воспоминанія о земельномъ просторѣ» (Маціевичъ); такія различія въ характерѣ хозяйства наблюдаются—какъ частью видно изъ приведенныхъ примѣровъ—даже между разнонадѣленными элементами населенія одной и той же мѣстности: крестьянами и колонистами, бывшими государственными и бывшими помѣщичьими крестьянами и т. д.. Но если это такъ, то, значитъ, «десятина» у однихъ и «десятина» у другихъ могутъ имѣть совершенно разную цѣнность и давать совсѣмъ разный доходъ, и пять десятинъ въ одномъ хозяйствѣ могутъ значить больше, чѣмъ восемь или десять десятинъ въ другомъ. И въ самомъ дѣлѣ,—вѣдь извѣстно, что «отъ добра добра не ищутъ», и что переселеніе—несомнѣнный признакъ «утѣсненія»: переселяется только тотъ, кому «тѣсно» стало у себя «на сторонѣ». А между тѣмъ переселеніе во многихъ губерніяхъ, напр., Самарской, Курской, Рязанской, шло гораздо сильнѣе изъ бывшихъ казенныхъ селеній, чѣмъ изъ бывшихъ господскихъ; въ 80-хъ годахъ гораздо больше переселялись изъ южной, многоземельной, чѣмъ изъ сѣверной, малоземельной, части Рязанской губерніи; изъ Вятской губерніи очень много переселялис» 20—30 лѣтъ тому назадъ, а теперь, когда населенія прибыло и, значитъ, земли стало меньше, не переселяются совсѣмъ: изъ малоземельныхъ сѣверныхъ уѣздовъ Харьковской губерніи выселилось всего 1%, изъ многоземельныхъ южныхъ уѣздовъ—3,9% всего населенія. Выходитъ, значитъ, что «утѣсненіе» чувствуется гораздо сильнѣе при большихъ надѣлахъ, чѣмъ при малыхъ; въ частности, бывшіе помѣщичьи крестьяне съ ихъ малыми надѣлами во всѣхъ названныхъ и, вѣроятно, во многихъ другихъ мѣстностяхъ гораздо менѣе страдаютъ отъ «утѣсненія», чѣмъ обильно надѣленные землею бывшіе государственные крестьяне—изъ корреспондентовъ сѣверныхъ уѣздовъ Харьковской губерніи жаловались на малоземелье, какъ мы видѣли, только 15%, изъ южныхъ, многоземельныхъ, уѣздовъ—34%. Значитъ, если помочь противъ «утѣсненія» можно только

дополнительнымъ надѣломъ, то, помогать, выходило бы, надо прежде всего тѣмъ, у кого «утѣсненіе» сильнѣе; если уже кого надѣлять землей, то не бывшихъ помѣщичьихъ, а бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которымъ еще тѣснѣе на ихъ большихъ, чѣмъ помѣшичьихъ—на имъ маленькихъ надѣлахъ.

Сколько нужно земли?

Но, спрашивается теперь дальше, *сколько же* крестьянамъ нужно земли, чтобы имъ перестало быть «тѣсно»? Сколько нужно земли, чтобы крестьянинъ могъ использовать всю свою рабочую силу, сколько нужно, чтобы земля могла полностью прокормить крестьянина и дать ему средства на всѣ его нужды и потребности? По какимъ, иначе сказать, нормамъ нужно разсчитывать полное земельное обезпеченіе крестьянъ? Гдѣ тотъ аршинъ, которымъ можно смѣрить крестьянскую земельную нужду, на который можно вымѣрить величину необходимымъ прирѣзокъ? Къ сожалѣнію, я не могу подробно останавливаться на этомъ вопросѣ. Напомню только, что редакціонныя комиссіи, выработавшія положенія 19 февраля, должны были убѣдиться въ «тройственной невозможности» выработки правильныхъ нормъ. Выработать такого рода нормы, несмотря на всѣ дѣлавшіяся попытки, не удалось и до настоящаго времени. Въ 1906 году въ Петербургѣ происходило внѣпартійное совѣщаніе статистиковъ, выбранныхъ изъ числа наиболѣе опытныхъ свѣдущихъ людей; они очень подробно обсудили вопросъ о нормахъ и пришли къ заключенію, что *нѣтъ такого аршина*, которымъ можно было бы вымѣрить крестьянскую земельную нужду. Нѣтъ такого аршина, которымъ можно было бы вымѣрить, сколько въ какой мѣстности можетъ обработать крестьянская семья; нѣтъ и такого аршина, чтобы смѣрить, какое количество земли нужно, чтобы ее прокормить и дать ей средства на необходимые расходы. Сколько крестьянину и его семьѣ надо разнаго рода продуктовъ на продовольствіе и денегъ на необходимые расходы? Сколько крестьянская семья можетъ обработать, засѣять и убрать земли подъ хлѣбомъ, сколько—подъ травою? Сколько нужно покосовъ и выгоновъ, чтобы держать необходимое количество скота и получить необходимое количество навоза? Сколько, среднимъ числомъ, даетъ десятина земли подъ тѣмъ или другимъ хлѣбомъ или подъ травою? Это все вопросы, на которые нѣтъ возможности получить опредѣленнаго и несомнѣннаго

отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ—если опредѣлять трудовую норму по тому, сколько семья со среднимъ числомъ работниковъ можетъ засѣять хлѣба—выйдетъ одно, если по тому, сколько она можетъ выжать—получится другое, гораздо меньше; если разсчитывать по тому, сколько можно вспахать тяжелымъ «хохлацкимъ» плугомъ или выжать серпомъ—получится меньше, а если считать на пахоту легкимъ заводскимъ плужкомъ, а уборку разсчитывать на работу жнейки, получится, конечно, больше. Если разсчитывать—гдѣ-нибудь въ подмосковномъ районѣ или въ окрестностяхъ Петербурга—на старое трехпольное хозяйство, то въ норму непремѣнно должно войти достаточное количество луговъ—такое, какого и взять неоткуда; а если разсчитывать на хозяйство съ посѣвными травами, какое въ этихъ мѣстностяхъ ведетъ уже большая часть крестьянъ, то отдѣльно сѣнокоса разсчитывать не нужно, или нужно очень немного. То же самое для потребительной нормы. Дальше: на какой урожай ее разсчитывать? Вѣдь даже *средніе* размѣры урожаевъ—и тѣ мы знаемъ только приблизительно; и правильно ли разсчитывать норму на «средній» урожай, какъ ее вычисляетъ статистика? Можетъ быть, правильнѣе разсчитывать ее на тотъ урожай, какой, примѣрно, получаетъ «средній» хозяинъ въ данной мѣстности, ведущій хозяйство кое-какъ, унаслѣдованными отъ отцовъ и дѣдовъ пріемами? Или, можетъ быть, наоборотъ, *не* слѣдуетъ «равняться по слабымъ», а надо разсчитывать на тотъ урожай, какой получаютъ хорошіе хозяева, уже научившіеся хозяйствовать по-новому? А стоитъ вѣдь взять урожай на пять пудовъ, а подавно на десять, больше, или напротивъ,—меньше, и, конечно, норма получится совсѣмъ другая. А сколько нужно хлѣба крестьянской семьѣ? Хлѣба и всего прочаго дохода, чтобы крестьянская семья могла прожить со своего надѣла? Тутъ уже, какъ говорится, «мудрый Эдипъ разрѣши...». Начать хотя бы уже съ того, *на какую семью* и *на какое житье* разсчитывать — на житье впроголодь, какъ живетъ большая часть крестьянства, или на питанье досыта, на приличную одежду, на порядочную обстройку и обстановку, на кой-какіе «культурные» расходы? Такъ считать—выйдетъ, можетъ быть, вдвое или втрое больше, иначе—вдвое или втрое меньше. И вотъ, каждый гадаетъ на свой ладъ: трудовыя нормы для одной и той же мѣстности одни опредѣляютъ въ 18, другіе въ 60 десятинъ, одни въ 12, другіе въ

40 десятинъ; потребительныя нормы для одной и той же мѣстности одними опредѣляются въ 10, другими—въ 30 десятинъ; не мало мѣстностей, для которыхъ потребительныя нормы оказываются *выше* трудовыхъ—это значитъ, что для удовлетворенія необходимыхъ нуждъ крестьянской семьи, при теперешнемъ плохомъ хозяйствѣ, требуется такое большое количество земли, какого такая семья вовсе не въ состояніи обработать. А для всей черноземной полосы трудовыя нормы получаются такія огромныя—30, 40, 60 десятинъ на семью, что надѣлить землей по этимъ нормамъ нѣтъ никакой возможности, хотя бы нарѣзать и раздать крестьянамъ все пространство Европейской Россіи до Ледовитаго океана и всю Сибирь, съ ея тундрами и тайгами. Но разъ все это такъ, то вычислять такія нормы—*сколько нужно* крестьянину, чтобы прожить со своего надѣла и найти *достаточное примѣненіе* для своего труда—совершенно безполезное дѣло, потому что надѣленіе по такимъ нормамъ—совершенно невыполнимая вещь. Есть, правда, одинъ способъ, который я-же первый предложилъ попробовать и который былъ, позднѣе, подробно разработанъ (главнымъ образомъ Н. П. Макаровымъ) и одобренъ главнымъ земельнымъ комитетомъ до-октябрьскаго періода: вычислять не *сколько нужно* мужику земли, а *сколько, на самомъ дѣлѣ, обрабатываетъ,* въ среднемъ выводѣ въ каждой мѣстности, такая крестьянская семья, которая выполняетъ всѣ или, во всякомъ случаѣ, всѣ главныя работы по хозяйству своимъ трудомъ, безъ наемныхъ работниковъ, и которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама «не ходитъ въ люди», т.-е. не нанимается на чужую работу; если вычислить, сколько обрабатываетъ такая семья, то это будетъ, какъ ее можно назвать, фактическая «потребительно-трудовая» норма, потому что такая семья, разъ она никого не нанимаетъ и сама ни къ кому не нанимается, очевидно можетъ существовать со своего хозяйства болѣе или менѣе безбѣдно и находитъ въ своемъ хозяйствѣ болѣе или менѣе полное примѣненіе для своего труда. Но и тутъ не все выходитъ ладно. Вѣдь то количество земли (своей ли, или вмѣстѣ съ арендованною—это безразлично), какое обрабатываетъ такая семья,—это то количество, какое она можетъ обработать *при существующихъ способахъ веденія хозяйства.* А между тѣмъ суть нашего земельнаго вопроса—*настоящая* его суть,—именно въ томъ, что при существующихъ, отжившихъ свой вѣкъ, спо-

собахъ хозяйства земля не можетъ прокормить умножившагося населенія, не можетъ дать приложенія для всего его труда. Значитъ—если вычислить такую фактическую потребительно-трудовую норму, то и по такой нормѣ земли на всѣхъ никоимъ образомъ земли не хватитъ, и для надѣленія по такой нормѣ всѣхъ, хотя бы даже однихъ только еще сидящихъ на землѣ трудовыхъ земледѣльцевъ земли неоткуда будетъ взять.

Еще разъ: у насъ оттого и разыгрался кризисъ, у насъ оттого и постоянное недоѣданіе, перемежающееся голодовками, что земля *не можетъ* прокормить существующаго населенія, не можетъ дать приложенія для его труда при существующихъ способахъ обработки и обусловливаемой ими крайне низкой производительности и доходности земли: способы хозяйства и обработки земли остались, приблизительно, тѣ же, какіе были 50 или 75 лѣтъ тому назадъ, а людей стало вдвое или втрое больше.

Сущность кризиса—негодность современнаго крестьянскаго хозяйства.

Но если значительная часть рабочей силы нашего крестьянства не находитъ себѣ приложенія на землѣ и не можетъ найти его даже при самомъ широкомъ дополнительномъ надѣлѣ; если значительная часть населенія не можетъ прокормиться, даже затрачивая на обработку земли всю свою рабочую силу,—значитъ, надо усилить и улучшить обработку земли, чтобы данная площадь земли давала приложеніе большему количеству рабочей силы, чтобы земля, вмѣстѣ съ тѣмъ, давала больше продукта, чтобы на данной площади земли могло прокормиться большее количество людей.

Выходъ изъ него—въ улучшеніи хозяйства.

Говорятъ, что надѣлъ, который былъ, можетъ-быть, и достаточнымъ 50 лѣтъ тому назадъ, не можетъ быть достаточнымъ теперь когда народу стало вдвое больше; приростъ населенія, «прибылыя души»—это самый обычный мотивъ въ крестьянскихъ ходатайствахъ и требованіяхъ земли. Но вѣдь земная поверхность вообще, и поверхность нашей страны, въ частности, ограничена и не можетъ расти вмѣстѣ съ ростомъ населенія; «прибылыя души» есть и всегда будутъ, а земли «прибылой» не будетъ. Но разъ это такъ, то ясно, что земельный надѣлъ не можетъ угоняться за приростомъ населенія: приростъ *неизбѣжно* должетъ вести за собою «утѣсненіе», естественный же выходъ изъ этого «утѣсненія»—въ улучшеніи хозяйства и обработки земли,

чтобы два человѣка такъ же хорошо и даже лучше могли существовать на той же самой площади, на которой прежде существовалъ одинъ. «Увеличеніе населенія,—говорилъ еще въ 70-хъ годахъ одинъ очень извѣстный изслѣдователь (Чаславскій),—и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства»; разъ этотъ переходъ совершился, данное количество земли можетъ вмѣстить гораздо большее количество населенія; мало того, этому большему населенію, несмотря на «утѣсненіе», будетъ житься *лучше*, чѣмъ живетъ населеніе при большомъ просторѣ, но при плохомъ хозяйствѣ и несовершенной обработкѣ земли; лучше, между прочимъ, потому, что улучшенное хозяйство въ значительной мѣрѣ устраняетъ опасность неурожаевъ и даетъ населенію не только *болѣе высокій*, но *болѣе постоянный* доходъ. Сказанное—основной законъ развитія сельскаго хозяйства, вообще отношеній человѣка къ землѣ: *не земля, повторяю, должна расти, а должна расти интенсивность ея обработки; должны расти затраты труда и средствъ, затрачиваемыхъ на обработку земли.* При правильномъ ходѣ вещей это всегда такъ и происходитъ, и тѣмъ самымъ устраняется вопросъ объ «утѣсненіи» и «малоземельѣ».

Расширеніе крестьянскаго надѣла, какъ палліативъ.

Это было бы у насъ «при правильномъ ходѣ вещей». Но можно ли говорить у насъ о такомъ «правильномъ ходѣ»? Очевидно, нѣтъ. Я уже говорилъ о томъ, что крестьяне и крестьянское хозяйство съ самаго освобожденія были поставлены въ самыя неблагопріятныя условія, при которыхъ серьезное улучшеніе крестьянскаго хозяйства было если не невозможно, то, во всякомъ случаѣ, крайне затруднительно. И чрезмѣрность податного обложенія, отнимавшаго у крестьянъ необходимыя для улучшенія хозяйства средства, и недостаточность заботъ о народномъ образованіи, и совершенная отрѣзанность деревни отъ болѣе просвѣщенныхъ слоевъ населенія, и правовое положеніе крестьянъ, до крайности стѣснявшее всякое проявленіе личной и общественной самодѣятельности, и почти полное отсутствіе мѣръ, направленныхъ непосредственно къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, къ улучшенію способовъ и пріемовъ обработки земли,—вся эта совокупность неблагопріятныхъ условій необходимо должна была повести и, дѣйствительно, повела за собой полный застой крестьянскаго хозяйства; должна была устранить и, дѣйствительно, устранила вся-

кую возможность существеннаго его улучшенія. Населеніе непрерывно росло—оно приблизительно удвоилось съ десятой ревизіи—хозяйство осталось почти тоже; очевидно, что при такомъ застоѣ отведенные 40—45 лѣтъ тому назадъ, по расчету на ревизское населеніе, надѣлы теперь уже не могутъ удовлетворить потребностямъ почти удвоившагося населенія. Отсюда, изъ этого застоя, и произошелъ тотъ острый кризисъ крестьянскаго хозяйства, который проявляется въ хроническихъ голодовкахъ, и который въ началѣ XX вѣка получилъ столь ясное выраженіе въ крестьянскихъ волненіяхъ. Дѣйствительный выходъ изъ этого кризиса, какъ мнѣ придется подробнѣе говорить въ моей послѣдней лекціи, *только* одинъ: улучшеніе способовъ хозяйства и обработки земли и неразрывно связанное съ этимъ повышеніе ея производительности. Но такое улучшеніе и такое повышеніе не можетъ послѣдовать по щучьему велѣнію,—крестьянское хозяйство, стоявшее на одномъ мѣстѣ десятки лѣтъ, не можетъ разомъ двинутся впередъ и разомъ, скажемъ, удвоить производительность земли. Для этого требуются годы и, можетъ-быть, десятилѣтія. А между тѣмъ, въ моментъ такого остраго кризиса, какъ теперь, нужны скоро дѣйствующія мѣры, и такою скоро-дѣйствующею мѣрой, до извѣстной степени, могло бы явиться дополнительное надѣленіе: «расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно» (Туганъ-Барановскій). Нельзя скрывать отъ себя, правда, и того, что само дополнительное надѣленіе—далеко не такая скоро—дѣйствующая мѣра, какъ принято думать: планомѣрное осуществленіе ея тоже потребовало бы не мало лѣтъ, хотя бы уже по одному тому, что милліонамъ населенія пришлось бы переселяться и разселяться. Нельзя скрывать отъ себя и того, что всякое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ бы широко, въ практически мыслимыхъ предѣлахъ, оно ни было проведено, можетъ быть только палліативомъ, успокаивающимъ средствомъ, только пластыремъ, который наклеиваютъ на зіяющую язву, который можетъ ненадолго *утолить острую боль,* но не можетъ *вылѣчить* самой язвы. Вѣдь въ чемъ причина этой язвы, въ чемъ та внутренняя болѣзнь, которой она явля-

ется наружнымъ проявленіемъ? Въ томъ, что принятые у крестьянъ способы хозяйства уже давно не соотвѣтствуютъ современной густотѣ населенія. Всякая система хозяйства цѣлесообразна, всякая система хозяйства хорошо обезпечиваетъ населеніе только при достаточномъ просторѣ: то залежное хозяйство, какое еще теперь ведется, въ формѣ безобразнаго пестрополья, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, имѣло полный смыслъ при томъ просторѣ, какой еще сейчасъ существуетъ въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Сибири; трехполье среднихъ губерній имѣетъ резонъ тамъ, гдѣ площадь сѣнокосовъ по крайней мѣрѣ равна площади пахотныхъ земель. Если бы дополнительный надѣлъ могъ вновь создать это давно исчезнувшее многоземелье, онъ на нѣкоторое время, дѣйствительно, помогъ бы крестьянамъ; но для этого нужно было бы увеличить крестьянскіе надѣлы гдѣ втрое, гдѣ вчетверо, а гдѣ еще больше. *Столько* неоткуда взять земли. На самомъ дѣлѣ можно увеличить крестьянскіе надѣлы, въ лучшемъ случаѣ, на третью часть, едва ли на половину; а если планомѣрно распредѣлить имѣющіеся земельные запасы, дать каждому по его дѣйствительной нуждѣ, то большая часть этихъ запасовъ, конечно, отойдетъ самымъ малоземельнымъ; уже среднеземельнымъ достанется развѣ только очень немного, а многоземельнымъ ничего не останется. А разъ это такъ, то, значитъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ возстановить того простора, при которомъ залежное или трехпольное хозяйство стало бы опять давать хорошіе урожаи; оно можетъ, слѣдовательно, только дать населенію возможность еще на нѣкоторое время остаться при томъ-же полуголодномъ существованіи, какое оно ведетъ теперь. Какъ ни увеличивай надѣлы, *единственною* коренною мѣрой все-таки останется улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности крестьянскихъ земель...

Нельзя скрывать отъ себя этого всего, и, тѣмъ не менѣе, *необходимо* сдѣлать все, что только возможно, для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Когда врачъ лѣчитъ больного, онъ долженъ направить всѣ свои старанія на то, чтобы бороться *съ причиною*, съ *корнемъ* болѣзни; но если для этого требуется продолжительное лѣченіе, онъ непремѣнно позаботится и о томъ, чтобы утолить ту острую боль, которой больной уже не можетъ выносить, чтобы понизить тотъ жаръ, отъ котораго больной

можетъ сгорѣть, прежде чѣмъ поможетъ начатое врачомъ продолжительное лѣченіе. Такъ точно и въ данномъ случаѣ: *коренного* излѣченія той болѣзни, отъ которой такъ страдаетъ наше крестьянство, можно ожидать только отъ устраненія всей той совокупности ненормальныхъ условій, которыя вызвали самую эту болѣзнь, и въ особенности отъ улучшенія крестьянскаго хозяйства и повышенія производительности крестьянскихъ земель; чтобы устранить эту болѣзнь, надо «выучить земледѣльца искусству выращивать два колоса, гдѣ прежде росъ одинъ» (Чупровъ),—тогда два человѣка проживутъ на такой площади, которая прежде прокармливала одного. Но чтобы ослабить острый кризисъ, чтобы дать крестьянину передышку, чтобы дать ему время выучиться тѣмъ лучшимъ способамъ и пріемамъ хозяйства, при которыхъ онъ сможетъ получать «два колоса, гдѣ прежде росъ одинъ»,—для всего этого необходимо, повторяю еще разъ, сдѣлать все, что только есть возможность сдѣлать, чтобы расширить крестьянское землевладѣніе. Только съ одною оговоркой, значеніе которой выяснится ниже, въ слѣдующей лекціи: временныя, такъ называемыя палліативныя мѣры не должны помѣшать успѣху настоящаго, радикальнаго лѣченія; мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, не должны вести къ подрыву производительныхъ силъ страны и мѣшать разрѣшенію основной задачи—повышенія сельскохозяйственной культуры.

Такими словами я кончалъ эту лекцію двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1906 году. Я и сейчасъ не имѣю измѣнить въ этомъ заключеніи ни одного слова. Напротивъ, за прошедшее съ тѣхъ поръ время я могъ только еще болѣе убѣдиться въ правильности всего мною только что сказаннаго, и въ особенности—послѣдней моей оговорки: что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не должно вести къ подрыву производительныхъ силъ страны и мѣшать разрѣшенію основной задачи—повышенія сельскохозяйственной культуры. И не я одинъ: какъ мнѣ придется подробнѣе говорить, тоже, въ слѣдующей главѣ, *теперь* то же самое стало ясно очень многимъ, даже и изъ тѣхъ, кто стоитъ гораздо «лѣвѣе» меня въ земельномъ вопросѣ: эта точка зрѣнія—при проведеніи мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія считаться съ необходимостью сохраненія производительныхъ силъ страны и повышенія сельскохозяйственной культуры—проводилась и въ работахъ главнаго земельнаго комитета до-октябрь-

скаго періода, съ его умѣренно-эсеровскимъ большинствомъ, и даже—по крайней мѣрѣ на словахъ—въ распоряженіяхъ и воззваніяхъ В. М. Чернова и П. А. Вихляева, въ эпоху ихъ управленія министерствомъ земледѣлія. Но—увы!—сейчасъ я еще гораздо больше, чѣмъ въ 1906 году, боюсь, что совмѣстить мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, съ сохраненіемъ производительныхъ силъ страны, фактически не удастся. Какъ можно было опасаться уже и въ 1906 году, то, что рисовалось намъ, и въ частности мнѣ лично, какъ планомѣрно проводимая земельная реформа, въ дѣйствительности выродилось въ стихійный захватъ или расхватъ земли,—въ дѣлежку всей земли безъ разбора, связанную притомъ съ самымъ варварскимъ разрушеніемъ создавшихся въ странѣ очаговъ передовой сельскохозяйственной культуры—тѣхъ самыхъ очаговъ, къ сохраненію которыхъ даже В. М. Черновъ считалъ нужнымъ призывать трудовое крестьянство; съ разрушеніемъ не только помѣщичьихъ хозяйствъ, но и опытныхъ и показательныхъ учрежденій, съ уничтоженіемъ лѣсныхъ посадокъ и садовъ—не говоря уже, просто, о массовыхъ порубкахъ столь дорогого, въ малолѣсномъ центрѣ, лѣса; съ разрушеніемъ даже тѣхъ отрубныхъ и хуторскихъ хозяйствъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть, во всякомъ случаѣ, шла впереди остальной массы крестьянства по пути земледѣльческаго прогресса. А при *такомъ* положеніи вещей приходится уже не только опасаться—приходится признать за несомнѣнный фактъ, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія такъ, какъ оно идетъ сейчасъ и какъ оно—надо думать—будетъ идти и дальше, поведетъ къ несомнѣнному подрыву производительныхъ силъ страны, и не на одно, вѣроятно, десятилѣтіе задержитъ повышеніе сельскохозяйственной культуры...

Пособія: Сборникъ «Аграрный вопросъ», т. I, главнымъ образомъ, статья *Мануилова*, т. II—статьи *А. И. Чупрова* и *В. Ф. Левитскаго*.—*Чупровъ*, «Къ вопросу объ аграрной реформѣ» и «Мелкое земледѣліе и его основныя нужды».—*Озеровъ*, «На борьбу съ народною тьмой».—*Туганъ-Барановскій*, «Націонализація земли», часть 2-ая. Сборникъ «Аграрный вопросъ». Протоколы аграрной комиссіи партіи народной свободы, докладъ *Кауфмана* о нормахъ дополнительнаго надѣленія и протоколы.—*Каблуковъ*, «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства», гл. VI, § 2.—*Лохтинъ*, «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи».

ЛЕКЦІЯ ПЯТАЯ.

Аграрный вопросъ и главнѣйшія теченія русской общественной мысли.

Трудовое и помѣстное землевладѣніе.

Задачи этой лекціи.

Въ настоящей лекціи я имѣю въ виду дать обзоръ тѣхъ путей и способовъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, которые намѣчаются главнѣйшими направленіями русской общественной мысли. Я буду имѣть, при этомъ, въ виду именно толко *направленія,* и совершенно не буду входить въ разсмотрѣніе какихъ-либо партійныхъ программъ, а тѣмъ болѣе—агитаціонныхъ «платформъ»; я, слѣдовательно, буду имѣть дѣло только съ извѣстными *теченіями,* а не съ *политическими партіями*; знакомство съ такими вещами, какъ программа или платформа партіи народной свободы, союза 17 октября, трудовой группы, партіи соціалистовъ-революціонеровъ и т. п., совершенно выходитъ изъ рамокъ настоящаго курса. Отчасти по той же причинѣ, отчасти—просто въ виду недостатка мѣста, я войду въ болѣе подробное разсмотрѣніе однихъ только прогрессивныхъ теченій русской общественной мысли, которыя, думается мнѣ, представляютъ для читателя или слушателя настоящаго курса наибольшій интересъ, и лишь въ немногихъ словахъ охарактеризую, предварительно, тѣ теченія, представители которыхъ стоятъ, если не во всемъ, то въ наиболѣе существенномъ, на той-же почвѣ, на которой стояло самодержавное правительство.

А. Консервативныятеченія, ихъ взглядъ на земельный вопросъ. а) Крайніе взгляды.

При всемъ разнообразіи теченій, которыя могутъ быть подведены подъ эту послѣднюю группу, общею имъ чертою является, прежде всего, стремленіе свести «на-нѣтъ» самое значеніе вопроса о землѣ, доказать, что въ Россіи *вообще* не существуетъ малоземелья, или если оно и существуетъ, то не въ видѣ общаго явленія, а какъ явленіе частное, могущее быть устраненнымъ безъ помощи какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ. Одни доводятъ этотъ взглядъ до крайности. «Общенародное и святое дѣло крестьянскаго благосостоянія, по мнѣнію этихъ однихъ, не только не въ имѣющемъ третьестепенное значеніе надѣльномъ малоземельѣ, но и вообще вовсе не въ обезпеченіи землею»; скорѣе наоборотъ: «при господствующихъ въ настоящее время формахъ крестьянскаго землепользованія надѣльное малоземелье является факторомъ не упадка, а наоборотъ—прогресса въ народно-хозяйственной жизни страны»; это, между прочимъ, и потому, что надѣльнымъ малоземельемъ «въ извѣстной степени обезпечивается тотъ минимумъ потребности частновладѣльческаго хозяйства и сельской промышленности въ рабочей силѣ, безъ удовлетворенія котораго русскій народъ умеръ бы съ голоду». Малоземелье, по мнѣнію представителей этого крайняго взгляда, не только не зло, а, напротивъ, благо. И даже такое явленіе, какъ «нищенскіе» дарственные надѣлы, которое и въ глазахъ самого правительства представляется явленіемъ безусловно печальнымъ и требующимъ рѣшительныхъ мѣръ помощи,— и то нисколько не огорчаетъ представителей *этого* взгляда: «стимулъ малоземелья оказалъ бы неизмѣримо болѣе могущественное дѣйствіе въ дѣлѣ подъема народнаго благосостоянія, если бы въ 1861 году четвертные надѣлы получили болѣе широкую область примѣненія, и такимъ образомъ группа дарственниковъ оказалась болѣе значительной» (гр. Салтыковъ). Жалѣть приходится, такимъ образомъ, не о томъ, что въ 1861 году былъ придуманъ фокусъ, приведшій къ почти полному обезземеленью одной десятой части всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а о томъ, что такихъ почти обезземеленныхъ не оказалось больше...

б) Болѣе умѣренные взгляды.

Другіе не идутъ, конечно, такъ далеко: они не думаютъ, чтобы безземелье крестьянъ или дарственные надѣлы были полезнымъ и желательнымъ дѣломъ. Они *признаютъ*, напротивъ, существованіе

малоземелья, приблизительно въ томъ смыслѣ, какъ это было развито мною въ 1-ой лекціи, но думаютъ, что лишь по отношенію къ извѣстнымъ, наиболѣе страдающимъ отъ малоземелья, группамъ (дарственники и т. п.) нужда въ землѣ должна быть непремѣнно удовлетворена путемъ расширенія крестьянскаго землепользованія. Для главной массы крестьянства существующее въ настоящее время «утѣсненіе» можетъ и должно быть устраняемо если не исключительно, то преимущественно посредствомъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства и къ повышенію производительности земли, при чемъ на первое мѣсто представители этого взгляда выдвигаютъ измѣненіе условій и порядковъ пользованія крестьянскими надѣльными землями: замѣну общиннаго владѣнія личною собственностью, уничтоженіе чрезполосности, переходъ къ хуторскому разселенію и отрубному владѣнію землею. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, по мнѣнію представителей этого взгляда, либо вовсе не можетъ принести никакой пользы, либо можетъ сыграть роль только палліативной, временной мѣры, которой малое значеніе не оправдывало бы принятія какихъ-либо широкихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Этотъ взглядъ одни, опять-таки, доводятъ до послѣдней крайности. По ихъ мнѣнію, бороться съ малоземельемъ путемъ расширенія земельнаго обезпеченія крестьянъ «значило бы только оттягивать, но не устранять конечный результатъ его примѣненія, который неизбѣжно сводится къ чрезвычайному дробленію земли до микроскопическихъ клочковъ, исключающихъ возможность вести какое бы то ни было хозяйство. «Поэтому,—думаютъ представители этого взгляда,—*всякія* мѣры къ увеличенію крестьянскаго землевладѣнія путемъ переселеній на свободныя казенныя земли и усиленной покупки крестьянскимъ банкомъ частновладѣльческихъ земель для продажи крестьянамъ являются палліативами, лишь поддерживающими иллюзію земельнаго обезпеченія»; дѣйствуя въ этомъ направленіи, придется «черезъ 25—30 лѣтъ стоять передъ тою же задачею, передъ которой мы остановились теперь въ виду явнаго оскудѣнія сельскаго населенія и крайне убыточныхъ для государства и разорительныхъ для народа и всей страны періодическихъ недородовъ и голодовокъ. Стоитъ ли,—восклицаютъ они,—тратить силы и средства на такую неблагодарную задачу!» (Никольскій).

Другіе, опять-таки, менѣе послѣдовательны. Они хотя и видятъ во всякихъ мѣрахъ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, палліативъ, но сознаютъ невозможность обойтись безъ этого палліатива,—сознаютъ необходимость мѣръ, направленныхъ непосредственно къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія и къ устраненію земельной тѣсноты. Но они находятъ такія мѣры желательными и возможными лишь постольку, поскольку онѣ не стоятъ въ противорѣчіи съ дѣйствующимъ правомъ и въ частности—съ правомъ частной земельной собственности. Они допускаютъ, поэтому, такія мѣры, какъ возможно широкое развитіе переселенія, какъ передача нуждающимся въ землѣ крестьянамъ казенныхъ и удѣльныхъ земель, какъ передвиженіе въ руки малоземельнаго крестьянства также и частновладѣльческихъ земель,—послѣднихъ, однако, не иначе, какъ въ порядкѣ купли-продажи, по добровольному соглашенію съ нынѣшними землевладѣльцами, участіе же правительства въ этомъ дѣлѣ допускаютъ лишь въ формѣ кредитной помощи и посредничества, въ томъ, приблизительно, видѣ, какъ это и до того дѣлалъ крестьянскій поземельный банкъ. Но и болѣе и менѣе рѣшительные сторонники разсматриваемаго направленія выступаютъ рѣшительными противниками расширенія крестьянскаго землевладѣнія на основѣ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. По мнѣнію однихъ опять-таки, принудительное отчужденіе безусловно недопустимо ни при какихъ обстоятельствахъ,—оно представляетъ собой «грубѣйшій актъ варварскаго произвола», «прямое и рѣшительное отрицаніе права собственности, того права, на которомъ стоитъ вся современная жизнь и вся міровая культура»; такіе безусловные противники принудительнаго отчужденія не допускаютъ его *ни въ какомъ* случаѣ и ни въ какихъ размѣрахъ: «достаточно, чтобы *разъ* такой разгромъ земельной собственности былъ произведенъ въ какомъ бы то ни было масштабѣ, чтобы все частное землевладѣніе сдѣлалось призрачнымъ и утратило то значеніе и тотъ интересъ въ глазахъ собственника, который служитъ ему неиссякаемымъ стимуломъ заботъ о землѣ, хлопотъ объ улучшеніи хозяйства и проч.» (гр. Салтыковъ). Другіе (М. И. Горемыкинъ, Д. И. Пестржецкій, А. С. Ермоловъ, проф. Цытовичъ и др.) ставятъ вопросъ нѣсколько иначе: они не утверждаютъ, чтобы при-

Принудительное отчужденіе.

нудительное отчужденіе было *безусловно* недопустимо съ точки зрѣнія общихъ понятій о правѣ собственности, или даже прямо высказываютъ, что принудительное отчужденіе *не* противорѣчило бы началамъ права вообще и права собственности въ частности, если бы оно было, дѣйствительно, полезно и необходимо. Но оно, по мнѣнію представителей этого взгляда, прежде всего *не* необходимо, потому что желательное расширеніе крестьянскаго землевладѣнія можетъ быть достигнуто и безъ принудительнаго отчужденія, посредствомъ переселенія, скупки предлагаемыхъ владѣльцами земель чрезъ крестьянскій банкъ и т. п.; а затѣмъ— оно и не полезно, скорѣе даже вредно, главнымъ образомъ потому, что существованіе крупнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства необходимо для страны, уничтоженіе же его въ порядкѣ принудительнаго отчужденія было бы вредно съ точки зрѣнія общихъ интересовъ народнаго хозяйства и, въ концѣ-концовъ, невыгодно для самихъ крестьянъ. Исходя изъ такихъ соображеній, одни изъ представителей разсматриваемаго теченія, опять-таки, вовсе не допускаютъ принудительнаго отчужденія, какъ способа расширенія крестьянскаго землевладѣнія; другіе же (напр. А. С. Ермоловъ) допускаютъ принудительное отчужденіе въ случаяхъ особенно рѣзкой нужды въ землѣ, напр. для надѣленія дарственниковъ, для возвращенія крестьянамъ отобранныхъ при выходѣ на волю «отрѣзныхъ» земель и т. п., но не въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

Значеніе частнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства.

Какъ я только что мимоходомъ упоминалъ, сторонники разсматриваемаго теченія признаютъ существованіе крупнаго и средняго землевладѣнія необходимымъ въ общихъ интересахъ народнаго хозяйства и выгоднымъ для самихъ тѣхъ крестьянъ, въ интересахъ которыхъ могло бы послѣдовать принудительное отчужденіе. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, я признаю за этимъ взглядомъ *извѣстную долю* истины; я считаю именно, что существованіе *извѣстной части* владѣльческихъ хозяйствъ, именно тѣхъ, которыя ведутся болѣе или менѣе интенсивно и въ особенности—которыя связаны съ тѣми или другими техническими производствами, дѣйствительно полезно для страны и выгодно для окрестнаго крестьянскаго населенія. Но представители разсматриваемаго теченія идутъ въ этомъ направленіи гораздо дальше и признаютъ необходимымъ и полез-

нымъ *всякое* частное землевладѣнія и всякое владѣльческое хозяйство. Путемъ весьма подробныхъ вычисленій (какія даютъ, главнымъ образомъ, А. С. Ермоловъ и Д. И. Пестржецкій) они доказываютъ, что владѣльческія земли, благодаря лучшему хозяйству, даютъ гораздо большее количество продукта, нежели крестьянскія; что, благодаря ихъ большей производительности, эти земли, оставаясь въ рукахъ владѣльцевъ, даютъ окрестному населенію гораздо большій доходъ, въ видѣ заработковъ, чѣмъ то-же населеніе могло бы получать само, если бы получило эти земли въ надѣлъ и повело на нихъ обычное крестьянское хозяйство; они думаютъ поэтому, что переходъ владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки былъ бы не только не выгоденъ, но наоборотъ—повелъ бы къ значительному сокращенію производительности земледѣлія: количество получаемаго хлѣба сократилось бы на сотни милліоновъ пудовъ, прекратился бы вывозъ хлѣба за границу, безъ котораго Россія не можетъ обойтись, а населеніе, лишившись необходимой поддержки со стороны владѣльческаго хозяйства, оказалось бы въ еще худшемъ положеніи, нежели теперь. По убѣжденію гр. Салтыкова, уничтоженіе владѣльческаго хозяйства, связанное съ переходомъ земель въ крестьянскія руки, «грозило бы крестьянамъ не чѣмъ инымъ, какъ голодною смертью»; широкую поддержку крестьянскому хозяйству можетъ оказать прежде всего *расширеніе* хозяйства частновладѣльческаго», «единственнымъ способомъ дать приложеніе вакантнымъ нынѣ рабочимъ силамъ населенія должно быть улучшеніе положенія помѣщичьяго хозяйства, созданіе для него такихъ условій, при которыхъ явился бы расчетъ его развивать и расширять, что дастъ заработокъ свободнымъ рабочимъ силамъ крестьянъ». Ликвидація же частнаго землевладѣнія «прямо осуждаетъ на голодъ и праздность и ту часть крестьянства, которая, какъ-никакъ, а все же кормилась доселѣ, или непосредственно, всецѣло, или отчасти, около частновладѣльческаго хозяйства».

Община и міръ. Съ полнымъ единодушіемъ, затѣмъ, сторонники разсматриваемаго теченія видятъ «корень зла» въ существующихъ порядкахъ крестьянскаго землепользованія. Длинный рядъ авторовъ (Риттихъ, Никольскій, Гурко, Горемыкинъ и др.) доказываетъ, что этотъ корень зла—въ «зависимости крестьянъ отъ общины и міра» и въ неразрывно связанной съ этимъ чрезполосицѣ и длинноземельѣ, дѣлающихъ

совершенно невозможнымъ хорошее и выгодное веденіе хозяйства. «Въ заботахъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ,—говоритъ Никольскій, — мы поставили большинство послѣднихъ и весь ихъ бытъ въ такія условія, при которыхъ развитіе трудовой энергіи и увеличеніе производительности труда прямо немыслимы, особенно на томъ пространствѣ, гдѣ господствуетъ общинное землевладѣніе, которое убиваетъ всякіе стимулы для развитія такой энергіи хозяина-земледѣльца и связываетъ его по рукамъ и ногамъ». Общинное землевладѣніе «безусловно исключаетъ возможность разверстанія крестьянскихъ надѣльныхъ земель на отдѣльные хозяйственные участки и дѣлаетъ чрезполосицу неизбѣжной и неустранимой»; связывая общественниковъ обязательными для всѣхъ порядками хозяйства, «община подгоняетъ всѣхъ подъ одинъ уровень, и притомъ подъ уровень худшихъ и наименѣе способныхъ хозяевъ»; община самымъ нежелательнымъ образомъ вліяетъ даже на нравственныя качества крестьянъ, ибо вмѣсто качествъ, и желательныхъ и необходимыхъ въ свободномъ гражданинѣ, развиваетъ въ крестьянинѣ «стадность, разнуздывающую низменные инстинкты, какъ послѣдствіе того сознанія, что самъ по себѣ человѣкъ ни въ чемъ не воленъ и что «на міру и смерть красна»; нравственныя качества крестьянъ теперь по общимъ отзывамъ, ниже, чѣмъ были въ крѣпостную эпоху, потому что тогда хотя и существовала зависимость, но отъ лица часто образованнаго и культурнаго, которое не относилось безразлично къ нравственнымъ качествамъ крѣпостныхъ, какъ относится ихъ новый владыка—многоголовый, но безличный сельскій міръ» (Никольскій). Община оказывается виноватою даже въ такихъ вещахъ, какъ законъ 1886 года о семейныхъ раздѣлахъ [1]): «не даромъ,—говоритъ г. Никольскій,—законъ о семейныхъ раздѣлахъ касается только крестьянъ, имѣющихъ общинное землевладѣніе»; община, по мнѣнію г. Никольскаго, виновата и въ этомъ, хотя законъ 1886 г. выдумала не община, а чиновники, стремившіеся обуздать крестьянъ—хотя этотъ законъ подчиняетъ семейные раздѣлы не общинѣ, а произволу земскаго начальника, и хотя этотъ законъ именно потому и остался мертвою буквой, что оказался въ рѣшительномъ противорѣчіи съ взглядами, понятіями и потребностями крестьянъ.

[1]) См. лекцію 3-ю.

Таковы, въ самомъ сжатомъ изложеніи, существеннѣйшія черты того консервативнаго теченія, съ которымъ я имѣлъ въ виду познакомить своихъ слушателей и читателей. Входить въ критическое разсмотрѣніе его я здѣсь не буду: оцѣнка изложенныхъ только что взглядовъ какъ въ томъ, что въ нихъ есть явно ложнаго и подсказаннаго если не личными, то во всякомъ случаѣ классовыми интересами, такъ и въ той долѣ вѣрнаго, что можно найти въ этихъ взглядахъ, сама собой вытекаетъ изъ всего уже сказаннаго въ настоящемъ курсѣ и изъ того, что еще предстоитъ сказать въ дальнѣйшей части этой и въ слѣдующей главѣ. Я считаю нелишнимъ особо подчеркнуть только одно: что, можетъ быть, при данномъ уровнѣ культурности и гражданственности, или вѣрнѣе—некультурности нашихъ народныхъ массъ и отсутствія въ нихъ гражданственности,—можетъ быть, говорю я, то *частичное* колебаніе права земельной собственности, какое имѣли въ виду, напримѣръ, проектъ Н. Н. Кутлера или первоначальный проектъ партіи народной свободы,—иначе говоря, принудительное отчужденіе и распредѣленіе между трудовымъ крестьянствомъ той или другой *части* владѣльческихъ земель и оставленіе другой, хотя-бы незначительной части, занятой хозяйствами «культурнаго» типа (см. ниже), въ распоряженіи нынѣшнихъ владѣльцевъ, представляетъ собою такое рѣшеніе аграрнаго вопроса, которое теоретически было бы желательно, но реально не можетъ быть проведено. И, значитъ, одно изъ двухъ: либо нужно было безусловно отказаться отъ какого-бы то ни было колебанія права не-трудовой собственности земли, либо заранѣе мириться съ тѣмъ, что нетрудовая собственность или общѣе—всякое нетрудовое распоряженіе землею будетъ совершенно уничтожено, и что вмѣстѣ съ нимъ будутъ уничтожены и тѣ передовыя хозяйства, сохраненіе которыхъ отвѣчало бы общегосударственному и всенародному интересу. И еще другое. Хотя и недостаточно пока освѣщенный точными и объективными статистическими данными, опытъ почти полнаго десятилѣтія насажденія отрубовъ и хуторовъ какъ будто бы показалъ, что сторонники отрубно-хуторскихъ формъ землепользованія были не такъ уже неправы въ своихъ нападкахъ на общинную и не-общинную черезполосицу и въ тѣхъ надеждахъ, какія они возлагали на отрубно-хуторское владѣніе. Какъ ни признавать преувеличенными

восторги офиціальныхъ и офиціозныхъ хвалителей земельной политики Столыпина, едва ли можно оспаривать тотъ фактъ, что нѣкоторая часть новыхъ отрубниковъ и хуторянъ, за протекшее короткое время, успѣла сдѣлать кое-что и, можетъ быть, не мало, для улучшенія своего земледѣльческаго хозяйства, а слѣдовательно и для общаго прогресса сельскаго хозяйства въ странѣ, и для повышенія производительности земли. Полными и достаточно объективными статистическими данными обосновать только что сказанное я не могу,—это пока только нѣкоторое общее впечатлѣніе изъ всего, что приходилось слышать и читать. Но я достаточно твердо убѣжденъ, что это впечатлѣніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности. И что во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію—это то, что, *какъ политика*, земельная политика Столыпина шла, въ самомъ дѣлѣ, по тому пути, вела именно къ той политической цѣли, какую ставили себѣ Столыпинъ и его единомышленники: во вновь возникшемъ классѣ мелкихъ частныхъ собственниковъ, въ самомъ дѣлѣ, создавался консервативный классъ, которому было въ значительной мѣрѣ «по пути» съ крупными землевладѣльцами. И если бы преемникамъ Столыпина было дано еще нѣкоторое, не слишкомъ продолжительное время для того, чтобы продолжать вести политику насажденія отрубно-хуторской крестьянской единоличной собственности,—кто знаетъ, очень можетъ быть, что этимъ способомъ надолго была бы предотвращена возможность рѣшительнаго политическаго переворота или, во всякомъ случаѣ, переворотъ принялъ бы другое направленіе. Недаромъ за истекшіе 15 мѣсяцевъ такъ ярко и такъ пагубно—съ хозяйственной точки зрѣнія—проявилась ненависть къ отрубамъ и хуторамъ оставшейся въ общинѣ крестьянской массы.

Б) Соціалъ-демократическое теченіе.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію двухъ главнѣйшихъ изъ прогрессивныхъ теченій русской общественной мысли, и начну съ соціалъ-демократическаго теченія.

Въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ, которыя, какъ я выше отмѣчалъ, только и могутъ быть предметомъ разсмотрѣнія въ настоящемъ курсѣ, русская соціалъ-демократія является отзвукомъ западно-европейской, въ особенности нѣмецкой соціалъ-демократіи, а потому мнѣ необходимо начать съ обзора отношеній этой послѣдней къ аграрному вопросу.

Ортодоксальная нѣмецкая соціалъ-демократія.

Читателямъ, конечно, извѣстно, какъ соціалъ-демократическая теорія представляетъ себѣ эволюцію, общественное развитіе въ области обрабатывающей промышленности: развитіе это идетъ отъ мелкаго ремесленнаго производства, черезъ крупное капиталистическое хозяйство, къ соціализму. Мелкое хозяйство—это низшая форма, неспособная бороться съ крупнымъ капиталистическимъ производствомъ, а потому оно, силою вещей, *должно* исчезнуть, и чѣмъ скорѣе оно исчезнетъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ скорѣе совершится затѣмъ и переходъ къ соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Такъ же смотритъ такъ называемая «ортодоксальная», правовѣрная соціалъ-демократія и на эволюцію въ области землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Это было опредѣленно высказано еще въ 1869 году въ обращенномъ къ земледѣльческому населенію Женевскомъ «манифестѣ». «Не только крупный капиталъ самъ по себѣ,—читаемъ мы въ этомъ манифестѣ,—но и всѣ добытыя наукою и техникою средства (растеніеводство, химія, машины), примѣненныя въ крупномъ хозяйствѣ, неумолимо сокрушаютъ всякую конкуренцію мелкаго хозяйства». Крупное хозяйство «производитъ дешевле, лучше и больше»; поэтому, «во-1-хъ, земля для него имѣетъ большую цѣнность, и оно будетъ все больше и больше скупать вокругъ себя всѣ земли, по какимъ бы причинамъ онѣ ни продавались; во-вторыхъ, крупное хозяйство отвѣчаетъ интересамъ всего общества и становится необходимымъ условіемъ общаго блага. Поэтому, заключалъ манифестъ, мелко-крестьянскій способъ хозяйства вслѣдствіе всемогущества капитала, вліянія науки, хода дѣйствительности и интересовъ всего общества безповоротно и безпощадно обреченъ на постепенную смерть». Приблизительно въ томъ же смыслѣ высказывался Марксъ еще въ 3-мъ томѣ своего «Капитала»: мелкая собственность, по взгляду Маркса, представляетъ лишь переходный пунктъ въ развитіи земледѣлія,—къ ея неизбѣжному исчезновенію ведутъ: уничтоженіе развивающимся крупнымъ производствомъ сельской домашней промышленности, безъ которой не можетъ существовать мелкое земледѣліе; постепенное обѣдненіе и истощеніе почвы, занятой подъ мелкую культуру, и конкуренція капиталистически-ведущейся крупной сельскохозяйственной культуры.

Почти на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и посейчасъ правовѣрная, ортодоксальная соціалъ-демократія, и самый выдающійся ея представитель, Каутскій, подробно доказываетъ, что и въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ и въ обрабатывающей промышленности, всѣ преимущества на сторонѣ крупныхъ предпріятій. Эти преимущества выражаются уже въ области домоводства: крупное хозяйство имѣетъ огромную экономію на общей для большого числа людей кухнѣ, на отопленіи жилыхъ помѣщеній, на помѣщеніяхъ для скота. Оно не несетъ тѣхъ потерь: на землѣ, пропадающей подъ межниками, на сѣменахъ, попадающихъ на тѣ же межники, и т. п., какія неизбѣжно несетъ мелкое хозяйство. Но крупное хозяйство имѣетъ и гораздо болѣе важныя преимущества, и прежде всего—въ отношеніи примѣненія машинъ: въ очень мелкихъ крестьянскихъ хозяйствахъ примѣненіе ихъ и вовсе невозможно, поскольку же оно и возможно, то машина въ мелкомъ хозяйствѣ не можетъ быть такъ полно использована,—слѣдовательно, она менѣе выгодна, чѣмъ въ болѣе крупномъ. То же самое и относительно рабочаго скота, и относительно рабочей силы: и скотъ и рабочая сила въ мелкомъ хозяйствѣ используются менѣе полно, слѣдовательно, обходятся значительно дороже. Затѣмъ, дальше: только крупному хозяйству доступны выгоды раздѣленія труда, только въ крупномъ предпріятіи можно выгодно использовать, съ одной стороны, дорого оплачиваемыхъ, спеціально обученныхъ или такъ называемыхъ квалифицированныхъ рабочихъ, а съ другой—дешевую, простую рабочую силу; только крупное предпріятіе можетъ окупить расходы на содержаніе научно-образованныхъ управляющихъ и служащихъ. Далѣе—крупное предпріятіе имѣетъ всѣ преимущества въ отношеніи такихъ улучшеній земли, какъ орошеніе, осушка и т. п., въ отношеніи пользованія кредитомъ, выгодной закупки необходимыхъ матеріаловъ и выгодной продажи продукта. И, ссылаясь на извѣстныхъ спеціалистовъ по части сельскаго хозяйства, Каутскій заключаетъ такъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что современное развитіе сельскаго хозяйства дало въ руки крупнаго хозяйства оружіе науки и техники, которое позволяетъ ему, при помощи спеціально-подготовленнаго персонала, удерживать въ своихъ рукахъ превосходство».

Какъ же, при такомъ положеніи дѣлъ, можетъ существовать мелкое хозяйство, почему оно не исчезаетъ? *Его* союзники—

большее усердіе и старательность мелкаго хозяина сравнительно съ наемнымъ рабочимъ, но главное—*ограниченность потребностей* мелкаго хозяина-крестьянина. Крестьянинъ наверстываетъ на безбожной эксплуатаціи труда батраковъ, если у него таковые есть, а главное—на крайнемъ напряженіи рабочихъ силъ членовъ своей семьи, которое усиливается подъ вліяніемъ производства на рынокъ и растущей конкуренціи; чрезмѣрная эксплуатація труда дѣтей мѣшаетъ, между прочимъ, пріобрѣтенію необходимыхъ знаній,—дѣтей *не учатъ*, потому что они нужны для полевыхъ работъ. Не менѣе важное средство, при помощи котораго крестьянинъ выдерживаетъ конкуренцію,—это, какъ было упомянуто, ограниченіе потребленія: если крестьянинъ—владѣлецъ мелкаго участка работаетъ въ помѣщичьей усадьбѣ, ему еще живется сносно; гораздо хуже живется тому крестьянину, который имѣетъ полный участокъ и живетъ исключительно отъ своего хозяйства. Говорятъ, затѣмъ, что мелкое хозяйство можетъ стать въ лучшія условія, облегчить себѣ конкуренцію путемъ союза, товарищества, ассоціаціи. Но, во-первыхъ,—возражаетъ на это Каутскій, ассоціація можетъ обнять только *извѣстные* хозяйственные *моменты*: кредитъ, организацію сбыта продуктовъ, улучшенія земли, нѣкоторыя отдѣльныя производственныя операціи,—но не можетъ объединить *всего* производства, значитъ, не можетъ достазить мелкимъ производителямъ *всѣхъ* выгодъ крупнаго производства. А во-вторыхъ, и главное,—союзныя организаціи даютъ еще больше выгодъ крупнымъ сельскохозяйственнымъ предпріятіямъ; и наоборотъ—условія крестьянскаго хозяйства весьма мало благопріятствуютъ примѣненію союзной организаціи. Сельское хозяйство, по мнѣнію Каутскаго, вполнѣ доступно для полнаго обобществленія производства. Почему же такого обобществленія, и даже шаговъ къ нему, не наблюдается въ дѣйствительности? Потому, что для этого надо *отказаться отъ права собственности* на орудія производства, въ частности на землю. А разъ это такъ, значитъ, *мелкая крестьянская собственность*—важнѣйшее препятствіе къ обобществленію производства. Только «капиталистическій способъ производства создаетъ предпосылки для обобществленія производства въ крупныхъ размѣрахъ»: пролетаріатъ, обобществленіе самого производственнаго процесса, классовое противорѣчіе ме-

Возможна ли особая аграрная программа?

жду предпринимателемъ и рабочимъ. «Только побѣдоносный пролетаріатъ можетъ взять на себя иниціативу обобществленія производства и создать условія дѣйствительной возможности такого производства для крестьянъ». И отсюда совершенно ясный практическій выводъ: *соціалъ-демократія не можетъ имѣть особой аграрной программы*, не можетъ ставить себѣ задачею сохраненіе, а тѣмъ болѣе расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Крестьянинъ—не пролетарій; нечего уже говорить о нѣмецкомъ «гроссбауерѣ», владѣльцѣ крупнаго участка, обрабатывающемъ землю руками батраковъ,—это капиталистъ-предприниматель въ полномъ значеніи этого слова. Но даже и мелкій крестьянинъ, обрабатывающій землю собственными руками, тоже вѣдь *не покупатель* сельскохозяйственныхъ продуктовъ, какимъ является пролетарій, а *продавецъ* такихъ продуктовъ. Онъ, правда, часто бываетъ поставленъ въ необходимость продавать свой трудъ, наниматься на работу, и въ *этомъ* отношеніи онъ стоитъ въ одинаковыхъ условіяхъ съ пролетаріемъ. Но это далеко не дѣлаетъ его *настоящимъ* пролетаріемъ; въ мелкомъ крестьянинѣ,—говоритъ Каутскій,—живутъ двѣ души: одна *крестьянская*, другая *пролетарская*; «усиленіе первой въ интересахъ консервативныхъ партій, укрѣпленіе второй въ интересахъ пролетаріата, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ интересахъ соціальнаго движенія и самихъ крестьянъ», потому что вѣдь положеніе наемнаго работника *не хуже*, а *лучше* положенія мелкаго крестьянина. А между тѣмъ аграрная программа, обѣщающая охрану крестьянскаго землевладѣнія, убиваетъ въ крестьянинѣ пролетарскую душу,—значитъ, приводитъ не къ тому, что̀ нужно въ интересахъ соціальнаго движенія, а къ прямо противоположному. Соціалъ-демократія заинтересована, правда, въ *поднятіи личности* крестьянина; но аграрная программа обѣщаетъ не поднятіе *личности*, а охрану крестьянскаго *землевладѣнія*, т.-е. охрану тѣхъ оковъ, которыя привязываютъ крестьянина къ его нищетѣ. Задачею соціалъ-демократіи не можетъ быть ускорять процессъ капиталистическаго развитія сельскаго хозяйства, но тѣмъ болѣе не можетъ быть задерживать его; она должна стараться только ослаблять его пагубныя послѣдствія для заинтересованныхъ слоевъ сельскаго населенія, насколько это возможно безъ ущерба для общаго хода развитія сельскаго хозяйства въ желательномъ для соціалъ-демократіи направленіи. Въ *этомъ* направленіи Ка-

утскій проектируетъ, въ послѣдней части своей большой работы, цѣлую аграрную программу. Мнѣ нѣтъ надобности входить здѣсь въ изложеніе этой программы; достаточно замѣтить, что аграрная программа Каутскаго далеко отстаетъ не только отъ программы нашей партіи народной свободы, но даже отъ программъ гораздо болѣе правыхъ нашихъ и буржуазныхъ партій.

Итакъ, правовѣрная, ортодоксальная соціалъ-демократія совершенно отвергаетъ всякую аграрную программу, направленную къ расширенію и даже къ простой охранѣ крестьянскаго землевладѣнія. Однако, проводить этотъ взглядъ послѣдовательно соціалъ-демократическимъ партіямъ было очень трудно: вѣдь въ каждой изъ западно-европейскихъ странъ имѣются многіе милліоны крестьянъ; крестьяне, конечно не могутъ сочувствовать такой партіи, которая рѣшительно отказывается отъ заботъ не только о расширеніи, но даже и объ охранѣ ихъ землевладѣнія; а между тѣмъ, не получивъ опоры въ крестьянствѣ, соціалъ-демократія не можетъ достигнуть того господства, къ которому она стремится. И вотъ, появляется новое теченіе, особенно сильное среди южно-германскихъ соціалъ-демократовъ, которое выдвигаетъ *самостоятельные* крестьянскіе интересы и самостоятельныя аграрныя задачи соціалъ-демократіи. Это новое теченіе съ особенною силой проявилось на Франкфурскомъ партійномъ конгрессѣ 1894 года и нашло себѣ самое яркое выраженіе въ докладѣ одного изъ извѣстнѣйшихъ представителей южно-германской соціалъ-демократіи, Шенланка. И въ этомъ докладѣ повторяются старыя положенія объ упадкѣ и пролетаризаціи крестьянства, но въ то же время выставляется требованіе о выработкѣ особой «аграрно-политической программы», въ которую была бы включена «защита крестьянства, имѣющая цѣлью охранять интересы крестьянъ, какъ плательщиковъ податей, какъ должниковъ и *сельскихъ хозяевъ*, и облегчать имъ, съ государственною помощью, раціональное и товарищеское веденіе хозяйства»; поддерживая это предложеніе, другой южно-германскій представитель, Фольмаръ, отмѣчалъ, что «сельскохозяйственное развитіе, въ смыслѣ гибели мелкаго хозяйства, все же *не* совершилось такъ, какъ это предсказывалось соціалистами, предполагавшими быстрое поглощеніе мелкихъ владѣній крупными, раціональное хозяйство которыхъ вскорѣ получило бы

„Ревизіонистское направленіе“.

господствующее значеніе». Объясненія Фольмара и резолюція, предложенная Шенланкомъ, были приняты на Франкфуртскомъ конгрессѣ очень сочувственно, и было образовано три аграрныхъ комиссіи, которыя и должны были заняться подготовленіемъ докладовъ къ слѣдующему, Бреславльскому конгрессу. Комиссіи эти пошли чрезвычайно далеко, съ точки зрѣнія германской соціалъ-демократіи, хотя и очень недалеко съ нашей, русской, точки зрѣнія: только одна изъ нихъ, южно-германская, потребовала «раздачи государственныхъ земель въ ленное владѣніе (нѣчто въ родѣ вѣчной аренды или постояннаго пользованія) самостоятельныхъ хозяйствъ» участками такой величины, «чтобы хозяйствующая на участкѣ семья имѣла тамъ все необходимое для своего существованія»; о принудительномъ отчужденіи земель частнаго владѣнія не было и помина.

Теченіе, выразившееся въ докладѣ Фольмара и трудахъ учрежденныхъ на Франкфурскомъ конгрессѣ аграрныхъ комиссій, нашло себѣ сильный отзвукъ и въ теоретической литературѣ германской соціалъ-демократіи, въ лицѣ, главнымъ образомъ, Бернштейна и въ особенности Давида. Послѣдній посвятилъ вопросу о крупномъ и мелкомъ хозяйствѣ цѣлое большое изслѣдованіе и пришелъ къ выводамъ, прямо противоположнымъ тому, чему учила и учитъ правовѣрная соціалъ-демократія. «Мелкое производство,—говоритъ онъ,—*превосходитъ* крупное въ тѣхъ отрасляхъ, къ которымъ стремится сельское хозяйство западно-европейскихъ культурныхъ странъ, подъ вліяніемъ заокеанской конкуренціи. Этимъ,—продолжаетъ Давидъ,—мы, конечно, приходимъ въ самое рѣзкое противорѣчіе съ марксовыми предсказаніями въ области аграрныхъ отношеній, мы настаиваемъ на противоположной послѣдовательности развитія: необходимость изъ даннаго участка земли постоянно извлекать все большую массу цѣнностей требуетъ обращенія къ высшей интенсивности и содѣйствуетъ переходу къ мелкому производству». Подробнѣйшее изслѣдованіе техническихъ и экономическихъ условій сельскаго хозяйства приводитъ Давида къ тому заключенію, что «марксистское ученіе о концентраціи производства непримѣнимо къ сельскому хозяйству». «Сотрудничество или кооперація, раздѣленіе труда, машины—вотъ главныя условія, создающія большую производительность крупныхъ предпріятій въ обрабатывающей промышленности. Въ земле-

дѣліи ни одно изъ этихъ условій не имѣетъ рѣшающаго значенія». Выгоды сотрудничества и раздѣленія труда въ сельскомъ хозяйствѣ ничтожны; машины могутъ быть примѣняемы далеко не вездѣ, онѣ лишь очень немного или даже вовсе не удешевляютъ производства и совсѣмъ не вытѣсняютъ, какъ въ обрабатывающей промышлености, живого труда; въ отличіе отъ обрабатывающей промышленности, въ сельскомъ хозяйствѣ «улучшеніе машинъ—существенный, но далеко не главнѣйшій двигатель прогресса; механически-технической принципъ здѣсь не является господствующимъ принципомъ, обусловливающимъ прогрессъ; сельское хозяйство революціонизировали, преобразовали не машины, а научныя открытія», выяснившія дѣйствительную связь между почвой и растительными организмами. Между тѣмъ,—говоритъ Давидъ,—«если *технической* прогрессъ доступенъ мелкому хозяйству только въ большинствѣ случаевъ, то *научный* прогрессъ доступенъ ему всегда, безъ исключенія. Въ этомъ отношеніи крупному хозяйству приходится даже бороться противъ препятствій, которыхъ мелкое хозяйство совершенно не знаетъ. Примѣненіе всѣхъ усовершенствованій въ области питанія растеній, ухода за ними и ихъ охраненія постоянно требуетъ массы подготовленной, квалифицированной живой работы. Но откуда ее достанетъ крупное хозяйство? Оно вынуждено вести дѣло съ толпой незаинтересованныхъ наемныхъ работниковъ, очень мало поддающихся контролю, тогда какъ крестьянинъ *самъ* является своимъ собственнымъ батракомъ, безъ-устали работающимъ, заботливымъ и заинтересованнымъ работникомъ. Значеніе этой разницы между личнымъ трудомъ мелкаго собственника и трудомъ батрака въ крупномъ хозяйствѣ «увеличивается по мѣрѣ перехода хозяйства къ болѣе высокой интенсивности», и потому съ повышеніемъ послѣдней, съ являющеюся необходимостью затрачивать все больше труда на обработку извѣстной площади земли, уменьшаются и тѣ преимущества, какія прежде, можетъ быть, дѣйствительно, имѣло крупное хозяйство: «чѣмъ, поэтому, интенсивнѣе культура, тѣмъ труднѣе вести хозяйство при помощи наемныхъ работниковъ». Отсюда, между прочимъ, разница между тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ на крупное и на мелкое хозяйство заокеанская конкуренція: говоря вообще, эта послѣдняя вынуждаетъ переходъ къ болѣе интенсивному хозяйству,—но такой переходъ

гораздо труднѣе для крупнаго хозяйства, чѣмъ для мелкаго, а потому первое гораздо сильнѣе страдаетъ отъ нея, тогда какъ мелкое хозяйство приспособляется въ необходимомъ направленіи гораздо легче и потому страдаетъ гораздо меньше. Поскольку, затѣмъ, положеніе мелкаго хозяина неблагопріятно въ области товарнаго обмѣна, вытекающія отсюда неудобства устраняются товарищескою организаціей, свободное и широкое развитіе которой должно быть, по Давиду, одною изъ главныхъ задачъ соціалъ-демократіи. И конечный выводъ Давида противоположенъ выводу Каутскаго и вообще правовѣрной соціалъ-демократіи. «Интересы высшей сельскохозяйственной производительности,—говоритъ онъ,—интересы добыванія возможно большей массы продуктовъ, интересы сохраненія плодородія почвы,—все это одинаково требуетъ ускоренія развитія въ сторону мелкой формы хозяйства». И въ концѣ-концовъ, «одна изъ первыхъ насущныхъ задачъ народнаго хозяйства вообще и въ частности соціалъ-демократіи—это превращеніе крупныхъ сельскохозяйственныхъ производствъ въ мелко-крестьянскія; поддержка крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства всецѣло соотвѣтствуетъ задачамъ развитія производительныхъ силъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ она является для соціалъ-демократіи и политическою необходимостью, потому что привлеченіе массы трудового крестьянства есть неустранимое условіе для завоеванія политической власти».

Вотъ, какъ далеко идетъ разногласіе въ средѣ германской и вообще западно-европейской соціалъ-демократіи. То, что однимъ кажется бѣлымъ, другимъ представляется чернымъ, и наоборотъ. И удивляться этому нечего: вѣдь вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ крупнаго и мелкаго хозяйства—это одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ теоріи и практики сельскаго хозяйства, споръ о преимуществахъ того и другого тянется уже болѣе ста лѣтъ и до сихъ поръ еще весьма далекъ отъ своего разрѣшенія. Однако господствующимъ въ германской соціалъ-демократіи до сихъ поръ остался взглядъ Каутскаго, который нашелъ себѣ чрезвычайно авторитетную поддержку въ лицѣ ближайшаго сотрудника Маркса и признаннаго истолкователя этихъ взглядовъ, Энгельса. «Обязанность нашей партіи,—заявилъ Энгельсъ,—постоянно уяснять крестьянамъ совершенную безысходность ихъ положенія при гос-

подствѣ капитализма, совершенную невозможность удержать за ними ихъ мелкую собственность, какъ таковую, совершенную неизбѣжность того, что капиталистическое крупное производство раздавитъ ихъ немощное, устарѣвшее мелкое хозяйство такъ же, какъ желѣзнодорожный поѣздъ сокрушаетъ попавшуюся ему на пути тачку. Дѣйствуя такъ, мы будемъ дѣйствовать въ духѣ экономическаго развитія, которое уже само раскроетъ глаза крестьянамъ и сдѣлаетъ ихъ воспріимчивыми къ нашимъ словамъ». И на Бреславльскомъ съѣздѣ, которому были представлены доклады трехъ учрежденныхъ вслѣдствіе постановленія Франкфуртскаго съѣзда аграрныхъ комиссій, проектъ аграрной программы, послѣ трехдневныхъ горячихъ преній, былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ голосовъ. Было признано, что «представленный аграрною комиссіею проектъ аграрной программы подлежитъ отклоненію, такъ какъ эта программа обѣщаетъ крестьянству улучшеніе его положенія, слѣдовательно, укрѣпленіе его частной собственности»; земледѣльческая программа признается соотвѣтствующею интересамъ не пролетаріата, а его эксплуататоровъ, и всѣ государственныя мѣропріятія на пользу крестьянства, какія предлагались программой, отклоняются, какъ «снабжающія государство эксплуататоровъ новыми орудіями власти».

Русскіе соціалъ-демократы.

Такое рѣшеніе вопроса объ аграрной крестьянской программѣ совершенно соотвѣтствовало и образу мыслей русскихъ соціалъ-демократовъ. «Русскіе марксисты,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій, который самъ былъ прежде однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей марксистскаго теченія русской общественной мысли,—съ восторгомъ привѣтствовали рѣшеніе Бреславльскаго съѣзда, отвергнувшаго проектъ аграрной программы и огромнымъ большинствомъ признавшаго, что соціалъ-демократія рѣшительно отказывается отъ защиты интересовъ крестьянства, какъ такового». Русская соціалъ-демократія въ то время уже начинала сознавать всю трудность своего положенія. «Мы чувствовали,—говоритъ тотъ же Туганъ-Барановскій,—что, строго стоя на почвѣ теоріи Маркса, усматривающей въ пролетаризаціи населенія (включая сюда и крестьянство) единственный путь къ соціализму, мы, юные и убѣжденные соціалисты, рѣшительно ничего существеннаго не могли дать крестьянамъ.

Правда, мы обѣщали отстаивать гражданскія и политическія права крестьянъ, какъ и всей остальной народной массы. Мы стояли за свободу и широкую демократію во всѣхъ областяхъ народной жизни, но мы прекрасно сознавали, что все это не только должно показаться крестьянамъ недостаточнымъ, но что масса крестьянства сочтетъ всевозможныя гражданскія и политическія права чистой насмѣшкой и издѣвательствомъ надъ собой, если права эти не дадутъ мужику того, что ему нужно прежде и больше всего — земли и земли. Земли же, — продолжаетъ г. Туганъ-Барановскій,—мы обѣщать не могли, не разрывая со всѣмъ нашимъ теоретическимъ прошлымъ», не идя вразрѣзъ съ теоріей марксизма. «Бреславльская резолюція явилась для насъ огромною нравственною поддержкой. Въ согласіи съ нѣмецкою соціалъ-демократіей мы не боялись устоять на своей позиціи, какъ ни трудна она была въ практическомъ отношеніи»...

И въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ теоретиковъ русской соціалъ-демократіи не предлагалъ ничего похожаго на аграрную программу. Я уже не говорю о самомъ прямолинейномъ и послѣдовательномъ—еще недавно— сторонникѣ и пропагандистѣ взглядовъ самаго ортодоксальнаго марксизма Владимирѣ Ильинѣ, томъ самомъ, который теперь извѣстенъ подъ своимъ настоящимъ именемъ В. И. Ульянова и подъ другимъ своимъ псевдонимомъ—Н. Ленина, и который теперь, въ качествѣ главы «рабоче-крестьянскаго правительства», проводитъ земельную программу, идущую рѣшительно въ разрѣзъ со всѣми принципами марксизма и со всѣми взглядами его на нормальный (а вмѣстѣ съ тѣмъ и реальный) ходъ соціально-экономической эволюціи. Въ его извѣстной книгѣ «Развитіе капитализма въ Россіи» вся хозяйственная эволюція нашей страны, въ томъ числѣ и эволюція въ области земельныхъ и сельскохозяйственныхъ отношеній, трактуется исключительно какъ «процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности». Въ области сельскохозяйственныхъ отношеній, какъ и въ области индустріи, эта эволюція рисуется какъ неудержимое, побѣдоносное шествіе капитализма, сопровождаемое, въ средѣ самого крестьянства, быстро прогрессирующею дифференціаціею: выдѣленіемъ, въ одну сторону, верхняго, капиталистическаго слоя «землевладѣльцевъ и фермеровъ», а въ другую—нижняго,

слоя сельскаго пролетаріата, и «выщелачиваніемъ», иначе говоря, численнымъ уменьшеніемъ и, главное, обезсиленіемъ средняго слоя—настоящихъ крестьянъ, трудовыхъ земледѣльцевъ. Конечно, какъ признаетъ и самъ Вл. Ильинъ, торжествующій капитализмъ до крайности обостряетъ всѣ соціальныя противорѣчія. Но это, съ одной стороны, необходимый переходный этапъ на пути къ будущему соціализму, а съ другой—капитализмъ, въ изображеніи Вл. Ильина, создалъ—не только создаетъ, но *уже создалъ*—крупное земледѣльческое производство, далъ громадный толчокъ техническому прогрессу въ земледѣліи, и мало того—способствовалъ освобожденію личности крестьянина и разрушенію пережитковъ крѣпостного быта.

На строго-марксистской точкѣ зрѣнія стоитъ еще въ первомъ изданіи своего большого труда, вышедшемъ въ 1903 году, и самый видный въ русской экономической наукѣ представитель марксистскаго теченія, П. Масловъ. Онъ рѣшительно отвергаетъ всѣ попытки Гертца, Булгакова и др. изслѣдователей доказать жизнеспособность мелкаго хозяйства, и на основаніи подробнаго изслѣдованія настаиваетъ на существованіи стремленія, «тенденціи къ развитію производительныхъ силъ посредствомъ техническаго прогресса», для чего требуется «технически болѣе цѣлесообразная организація труда въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, организація крупныхъ предпріятій». Пора бы,—говоритъ Масловъ,—«понять, что можно защищать *крестьянина* и не защищать формы мелкаго производства, и обратно: считать крупное производство наиболѣе прогрессивной формой и не быть защитникомъ крупныхъ собственниковъ». Для Маслова первый и основной вопросъ—это вопросъ о необходимости развитія производительныхъ силъ; этою необходимостью опредѣляется и направленіе хозяйственнаго развитія, и «какая бы то ни было программа, не считающаяся съ этимъ фактомъ, будетъ или утопическою, или реакціонною». Совершенно утопическими Масловъ признаетъ, поэтому, господствовавшіе въ 70 и 80-хъ годахъ такъ называемые «народническіе взгляды» (о которыхъ я буду говорить ниже); «тогда, какъ и теперь,—говоритъ онъ, видѣли одну изъ главныхъ причинъ тяжелаго положенія населенія въ малоземельѣ; единственный выходъ при этомъ видѣли въ крестьянскомъ многоземельѣ; выходъ, казалось, былъ, и на него указывали, пока не убѣдились въ утопичности надеждъ

на возможность въ настоящее время этого выхода». По убѣжденію Маслова, выходъ совершенно иной: развитіе производительныхъ силъ должно создавать и, въ свою очередь, создаваться перераспредѣленіемъ производительныхъ силъ населенія между различными отраслями производства, въ сторону расширенія производства орудій и средствъ производства». Или проще сказать: развитіе производительныхъ силъ требуетъ пролетаризаціи, обезземеленья все большей части крестьянства и развитія, на этой основѣ, обрабатывающей промышленности,—и такая пролетаризація является необходимымъ послѣдствіемъ развитія производительныхъ силъ страны. Развитіе производительныхъ силъ *безъ* развитія обрабатывающей промышленности возможно только въ странахъ съ крайне рѣдкимъ населеніемъ и чрезвычайнымъ земельнымъ просторомъ, какъ это еще недавно было въ Америкѣ. При той густотѣ населенія, какая существуетъ уже у насъ, въ Россіи, должно наступить одно изъ двухъ: *или* развитіе обрабатывающей промышленности съ пролетаризаціей извѣстной части населенія, *или* «полная отсталость и даже паденіе производительныхъ силъ страны». Послѣднее и случилось у насъ; обрабатывающая промышленность запоздала появленіемъ, и въ *этомъ* бѣда, а не въ малоземельѣ: «въ среднемъ на душу наличнаго населенія въ Россіи приходится довольно много земли, распредѣленной болѣе благопріятно для земледѣльческаго населенія, чѣмъ въ другихъ странахъ». Бѣда въ томъ, что у насъ слишкомъ много *земледѣльческаго* населенія: «при существующихъ соціально-экономическихъ отношеніяхъ оно все не можетъ кормиться отъ земли; малоземелье создается не только распредѣленіемъ земли и продукта, но недостаточностью продукта для *всего* земледѣльческаго населенія». Наше малоземелье—это малоземелье «совсѣмъ особаго рода»; оно происходитъ оттого, что земледѣльческое населеніе составляетъ слишкомъ большую часть общаго населенія страны (а это происходитъ, очевидно, отъ недостаточнаго развитія промышленности), оттого, что засѣвается слишкомъ малая часть земли, и оттого, что урожаи слишкомъ низки. И выходъ изъ кризиса только одинъ: «перераспредѣленіе производительныхъ силъ между производствами»; такое перераспредѣленіе «повело бы къ сокращенію избыточнаго населенія, которое при существующемъ ихъ распредѣленіи оказывается излишнимъ»; чѣмъ сильнѣе развитъ обмѣнъ

между отдѣльными хозяйствами, тѣмъ сильнѣе развито раздѣленіе труда, и чѣмъ быстрѣе развитіе техническаго прогресса, тѣмъ чаще становится необходимымъ перераспредѣленіе производительныхъ силъ между отдѣльными отраслями промышленности, тѣмъ болѣе бѣдственныя послѣдствія ведетъ за собой всякое препятствіе къ передвиженію населенія изъ одной отрасли производства въ другую.

Такимъ образомъ, виднѣйшій представитель русской соціалъ-демократіи не даетъ *никакой* аграрной программы, не дѣлаетъ никакихъ предложеній, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія; такое расширеніе, съ точки зрѣнія только что изложенныхъ взглядовъ, было бы только вредно, потому что оно задерживало бы «передвиженіе населенія» отъ земледѣлія къ обрабатывающей промышленности.

Муниципализація земли.

Совсѣмъ другое мы видимъ черезъ два года, когда рѣзко выразилось крестьянское движеніе. Въ вышедшемъ въ 1905 году второмъ изданіи своей книги П. П. Масловъ проводитъ ту-же теорію развитія производительныхъ силъ, но къ ней уже придѣлана аграрная программа. Масловъ и здѣсь не задается мыслью «поддержать мелкое земледѣльческое хозяйство: хозяйственное развитіе общества,—говоритъ онъ,—приводитъ къ разрушенію все большаго и большаго числа мелкихъ хозяйствъ и къ превращенію части ихъ въ крупныя», или, говоря проще, къ такой же концентраціи сельскохозяйственнаго производства, какая имѣетъ мѣсто въ обрабатывающей промышленности. Но *пролетаризація*, т.-е. переходъ крестьянъ въ составъ рабочаго класса,—одно, а *пауперизація*, т.-е. обнищаніе крестьянства,—совсѣмъ другое: «чѣмъ больше нужда въ землѣ, тѣмъ больше у крестьянъ стремленіе къ «уравнительному» землепользованію, и обратно, болѣе обезпеченное землею населеніе гораздо болѣе дифференцировано»; или, говоря проще, въ малоземельныхъ мѣстностяхъ земля разравнивается между всѣми, и всѣ одинаково нищи, въ многоземельныхъ идетъ именно то, что, съ точки зрѣнія г. Маслова, является желательнымъ: пролетаризація одной части населенія и образованіе, въ рукахъ другой, болѣе крупнаго хозяйства. Чтобы облегчить такую дифференціацію, такое разслоеніе крестьянства на предпринимателей и пролетаріевъ, и нужна земельная реформа: «уменьшеніе или уничтоженіе платежей по

«голодной» арендѣ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія дадутъ не только толчокъ хозяйственному развитію деревни и разслоенію ея населенія, уничтожатъ пережитки крѣпостного права, но и ослабятъ ту конкуренцію полухозяевъ и полурабочихъ, которая понижаетъ заработную плату и въ городѣ и въ деревнѣ». Съ *этой* точки зрѣнія Масловъ сочувствуетъ тому расширенію крестьянскаго землевладѣнія, какого требуютъ всѣ прогрессивныя группы. Но ожидать отъ такого расширенія поднятія благосостоянія низшихъ слоевъ крестьянства онъ считаетъ невозможнымъ: «безхозяйная группа населенія ничего не выиграетъ, ибо даже рента съ земли будетъ цѣликомъ получаться тѣми, кто ведетъ хозяйство». Съ другой стороны, «раздѣлъ земли между общинами, создавая многіе милліоны мелкихъ земельныхъ собственниковъ-общинниковъ, затруднитъ мобилизацію землепользованія, развитіе хозяйства и можетъ создать политическій и экономическій застой»; при передачѣ земли въ руки общинъ замедлится сосредоточеніе земли въ рукахъ верхняго слоя земледѣльческаго населенія, задержится и пролетаризація массъ. Выходъ отсюда одинъ: «расширеніе *общественнаго* земельнаго фонда на счетъ крупнаго частнаго землевладѣнія», съ обращеніемъ земельной ренты въ доходъ областныхъ демократическихъ организацій. *Какъ* будетъ использованъ этими организаціями земельный доходъ,—«это рѣшается борьбою различныхъ группъ, составляющихъ населеніе области». *Какъ* будетъ распредѣляться земля, что съ нею сдѣлаютъ мѣстныя демократическія организаціи,—на этотъ вопросъ Масловъ вовсе не даетъ опредѣленнаго отвѣта. Но во всякомъ случаѣ такая «передача земельнаго фонда, которымъ расширится крестьянское землепользованіе, въ распоряженіе областныхъ организацій является наиболѣе раціональною», наиболѣе правильною «съ точки зрѣнія тѣхъ, кто не можетъ непосредственно воспользоваться этою землей».

Здѣсь, мы видимъ, выражена та мысль о «муниципализаціи» земли, которую П. П. Маслову удалось, вскорѣ послѣ того, провести, хотя и съ большими оговорками, совершенно изуродовавшими эту мысль, въ резолюціи такъ называемаго «объединительнаго» съѣзда соціалъ-демократической партіи. Разсматривать эти резолюціи, какъ и вообще тѣ программные и тактическіе оттѣнки, которые боролись и продолжаютъ бороться въ

средѣ этой партіи, я не буду: *это* уже область *текущей практической политики*, изученіе которой совершенно не входитъ въ задачи нашего курса. Но и оставаясь въ предѣлахъ изложеннаго, я не могу не замѣтить, что даже самая идея муниципализаціи не представляется особенно ясною: *что такое* эта муниципализація? что, въ дѣйствительности, кроется подъ этимъ красивымъ, но весьма неяснымъ названіемъ? По мнѣнію Туганъ-Барановскаго, муниципализація, т.-е. передача земли въ вѣдѣніе демократическаго самоуправленія, непремѣнно приведетъ къ тому, что земля, въ главной своей массѣ, перейдетъ въ руки трудовыхъ земледѣльцевъ: «никакъ нельзя предположить,—говоритъ онъ,—чтобы г. Масловъ серьезно имѣлъ въ виду оставить экспропріированную (у частныхъ владѣльцевъ) землю въ арендномъ пользованіи крупныхъ капиталистическихъ хозяйствъ». Но едва ли г. Туганъ-Барановскій въ этомъ случаѣ правъ. Въ своихъ агитаціонныхъ «платформахъ» с.-д. партія обѣщаетъ, правда, крестьянству поддержку *всѣхъ* революціонныхъ выступленій, до полной конфискаціи всѣхъ владѣльческихъ земель. Но самъ Масловъ смотритъ на дѣло иначе; «крупныя конфискованныя имѣнія,—говоритъ онъ,—перейдя въ собственность демократическаго самоуправленія, будутъ эксплуатироваться *въ большинствѣ случаевъ капиталистами* за платежъ аренды»; преимущество муниципализаціи г. Масловъ видитъ именно въ томъ, что она «устранитъ необходимость варварской расправы съ хорошо поставленными крупными хозяйствами», т.-е. уничтоженія ихъ, и «путемъ экспропріаціи земельной собственности дастъ возможность использовать техническія пріобрѣтенія этихъ хозяйствъ въ интересахъ всего населенія». Передать мелкимъ земледѣльцамъ Масловъ предполагаетъ только тѣ земли, «на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство (т.-е. арендуемыя крестьянами!), или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодья».

Такъ было въ 1906 году. Такъ осталось и сейчасъ. Съ одной стороны, то лѣвое крыло соціалъ-демократической партіи, такъ называемые «большевики», нынѣ принявшіе названіе «коммунистовъ», оказались въ такомъ положеніи, что могутъ не только *обѣщать*, но и въ самомъ дѣлѣ *оказывать* крестьянству поддержку всѣхъ революціонныхъ выступленій, до полной конфискаціи всѣхъ владѣльческихъ земель,—оказывать ее не только въ порядкѣ «не-

противленія», но и путемъ изданія актовъ законодательнаго характера, идущихъ навстрѣчу захватнымъ поползновеніямъ крестьянства, и даже толкающихъ его по этому пути; актовъ не только поощряющихъ къ захватамъ и раздѣлу владѣльческихъ земель, но направленныхъ къ прямому уничтоженію крупно-капиталистическихъ владѣній и хозяйствъ и къ изгнанію всѣхъ людей, причастныхъ къ крупно-капиталистическому владѣнію и хозяйству. Уже черезъ два дня послѣ октябрьскаго переворота издается «законъ о землѣ», первая статья котораго гласитъ: «помѣщичья собственность на землю отмѣняется немедленно и безъ всякаго выкупа», а четвертая санкціонируетъ и возводитъ на степень закона «крестьянскій наказъ», выработанный чисто-эсеровскимъ составомъ совѣта крестьянскихъ депутатовъ; наказъ, по силѣ котораго «право пользованія землею получаютъ всѣ граждане безъ различія пола, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать»; по силѣ котораго «землепользованіе должно быть уравнительнымъ», «распредѣленіемъ ея между трудящимися завѣдуютъ мѣстныя и центральныя самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая центральными областными учрежденіями», и «земельный фондъ подвергается періодическимъ передѣламъ въ зависимости отъ роста населенія и поднятія производительности и культуры сельскаго хозяйства». Тѣ же—въ существѣ—положенія, лишь въ чрезвычайно осложненномъ и запутанномъ видѣ, проводятся въ нѣсколько позднѣе изданномъ «основномъ законѣ о соціализаціи земли», а всего за нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ я пишу эти строки, издается «временная инструкція переходныхъ мѣръ (sic!) по проведенію въ жизнь» этого закона, первая статья которой возлагаетъ на земельные отдѣлы мѣстныхъ совѣтовъ обязанность «въ цѣляхъ закрѣпленія завоеванія трудового народа немедленно выселить всѣхъ бывшихъ помѣщиковъ, довѣренныхъ и нетрудовыхъ арендаторовъ изъ имѣній и взять послѣднія въ свое вѣдѣніе». Съ другой стороны, изъ среды той же соціалъ-демократической партіи выдѣляется теченіе, которое еще болѣе, нежели П. П. Масловъ въ его теоретическихъ соображеніяхъ, становится на защиту если не крупной земельной собственности, то ка-

питалистическаго владѣнія и хозяйства и желаетъ *именно его* использовать въ цѣляхъ соціализаціи сельскохозяйственнаго производства. Я имѣю въ виду то теченіе, представителемъ котораго является Н. В. Валентиновъ, на взглядахъ котораго я долженъ нѣсколько подробнѣе остановиться. Валентиновъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отбрасываетъ офиціально-принятую партіею схему «муниципализаціи»: «какъ методъ расширенія крестьянскаго землепользованія,—справедливо замѣчаетъ онъ,—муниципализація земли плохо усваивается (да и *не можетъ*, замѣчу отъ себя, усваиваться) с.-д. интеллигенціею, не раздѣляется рабочимъ классомъ и совершенно отвергается крестьянствомъ» и крестьяниномъ, который—конечно!—отходящею отъ помѣщиковъ землею хочетъ «распоряжаться самъ, въ крайнемъ случаѣ община, но отнюдь не земство, не «крупные органы самоуправленія, объединяющіе сельскіе и городскіе округа», какъ того требуетъ созданная Масловымъ офиціальная партійная программа. Въ самой рѣшительной формѣ Валентиновъ настаиваетъ на важномъ народно-хозяйственномъ значеніи крупно-капиталистическихъ хозяйствъ, и не только тѣхъ «культурно-капиталистическихъ» хозяйствъ (о нихъ см. ниже), которыя по моей схемѣ (а равно по вырабатывавшемуся при моемъ участіи проекту Н. Н. Кутлера и первоначальному проекту партіи народной свободы) подлежали-бы изъятію отъ принудительнаго отчужденія, но и всѣхъ вообще тѣхъ, урожайность которыхъ превышаетъ урожайность крестьянскихъ земель вдвое и больше, а трудоёмкость—не менѣе чѣмъ на 25—50%; мало того—даже «по своему качеству и низшихъ». Его исходная точка—современное положеніе продовольственнаго дѣла, когда «питаніе городовъ и недопроизводящихъ хлѣбъ губерній находится подъ страшною угрозой, въ зависимости отъ того, хотятъ или не хотятъ давать хлѣбъ крестьяне»; когда послѣдніе «придерживаютъ или, попросту говоря, не даютъ хлѣба», и послѣдній «можно извлечь изъ крестьянскихъ хозяйствъ лишь цѣною «слезныхъ вымаливаній»,—а между тѣмъ «помѣщичьи экономіи находятся въ полной мѣрѣ въ сферѣ дѣйствія принудительной силы государства»; онѣ «и сейчасъ, и въ ближайшее время являются и могутъ быть довольно значительными резервуарами, питающими и армію, и города». Попавъ уже сейчасъ подъ воздѣйствіе государственной власти, «помѣщичьи хозяйства, силою требованій, поставленныхъ

войною государственному организму, находятся въ положеніи *обобществленія*, т.-е. служатъ общественнымъ цѣлямъ, подчиняясь вѣдѣнію, планамъ и контролю государственной власти и мѣстныхъ органовъ общественнаго управленія и снабженія». По этому пути, полагаетъ Н. В. Валентиновъ—и по моему убѣжденію совершенно справедливо—должна пойти «новая власть, созданная революціей»: не задаваясь «утопическою идеей націонализаціи *всей* земли по доморощенному русскому представленію», она «должна сдѣлать помѣщичье хозяйство органомъ, обслуживающимъ общественныя цѣли и интересы государственнаго организма». Съ этой точки зрѣнія, «устраненію подлежитъ не «владѣлецъ», организаторъ хозяйства, а его безконтрольное право собственности»; государство должно оставить владѣльцевъ вести заведенное и организованное ими хозяйство, и только взять въ общественную пользу земельную ренту,—въ такомъ случаѣ, въ полной мѣрѣ и единственнымъ практически осуществимымъ способомъ будетъ достигнута «націонализація помѣщичьей земли въ предѣлахъ права,—иными словами, силы, созданной опредѣленнымъ соотношеніемъ классовыхъ силъ во время революціи».

В) Народническое теченіе.

Перехожу теперь къ обзору того теченія, которое удобнѣе всего будетъ назвать *народническимъ*; повторяю еще разъ—я буду говорить не о какихъ-нибудь партіяхъ, въ родѣ с.-р., н. с., трудовой группы и т. п.; я буду говорить о *цѣломъ, широкомъ общественномъ теченіи*, которое ведетъ свое начало отъ Чернышевскаго, теперь же воплотилось, въ *болѣе* или *менѣе* полной мѣрѣ, въ программахъ цѣлаго ряда политическихъ партій: с.-р., н. с. и т. д. Въ литературѣ это теченіе представлено Пѣшехоновымъ, Качоровскимъ, Туганъ-Барановскимъ и многими другими.

Конечно, въ *основной* своей сущности стремленія народниковъ имѣютъ очень много общаго съ стремленіями соціалъ-демократовъ: «народники и марксисты боролись и умирали за одно и то же, имѣли одну и ту же соціальную вѣру, и потому споръ ихъ былъ споромъ братьевъ-соратниковъ, а не враговъ» (Туганъ-Барановскій). Однако, вѣдь и въ жизни бываетъ, что братья ненавидятъ другъ друга такъ, какъ они не навидятъ никого изъ постороннихъ; и вражда между народниками и марксистами была, пожалуй, болѣе лютая, чѣмъ вражда тѣхъ и другихъ къ представителямъ совсѣмъ постороннихъ, враждебныхъ *по существу*

теченій. Вражда эта не затихла и до сихъ поръ. А между тѣмъ жизнь, какъ правильно замѣчаетъ М. И. Туганъ-Барановскій, ведетъ къ примиренію между обоими теченіями. Она показываетъ, что въ области развитія обрабатывающей промышленности были ближе къ истинѣ соціалъ-демократы. Но зато «та же жизнь доказала, что въ области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическимъ помѣщичьимъ хозяйствомъ не наблюдается; наоборотъ, крестьянское хозяйство вытѣсняетъ капиталистическое. Точно такъ же и община (гибель которой пророчествовали марксисты!) не только не исчезла подъ вліяніемъ проникновенія въ деревню товарнаго хозяйства, но обнаружила большую устойчивость и способность къ дальнѣйшему развитію».

Его теоретическое обоснованіе.

Вообще, въ области аграрныхъ отношеній «народники оказались правы, настаивая на своеобразіи русскихъ экономическихъ отношеній и русскаго экономическаго развитія», потому что, вообще, аграрныя отношенія и аграрное развитіе «не укладываются ни въ какой общій типъ и въ высшей степени индивидуальны и своеобразны: въ различныхъ странахъ наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія всевозможныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства». Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что и русскія аграрныя отношенія, и русское аграрное развитіе весьма своеобразны и не похожи на такія же отношенія и развитіе другихъ странъ». Въ частности, земельный вопросъ у насъ «выдвинутъ не книгой, а самою жизнью, мужикомъ, неспособнымъ, при крайне низкомъ уровнѣ земледѣльческой техники, гнетѣ налоговъ и всевозможнаго безправія, обезпечить себѣ существованіе работой на своемъ надѣлѣ, который онъ получилъ при своемъ освобожденіи и который съ тѣхъ поръ такъ сильно уменьшился, благодаря приросту населенія». И, вытекая изъ всей совокупности условій, «русское крестьянское движеніе необходимо должно было принять форму требованій *націонализаціи земли*», въ чемъ, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, заключается и его самая существенная особенность, и міровое значеніе, «какъ предвѣстника окончательнаго торжества международнаго соціализма». Условія русской жизни,—говоритъ Туганъ-Барановскій,—«не могли вселить крестьянину уваженія къ институту частнаго землевладѣнія. Еще не такъ давно, пока не закончился процессъ коло-

низаціи Европейской Россіи, земли имѣлось въ изобиліи, и крестьянинъ, какъ еще на нашихъ глазахъ въ Сибири, имѣлъ передъ собой, дѣйствительно, «ничью», свободную, незанятую землю. Огромные государственные и частновладѣльческіе лѣса въ лѣсныхъ районахъ Россіи почти не эксплуатировались, и населеніе свыклось съ мыслью, что каждый можетъ пользоваться лѣсомъ въ мѣру своихъ потребностей. Такъ обстояло дѣло многія сотни лѣтъ; въ это время сложилось въ законченныя формы и укоренилось трудовое правосознаніе русскаго народа, свойственное каждому народу на первыхъ ступеняхъ его развитія, пока между трудящимся человѣкомъ и окружающей его природой не стоитъ земельный собственникъ». «Условія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства были, правда, мало благопріятны для сохраненія трудового права въ его чистотѣ; но еще менѣе они могли внушить крестьянину уваженіе къ принципу частнаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи имѣетъ чрезвычайно важное значеніе то обстоятельство, что наше крестьянство, въ своей массѣ, не можетъ существовать трудомъ на своей собственной землѣ, а должно или пріарендовывать землю на сторонѣ, или же работать по найму на землѣ помѣщика, и то и другое—на крайне тяжелыхъ условіяхъ. Неудивительно поэтому, что условія пореформеннаго хозяйства пріучили крестьянина видѣть въ крупномъ земельномъ собственникѣ своего главнаго врага». Въ концѣ-концовъ, «психика русскаго крестьянина заключаетъ въ себѣ нѣчто своеобразное и рѣзко отличается какъ отъ пролетарской, такъ и отъ крестьянской психики Запада. *Нашъ* крестьянинъ далеко не пролетарій, и идеалы его не пролетарскіе и не соціалистическіе. У него есть свое хозяйство, которое онъ страстно любитъ и съ которымъ онъ разстанется только подъ давленіемъ крайней необходимости». Психика нашего мужика «не есть пролетарская психика, но это и не психика западно-европейскаго хозяйственнаго крестьянина. Мечтой, но мечтой несбыточной, нашего крестьянина является свое, зажиточное самостоятельное хозяйство. Для этого у него имѣются рабочія силы, но не имѣется самаго главнаго—земли. Земли у него мало. Понятно, что земля и явилась важнѣйшимъ экономическимъ требованіемъ народныхъ массъ». И на ряду со всѣми указанными условіями г. Туганъ-Барановскій приписываетъ огромное значеніе воздѣйствію русской интеллигенціи. Эта послѣдняя

«представляетъ собой огромную духовную силу, значеніе которой не идетъ ни въ какое сравненіе съ небольшою численностью этой общественной группы. Русская соціалистическая интеллигенція ведетъ борьбу за народные интересы уже много десятилѣтій», она «является духовнымъ вождемъ борющагося народа и указываетъ ему ближайшія цѣли и способы борьбы». И если «со стихійными вспышками крестьянскаго гнѣва правительство справилось бы безъ труда, какъ оно справилось въ свое время съ неизмѣримо болѣе мощными крестьянскими возстаніями Разина и Пугачова», то «народныя массы съ интеллигенціею во главѣ представляютъ собой несравненно болѣе грозную силу».

Почти такъ же представляетъ себѣ дѣло и К. Р. Качоровскій—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ экономическаго положенія и земельныхъ распорядковъ русскаго крестьянства. Онъ только останавливаетъ особое вниманіе на особенностяхъ историческаго развитія русскаго общества и народа. На Западѣ огромное вліяніе оказало, въ свое время, и продолжаетъ оказывать римское право; вмѣстѣ съ римскою культурою оно постепенно проникло и въ народныя массы, «вытравляя изъ послѣднихъ первобытныя начала трудового союзнаго обычая и правосознанія»; на Западѣ сложился сильный средній классъ, и въ самомъ крестьянствѣ успѣли развиться собственническія понятія и собственническіе вкусы. Напротивъ, въ Россіи всегда существовала и посейчасъ осталась глубокая пропасть между верхами русскаго общества и народными массами, между «господами» и народомъ. Только верхи кое-какъ усвоили западно-европейскую культуру, а низы «такъ и остались при своемъ первобытномъ строѣ, при своемъ союзно-трудовомъ бытѣ». И когда пришло время «распаденія цѣпей крѣпостныхъ, то вскрылось въ Россіи огромное внутреннее противорѣчіе, открылась огромная пропасть между той культурой, которая была мало-по-малу перенята у Запада узкою чиновно-дворянскою вершиною русской соціальной пирамиды, и той первобытной культурой, при которой осталось придавленное въ низахъ пирамиды, только что раскрѣпощенное кростьянство». Съ другой стороны, и правительство постоянно колебалось между желаніемъ поддержать возможную неприкосновенность «патріархальнаго» крестьянскаго быта, въ которомъ по недоразумѣнію видѣли консервативное начало, опору самодержавно-бюрократическаго строя, и тѣмъ, что̀ было бы единственно цѣлесообраз-

нымъ съ точки зрѣнія интересовъ командующихъ классовъ: насажденіемъ всѣми способами началъ индивидуализма, созданіемъ массы между собой не связанныхъ, мелкихъ и мельчайшихъ землевладѣльцевъ», т.-е. той политикой, которой держится современное правительство и которая такъ рѣзко выразилась въ указахъ 9 и 15 ноября 1906 года и въ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій. Эта «двойственная и нерѣшительная политическая игра оказалась крайне неудачной для бюрократіи и вообще для командующихъ классовъ: повидимому, для нихъ въ результатѣ получились всѣ минусы и ни одного плюса». Но эта неустойчивость пореформенной правительственной политики имѣла огромное значеніе: «для длиннаго историческаго періода государство сочло для себя выгоднымъ не трогать эти первобытные обычаи и дало пустить имъ такіе глубокіе и прочные корни, что эти обычаи продолжаютъ расти и питаться даже тогда, когда бюрократическое государство уже сочло ихъ подозрительными, опасными, нежелательными»... Благодаря именно этой нерѣшительной политикѣ, въ народѣ уцѣлѣли основы стараго народнаго обычнаго права—*трудового* права, которое слагается изъ двухъ существенно важныхъ началъ: *права затраченнаго труда и права на трудъ;* съ одной стороны, *права каждаго трудившагося* воспользоваться плодами своего труда, съ другой—*права каждаго желающаго трудиться* на необходимыя ему орудія производства, въ особенности на необходимую для этого землю. Право труда и право на трудъ—по существу очень разныя вещи: право затраченнаго труда ведетъ къ обособленію землевладѣнія, ибо затратившій трудъ на обработку земли стремится сдѣлать землю своею; право на трудъ ведетъ, напротивъ, къ уравненію землепользованія, къ развитію общиннаго духа и общинныхъ порядковъ. Но *оба* они, и право труда, и право на трудъ, одинаково враждебны помѣстному или капиталистическому землевладѣнію. «Право труда говоритъ, что владѣльцы-капиталисты не обрабатываютъ сами земли, а потому не имѣютъ права ни на нее, ни на ея продуктъ, а имѣютъ право тѣ, кто ее обрабатываетъ. Право на трудъ заявляетъ, что капиталистическая земельная собственность нарушаетъ равномѣрность распредѣленія между людьми основного, необходимаго для ихъ жизни, блага, и требуетъ уравнительнаго его распредѣленія сообразно равному праву всѣхъ людей».

Оцѣнка крестьянскаго и владѣльческаго хозяйства.

Но вѣдь всѣхъ этихъ положеній не отрицаютъ, конечно, и соціалъ-демократы... Если они отвергаютъ особую крестьянскую программу, если ихъ теорія не требуетъ уничтоженія крупнаго частнаго землевладѣнія, то только потому, что они считаютъ крупное владѣльческое хозяйство полезнымъ и необходимымъ съ точки зрѣнія развитія производительныхъ силъ страны. Представители народническихъ теченій и съ этой точки зрѣнія отвергаютъ право на существованіе крупнаго землевладѣнія и частновладѣльческаго хозяйства. Подробнѣйшей разработкѣ данный вопросъ подвергся въ работахъ ряда представителей русской экономической науки, идейно близкихъ народническому теченію—назову изъ нихъ хотя бы Н. А. Булгакова, В. А. Косинскаго, Н. И. Огановскаго, въ самое послѣднее время А. В. Чаянова и А. Н. Челинцева. Они цѣликомъ берутъ всю совокупность аргументовъ, подробнѣйшимъ образомъ развитыхъ у Давида, иногда даже чрезмѣрно утрируя тѣ или другіе изъ этихъ аргументовъ, доводя ихъ почти-что до абсурда, и слишкомъ уже просто расправляясь даже съ несомнѣнными преимуществами культурно-капиталистическаго владѣнія и хозяйства. Съ своей стороны, въ добавокъ къ этимъ аргументамъ и въ противовѣсъ капиталистическому принципу максимальнаго *чистаго* дохода (равносильнымъ ему у Маслова является принципъ «производительности *труда*») они выдвигаютъ принципъ производительности *земли*,—максимумъ *валового* дохода, или проще—максимумъ продукта, длительнымъ образомъ (т.-е. безъ истощенія земли) получаемаго съ единицы земельной площади; выдвигаютъ народный взглядъ на землю, не какъ на простое средство производства, а тѣмъ болѣе не какъ на простой источникъ чистаго дохода, а какъ на *кормилицу*, которая должна, прежде всего, прокормить возможно большее количество людей и дать приложеніе возможно большей массѣ человѣческаго труда. А такой взглядъ, естественно, приводитъ къ безусловно благопріятнымъ для крестьянскаго трудового и неблагопріятнымъ для крупно-капиталистическаго хозяйства заключеніямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ теоретическій анализъ экономической сущности того и другого типа хозяйства. Цѣль капиталистическаго хозяйства, конечно,—полученіе земельной ренты и «обычной» прибыли на затраченный основной и оборотный капиталъ; цѣль

хозяйствующаго трудового крестьянина—выработать необходимыя средства существованія и найти возможно полное приложеніе для своего труда. Поэтому, капиталистическій предприниматель или землевладѣлецъ, ведущій хозяйство на капиталистическихъ основаніяхъ, не будетъ дѣлать затратъ, въ томъ числѣ затратъ на оплату наемнаго труда, если онѣ обѣщаютъ *только* окупиться и *не* обѣщаютъ ему нормальной прибыли и ренты; онъ, значитъ, не будетъ обрабатывать такой земли, которая, по своему плохому качеству, не обѣщаетъ дать ему достаточнаго дохода, не будетъ дѣлать такихъ, связаныхъ съ интенсификаціей хозяйства, добавочныхъ затратъ, которыя не обѣщаютъ ему прибыли на эти добавочныя затраты. Крестьянинъ конечно, тоже не прочь заработать больше. Но онъ не разсчитываетъ прибыли; онъ радъ будетъ заработать и половину, и четверть нормальной прибыли, обойдется и совсѣмъ безъ всякой прибыли, лишь бы результатъ его трудовыхъ затратъ оплатилъ затраченный трудъ; при извѣстныхъ условіяхъ (если нѣтъ сподручныхъ стороннихъ заработковъ) онъ согласится работать и «себѣ въ убытокъ», по пониженной оцѣнкѣ затраченнаго труда, — ему все жъ выгоднѣе приложить свой трудъ въ своемъ хозяйствѣ, чѣмъ оставить его вовсе не использованнымъ—«лежать на печи», или идти работать въ люди. Вотъ почему крестьянинъ м о ж е т ъ обработать худшія по качеству или менѣе выгодно расположенныя земли, не обѣщающія капиталисту прибыли, м о ж е т ъ дѣлать не обѣщающія прибыли добавочныя затраты и, слѣдовательно, доводить обработку земли до гораздо болѣе высокой степени интенсифика, ціи, чѣмъ капиталистическій хозяинъ,—*можетъ*, слѣдовательно съ данной площади получать большую массу продукта и большій валовой доходъ; можетъ именно потому, что онъ не гоняется за прибылью, за чистымъ доходомъ; потому, что онъ не останавливается и передъ такими добавочными затратами труда, которыя, въ силу такъ называемаго закона уменьшающейся производительности земли, или точнѣе — закона пониженія производительности послѣдовательныхъ затратъ труда и капитала въ земледѣліи, уже не будутъ обѣщать прибыли и ренты, но позволятъ трудовому земледѣльцу приложить и хотя бы частью окупить свой трудъ. И вотъ, на основаніи всей совокупности этихъ соображеній, ученые и публицисты народни-

ческаго направленія приходятъ къ заключенію, что «крестьянское предпріятіе оказывается вполнѣ жизнеспособною, сильною формой предпріятія, способной вынести невзгоды экономической жизни *лучше*,—не только такъ же хорошо, но даже лучше!—чѣмъ капиталистическое предпріятіе, и притомъ формою, способною усвоить самую совершенную технику, самые лучшіе способы веденія хозяйства и обработки земли» (Косинскій). Они думаютъ, что, «передвигая землю въ руки трудящихся массъ, мы не только не насилуемъ жизни, а наоборотъ, дѣйствуемъ въ полномъ согласіи съ законами ея развитія, а слѣдовательно, и въ интересахъ цѣлаго общества» (тоже). За владѣльческимъ хозяйствомъ и крупнымъ землевладѣніемъ представители народническихъ теченій не признаютъ *никакого* положительнаго значенія. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія соціальной справедливости «именно крупная земельная собственность есть самый несправедливый видъ собственности, такъ какъ вся она выросла на крови и насиліи. Сильные люди обратили въ рабство земледѣльца и захватили его землю. Въ теченіе многихъ поколѣній земледѣлецъ оставался простымъ рабочимъ скотомъ своихъ господъ, жившихъ въ роскоши и довольствѣ, ничего не дѣлая, на счетъ того, чьимъ удѣломъ была нищета и непрерывный трудъ» (Туганъ-Барановскій). Но то-же и съ хозяйственной точки зрѣнія: въ то время, какъ «капиталисты-предприниматели, какъ классъ, отнюдь не могутъ признаваться непроизводительнымъ общественнымъ элементомъ», ибо «руководительство хозяйственнымъ предпріятіемъ есть чрезвычайно важное и отвѣтственное хозяйственное дѣло», и «искусный и ловкій предприниматель несомнѣнно увеличиваетъ своею дѣятельностью общую сумму національнаго богатства»,—землевладѣлецъ, «отношеніе котораго къ землѣ выражается лишь взиманіемъ тяжелой дани съ земледѣльца, никакого участія въ созданіи національнаго дохода не принимаетъ и является, съ хозяйственной точки зрѣнія, трутнемъ, живущимъ медомъ, собраннымъ рабочею пчелой». Поэтому и «коренная земельная реформа можетъ быть произведена безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства», по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, если владѣльцы не ведутъ хозяйства за свой счетъ, а земля состоитъ въ арендѣ у крестьянъ: «если бы земля перешла отъ крупныхъ собственниковъ всему народу, государству, то она могла бы попрежнему

оставаться въ пользованіи отдѣльныхъ земледѣльцевъ, и форма земледѣльческаго предпріятія, способъ земледѣльческаго производства нисколько бы не измѣнился».

Но вѣдь въ крестьянской арендѣ состоитъ далеко не вся владѣльческая земля. Есть имѣнія, и даже не мало, гдѣ ведется хозяйство за счетъ владѣльцевъ,—значитъ, хозяйство капиталистическое. Не составитъ ли уничтоженіе *такихъ* хозяйствъ потери въ культурно-экономическомъ отношеніи? Большая часть приверженцевъ разсматриваемаго направленія совершенно не останавливается на этомъ вопросѣ, считая его, очевидно, предрѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ и даже не заслуживающимъ особаго разсмотрѣнія. Другіе успокаиваются на томъ что «законъ развитія въ области сельскаго хозяйства другой, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности: въ сельскомъ хозяйствѣ замѣчается раскапитализированіе производства, совершенно обратно тому, что имѣетъ мѣсто въ обрабатывающей промышленности»; что «области съ наиболѣе интенсивнымъ хозяйствомъ являются областями съ преобладающимъ крестьянскимъ хозяйствомъ: съ ростомъ интенсивности хозяйства земледѣліе мельчаетъ, и раскапитализированіе, переходъ къ мелкому трудовому хозяйству становится тѣмъ рѣшительнѣе» (Косинскій). Что касается, въ частности, до *русскаго* владѣльческаго хозяйства, то за нимъ не признается рѣшительно *никакихъ* заслугъ и никакого права на существованіе, даже съ производственной точки зрѣнія: сущность его сводится исключительно къ эксплуатаціи крестьянской нужды путемъ кабальной аренды и кабальнаго найма, и чѣмъ скорѣе оно покончитъ свое существованіе, тѣмъ будетъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ производственномъ. И какъ подробно развиваетъ А. В. Пѣшехоновъ, самое существованіе помѣщичьяго хозяйства, само по себѣ не принося никакой пользы, до крайности затрудняетъ существованіе крестьянскаго хозяйства: «направленіе,—говоритъ Пѣшехоновъ,—въ которомъ можетъ развиваться крестьянское хозяйство, далеко не совпадаетъ съ тенденціями, какія можетъ проявлять хозяйство частновладѣльческое. Частный предприниматель заинтересованъ лишь въ размѣрахъ разницы между валовымъ доходомъ и издержками производства; *сколько людей* кормится отъ земли, и какъ кормится, для него безразлично. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ хозяйство, ведущееся на счетъ

самихъ трудящихся. Его существованіе неразрывно связано съ людьми, которые въ немъ работаютъ и отъ него кормятся. Сокращеніе затратъ на рабочую силу для него не только не имѣетъ смысла, но идетъ въ разрѣзъ съ его основными задачами»; *его* задача—удовлетвореніе потребностей крестьянской семьи, а потому «развиваться оно можетъ только въ одномъ направленіи, увеличивая общую массу производимыхъ продуктовъ. Въ этомъ отношеніи его интересы никогда не могутъ притти въ противорѣчіе съ интересами всего общества. Это крупное, съ общественной точки зрѣнія, преимущество крестьянскаго хозяйства является, однако, слабымъ пунктомъ въ его борьбѣ съ капиталистическимъ хозяйствомъ. Возможность для послѣдняго пользоваться всѣми техническими и общественными условіями, чтобы сокращать свои затраты на рабочую силу, даетъ ему крупное преимущество надъ хозяйствомъ крестьянскимъ. Этого преимущества было бы вполнѣ достаточно, чтобы стереть послѣднее съ лица земли, чтобы уничтожить крестьянское хозяйство, «если бы у него не было въ распоряженіи не менѣе сильнаго средства въ борьбѣ за существованіе. Крестьянинъ можетъ понизить свой доходъ до уровня заработной платы, т.-е. отказаться отъ предпринимательской прибыли и отъ причитающейся на его долю земельной ренты»; если нѣтъ другого дохода, онъ можетъ,—добавлю отъ себя,—понизить свой доходъ и *ниже* уровня заработной платы, лишь бы какъ-нибудь просуществовать. И вотъ, «вздувая цѣны на землю и сбивая цѣны на продукты, онъ дѣлаетъ капиталистическое хозяйство на арендованной землѣ невозможнымъ, на собственной землѣ безцѣльнымъ. Въ первомъ случаѣ предприниматель не можетъ оплатить ненормально-высокую ренту, во второмъ—сдачу земли въ аренду земледѣлецъ предпочтетъ собственной ея эксплуатаціи. Взаимная конкуренція дѣйствуетъ такимъ образомъ угнетающе на тотъ и другой типъ хозяйства»; она одинаково вредна и для крестьянскаго, и для владѣльческаго хозяйства; чтобы вести правильное хозяйство «у трудящагося крестьянства нѣтъ средствъ, а капиталистамъ надъ этимъ не изъ-за чего работать». Такимъ образомъ, оставивъ часть земли помѣщикамъ, «дѣятели освободительной эпохи завязали узелъ», который разрубить можетъ только «рѣшительная мобилизація земли въ ту или другую сторону,—въ сторону предпринимателей или трудящихся»; дол-

жно исчезнуть съ лица земли либо крестьянское, либо владѣльческое хозяйство. «Рано или поздно, въ той или иной формѣ, при нашемъ участіи или помимо насъ, она должна осуществиться».

Радикальные и умѣренные оттѣнки.

Вотъ какъ стоитъ вопросъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, о крупновладѣльческомъ и трудовомъ хозяйствѣ у представителей народническаго теченія. Болѣе рѣшительные его представители дѣлаютъ отсюда совершенно естественный выводъ: они требуютъ полной націонализаціи всей земли, полнаго уничтоженія всего нетрудового землевладѣнія, въ формѣ простого отобранія или конфискаціи. «Вся земля всему народу и безъ всякаго выкупа»—таковъ лозунгъ радикальнаго народничества. Этотъ лозунгъ совпадаетъ съ «платформой» современной русской соціалъ-демократіи; разница только въ томъ, что у народниковъ онъ естественно вытекаетъ изъ всего ихъ міровоззрѣнія, изъ всего ихъ пониманія законовъ развитія въ области сельскаго хозяйства, тогда какъ «платформа» соціалъ-демократовъ стоитъ въ полномъ противорѣчіи и съ ихъ теоретическими воззрѣніями и даже съ ихъ программными положеніями.

Наряду съ радикальнымъ народничествомъ существуетъ, однако, и рядъ болѣе умѣренныхъ народническихъ оттѣнковъ. Таковы, въ большей или меньшей степени, народные соціалисты, трудовики, таковы нѣкоторые изъ болѣе лѣвыхъ «кадетъ». Существенныя отличія болѣе умѣреннаго отъ радикальнаго народничества, во-первыхъ, въ томъ, что первое не предполагаетъ распространять націонализацію земли на мелкое землевладѣніе трудового размѣра, и, во-вторыхъ, въ томъ, что оно, такъ или иначе, допускаетъ выкупъ подлежащей изъятію изъ крупнаго владѣнія земли. Изъятіе отъ націонализаціи мелкихъ, въ частности крестьянскихъ владѣній, признается неизбѣжнымъ потому, что «крестьянская масса не позволитъ сразу разрушить всѣ исторически сложившіяся въ крестьянской же средѣ земельныя отношенія» (Туганъ-Барановскій); чтобы земельная реформа могла быть осуществлена на практикѣ, признается необходимымъ поставить дѣло такъ, чтобы не возстановлять противъ нея многочисленный классъ мелкихъ трудовыхъ земледѣльцевъ, хотя неизбѣжнымъ послѣдствіемъ изъятія надѣльныхъ земель и мелкихъ владѣній отъ націонализаціи является невозможность достигнуть полной уравнительности въ распредѣленіи земли. Слож-

нѣе второй вопросъ—о выкупѣ за подлежащія націонализаціи земли. Можно ли, прежде всего, отстаивать выкупъ съ точки зрѣнія справедливости? Многіе думаютъ, что да. «Какое,—говорятъ они,—основаніе отбирать безвозмездно землю, разъ капиталисты оставляются при обладаніи капиталомъ? Какое основаніе отбирать безъ вознагражденія купленныя на деньги земли, разъ деньги, у кого онѣ остались, *не* подлежатъ отобранію?» Но другіе (напр., Туганъ-Барановскій) рѣшительно отвергаютъ такого рода точку зрѣнія: у меня украли часы и кошелекъ; одного вора, съ часами, поймали; такъ неужто же будетъ «несправедливо» отобрать у него мои часы только потому, что мой кошелекъ пока остался не отобранъ у другого вора?.. И разъ частная собственность на землю по существу не имѣетъ оправданія съ нравственной точки зрѣнія, разъ она есть «самый несправедливый видъ собственности», то кто же долженъ платить выкупъ? Тотъ, кто возвращаетъ свое естественное достояніе, котораго онъ столько лѣтъ былъ несправедливо лишенъ, или же, напротивъ, тотъ, кто несправедливо завладѣлъ этимъ достояніемъ и не по праву пользовался имъ много лѣтъ, въ ущербъ правомѣрному владѣльцу? Съ моральной точки зрѣнія съ точки зрѣнія справедливости, «вопросъ о выкупѣ ясенъ: единственная *справедливая* выкупная цѣна это—ни копейки землевладѣльцу» (Туганъ-Барановскій).

Но, кромѣ моральной точки зрѣнія, существуетъ еще другая, болѣе важная: точка зрѣнія политическая и экономическая. Вѣдь еще Марксъ въ свое время сказалъ, что *при выкупѣ* экспропріація средствъ производства обойдется трудящемуся народу дешевле всего: если дать землевладѣльцамъ умѣренный выкупъ, то земельную реформу будетъ гораздо легче провести, чѣмъ въ порядкѣ простой конфискаціи. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ изъ писателей народническаго направленія Пѣшехоновъ, Елпатьевскій и мн. др.; на этой же точкѣ зрѣнія стоятъ, изъ нашихъ партій, трудовики и народные соціалисты. Но въ пользу выкупа есть еще и другого рода доводы. «Если бы,—говоритъ Туганъ-Барановскій,—земля не была тѣсно связана съ денежнымъ и промышленнымъ капиталомъ,—въ такомъ случаѣ конфискація земель могла бы произойти безъ всякаго потрясенія промышленнаго развитія страны. Но вѣдь владѣльческія земли въ большей части заложены—на нихъ лежитъ до полутора мил-

ліардовъ ипотечныхъ долговъ. Конфискація земель безъ выкупа была бы равносильна уничтоженію всѣхъ этихъ долговъ». Въ связи съ этимъ «окажется въ невозможности платить свои долги и множество частныхъ лицъ: прежде всего землевладѣльцы, которые лишатся всего своего имущества, затѣмъ земельные банки, держатели закладныхъ листовъ»; будутъ, значитъ, разорены не одни только землевладѣльцы, но и масса ни въ чемъ неповинныхъ людей; и главное—«послѣдуетъ глубочайшее разстройство не только государственнаго, но и частнаго кредита». А если это случится, то изъ страны уйдутъ не только иностранные капиталы,—уйдутъ за границу и наши русскіе капиталы. Это неизбѣжно вызоветъ полную остановку всей нашей капиталистической промышленности. И въ концѣ-концовъ, *именно при конфискаціи земля обойдется народу дороже всего*: «крестьяне заплатятъ за землю, во-первыхъ, потерей подсобныхъ заработковъ въ промышленности и торговлѣ; во-вторыхъ, какъ покупатели товаровъ, попадающихъ въ ихъ руки черезъ каналы торговли, которая придетъ въ разстройство; въ-третьихъ, какъ покупатели продуктовъ капиталистической промышленности (напр., желѣза, плуговъ и проч.), которая также придетъ въ разстройство; въ-четвертыхъ, какъ продавцы продуктовъ своего хозяйства, ибо продажа эта можетъ совершиться лишь черезъ каналы торговли; въ-пятыхъ, какъ производители, нуждающіеся въ кредитѣ; въ-шестыхъ, какъ плательщики государственныхъ налоговъ, ибо когда капиталы уйдутъ изъ страны и капиталистическая промышленность станетъ, то придется поневолѣ облагать крестьянскую массу,—и, въ результатѣ, земля обойдется крестьянину дороже, чѣмъ при выкупѣ обычнымъ капиталистическимъ способомъ».

Смыслъ націонализаціи.

Такимъ образомъ разница между радикальнымъ и болѣе умѣреннымъ народничествомъ—въ вопросахъ о выкупѣ и о предѣлахъ націонализаціи. Но въ чемъ нѣтъ разницы—это въ вопросѣ о томъ, *какъ быть* съ націонализованною землею. У Качоровскаго мы находимъ, правда, какъ будто бы намекъ на полное обобществленіе, соціализацію сельскохозяйственнаго производства; онъ предлагаетъ «сознательно распутаться въ сложныхъ нитяхъ народнаго правосознанія» и найти въ нихъ «элементы для переплавки въ максимально-коллективистическую программу». Но

затѣмъ даже такой радикальный народникъ, какъ Новоторжскій, не рѣшается мечтать для ближайшаго будущаго о соціализированной эксплуатаціи земли; даже онъ только съ ростомъ умственной и духовной культуры, съ «развитіемъ общественной солидарности» надѣется на «постепенное распространеніе товарищескаго землепользованія, другими словами, перехода къ общественному производству и распредѣленію сельскохозяйственныхъ продуктовъ», для ближайшаго же времени ожидаетъ лишь «созданія законодательства, благопріятнаго для развитія товарищескаго пользованія государственною землей». И для теоретиковъ, и для политиковъ народническаго направленія націонализація или соціализація частновладѣльческихъ земель равносильна простому «изъятію ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходу въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически-организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія». Вѣдь экспропріація земель у частныхъ владѣльцевъ будетъ связана съ всеобщимъ уравненіемъ. Но «если однажды произойдетъ такое уравнительное перераспредѣленіе земли, то есть полное основаніе думать, что то же будетъ повторяться и въ будущемъ. Ибо тѣ же причины должны вызывать тѣ же слѣдствія... И это тѣмъ болѣе, что труденъ лишь первый шагъ; *теперь* переходъ земли въ руки народа требуетъ величайшаго напряженія народной мощи. На пути къ такому переходу стоятъ громадныя препятствія—сосредоточенная сила всего классоваго государства. Когда это сопротивленіе будетъ побѣждено и земля перейдетъ въ руки трудящагося народа, то что̀ можетъ удержать народъ повторить, уже съ неизмѣримо меньшимъ сопротивленіемъ, то, что удалось ему однажды? И можетъ ли народная масса, которая однажды добилась земли и воли, допустить, чтобы земля опять ушла изъ ея рукъ и сосредоточилась въ рукахъ немногихъ?» (Туганъ-Барановскій). Исходя изъ такихъ представленій, представители народническихъ теченій и являющіяся ихъ носителями политическія партіи хотятъ не только уничтожить всякое крупное частное землевладѣніе, превышающее трудовую норму, но «сдѣлать землю источникомъ средствъ существованія, доступнымъ для всѣхъ, кто желаетъ приложить свой трудъ къ землѣ». Они не только объявляютъ «всю землю съ ея водами и нѣдрами достояніемъ россійскаго государства», но и провоз-

глашаютъ «равное право всѣхъ гражданъ и гражданокъ на пользованіе этимъ достояніемъ». Для проведенія въ жизнь этого всеобщаго и равнаго права на землю они проектируютъ стройную и законченную народно-государственную организацію, которая завѣдывала бы трудовымъ использованіемъ и распредѣленіемъ всей земли въ государствѣ; они представляютъ себѣ «хозяиномъ земли не распыленный на отдѣльныя семьи и селенія народъ, а народъ, организованный въ единое цѣлое»,—народъ, «распоряжающійся землей черезъ свои исполнительные органы»,—органы, «уполномоченные народнымъ избраніемъ» и «завѣдывающіе распредѣленіемъ земли между населеніемъ». Эти органы «устанавливаютъ уравнительность землепользованія между отдѣльными общинами или другими территоріальными самоуправляющимися единицами», дѣйствуя, въ первую очередь, «путемъ обложенія излишковъ земли сверхъ принятой нормы въ размѣрѣ чистаго дохода съ нихъ, при обязательномъ употребленіи собранныхъ такимъ образомъ средствъ на землеустройство малоземельныхъ семей и общинъ», «и путемъ разселенія и переселенія», но «въ случаѣ» (конечно неизбѣжномъ) «недостаточности этихъ мѣръ» также «и путемъ измѣненія земельныхъ границъ» (проектъ основныхъ положеній земельнаго закона партіи соціалистовъ-революціонеровъ и офиціозныя поясненія къ нему Б. Н. Черненкова). Такимъ образомъ, русское государство, въ представленіи сторонниковъ разсматриваемаго теченія «должно стать одною огромною земельною общиной» (Н. И. Ракитниковъ въ докладѣ главному земельному комитету), и эту свою схему данное теченіе разсматриваетъ, какъ проведеніе въ жизнь «общинныхъ и трудовыхъ воззрѣній, традицій и формъ жизни русскаго крестьянства» (программа партіи с.-р.).

Таковы главнѣйшія теченія прогрессивной русской общественной мысли: марксистское, или соціалъ-демократическое; повторяю—я имѣю въ виду именно *теченія* и ихъ теоретическую обосновку, а *не* партійныя *программы* и тѣмъ болѣе не «платформы»: эти послѣднія чрезвычайно разнообразны, далеко не всегда достаточно согласованы съ принципіальными основами тѣхъ или иныхъ теченій, и разборъ ихъ совершенно не входитъ въ задачу настоящаго курса.

Какому же изъ охарактеризованныхъ теченій отдать преимущество? Это вопросъ, на который отвѣтить очень не легко: ка-

ждое изъ нихъ носитъ въ себѣ зерно истины, и каждое изъ нихъ не свободно отъ заблужденій. *Въ общемъ*, несомнѣнно, стройнѣе и послѣдовательнѣе народническое теченіе. Оно съ совершенною послѣдовательностью ведетъ, что называется, свою линію, начиная отъ Чернышевскаго. Оно издавна подчеркиваетъ благопріятныя для крестьянства особенности въ ходѣ развитія сельскаго хозяйства; оно издавна разрабатывало вопросъ о жизненности мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій въ томъ самомъ направленіи, куда въ послѣднее время, въ лицѣ Давида, Фольмара и др., вступило меньшинство западно-европейской соціалъ-демократіи. Положеніе русской соціалъ-демократіи всегда было и посейчасъ осталось чрезвычайно труднымъ. *Ея* теоретическіе взгляды цѣликомъ заимствованы у германской соціалъ-демократіи, исходившей, конечно, изъ промышленныхъ отношеній Западной Европы, и потому, поскольку эта теорія проводится послѣдовательно, она мало соотвѣтствуетъ требованіямъ русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ: было бы, можетъ быть, очень хорошо, если бы сельское населеніе постепенно дифференцировалось, и если бы значительная часть его, какъ въ Западной Европѣ, уходила отъ земледѣлія и обращалась къ обрабатывающей промышленности. Но *куда*, спрашивается, будетъ уходить *у насъ* это избыточное сельское населеніе? Промышленность на Западѣ дѣйствительно поглощала весь избытокъ населенія; но эта промышленность росла частью за счетъ заморскихъ рынковъ, частью—благодаря обусловленной высокимъ уровнемъ народнаго благосостоянія широтѣ внутренняго рынка. Ни на то, ни на другое *наша* обрабатывающая промышленность разсчитывать не можетъ: заморскіе рынки захвачены нѣмцами, англичанами и т. п.; свой внутренній рынокъ очень малъ, потому что населеніе бѣдно и обладаетъ очень малою покупательною способностью. *Куда же*, спрашивается, итти крестьянамъ, которые не могутъ прокормиться на своей землѣ?.. Можно съ увѣренностью ожидать, что и наша обрабатывающая промышленность будетъ расти. *Но когда?* Когда устранятся всѣ тѣ неблагопріятныя политическія и культурныя условія, которыя такъ тормозятъ развитіе нашего народнаго хозяйства, а главное—когда у насъ будетъ широкій внутренній рынокъ. Но все это будетъ не скоро, и главное—внутренній рынокъ будетъ только тогда, когда под-

Сопоставленіе с.-д. и народническихъ теченій.

нимется благосостояніе крестьянскихъ массъ. А *до тѣхъ поръ* крестьянину приходится жить на землѣ и отъ земли, и чтобы онъ могъ прожить, необходимы мѣропріятія въ двоякомъ направленіи: коренныя мѣры—улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности земли; и въ качествѣ временной поддержки—расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Практически, въ своихъ «платформахъ», русской соціалъ-демократіи пришлось пойти навстрѣчу требованіямъ этой русской дѣйствительности; она даже слишкомъ далеко пошла навстрѣчу этимъ требованіямъ и постаралась перещеголять даже самое радикальное народничество. Но ея практическія требованія, какъ признаютъ многіе изъ самихъ соціалъ-демократовъ (Громанъ, Юшкевичъ, Валентиновъ и др.), очень плохо согласуются съ основными началами соціалъ-демократической теоріи: это уже не соціалъ-демократическія, а народническія требованія.

Отношеніе къ капиталистическому сельскому хозяйству.

Въ одномъ, однако, соціалъ-демократическое теченіе—опять-таки, пока оно остается въ области теоретическихъ разсужденій и не заходитъ на скользкую почву «платформъ»,—имѣетъ существенное преимущество передъ народническимъ теченіемъ: оно не забываетъ о хозяйственномъ значеніи владѣльческаго хозяйства,—вопросъ, который представители народническаго теченія рѣшаютъ слишкомъ легко и просто или на которомъ они не останавливаются вовсе. На этомъ вопросѣ я теперь и долженъ остановиться.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ общемъ и цѣломъ наше крупнопомѣстное землевладѣніе представляетъ весьма печальную картину—картину полнаго упадка и быстраго разложенія. Какъ въ своемъ мѣстѣ было указано, за время съ момента освобожденія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и, значитъ, отдѣленія помѣстнаго землевладѣнія отъ крестьянскаго, до начала войны изъ рукъ помѣстнаго класса ушло приблизительно 35 милліоновъ десятинъ—ушло, притомъ, въ руки крестьянъ, не считая, значитъ, тѣхъ имѣній, которыя перешли въ руки купповъ и т. п. По подчету еще болѣе приблизительному, до 25 милліоновъ десятинъ изъ этого числа перешло въ руки настоящаго трудового крестьянства. Изъ остальной площади, т.-е. примѣрно изъ 80 милліоновъ десятинъ, около 30 милліоновъ приходится на долю лѣсной площади, на долю же земельныхъ угодій

остается около 50 милліоновъ десятинъ. Весьма значительная часть этой площади, поддающаяся даже не приблизительному учету, а лишь грубой примѣрной оцѣнкѣ, и по такимъ примѣрнымъ оцѣнкамъ составляющая отъ одной трети до половины всей площади владѣльческихъ земельныхъ угодій, состоитъ въ фактическомъ пользованіи крестьянъ на правѣ краткосрочной аренды—годовой или на одинъ трехпольный кругъ. А такая аренда—какъ вѣроятно ясно читателю и какъ я сейчасъ объясню подробнѣе—есть наихудшій изъ всѣхъ мыслимыхъ видовъ пользованія землею; такая краткосрочная аренда—не только лучшій способъ «выжиманія пота» изъ арендаторовъ-крестьянъ, но и не менѣе вѣрный способъ высасыванія соковъ изъ земли; достаточно того статистически-учтеннаго, для нѣкоторыхъ мѣстностей, факта, что урожаи на краткосрочной арендѣ ниже даже, чѣмъ на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ. Весьма значительная доля того остатка, на которомъ ведется хозяйство за «экономическій счетъ», обрабатывается, затѣмъ, крестьянскимъ скотомъ и крестьянскими орудіями, притомъ весьма обычно, вѣроятно въ большинствѣ случаевъ, въ видѣ обработковъ за арендуемыя у помѣщика угодья, главнымъ образомъ за пресловутые «отрѣзки», «клинья» и «западни», изъ-за которыхъ крестьянамъ «житья нѣтъ», потому что не только скота—курицы нельзя выпустить безъ того, чтобы не попасть въ потраву. Въ такого рода случаяхъ отработки—уже прямое, только юридически иначе оформленное, продолженіе кабальной барщины крѣпостныхъ временъ.

Поскольку это такъ — поскольку владѣльческія земли, въ самомъ дѣлѣ, эксплуатируются путемъ сдачи въ краткосрочную аренду или отработковъ, постольку приговоръ крупно-помѣстному владѣнію можно вынести только одинъ: «виновно и не заслуживаетъ никакого снисхожденія». Ликвидація всѣхъ *такихъ* владѣній и передача такихъ земель трудовому крестьянству не можетъ вызывать никакихъ возраженій. «Если въ странѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, а земледѣліе остается мелкимъ, благодаря распространенію мелкихъ арендъ, то уничтоженіе крупной земельной собственности и замѣна ея мелкою собственностью на землю не требуетъ какого бы то ни было измѣненія характера земледѣльческаго производства; послѣднее остается мелкимъ, какимъ и было; коренная реформа земельной

собственности можетъ быть произведена въ этомъ случаѣ безъ малѣйшаго потрясенія народнаго хозяйства» (Туганъ-Барановскій). Крупное землевладѣніе при арендномъ хозяйствѣ не имѣетъ за себя никакого оправданія: владѣлецъ не несетъ никакихъ хозяйственныхъ функцій или обязанностей, все его отношеніе къ землѣ сводится къ тому, что онъ получаетъ съ нея доходъ, не дѣлая ничего для созданія этого дохода. Если смотрѣть на дѣло съ производственной точки зрѣнія, владѣльческія земли эксплуатируются не лучше, а пожалуй, даже хуже надѣльныхъ земель: *хуже* потому, что крестьянинъ-арендаторъ лишь временно пользуется арендуемою землей, а потому совершенно не заинтересованъ въ улучшеніи ея обработки; хуже еще и потому, что арендуемая земля обыкновенно находится на отлетѣ отъ мѣстожительства арендатора и потому не можетъ быть ни удобрена, ни своевременно обработана, и т. д. Въ концѣ-концовъ, крестьянская аренда частновладѣльческой земли, какъ я сказалъ, — это *худшій изъ всѣхъ*, какіе только есть, способовъ эксплуатаціи земли. Между тѣмъ, если чѣмъ и можно оправдать нетрудовую земльную собственность, такъ только той пользой, какую она приноситъ съ производственной точки зрѣнія. Въ данномъ случаѣ, очевидно, ни о какой пользѣ не можетъ быть и рѣчи.

То же самое приходится сказать и о тѣхъ владѣльческихъ земляхъ, на которыхъ практикуются разнообразнѣйшія формы издольной обработки,—которыя обрабатываются крестьянами изъ части обработанной земли или изъ части получаемаго продукта; и такого рода издольная обработка не менѣе вредна съ производственной точки зрѣнія, для крестьянъ же она еще хуже денежной аренды, потому что стѣсняетъ крестьянина въ самой обработкѣ земли и въ уборкѣ полученнаго продукта. То же самое, наконецъ, приходится сказать и о земляхъ, обрабатываемыхъ хотя и за счетъ владѣльцевъ, но крестьянскимъ инвентаремъ, въ особенности въ видѣ отработковъ; и такая обработка земли ничуть не лучше или даже хуже обычной крестьянской, для крестьянъ же она сугубо убыточна, потому что отработки въ самое лучшее время отрываютъ крестьянъ отъ работъ въ собственномъ хозяйствѣ. Поскольку владѣльческія земли эксплуатируются перечисленными способами, частное землевладѣніе—еще разъ—не имѣетъ за собою *никакого* оправданія, и защитники его, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ на-

стоящей лекціи, предпочитаютъ вовсе не говорить объ арендныхъ, испольныхъ и т. п. земляхъ.

Но вопросъ далеко не исчерпывается сказаннымъ. Частное землевладѣніе—это далеко не одна только мелкая аренда, не одни только «феодально-крѣпостническія» отношенія, развивающіяся на почвѣ обрѣзковъ, клиньевъ и т. п. Если даже взять хозяйство на владѣльческихъ земляхъ въ *цѣломъ*, т.-е. включая земли арендныя и обрабатываемыя крестьянскимъ инвентаремъ,—и то цифры показываютъ, что оно все-таки стоитъ замѣтно впереди,—и не только *стоитъ*, но и *продолжаетъ* пока *идти* впереди крестьянскаго. Крестьянскіе урожаи, правда, растутъ—въ среднихъ по десятилѣтіямъ цифрахъ, начиная съ 1861 по 1910 г., средніе урожаи на крестьянскихъ земляхъ были 29—31—34—39—43 пуда. Но урожаи на владѣльческихъ земляхъ за тѣ-же пять десятилѣтій были 33—37—42—47—54 пуда. Крестьянскіе урожаи возросли, значитъ, на 48%, или на половину, а урожаи на владѣльческихъ земляхъ—на 64%, или почти на двѣ трети; разница между тѣми и другими была въ первое десятилѣтіе 14, въ послѣднее 25%. Значитъ, даже взятое въ общемъ и цѣломъ, хозяйство на владѣльческихъ земляхъ прогрессируетъ сильнѣе, и крестьянское хозяйство не только не нагоняетъ, но пока отстаетъ отъ него все сильнѣе и сильнѣе. И при этомъ вотъ что. Слишкомъ рѣшительные противники владѣльческаго хозяйства объясняютъ превосходство владѣльческихъ урожаевъ тѣмъ, что владѣльцамъ, при выходѣ крестьянъ на волю, достались лучшія земли; объясняютъ еще и тѣмъ, что крестьяне, занятые отработками у помѣщиковъ, не успѣваютъ во-время посѣять, собрать созрѣвшій хлѣбъ и т. д. Но вѣдь качественное превосходство помѣщичьихъ земель надъ крестьянскими за эти полвѣка во всякомъ случаѣ не усилилось,—онѣ не стали *еще лучше,* чѣмъ были; не усилились сколько-нибудь существенно и невыгодныя для крестьянъ послѣдствія отработковъ и т. д., а потому *увеличеніе* разницы между крестьянскими и владѣльческими урожаями уже никакъ нельзя объяснить чѣмъ-либо другимъ, какъ тѣмъ, что крестьяне все еще отстаютъ отъ владѣльцевъ въ дѣлѣ улучшенія земледѣльческой культуры.

Значительное, пока еще, качественное превосходство владѣльческаго хозяйства предъ крестьянскимъ доказывается и другими данными. Въ нечерноземной полосѣ прогрессъ земледѣлія связанъ

главнымъ образомъ съ введеніемъ травосѣянія, въ черноземной—съ культурой сахарной свекловицы. Между тѣмъ, хотя травосѣяніе у крестьянъ—какъ мы увидимъ дальше—развивается очень быстро, однако крестьяне настолько запоздали въ этомъ дѣлѣ, что, по даннымъ сельскохозяйственной переписи 1916 года, посѣвныя травы занимаютъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ всего 2%, во владѣльческихъ 9% всей посѣвной площади. Если даже взять передовые по крестьянскому травосѣянію районы нечерноземной полосы, подмосковный и пріозерный,—и то въ нихъ подъ посѣвными травами занято съ небольшимъ по пяти процентовъ, во владѣльческихъ хозяйствахъ въ подмосковномъ районѣ 28%, въ пріозерномъ 19%. Сахарная свекловица, въ общихъ по цѣлой странѣ итогахъ, занимаетъ у владѣльцевъ 5,1%, у крестьянъ всего 0,1%. Даже въ двухъ передовыхъ по свеклѣ районахъ черноземной полосы, юго-западномъ и малороссійскомъ, свекла занимаетъ у крестьянъ: въ первомъ 2,2%, во второмъ даже только 0,4%, тогда какъ у владѣльцевъ, въ тѣхъ же двухъ районахъ, занято подъ свеклой 19 и 11% всей посѣвной площади. Въ концѣ-концовъ, даже такому рѣшительному стороннику крестьянскаго трудового и противнику владѣльческаго хозяйства, какъ Огановскій, приходится признать, что «въ Россіи, переживающей кризисъ экстенсивнаго трехполья, невозможно говорить, что мелкое хозяйство развиваетъ производительность труда болѣе чѣмъ крупное, и этимъ побиваетъ его. Здѣсь, *какъ часто бываетъ при ломкѣ старой системы земледѣлія* (курсивъ мой, А. К.) нѣкоторыя крупныя хозяйства даже идутъ во главѣ реформы сельскохозяйственнаго производства».

Значитъ—еще разъ—дѣло не исчерпывается тѣмъ, что выше сказано о кабально-крѣпостническихъ, эксплуататорскихъ формахъ владѣльческаго хозяйства. Есть и что-то другое, что—какъ мы увидимъ — очень опасно уничтожать съ плеча. Это что-то другое—это та категорія хозяйствъ, которыя можно назвать хозяйствами *культурно-капиталистическаго типа*. Какъ признаютъ, опять-таки, и рѣшительные сторонники крестьянскаго и противники владѣльческаго хозяйства въ родѣ Огановскаго, послѣ освобожденія крестьянъ «происходилъ, повидимому, естественный отборъ болѣе приспособленныхъ, т.-е. лучше оборудованныхъ сельскохозяйственнымъ капиталомъ», и главное—добавлю отъ себя — вооруженныхъ или сумѣвшихъ во-время во-

оружиться знаніемъ и умѣньемъ вести дѣло, хозяйствъ; въ то время, какъ «слабо оборудованныя хозяйства», т.-е. подавляющее большинство, «сдавались въ аренду, закрывались и распродавались», лучше оборудованныя «кое-гдѣ»,—и даже не только «кое-гдѣ», потому что такихъ хозяйствъ, въ концѣ-концовъ, не такъ мало (одни свекольныя хозяйства, по приблизительному расчету, занимаютъ 3—4 милліона десятинъ!),—«даже сокращали сдачу въ аренду, увеличивали собственную запашку» и—опять таки добавлю отъ себя—работали надъ повышеніемъ своего качественнаго уровня. Между прочимъ, какъ свидѣтельствуютъ и статистическія данныя, въ черноземной, въ особенности, полосѣ выработался особый типъ «хозяйства-латифундіи»,—огромныя имѣнья, иногда цѣлыя группы имѣній, въ многія тысячи и даже десятки тысячъ десятинъ, объединенныя однимъ общимъ высшимъ управленіемъ и планомъ хозяйства и въ то-же время разбитыя, каждое, на нѣсколько экономій съ самостоятельнымъ инвентаремъ, особымъ сѣвооборотомъ и т. п.—типъ, въ которомъ, напримѣръ, Каутскій, а у насъ такой видный экономистъ, какъ А. И. Скворцовъ, видятъ какъ бы идеальную организацію сельскохозяйственнаго предпріятія, совмѣщающую техническія и экономическія преимущества хозяйства умѣренно-крупныхъ или даже среднихъ размѣровъ съ преимуществами крупнѣйшаго сельскохозяйственнаго предпріятія.

Говорятъ, что и въ такихъ хозяйствахъ хлѣбъ не растетъ самъ, что и въ такихъ хозяйствахъ работаетъ все тотъ же мужикъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь ситцы, сукно или рельсы тоже сами не растутъ; вѣдь и на фабрикѣ работаетъ рабочій. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что фабрику надо разбить на кусочки и кусочками раздать рабочимъ? Очевидно, нѣтъ; и тѣ, кто думаетъ о коренномъ измѣненіи отношеній между трудомъ и капиталомъ, представляютъ себѣ это измѣненіе не въ видѣ раздѣла фабрикъ и заводовъ между рабочими, а въ видѣ обобществленія, соціализаціи производства. То же самое и съ сельскохозяйственными предпріятіями капиталистическаго характера; я не имѣлъ бы никакихъ возраженій, если бы были предложены практически-осуществимые способы соціализаціи такого рода предпріятій. Но такихъ способовъ пока никто еще не придумалъ...

Въ промышленномъ районѣ, и вообще въ сѣверной и средней

Россіи, сельскохозяйственныхъ предпріятій капиталистическаго типа не такъ много; *сколько* ихъ,—этого нѣтъ, однако, возможности точно сказать за недостаткомъ необходимыхъ статистическій свѣдѣній. Но въ западномъ и юго-западномъ краѣ, частью въ Малороссіи, такого рода хозяйство очень распространено. Между тѣмъ, *при нашихъ условіяхъ* капиталистическое сельскохозяйственное предпріятіе имѣетъ существенныя преимущества передъ крестьянскимъ хозяйствомъ. Эти преимущества, свойственныя вообще капиталистической организаціи, выражаются въ примѣненіи улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, въ лучшей обработкѣ земли, въ примѣненіи разнаго рода земельныхъ улучшеній, въ болѣе совершенныхъ системахъ полеводства, при которыхъ посѣвы хлѣбовъ чередуются съ посѣвами кормовыхъ травъ, корнеплодовъ и промышленныхъ растеній; наконецъ, въ комбинаціи сельскаго хозяйства съ техническими производствами, перерабатывающими сельскохозяйственные продукты. Какъ я уже сказалъ, такихъ хозяйствъ въ черноземной полосѣ не такъ мало. Десять лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ сводку данныхъ о 1570 болѣе или менѣе выдающихся хозяйствахъ этого типа, общею площадью около 6 милл. десятинъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ еще въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія министерствомъ земледѣлія. Какъ оказалось по этой сводкѣ, въ 352 имѣніяхъ, изъ этого числа, велось улучшенное зерновое хозяйство съ посѣвомъ травъ, въ 246 тоже улучшенное трехполье, но уже и съ посѣвами корнеплодовъ, въ 207-ми съ сахарною свеклой; въ 344 хозяйствахъ велось чистоплодосмѣнное хозяйство, да сверхъ того въ 145 хозяйствахъ тотъ или другой изъ перечисленныхъ повышенныхъ типовъ хозяйства такъ или иначе комбинировался съ простымъ трехпольемъ; въ 131 хозяйствѣ велись правильные полевые опыты, съ цѣлью выясненія наиболѣе подходящихъ, въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, способовъ обработки земли, испытанія новыхъ сортовъ сѣмянъ, искусственныхъ удобреній и т. п., въ 116 хозяйствахъ велись правильныя наблюденія надъ погодой,—все это въ то время, какъ у окрестныхъ крестьянъ продолжало царить исконное трехполье, а на югѣ и еще гораздо болѣе первобытные, истощающіе землю способы эксплуатаціи земли. Какъ я уже сказалъ, въ средней Россіи такія хозяйства составляютъ незначительное меньшинство. Напротивъ, въ юго-западномъ краѣ,

частью и въ малороссійскомъ, построенныя на культурно-капиталистическихъ началахъ и технически хорошо оборудованныя хозяйства, частью владѣльческія, частью крупно-арендаторскія, представляютъ собой очень распространенный, а въ юго-западномъ краѣ даже господствующій типъ, и именно благодаря этимъ хозяйствамъ въ названныхъ двухъ районахъ ведется наиболѣе интенсивное и наиболѣе передовое хозяйство, дающее тройные и болѣе чѣмъ тройные урожаи хлѣбовъ, производящее такой цѣнный продуктъ, какъ сахарная свекла, не говоря уже объ улучшенныхъ сортахъ хлѣба и породахъ скота и т. п., и связанное, по большей части, съ заводскою переработкою продуктовъ на сахаръ, спиртъ, крахмалъ и т. п. Уничтожить все это — значило бы существеннымъ образомъ сократить производительныя силы страны; а между тѣмъ всякая земельная реформа — въ этомъ правы соціалъ-демократы — должна быть направлена *не къ сокращенію*, а *къ развитію* производительныхъ силъ.

Говорятъ на это, что крестьянамъ не легче отъ того, что владѣльческія земли даютъ большіе урожаи, даютъ болѣе цѣнный продуктъ. Но и это не такъ: владѣльческая земля, разъ на ней ведется хорошее капиталистическое, такъ называемое интенсивное хозяйство, требуетъ огромнаго количества рабочихъ рукъ, а благодаря этому она даетъ окрестному населенію больше выгоды, чѣмъ оно получаетъ съ надѣльной земли при обычномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Какъ я уже сказалъ, въ хозяйствахъ этого типа даже урожаи обыкновенныхъ зерновыхъ хлѣбовъ вдвое, втрое и болѣе чѣмъ втрое превышаютъ урожаи у крестьянъ. Пусть даже только вдвое,—даже уже «при *такомъ* перевѣсѣ урожаевъ, по справедливому замѣчанію такого друга крестьянства, какъ покойный проф. А. И. Чупровъ, заработокъ крестьянъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ превзойдетъ весь ихъ доходъ на надѣльной землѣ... Въ хорошихъ имѣніяхъ разныхъ губерній,—поясняетъ А. И. Чупровъ,—на заработную плату издерживается 60—80% всѣхъ расходовъ, что составляетъ приблизительно 50—70% валового сбора; при превышеніи урожаевъ вдвое «противъ крестьянскаго», а тѣмъ болѣе, конечно, втрое и больше, чѣмъ втрое,—заработная плата съ каждой десятины составитъ не меньшую, а скорѣе большую сумму, чѣмъ выручка на надѣльной землѣ». Нечего уже и говорить о тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ ведется хозяйство съ корнеплодами, напримѣръ,

картофелемъ, и въ особенности съ такою, какъ принято выражаться, «трудоёмкою», т.-е. требующею затраты огромной массы труда, культурою, какъ сахарная свекла. На десятину хлѣба затрачивается—считая всѣ работы—не болѣе 25—30 рабочихъ дней, на десятину свеклы отъ 120 до 140, а то и болѣе, поденщинъ. Десятина свекловичной плантаціи даетъ, благодаря этому, 60—80 и болѣе рублей заработка, тогда какъ надѣльная земля даетъ крестьянамъ 20—25, много 30 рублей всего валового дохода. И такіе заработки свекловичныя плантаціи и т. п. интенсивно обрабатываемыя земли даютъ даже при самой нищенской заработной платѣ, по 20—30 копеекъ въ день, какъ была, напримѣръ, въ началѣ 1900-хъ годовъ; когда, съ измѣненіемъ политическихъ и экономическихъ условій, повысится заработная плата, заработки будутъ, можно думать, еще значительно больше. «Значительное количество труда, — писалъ П. П. Масловъ въ 1906 году,—которое требуется на свекловичныхъ плантаціяхъ и на сахарныхъ заводахъ, мѣстами безусловно даетъ больше заработка мѣстному населенію, чѣмъ то количество хлѣба, которое было бы получено при отсутствіи заводовъ. Такъ, только на свекловичныя плантаціи въ видѣ заработной платы за разныя формы труда, при непомѣрной его эксплуатаціи, затрачивается предпринимателями на десятину отъ 70 до 90 рублей. Несомнѣнно, — настаиваетъ Масловъ, — отъ посѣва хлѣбовъ въ собственномъ хозяйствѣ населеніе получитъ съ той-же десятины меньшую выручку, если даже не принимать въ расчетъ заработковъ на самыхъ заводахъ». Выходитъ, что при интенсивномъ озяйствѣ, какъ оно ведется въ нѣкоторой части (большой или малой,—сказать нельзя, потому что полныхъ свѣдѣній нѣтъ!) владѣльческихъ имѣній, десятина земли кормитъ двухъ человѣкъ, тогда какъ десятина такой-же земли въ крестьянскомъ надѣлѣ едва прокармливаетъ одного. Значитъ, при уничтоженіи такого рода хозяйствъ и раздѣлѣ земли между трудовыми земледѣльцами одинъ, кому останется земля, можетъ быть, и выиграетъ, но другой навѣрное потеряетъ. «Уравнительный раздѣлъ,—правильно замѣчаетъ тотъ-же П. П. Масловъ,—можетъ, уничтоживши заработки батраковъ и крестьянъ, не дать имъ взамѣнъ ничего, кромѣ клочка земли», который обезпечитъ ихъ гораздо хуже, чѣмъ обезпечиваютъ ихъ заработки въ интенсивно-ведущихся крупныхъ хозяйствахъ. Значитъ, если существованіе крупно-капита-

листической земельной собственности противорѣчитъ началамъ соціальной справедливости, какъ противорѣчитъ ему существованіе нетрудовой собственности и на орудія производства въ обрабатывающей промышленности, то изъ этого не слѣдуетъ, что крупныя имѣнія надо раздѣлить между трудовыми земледѣльцами, а ведущіяся на нихъ крупно-капиталистическія хозяйства уничтожить, какъ не слѣдуетъ, что надо раздѣлить между рабочими, по кусочкамъ, фабрики, заводы или рудники. Это и самимъ рабочимъ, и тѣмъ болѣе всему народному хозяйству, не принесетъ ничего, кромѣ вреда. Рѣшеніе соціальнаго вопроса и въ обрабатывающей промышленности, и въ земледѣліи *не въ раздѣлѣ*, а *въ соціализаціи* производства. Въ частности имѣнія, гдѣ ведется культурно-капиталистическое хозяйство, надо не дѣлить, а взять въ завѣдываніе органовъ общественной или народной власти съ тѣмъ, чтобы въ такихъ имѣніяхъ продолжалось и улучшалось уже заведенное на нихъ, болѣе совершенное хозяйство. Это надо сдѣлать, *если мы умѣемъ* это сдѣлать. Но не только у насъ, въ Россіи, но и въ передовыхъ странахъ западной Европы еще не выработано, даже теоріей научнаго соціализма, а тѣмъ болѣе не испытано на практикѣ, разумныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ такой соціализаціи земледѣльческаго производства. Какъ ни широко развивается, въ послѣднее время, кооперація, — она обнимаетъ пока только *отдѣльныя стороны* хозяйства. Кооперативное и вообще соціализированное веденіе *хозяйства въ цѣломъ*—это такая задача, которая пока еще далека отъ своего разрѣшенія.

Говорятъ на это дальше, что вѣдь и крестьяне поведутъ такое-же интенсивное хозяйство. Я и самъ принадлежу къ числу тѣхъ, кто вѣритъ въ будущность мелкаго крестьянскаго хозяйства; я знаю, что мелкое хозяйство при извѣстныхъ условіяхъ, какія мы наблюдаемъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной и юго-западной Европы, даетъ не только такіе-же, но даже лучшіе результаты, чѣмъ крупное владѣльческое или капиталистическое хозяйство. Но именно только при извѣстныхъ условіяхъ. Что лучше—мелкое или крупное хозяйство,—это *вполнѣ* зависитъ отъ культурныхъ условій, отъ степени умственнаго развитія населенія. «Чѣмъ выше,—говоритъ проф. Косинскій, тоже горячій сторонникъ мелкаго землевладѣнія,—поднимается культурный уровень населенія, чѣмъ интенсивнѣе ведется

сельское хозяйство, чѣмъ выше средній уровень образованія, тѣмъ производительнѣе и тѣмъ болѣе способно къ конкуренціи становится крестьянское хозяйство». И это, повторяю, говоритъ горячій сторонникъ самой широкой земельной реформы. Между тѣмъ, что же мы видимъ у насъ, въ Россіи? Вѣдь культурный уровень у насъ чрезвычайно низокъ, образованіе и умственное развитіе народныхъ массъ крайне недостаточно, сельскохозяйственныя знанія, можно сказать, отсутствуютъ,—а при *такихъ* условіяхъ производительность земель, нынѣ занятыхъ подъ капиталистическими хозяйствами, съ переходомъ ихъ въ крестьянскія руки рѣзко понизится, и населеніе только потеряетъ отъ уничтоженія такихъ хозяйствъ. Это одно. А другое—извѣстныя отрасли хозяйства, даже и независимо отъ того или иного уровня культурности трудовыхъ земледѣльческихъ массъ, либо вовсе не могутъ вестись, либо будутъ вестись съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, въ мелкихъ трудовыхъ хозяйствахъ, потому что онѣ, по самому своему существу, болѣе приспособлены къ болѣе крупнымъ формамъ земледѣльческаго производства. Вотъ почему я и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда читались эти лекціи и когда онѣ выпускались первымъ изданіемъ, настаивалъ, и сейчасъ настаиваю на томъ, что разумно проводимая земельная реформа не можетъ одинаково рѣшить судьбу владѣній кабально-крѣпостническаго типа и тѣхъ, гдѣ ведется культурно-капиталистическое хозяйство; тѣхъ, гдѣ все хозяйничанье владѣльцевъ сводится *къ эксплуатаціи чужого труда*, и тѣхъ, гдѣ ведется *разумная и общеполезная эксплуатація земли*. Для расширенія крестьянскаго землевладѣнія могутъ быть совершенно спокойно отчуждены земли мелкой крестьянской аренды, земли, обрабатываемыя исполу или крестьянскимъ инвентаремъ. Передача такихъ земель трудовому крестьянству устранитъ великую соціальную несправедливость и въ то-же время не принесетъ никакого ущерба народному хозяйству. Совсѣмъ другое—хозяйства культурно-капиталистическаго типа. «Съ точки зрѣнія экономической культуры и общихъ народно-хозяйственныхъ интересовъ,—правильно замѣчаетъ Н. В. Валентиновъ,—такія хозяйства не должны быть нарушены въ строѣ своей дѣятельности, а органически связанная съ ними земля не должна быть пущена въ распредѣлительный аппаратъ». Интенсивныя капиталистическія хозяйства надо либо принять въ общественное завѣдываніе, со-

ціализировать, либо—если мы этого сейчасъ сдѣлать не умѣемъ—надо ждать, пока поднимется уровень умственнаго развитія крестьянства, пока, такимъ образомъ, окажется возможнымъ передать крестьянамъ занятыя подъ такими хозяйствами земли безъ пониженія ихъ производительности, и пока будутъ изысканы способы соціализированнаго веденія такихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, которыя по существу своему не допускаютъ дроблений, а должны сохраняться въ видѣ крупныхъ хозяйственныхъ единицъ. И вотъ, поскольку соціалъ-демократы считаются съ существованіемъ и значеніемъ капиталистическихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, постольку ихъ ученія, по моему убѣжденію, стоятъ на болѣе правильной почвѣ, чѣмъ народническія, которыя слишкомъ легко рѣшаютъ вопросъ о судьбѣ такого рода хозяйствъ.

Впрочемъ, къ сказанному только что надо внести нѣкоторую поправку; с е й ч а с ъ представители народническихъ теченій также уже въ гораздо меньшей мѣрѣ повинны въ слишкомъ легкомъ отношеніи къ вопросу о судьбѣ хозяйствъ культурно-капиталистическаго типа, нежели 10 лѣтъ тому назадъ, когда было выпущено первое изданіе этой книжки. Въ «основныхъ положеніяхъ о ликвидаціи крупнаго землевладѣнія»,выработанныхъ комиссіей до октябрьскаго, въ большинствѣ своемъ эсеровскаго, состава главнаго земельнаго комитета, изъ общаго принципа передачи сельскохозяйственныхъ земель частнаго владѣнія трудовому населенію установлены существенныя изъятія для «владѣній, за которыми будетъ признана особая народно-хозяйственная цѣнность», между прочимъ для владѣній съ свеклосахарными, молочными, плодовыми, виноградными хозяйствами, съ хозяйствами племенными, сѣменными и съ продажей посадочнаго матеріала; для хозяйствъ, «носящихъ показательный по техникѣ или по организаціи характеръ»; болѣе того—для всѣхъ вообще владѣній, «отличающихся существенно-повышенною противъ общаго уровня хозяйствъ данной мѣстности производительностью, измѣряемою по величинѣ народно-хозяйственнаго дохода на единицу сельскохозяйственной площади. Одни изъ владѣній перечисленныхъ типовъ (какія именно категоріи—на этотъ счетъ въ комиссіи были высказаны разныя имѣнія) совершенно исключаются изъ раздѣла между трудовыми земледѣльцами и признаются подлежащими передачѣ въ завѣдываніе органовъ госу-

дарства или мѣстнаго самоуправленія, притомъ только «съ того момента, когда государство или мѣстныя самоуправленія признаютъ возможнымъ взять соотвѣтственныя хозяйства въ свое хозяйственное управленіе»; другія подлежатъ раздѣлу между трудовымъ населеніемъ, — но, опять-таки, только тогда, когда, при участіи компетентныхъ агрономическихъ организацій, «будетъ признано, что мѣстное крестьянское хозяйство будетъ въ состояніи поставлять достаточное количество соотвѣтственнаго продукта», на переходное же время, «впредь до передачи такихъ владѣній трудовому населенію или органамъ государства и мѣстнаго самоуправленія», такія владѣнія должны «оставляться въ хозяйственномъ распоряженіи ихъ настоящихъ хозяевъ (владѣльцевъ или арендаторовъ), на такіе сроки и на такихъ условіяхъ, которые обезпечивали бы поддержаніе ведущагося хозяйства въ видѣ, отвѣчающемъ его назначенію», иначе говоря, на достаточно продолжительные сроки и подъ контролемъ компетентныхъ органовъ государственной власти или мѣстнаго самоуправленія. Правда, составъ главнаго земельнаго комитета былъ, въ то время, хотя и эсеровскій, но очень умѣренно-эсеровскій. Но даже и такой представитель уже очень радикальнаго эсеровскаго теченія, какъ В. М. Черновъ,—и тотъ, оказавшись на отвѣтственномъ посту министра земледѣлія, встревожился передъ еще только начавшею возникать «большою опасностью разрушенія наличныхъ въ Россіи высококультурныхъ частныхъ хозяйствъ» и въ изданной въ іюлѣ 1917 года инструкціи вмѣнялъ мѣстнымъ земельнымъ комитетамъ въ гражданскій долгъ не допустить обезцѣненія такихъ очаговъ сельскохозяйственной культуры. Строй хозяйства въ такихъ имѣніяхъ, пояснялъ онъ, «не долженъ нарушаться, поскольку онъ основанъ на работѣ собственнымъ инвентаремъ при помощи постояннаго наемнаго труда; улучшенія положенія трудового населенія здѣсь можно добиваться не раздѣломъ интенсивно обрабатываемой земли между крестьянами, а улучшеніемъ положенія батраковъ въ матеріальномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи». И даже при удовлетвореніи «справедливыхъ требованій трудового крестьянства» комитетамъ ставилось «непремѣнное условіе, чтобы это не вело къ разстройству народнаго хозяйства, къ растратѣ производительныхъ силъ, къ гибели высоко интенсивныхъ хозяйствъ, къ пониженію и гибели такъ необходимаго

Россіи урожая». Положимъ, всѣ эти прекрасныя слова остались на бумагѣ. Болѣе того: эсеровскій главный земельный комитетъ, и тѣмъ болѣе В. М. Черновъ, своимъ не только попустительствомъ, но и прямымъ поощреніемъ «народнаго правотворчества», не мало сдѣлали, чтобы превратить аграрный вопросъ въ аграрный разгромъ и чтобы «привести къ гибели высоко-интенсивныя хозяйства». Но важно то, что теперь уже и представители самаго крайняго изъ народническихъ теченій далеки отъ еще недавняго огульнаго подведенія подъ одну скобку—подъ одно понятіе «кабально-крѣпостническаго владѣнія»—*всѣхъ* владѣній не-трудового типа, отъ еще недавняго игнорированія положительной роли, во всякомъ случаѣ, извѣстной части владѣльческихъ хозяйствъ, отъ еще недавняго безусловнаго преклоненія передъ сельскохозяйственною мудростью русскаго мужика.

Всероссійская община.

Другой вопросъ, гдѣ представители народническихъ теченій едва ли правы—это вопросъ о *соціализаціи земли*, иначе сказать,—объ образованіи чего-то въ родѣ всероссійской земельной общины, которая будетъ время отъ времени уравнивать землю между трудовымъ населеніемъ цѣлой страны. Чтобы убѣдиться въ неосуществимости такого рода идей, достаточно представить себѣ, что многоземельныхъ крестьянъ вздумали бы равнять съ малоземельными. Развѣ многоземельныя общины отдадутъ излишнія по расчету земли для надѣленія малоземельныхъ общинъ, хотя бы своей-же волости, а тѣмъ болѣе чужихъ волостей, уѣздовъ или губерній?.. Конечно, нѣтъ, и всѣ отлично знаютъ, что нѣтъ. Не даромъ вѣдь теоретики народническаго теченія, въ родѣ Туганъ-Барановскаго, не распространяютъ націонализацію на крестьянскія земли, не даромъ такъ-же ставятъ вопросъ трудовики и народные соціалисты; иначе говоря, равнять землей малоземельныхъ предполагается только *за счетъ помѣщиковъ, а не за счетъ многоземельныхъ крестьянъ*. Но если теперь нельзя и думать о томъ, чтобы уравнять многоземельныя общины съ малоземельными, то тѣмъ болѣе объ этомъ нельзя будетъ думать черезъ 10, 20 или 30 лѣтъ. Если будетъ, въ самомъ дѣлѣ, произведена земельная реформа, на основѣ отчужденія однѣхъ владѣльческихъ земель, то вѣдь крестьяне *еще крѣпче* прирастутъ къ своей землѣ,—они еще болѣе увѣрятся въ томъ, что *ихъ*, крестьянскую, землю никогда и никто

отобрать не можетъ, и уже окончательно не отдадутъ никому своихъ излишковъ. Идеи равненія, чернаго передѣла, популярны среди крестьянъ, пока есть владѣльческія и казенныя земли. Владѣльцы были, дѣйствительно, сильны; но ихъ все-таки всего 130.000, и *ихъ* сопротивленіе не такъ трудно было одолѣть. Но какое будетъ возможно «равненіе», когда владѣльческихъ земель не будетъ? Вѣдь тогда придется преодолѣвать сопротивленіе уже не десятковъ тысячъ помѣщиковъ, а милліоновъ и десятковъ милліоновъ крестьянъ, — сопротивленіе всѣхъ тѣхъ общинъ, у которыхъ къ тому времени окажутся излишки земли и которыя ни за что и никому не отдадутъ этихъ излишковъ.

Въ доказательство возможности созданія «всероссійской общины», или общины областной, ссылаются на уравнительные распорядки нашихъ деревенскихъ общинъ; представляютъ себѣ «націонализацію» или «соціализацію» земли, какъ нѣчто непосредственно вытекающее изъ общинно-трудовыхъ воззрѣній русскаго крестьянства. Но, во-первыхъ, и деревенская община существуетъ не во всей Россіи—во многихъ мѣстностяхъ передѣльной общины или вовсе не бывало, или она исчезла такъ давно, что о ней изгладилась даже самая память. Во-вторыхъ, въ значительной части общинной Россіи община частью уже окончательно разложилась, частью находится въ состояніи полнаго разложенія; отъ нея остались только внѣшнія формы, за которыми, въ сущности, давно уже нѣтъ никакого «общиннаго духа», не говоря уже о тѣхъ милліонахъ отрубниковъ и хуторянъ, вообще единоличныхъ собственниковъ, которыхъ создало законодательство эпохи Столыпина и которые, конечно, и слышать не хотятъ объ общинѣ и общинныхъ воззрѣніяхъ. А въ-третьихъ, и это главное: даже и тамъ, гдѣ община жива, гдѣ земля уравнивается и гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно говорить объ общинныхъ воззрѣніяхъ,—это вѣдь только *деревенская* община, въ лучшемъ случаѣ община изъ нѣсколькихъ деревень. И эта деревенская община такъ-же рѣшительно ограждаетъ свою землю отъ всякаго посягательства со стороны, отъ посягательства хотя бы и такихъ же трудовыхъ земледѣльцевъ и общинниковъ, какъ это дѣлаетъ любой, крупный или мелкій, единоличный собственникъ. Никакихъ всероссійскихъ или областныхъ общинныхъ воззрѣній и традицій въ нашей деревенской общинѣ нѣтъ и нельзя найти.

Въ подкрѣпленіе такихъ формулъ, какъ «вся земля всему народу», такихъ плановъ, какъ планы «національзацій», «соціализацій» и т. п., ссылались затѣмъ, въ эпоху первой революціи, ссылаются и сейчасъ, на тѣ сотни и тысячи приговоровъ, постановленій, резолюцій и т. п., гдѣ крестьяне, крестьянскіе съѣзды, крестьянскіе комитеты и т. п. требуютъ «національзаціи» или «соціализаціи». Но какой *дѣйствительный смыслъ* всѣхъ этихъ постановленій и резолюцій? Развѣ крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, требуютъ «всей земли всему народу»? Конечно, нѣтъ— онъ требуетъ земли *трудовому крестьянству;* да и не трудовому крестьянству, а трудовому крестьянину — *самому себѣ*. Крестьянинъ въ приговорѣ или резолюціи «требуетъ» національзаціи или соціализаціи. Но *думаетъ* онъ вовсе не о соціализаціи или національзаціи; если не считать отдѣльныхъ исключеній, онъ даже не понимаетъ смысла этихъ словъ, какъ не понимаютъ его, впрочемъ, и очень многіе изъ тѣхъ интеллигентовъ и даже изъ тѣхъ партійныхъ работниковъ, которые идутъ къ народу и по предложеніямъ которыхъ крестьяне принимаютъ тѣ или другія резолюціи. Онъ просто хочетъ и требуетъ с е б ѣ нарѣзки или прирѣзки изъ казенныхъ, удѣльныхъ, конечно, прежде всего изъ помѣщичьихъ, и изъ всякихъ другихъ земель, сейчасъ не находящихся въ обладаніи крестьянъ. Крестьяне, въ массѣ, не какіе-то носители идей соціальной справедливости, — они такіе-же люди, какъ всѣ, не хуже другихъ, но и не лучше. Какъ и во всякой другой средѣ, такъ и среди крестьянъ есть, конечно, искренно убѣжденные носители идей соціальной справедливости—просто «Божьи люди», «праведники», иногда, можетъ быть, и люди, въ самомъ дѣлѣ воспринявшіе соціалистическое міровоззрѣніе. Но заурядный, массовый крестьянинъ, какъ и заурядный рабочій, заурядный «буржуй», даже заурядный интеллигентъ, думаетъ не о соціальной справедливости, а *о себѣ* и о *своихъ* интересахъ; въ частности всякій или почти всякій крестьянинъ держится за *свою* землю; всякій крестьянинъ, хотя бы и живущій въ общинѣ, если сможетъ, прикупитъ земли и по отношенію къ этой землѣ будетъ чувствовать себя настоящимъ собственникомъ. И вотъ, крестьянинъ подписывается подъ какимъ угодно лозунгомъ—и «вся земля всему народу», и «соціализація», и «національзація», лишь-бы этотъ лозунгъ обѣщалъ *ему* земли изъ чьего-то посторонняго

владѣнія. Но ни за какія «націонализаціи» и «соціализаціи» онъ добровольно не отдастъ ни пяди *своей* земли, какъ бы она ни была необходима «нуждающемуся брату»—другому, малоземельному, хоть и такому же трудовому, хоть и такому-же общинному крестьянину. Крестьянинъ—повторяю—не только не отдастъ добровольно ни избыточной сверхъ потребительной или даже трудовой нормы надѣльной и, тѣмъ болѣе, купленной на «трудовыя деньги» земли—это, какъ мы видѣли, ясно сознаютъ и очень рѣшительные сторонники народническихъ воззрѣній; сибирскіе крестьяне, напримѣръ, или казаки пойдутъ на все, лишь бы только не отдать своихъ «излишковъ» подъ водвореніе малоземельныхъ крестьянъ-переселенцевъ, или своихъ же безземельныхъ арендаторовъ. Болѣе того: крестьяне въ каждой данной мѣстности,—между прочимъ и многоземельные крестьяне мѣстностей, гдѣ имѣется много казенныхъ или помѣщичьихъ земель, могущихъ поступить въ раздѣлъ,—сдѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы всѣ эти земли, сколько бы ихъ ни было, разобрать *между собою*, и не отдадутъ ни пяди, безъ жестокой борьбы, малоземельнымъ крестьянамъ другихъ мѣстностей, гдѣ земельныхъ запасовъ мало или вовсе нѣтъ. И еще болѣе того: крестьяне, снимавшіе землю у такого-то помѣщика или въ такомъ-то казенномъ участкѣ, потребуютъ (сейчасъ вѣрнѣе сказать—потребовали и взяли) эту землю *себѣ* въ прирѣзку, и не согласятся подѣлиться ею съ другими крестьянами, даже той-же волости или другихъ волостей того-же уѣзда, хотя бы нужда въ землѣ у тѣхъ была гораздо больше. И все это, въ концѣ-концовъ, значитъ, во 1-хъ, что раздѣлъ земель будетъ произведенъ *одинъ только разъ*—разъ навсегда; тѣ, кто теперь получилъ или получитъ землю,—въ ихъ рукахъ она навсегда и останется; это будетъ, просто, *однократное дополнительное надѣленіе*, и новаго перераспредѣленія земли, всероссійскаго или областного передѣла, не будетъ никогда, хотя-бы какое угодно учредительное собраніе, или совѣтъ народныхъ комисаровъ, или исполнительный комитетъ совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, или какая угодно другая власть, провозгласила какую угодно «націонализацію» или «соціализацію». И во-2-хъ, это значитъ еще нѣчто худшее: что при распредѣленіи тѣхъ—какъ мы частью видѣли, частью еще увидимъ—очень ограниченныхъ, по сравненію съ безпредѣльными требованіями земли, земельныхъ запасовъ,

какіе могутъ быть пущены въ раздѣлъ между крестьянами, придется считаться не только съ соображеніями уравнительной справедливости, не только съ разными трудовыми, или потребительными, или потребительно-трудовыми нормами, но въ гораздо большей степени—съ притязаніями крестьянъ каждой данной мѣстности на мѣстные земельные запасы. И въ силу этого заранѣе нужно считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что немалая, а очень можетъ быть и весьма значительная, часть земли въ многоземельныхъ мѣстностяхъ—на югѣ и на юго-востокѣ европейской Россіи, а тѣмъ болѣе въ Сибири, будетъ расхватана такими мѣстными крестьянами, которые отлично могли бы жить, и въ самомъ дѣлѣ жили, безъ всякой прирѣзки, а многимъ, очень многимъ изъ малоземельныхъ не достанется ничего, или почти ничего...

Соціалъ-демократы правы еще и въ томъ отношеніи, что никакая земельная реформа не приведетъ къ водворенію соціальнаго мира въ нашей деревнѣ. «Наемный трудъ,—думаютъ нѣкоторые изъ представителей народническаго теченія (Новоторжскій)—въ общинѣ не долженъ допускаться». Трудно даже представить себѣ, какъ эта государственная или общинная власть «не допуститъ» наемнаго труда... Чтобы устранить соціальное неравенство и вытекающія изъ него послѣдствія, нужно было бы полное соціальное преобразованіе. Пока оно не осуществлено, никакая земельная реформа не устранитъ различія между богатымъ и бѣднымъ, между сильнымъ и слабымъ; закабаленіе одними людьми другихъ будетъ продолжаться съ тою же силою и въ тѣхъ же неприглядныхъ формахъ. И сейчасъ вѣдь кулакъ-торговецъ или свой-же братъ мужикъ закабаляетъ девевенскую бѣдноту и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ помѣщиковъ,—и кабала у торговца или своего брата-крестьянина тоже не изъ легкихъ.

Пособія. *А. Риттихъ.* Зависимость крестьянъ отъ общины и міра.—*Гурко.* Устои народнаго хозяйства Россіи. *Никольскій.* Земля, община и трудъ.—*Гр. Салтыковъ.* Голодная смерть подъ фирмою дополнительнаго надѣла.—*Пестржецкій.* Опытъ аграрной программы.—*Ермоловъ.* Нашъ земельный вопросъ.—*Б. Конштедтъ.* Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи.—*Каутскій.* Аграрный вопросъ.—*Давидъ.* Соціализмъ и сельское хозяйство.—

Маслова. Аграрный вопросъ въ Россіи.—*Скворцова*. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. — *Качоровскій*. Народное право.— *Плешехонова*. Земельныя нужды деревни. — *Туганъ-Барановскій*. Націонализація земли. *Кауфмана*. Къ аграрному вопросу. — *Вихляева*. Какъ уравнять пользованіе землею. — Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона (партіи с.-р.) съ предисловіемъ *С. Л. Маслова*. — *Петра Маслова*. Обоснованіе земельнаго закона. — *Валентинова*. Пути рѣшенія аграрнаго вопроса. — *Онъ же*. Революція и аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ.

ЛЕКЦІЯ ШЕСТАЯ.

Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянскаго хозяйства.

Въ задачу настоящаго курса совершенно не входитъ намѣчать или разбирать основанія той болѣе или менѣе широкой земельной реформы, которая можетъ быть предпринята въ цѣляхъ *расширенія* крестьянскаго землевладѣнія. Но спрашивается: *что можетъ дать* такая реформа, *даже при самой широкой,* какая только мыслима, постановкѣ дѣла?

Когда я былъ моложе, я вѣрилъ, что все спасеніе мужика, все спасеніе нашей деревни—въ землѣ: дайте только мужику земли, и все остальное приложится само собой. Но мнѣ пришлось потерять эту вѣру; меня заставило утратить ее все то, что мнѣ довелось видѣть за почти двадцать лѣтъ непрерывной работы по переселенческому дѣлу и по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ. За это время я объѣздилъ, можно сказать, всѣ эти окраины,—я видѣлъ всѣ тѣ «новыя мѣста» и всѣ тѣ «вольныя земли», куда такъ жадно стремятся наши измученные земельнымъ голодомъ переселенцы: я видѣлъ знаменитый «Кочетокъ»—Кокчетавскій уѣздъ, «Китайскій клинъ», т.-е. туркестанскія предгорья, видѣлъ Приамурье и Уссурійскій край; я видѣлъ такія мѣста, гдѣ крестьянинъ, можно сказать, зарылся въ землѣ; гдѣ ему можно «пошириться» сколько угодно, гдѣ на крестьянинѣ до сихъ поръ не было никакихъ налоговъ,—видѣлъ наяву то, чего лучше крестьянину, можно сказать, не снится и во снѣ. И я увидѣлъ, **что не въ землѣ счастье...**

Неудачи переселенцевъ.

Вѣдь какіе милліоны крестьянъ мечтали и мечтаютъ о Сибири и о сибирскихъ вольныхъ земляхъ!.. а между тѣмъ изъ Сибири, за время, 1899—1903 гг., возвращалась почти пятая часть переселенцевъ—19 человѣкъ изъ каждой сотни. И вѣдь возвращаются еще отнюдь не самые несчастные: возвращается на родину тотъ, кому все-таки *еще есть куда итти,* и *есть на что итти;* самые неудачники не возвращаются, а остаются въ Сибири, потому что имъ и не на что, и не для чего возвращаться; самыхъ неудачниковъ приходится, значитъ, искать среди тѣхъ, кто не возвращается, а остается въ Сибири. И статистическія данныя говорятъ намъ, что даже въ такой благодатной мѣстности, какъ Алтайскій округъ, и то до одной пятой части новоселовъ остаются безлошадными или однолошадными (а вѣдь въ Сибири пашутъ не менѣе чѣмъ на парѣ, и потому однолошадный при условіяхъ сибирскаго хозяйства—это все равно, что безлошадный), а почти цѣлая треть обрабатываетъ землю супрягой—значитъ, не имѣетъ возможности вести самостоятельнаго хозяйства. На казенныхъ земляхъ Томской губерніи безлошадные и однолошадные составляютъ также около одной пятой всѣхъ новоселовъ; почти шестая часть ихъ отпускаетъ батраковъ, какъ отпускала «на старинѣ», а болѣе двухъ пятыхъ большую или меньшую часть года продовольствуются покупнымъ хлѣбомъ. Въ киргизской степи безлошадныхъ съ однолошадными почти четверть всего числа новоселовъ, обрабатываютъ землю наймомъ и супрягой отъ одной четверти до двухъ пятыхъ общаго числа. Голодовки въ Сибири и киргизскомъ краѣ свирѣпствуютъ такъ же часто, какъ свирѣпствовали въ самыхъ неурожайныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи,—голодовки по всей формѣ, съ цынгою, эпидеміями тифа, выдачами продовольственнаго хлѣба и казенною трудовою помощью. И въ такомъ положеніи—крестьяне, переселившіеся еще въ самое золотое время сибирскаго переселенія, когда они имѣли возможность водворяться на лучшихъ и самыхъ легкихъ для разработки земляхъ, когда обзаведеніе, благодаря дешевизнѣ хлѣба, скота и строевого матеріала, обходилось очень дешево, а заработки были очень хороши, — въ то время, когда переселенческая семья, попавшая подъ хорошій урожай, за мѣсяцъ страды могла заработать хлѣба на круглый годъ, да еще «вырядить» десятину или

двѣ посѣва. *Теперь* дѣло обстоитъ гораздо хуже: лучшія и лёгкія для разработки земли разобраны,—приходится селиться въ глухой сибирской тайгѣ или въ засушливыхъ, часто безводныхъ, киргизскихъ степяхъ; заработки далеко не тѣ, потому что «народу пріумножилось», и по той-же самой причинѣ обзаведеніе стоитъ въ нѣсколько разъ дороже,—едва ли много хорошаго ждетъ теперешнихъ переселенцевъ!..

Причина—ихъ плохое хозяйство.

И если спросить себя, отчего, въ концѣ-концовъ, такъ плохо приходится переселенцамъ «на новыхъ мѣстахъ», то, какъ это ни больно, приходится сказать: отъ плохого, прямо-таки безобразнаго хозяйства. «Въ 80-хъ годахъ,—пишетъ одинъ наблюдатель, близко видѣвшій переселенческое хозяйство или хозяйничанье на крайнемъ западѣ киргизскаго края (Полферовъ),—вблизи укрѣпленія Актюбе выросъ обширный переселенческій поселокъ; на каждый дворъ давали по 30 дес. отличной земли; кажется, можно было хозяйничать... Но актюбинскій новоселъ иначе распорядился своимъ вольготнымъ положеніемъ: черезъ восемь лѣтъ— продолжаетъ тотъ же очевидецъ,—мнѣ лично пришлось принимать участіе въ перемѣнѣ отведенныхъ участковъ, въ виду жалобъ переселенцевъ на малоземелье, при чемъ девять десятыхъ оказалось дѣйствительно негодною выпашью, благодаря хищнической системѣ воздѣлыванья, 3—4 года подъ рядъ, одной пшеницы. Мало того, на 30—40 верстъ кругомъ всюду распаханы киргизскія степи. Лѣса и талъ вырублены, луга и камыши выкошены, а кобылка, ютившаяся въ этихъ мѣстахъ, стала откладывать яички по пашнямъ и окончательно добила хозяйство новосела,—тогда послѣдній проникъ внутрь степи на правахъ арендатора и снова принялся за свое хищничество». И я самъ видѣлъ въ томъ-же киргизскомъ краѣ сколько угодно такихъ картинъ; видѣлъ, какъ превосходная ковыльная степь вокругъ крестьянскихъ поселковъ въ немного лѣтъ превращается въ заросшую полынью, безплодную пустыню, а то и въ сыпучіе пески; видѣлъ, какъ во всѣ стороны разбѣгаются новоселы, всего за какихъ-нибудь пять или десять лѣтъ передъ тѣмъ получившіе по 15 десятинъ на душу непаханой ковыльной земли: вездѣ новоселамъ, оказывается, либо «земли мало», либо земля «жидкая», плохая, ненадежная.

А между тѣмъ та полоса киргизскаго края, о которой я

только что говорилъ,—это черноземныя степи, очень похожія на многія изъ тѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, откуда двигаются переселенцы; здѣсь, можно было ожидать, переселенцамъ легче всего будетъ разобраться, легче всего будетъ сообразить, какое хозяйство надо вести по мѣстной почвѣ и по мѣстному климату. Такъ что же, въ такомъ случаѣ, въ такихъ уже совсѣмъ не похожихъ на Европейскую Россію мѣстностяхъ, какъ Туркестанъ или Уссурійскій край?.. Въ Туркестанѣ, благодаря плодородной почвѣ и, въ особенности, благодатному южному климату, земля, при поливѣ, даетъ по два урожая въ годъ, неурожаевъ почти не бываетъ, и кромѣ обычныхъ хлѣбовъ, могутъ разводиться и дѣйствительно разводятся туземцами такіе цѣнные и доходные продукты, какъ виноградъ, хлопокъ, рисъ и т. п. Туземецъ, при такихъ условіяхъ, блаженствуетъ на какихъ-нибудь 4—5 десятинахъ. Крестьяне, переселившіеся въ Туркестанъ, получили въ 5—6 разъ больше земли—по 20—30 десятинъ на дворъ; а между тѣмъ имъ и здѣсь тѣсно: вездѣ, гдѣ только можно, они арендуютъ землю у туземцевъ, вездѣ они хлопочутъ о прирѣзкахъ, а многіе изъ нихъ уже бросили отведенныя имъ земли и ушли, невѣдомо куда, искать все новыхъ мѣстъ и все новаго простора. У туземцевъ ведется правильный плодосмѣнъ—пшеница или ячмень чередуются съ посѣвами травы, съ кормовымъ просомъ или кукурузой; они разводятъ такія цѣнныя растенія, какъ хлопокъ или виноградъ,—они тщательнѣйшимъ образомъ обрабатываютъ и удобряютъ землю. Крестьяне-переселенцы, какъ мнѣ уже приходилось говорить, сѣютъ все одну пшеничку, земли не удобряютъ; они не только не расширили площадь обработанныхъ земель, но, напротивъ, побросали кое-что и изъ того, что обрабатывали туземцы: гдѣ только хоть немного гальки въ почвѣ—крестьяне такой земли уже не обрабатываютъ: «наши, молъ, плуги такой земли не берутъ»... Понятно, что отсюда происходитъ: крестьянину-переселенцу, въ самомъ дѣлѣ, нужно пять десятинъ, чтобы получить столько, сколько туземцу даетъ одна; конечно, ему будетъ тѣсно и на 20, и на 30 десятинахъ; ему еще и потому будетъ тѣсно, что его хозяйство очень быстро истощаетъ, обезсиливаетъ землю,—поневолѣ приходится, въ самомъ дѣлѣ, арендовать и хлопотать о прирѣзкахъ, если же арендовать нечего, а прирѣзокъ не даютъ, то и бѣжать съ насиженнаго мѣста.

Въ Приамурьѣ совсѣмъ другія условія: въ Туркестанѣ нѣтъ или мало дождей, и землю приходится поливать, — въ Приамурьѣ, и въ особенности въ Уссурійскомъ краѣ, дождей слишкомъ много, и главное—дожди выпадаютъ, главнымъ образомъ, во второй половинѣ лѣта, т.-е. какъ разъ во время созрѣванія и уборки хлѣба и травы. Жившіе во многихъ мѣстахъ Амурской области и Уссурійскаго края китайцы превосходно приспособили свое хозяйство къ условіямъ мѣстнаго климата: поля у нихъ раздѣлываются грядками, посѣвъ рядовой, обработка почвы чрезвычайно тщательная, разводятъ не столько зерновые хлѣба, сколько бобовыя и такъ называемыя пропашныя растенія, въ особенности разные виды проса—чумизу и гаолянъ. При такомъ хозяйствѣ почва совершенно не истощается, вырабатываются гораздо болѣе устойчивыя и соотвѣтвѣтствующія мѣстному климату сѣмена, посѣвы совсѣмъ мало страдаютъ отъ избытка дождей и отъ развивающихся, благодаря излишней сырости, грибныхъ болѣзней. И вотъ, переселенцевъ, чаще всего, сажаютъ на земли, отобранныя у китайцевъ. Переселенцы начинаютъ съ того, что перепахиваютъ китайскія поля «по россійски», широкими загонами, сѣютъ изъ года въ годъ «россійскую» пшеницу,—и черезъ какихъ-нибудь 5 или 10 лѣтъ превосходныя китайскія поля приходится забрасывать изъ-за сорныхъ травъ и заводящагося въ посѣвахъ «пьянаго хлѣба»; есть уже цѣлыя деревни, населеніе которыхъ разбѣжалось во всѣ стороны, есть такія, гдѣ заколочена треть или половина домовъ. Переселенцы, немного обжившіеся въ краѣ, отлично понимаютъ негодность своего «россійскаго» хозяйства, понимаютъ всѣ преимущества китайскихъ пріемовъ обработки земли. Но сами они этихъ пріемовъ не перенимаютъ: имъ «не съ руки», «не въ привычку» «копаться» въ землѣ, какъ копаются китайцы и корейцы. И вотъ, уссурійскіе переселенцы, получившіе огромные надѣлы, по 100 дес. на семью, придумали очень простой исходъ изъ безвыходнаго положенія, создаваемаго негодностью «россійскихъ» и «непривычностью» китайскихъ способовъ хозяйства: они сдаютъ свои земли въ аренду, за деньги или исполу, тѣмъ-же китайцамъ и корейцамъ,—часто тѣмъ самымъ, которыхъ согнали съ мѣста, чтобы отдать землю крестьянамъ; изъ настоящихъ мужиковъ-хлѣборобовъ они превращаются, такимъ образомъ, въ маленькихъ помѣщиковъ, такъ

же точно живущихъ чужимъ трудомъ, трудомъ китайцевъ и корейцевъ, какъ имъ самимъ, «на старинѣ», приходилось работать на помѣщиковъ изъ дворянъ или изъ своего-же брата-крестьянина. Въ окрестностяхъ города Никольска и другихъ русскихъ поселеній Южно-Уссурійскаго края я видалъ десятки китайскихъ хуторовъ—фанзъ и импаней, гдѣ живутъ мужицкіе арендаторы—китайцы и корейцы; мнѣ довелось быть, между прочимъ, въ одномъ небольшомъ казачьемъ поселкѣ, близъ станціи Иманъ: на весь поселокъ собственными руками казаковъ было распахано какихъ-нибудь двѣ или три десятины; но зато до 300 дес. было засѣяно арендаторами-китайцами, съ платой по 12 рублей за десятину. Такъ неужели же затѣмъ нужно переселеніе, неужели затѣмъ переселенцамъ-крестьянамъ даются 100-десятинные, а казакамъ—чуть не 200-десятинные надѣлы, чтобы крестьянинъ или казакъ жилъ помѣщикомъ и, вмѣсто того, чтобы вести хозяйство, занимался сборомъ аренды съ китайцевъ и корейцевъ?..

Вотъ что̀ мы видимъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ земли сколько угодно—гораздо больше, чѣмъ крестьяне могутъ въ самомъ дѣлѣ обработать, гдѣ не можетъ быть разговору и о непосильныхъ платежахъ. Впрочемъ, не къ чему, пожалуй, и забираться въ такія далекія окраины. Мнѣ приходилось уже упоминать въ одной изъ предыдущихъ лекцій о хозяйствѣ колонистовъ-латышей, которыхъ много развелось въ Петербургской, Новгородской, Псковской губерніяхъ. Такъ вотъ—сами крестьяне признаютъ, что «чухна, хозяйничающій на участкѣ такого размѣра, при которомъ русскій крестьянинъ едва имѣетъ хлѣбъ, не только сытъ, но и ѣстъ ветчину, мясо, масло, пьетъ молоко и пр.» (изъ одного крестьянскаго приговора по Новгородской губерніи).

Вотъ и приходится задуматься: въ землѣ ли счастье? и *что можетъ дать* самая широкая земельная реформа, хотя бы черный передѣлъ *всѣхъ* земель, какія только есть въ нашей странѣ?

Что можетъ дать расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.

Посмотримъ же, какія земли могутъ пойти на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Я уже говорилъ о переселеніи въ Азіатскую Россію. Мы знаемъ, что пустого мѣста въ Сибири и въ киргизскомъ краѣ видимо-невидимо,—но годныхъ для заселенія земель отнюдь не много: свободны необъятныя пространства

тайги,—но тайга переселенцамъ не нужна; въ степныхъ мѣстностяхъ годныхъ для поселенія крестьянъ-земледѣльцевъ земель немного, а еще меньше воды, которою можно было бы воспользоваться для искусственнаго орошенія. До самаго послѣдняго времени переселялось не болѣе 200 тысячъ въ годъ; въ 1907—1909 г. переселилось, правда, болѣе полумилліона, но страшно подумать, что было бы, если бы переселеніе еще нѣсколько лѣтъ продолжало итти въ такихъ же размѣрахъ. Но пусть даже переселялось бы ежегодно хоть по полумилліона,— все-таки, вѣдь это только *четвертая* часть годичнаго прироста населенія Европейской Россіи...

Затѣмъ, въ Европейской Россіи имѣются необъятныя пространства земель, принадлежащихъ казнѣ и бывшему удѣлу. Но изъ этихъ необъятныхъ пространствъ собственно на земельныя угодья приходится съ небольшимъ 6 милліоновъ десятинъ, сосредоточенныхъ почти исключительно въ юго-восточныхъ губерніяхъ; почти половина этихъ земель приходится на три губерніи—Самарскую, Астраханскую и Симбирскую. Затѣмъ—необъятные казенные лѣса. Но, дѣйствительно, обширныя пространства лѣсовъ—гораздо больше чѣмъ нужно!—имѣются только въ нечерноземной полосѣ и, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ сѣверныхъ губерніяхъ (Архангельская, Вологодская и пр.). Если къ казеннымъ и удѣльнымъ лѣсамъ присчитать еще лѣса частновладѣльческіе, то можно смѣло сказать, что избытокъ лѣсовъ въ нечерноземной полосѣ будетъ достаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ земельныхъ нуждъ, даже по очень широкому расчету; остается, положимъ, подъ вопросомъ, *что это* будутъ за земли, что будутъ дѣлать крестьяне съ лѣсными прирѣзками, въ особенности тамъ, гдѣ мало сѣнокосовъ,—но на этомъ мы пока останавливаться не будемъ. Сейчасъ мы должны отмѣтить только одно: что и лѣса сѣвера Россіи, какъ и сибирская тайга, не могутъ ничѣмъ помочь крестьянамъ черноземной полосы, т.-е. какъ разъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ земельный вопросъ всего острѣе и разрѣшеніе его всего насущнѣе: какой-нибудь полтавецъ или курянинъ не пойдетъ въ Костромскую или Новгородскую, тѣмъ болѣе въ Архангельскую губернію. Въ черноземной же полосѣ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ уже настолько мало, что о расширеніи, за ихъ счетъ, крестьянскаго землевладѣнія говорить не приходится: казенные лѣса,

какіе здѣсь еще остались, надо не расточать, а беречь, какъ зѣницу ока...

Наконецъ земли частныхъ владѣльцевъ всѣхъ разрядовъ и наименованій. Общая площадь частновладѣльческихъ земель во всей Европейской Россіи—103 милліона удобныхъ десятинъ. Но изъ нихъ надо исключить, прежде всего, мелкія владѣнія, имѣющія характеръ трудовыхъ,—земли, пріобрѣтенныя крестьянами при посредствѣ крестьянскаго банка и т. п. *Сколько* ихъ—этого въ точности нельзя сказать, но едва ли меньше 25 милліоновъ десятинъ. Изъ остальныхъ 80 или 85 милліоновъ десятинъ владѣльческихъ земель, опять-таки по приблизительному подсчету, 30 или 35 милліоновъ десятинъ лѣсовъ и около 45—50 милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій. О владѣльческихъ лѣсахъ приходится сказать, примѣрно, то-же, что только что сказано о лѣсахъ казны и удѣла: часть ихъ, конечно, можно было бы взять для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, но тоже только въ нечерноземныхъ губерніяхъ, т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ для этого и безъ того достаточно казенныхъ и удѣльныхъ земель.

Предположимъ теперь далеко не правдоподобную вещь: что на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія будутъ использованы даже *всѣ* земельныя угодья частныхъ владѣльцевъ, въ количествѣ, допустимъ, 50 милліоновъ десятинъ; прибавимъ къ этому полностью 6 или $6^1/_2$ милліоновъ десятинъ земельныхъ угодій казны и удѣла, прибавимъ десять милліоновъ, или даже совершенно неправдоподобную цифру—20 милліоновъ десятинъ лѣсовъ, которые, предположимъ, также удалось бы использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Въ итогѣ получается, все-таки, всего только 65—75 милліоновъ десятинъ. А у крестьянъ уже сейчасъ имѣется до 113 милліоновъ десятинъ надѣльныхъ, да по послѣднимъ даннымъ—до 25 милл. дес. купчихъ земель. Значитъ, все, что можно, по самому неправдоподобному широкому расчету, использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, составитъ прибавку, кругомъ, по одной десятинѣ на каждыя двѣ десятины теперешняго крестьянскаго владѣнія. Конечно, *такъ* распредѣлять землю никому не придетъ въ голову: добавлять по десятинѣ на каждыя двѣ десятины, т.-е. добавить имѣющему 100 дес. еще 50 десятинъ, а имѣющему всего двѣ десятины—только одну, было бы явною

безмыслицей. Ясно, значитъ, что большая часть могущихъ быть использованными для расширенія крестьянскаго землевладѣнія земельныхъ запасовъ страны, при планомѣрномъ проведеніи земельной реформы, должна была бы пойти на удовлетвореніе земельной нужды наиболѣе обездоленныхъ группъ крестьянства; тѣмъ, кто лучше обезпеченъ землей, досталось бы гораздо меньше, чѣмъ по десятинѣ на каждыя двѣ наличныхъ десятины, многимъ же изъ нихъ, мы сейчасъ увидимъ, не досталось бы и вовсе ничего. Кому и гдѣ достанется, и кому не достанется земля при теперь идущемъ самочинномъ захватѣ и хозяйничаньѣ всякихъ мѣстныхъ комитетовъ и совѣтовъ — это трудно сказать. Но что многимъ, очень многимъ ничего не достанется — это несомнѣнно.

Примѣрный общій подсчетъ.

Еще въ 1905 году я сдѣлалъ попытку вычислить, сколько требуется земли для того, чтобы довести земельное обезпеченіе крестьянъ, по расчету на наличную численность населенія, до нормъ высшаго или указнаго надѣла, установленныхъ положеніями 19 февраля. Для 44-хъ губерній, для которыхъ мнѣ удалось сдѣлать соотвѣтственныя вычисленія, получилось 73 милліона десятинъ; общее количество земли въ тѣхъ-же 44-хъ губерніяхъ, считая въ томъ числѣ всѣ земельныя угодья казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ, а также весь избытокъ лѣсной площади, не превышаетъ 45—50 милліоновъ десятинъ; значитъ, въ итогѣ по 44 губерніямъ для надѣленія по нормамъ 1861 года не хватаетъ, примѣрно, 25 милліоновъ десятинъ. Если взять не общіе итоги, а цифры по отдѣльнымъ губерніямъ и районамъ, то оказывается, что земельные запасы могли бы быть достаточны для надѣленія по нормамъ 1861 года во всемъ сѣверномъ полѣсьѣ, въ пріозерныхъ, частью бѣлорусскихъ губерніяхъ. Уже въ промышленномъ, подмосковномъ районѣ земельныхъ запасовъ оказывается недостаточно. Нечего уже и говорить о черноземной полосѣ: здѣсь только въ шести губерніяхъ, именно Самарской, Симбирской, Казанской, Херсонской, Таврической и Волынской, надѣлы, при полномъ использованіи всѣхъ земельныхъ запасовъ, могли бы быть доведены до нормъ высшаго или указнаго надѣла по положеніямъ 1861 года; во всей центральной земледѣльческой полосѣ это оказывается совершенно невозможнымъ. Недохватка земли могла бы быть, въ извѣстной части, покрыта из-

лишками сѣверныхъ лѣсовъ; но мы уже знаемъ, что сѣверные лѣса не могутъ быть использованы для устройства населенія черноземной полосы—они ему не нужны.

Все это, конечно, только прикидки, приближенныя вычисленія. Но сущность дѣла едва ли можетъ подлежать сомнѣнію и въ настоящее время, въ самомъ дѣлѣ, не возбуждаетъ сомнѣній ни въ комъ: въ нечерноземной полосѣ земельныхъ запасовъ *можетъ* хватить для надѣленія по нормамъ 1861 года, въ *черноземной—нѣтъ*. Но, вѣдь, что такое нормы 1861 года?.. При нынѣшней плохой обработкѣ земли и при низкой ея производительности, онѣ чрезвычайно далеки отъ такъ называемыхъ «трудовыхъ нормъ», онѣ ниже, для многихъ мѣстностей, даже чѣмъ потребительныя нормы; иначе сказать, надѣлъ по нормамъ высшихъ или указныхъ надѣловъ по положеніямъ 19 февраля не можетъ ни дать крестьянамъ возможности использовать весь свой трудъ на своей землѣ, ни обезпечить удовлетворенія ихъ скромныхъ потребительныхъ нуждъ: продовольствія, одежды и т. п. Но отсюда ясно, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, хотя бы для этого были использованы *всѣ* земельные запасы страны, хотя бы въ странѣ не осталось *никакого*, кромѣ крестьянскаго, землевладѣнія, не можетъ привести къ коренному разрѣшенію нашего аграрнаго вопроса, не можетъ исцѣлить тѣхъ бѣдъ, отъ которыхъ страдаетъ наше крестьянство.

Сущность аграрнаго вопроса—кризисъ первобытнаго земледѣлія.

Вѣдь въ чемъ, въ концѣ-концовъ, причина и низкихъ среднихъ урожаевъ, и столь частыхъ полныхъ неурожаевъ, и хроническаго недоѣданія, и періодически повторяющагося голоданія нашего крестьянства, ведущаго, въ концѣ-концовъ, къ физическому вырожденію народныхъ массъ? Въ томъ, что существующіе хозяйственные порядки—залежное хозяйство нашего юга и юга-востока, трехполье нашего центра и большей части сѣвернаго полѣсья—уже не отвѣчаютъ условіямъ современной густоты крестьянскаго населенія или, иначе сказать, не соотвѣтствуютъ размѣрамъ того надѣльнаго и внѣнадѣльнаго земельнаго фонда, на которомъ хозяйствуютъ крестьяне. Чтобы залежное хозяйство опять могло сдѣлаться раціональнымъ, правильнымъ, чтобы оно опять начало давать крестьянину не 30 и не 25 пудовъ съ десятины,—для этого надо

бы было устроить такъ, чтобы земля могла отдыхать, сколько нужно для возстановленія ея производительныхъ силъ; но это было бы возможно лишь при такомъ просторѣ, какой сейчасъ имѣется развѣ только въ наиболѣе рѣдко населенныхъ и многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири; или, иначе говоря, залежное хозяйство могло бы давать хорошіе урожаи развѣ только если бы крестьянскіе надѣлы увеличились гдѣ втрое или въ четверо, а гдѣ—въ пять, въ шесть и болѣе разъ. Чтобы крестьянинъ могъ получать хорошіе урожаи при трехпольѣ,—для этого нужно было бы, чтобы у него на десятину пашни было гдѣ десятина, а гдѣ $1^1/_2$ и даже 2 десятины луга; нужно было-бы, вообще, возстановить правильное соотношеніе между посѣвною и кормовою площадью. Но все это, очевидно, практически совершенно неосуществимо: неоткуда взять земли, чтобы увеличить крестьянское землепользованіе въ 3, 4 или 5 разъ, неоткуда взять столько луговъ, чтобы на каждую десятину пашни пришлось хотя бы по одной десятинѣ покоса. А если это такъ, то дѣйствительнаго выхода изъ переживаемаго нами аграрнаго кризиса можно искать *исключительно* въ подъемѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, въ переходѣ къ такимъ способамъ обработки земли, при которыхъ населеніе, какъ оно есть сейчасъ, могло бы получать достаточные урожаи и достаточный доходъ отъ своего хозяйства.

Выходъ—въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства.

И особенно ясно сказанное станетъ, если посмотрѣть, какъ могла бы отразиться даже самая широкая земельная реформа, какъ могли бы отразиться даже самыя рѣшительныя мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, на отдѣльныхъ, различно обезпеченныхъ землею, группахъ и разрядахъ нашего крестьянства. Земли, мы видѣли, на всѣхъ хватить не можетъ,—значитъ, при распредѣленіи ея придется сообразоваться со степенью земельной нужды. Въ первую голову, конечно, получатъ землю дарственники, вообще всѣ тѣ, у кого очень мало земли, гораздо меньше, чѣмъ имѣютъ, кругомъ, крестьяне каждой губерніи или каждаго уѣзда. *У нихъ* земли прибавится, конечно, много—но все-таки сколько же? Самое лучшее, если у нихъ послѣ земельной реформы окажется немногимъ больше земли, чѣмъ имѣютъ теперь среднеземельные. Среднеземельнымъ достанется уже немного: ихъ надѣлы возра-

стутъ уже не втрое или вчетверо, а на какую-нибудь четверть или треть. Многоземельнымъ, напримѣръ бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, при равномѣрномъ распредѣленіи земли не достанется ничего,—не потому, конечно, не достанется, чтобы имъ не было тѣсно (при *теперешнемъ* крестьянскомъ хозяйствѣ нѣтъ крестьянъ, которымъ не было бы тѣсно!), а потому, что для нихъ *земли неоткуда будетъ взять;* и если многоземельнымъ и удастся урвать себѣ какіе-нибудь клочки земли,—это возможно будетъ только въ прямой ущербъ гораздо болѣе нуждающимся въ землѣ, малоземельнымъ элементамъ. А между тѣмъ, вѣдь, бѣдствуетъ, болѣе или менѣе, *все* наше крестьянство, а если и не все, то, во всякомъ случаѣ, никакъ не одни малоземельные: вѣдь, голодаетъ, вырождается физически, бродитъ по заработкамъ и въ концѣ-концовъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, не только дарственникъ, съ его чуть не сплошь занятымъ подъ усадьбу «нищенскимъ» надѣломъ, но и тотъ среднеземельный крестьянинъ, котораго надѣлъ для дарственника—предѣлъ его мечтаній, и тотъ многоземельный, которому, какъ я сказалъ, и вовсе не приходится мечтать о расширеніи его землевладѣнія. Значитъ, вопросъ объ улучшеніи крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства и о повышеніи производительности земли имѣетъ одинаково важное значеніе для *всего* нашего крестьянства, все равно, хорошо ли, или плохо оно обезпечено землей,—и безъ этого *никакое*, практически осуществимое, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не избавитъ крестьянина отъ постояннаго недоѣданія и частыхъ голодовокъ.

Неотложность вопроса.

Казалось бы, что говорить объ этомъ,—это значитъ, какъ говорится, ломиться въ открытую дверь: говорить вещи, которыя и безъ того всякому ясны, которыя и безъ того всякій понимаетъ. Вѣдь само собою разумѣется, надо заботиться о томъ, чтобы земля давала больше,—это признаетъ всякій, и никому не придетъ въ голову сказать, что *не нужно,* чтобъ земля давала больше. Но какъ слѣдуетъ, серьезно объ этомъ, въ концѣ-концовъ, никто не думаетъ: крестьяне, да и нашъ братъ, интеллигентъ, убѣждены въ томъ, что все дѣло, въ концѣ-концовъ, въ землѣ. Достаточно вспомнить тѣ рѣчи, которыя раздавались и въ первой и во второй Государственной Думѣ, когда кто-нибудь заикался о томъ, что нужна не только земля, а нужно и лучшее хозяйство: «Ка-

кая тамъ улучшенная культура,—восклицали депутаты-крестьяне,—когда земли нѣтъ!» «Культура—дѣло барское!» «Посадить бы барина на дарственный надѣлъ—посмотрѣли бы, какую онъ бы завелъ культуру»... Вотъ смыслъ крестьянскихъ рѣчей въ Государственной Думѣ. Приблизительно такъ же, однако, разсуждаютъ и интеллигенты. «Агрикультурный прогрессъ (или проще—улучшеніе способовъ обработки земли)—гласитъ проектъ резолюціи того состоявшагося въ апрѣлѣ 1905 года совѣщанія по земельному вопросу, на которомъ впервые вслухъ провозглашенъ былъ принципъ принудительнаго отчужденія земли,—встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе, прежде всего, въ крестьянскомъ малоземельѣ, устраненіе котораго и должно быть ближайшею задачею поземельной политики». Или вотъ, какъ выражаетъ ту же мысль Туганъ-Барановскій, въ своей книжкѣ, посвященной вопросу о земельной реформѣ: «Безземельнымъ и малоземельнымъ надо прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки». Или еще одинъ примѣръ—отзывъ извѣстнаго дѣятеля по части общественной агрономіи, В. В. Винера: «Самою главною заботою,—говоритъ онъ,—для улучшенія коренного крестьянскаго хозяйства явится увеличеніе доходности, т.-е. урожайности крестьянской земли». Явится, но когда? *послѣ нарѣзки земли*,—и эти слова авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть курсивомъ. Выходитъ что же? заботиться объ улучшеніи пріемовъ обработки земли въ крестьянскомъ хозяйствѣ, о повышеніи производительности крестьянскихъ земель, хотя и надо, но надо когда-то *послѣ*, послѣ того, какъ будетъ расширено крестьянское землевладѣніе. А я говорю на это: да, расширить крестьянское землевладѣніе надо, но одного расширенія крестьянскаго землевладѣнія мало; самое важное—это улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности земли; и позаботиться объ этомъ надо *не когда-то потомъ*, а *сейчасъ же*, потому что медлить въ этомъ дѣлѣ нельзя, потому что каждый пропущенный годъ влечетъ за собой все новыя непоправимыя бѣды.

Значеніе малоземелья.

Безземелье и малоземелье, дѣйствительно, мѣшаетъ улучшенію обработки земли, дѣлаетъ его даже невозможнымъ. Совершенно вѣрно. Но *кому* оно мѣшаетъ улучшать хозяйство? Очевидно—безземельнымъ и малоземельнымъ. Безземельный, само собою ясно, не

можетъ улучшить обработки земли, которой у него нѣтъ. Столь же очевидно не можетъ думать объ улучшеніи хозяйства дарственникъ съ его четвертнымъ надѣломъ—это настолько ясно, что объ этомъ не приходится много говорить. Ну, а бывшіе помѣщичьи крестьяне, получившіе полный надѣлъ? Развѣ *и имъ* недостаточный размѣръ надѣловъ мѣшаетъ улучшать свое хозяйство? Едва ли; мы видѣли, напротивъ, что бывшіе помѣщичьи крестьяне, именно потому, что имъ становилось тѣсно, во многихъ мѣстностяхъ ведутъ хозяйство далеко лучше, чѣмъ бывшіе государственные, что они гораздо раньше перешли, напримѣръ, къ трехполью, раньше начали удобрять поля. Но допустимъ, что даже полный надѣлъ по положеніямъ 19 февраля, это тоже еще такое малоземелье, при которомъ улучшать хозяйство нельзя. Ну, а бывшіе государственные крестьяне? Развѣ *и имъ* малоземелье препятствуетъ улучшать обработку земли? Это уже совсѣмъ не правдоподобно: вѣдь *ихъ*-то ужъ никто и никогда не признавалъ малоземельными. А переселенцы, съ ихъ 15 десятинами на наличную душу?.. Помилуйте,—воскликнетъ на это всякій,—да какой же *имъ* смыслъ думать объ улучшенныхъ пріемахъ обработки земли, объ интенсификаціи хозяйства, разъ земельный просторъ позволяетъ имъ вести первобытное залежное хозяйство?.. Допустимъ, что это такъ—хотя тоже не совсѣмъ: мы вѣдь видѣли, какія плохія послѣдствія получаются отъ безобразнаго хозяйства нашихъ переселенцевъ. Но повторяю, допустимъ, что это такъ,—что переселенцамъ, въ самомъ дѣлѣ, не къ чему думать объ улучшеніи пріемовъ хозяйства и способовъ обработки земли. Такъ что же получается въ такомъ случаѣ? У малоземельныхъ улучшеніе обработки земли и повышеніе ея производительности встрѣчаетъ «непобѣдимое препятствіе» въ *малоземельѣ*; у многоземельныхъ оно встрѣчаетъ такое же непобѣдимое препятствіе въ *многоземельѣ;* многоземельные не могутъ улучшать хозяйства, потому что у нихъ много земли, а малоземельные — потому что у нихъ земли мало. Но вѣдь должна же быть такая середина, гдѣ нѣтъ ни того ни другого препятствія, гдѣ, значитъ, *можно* улучшать хозяйство? Такая середина, гдѣ *уже* нѣтъ многоземелья и *еще* нѣтъ малоземелья? Неужели и тогда надо ждать съ улучшеніемъ крестьянскаго хозяйства, съ усовершенствованіемъ способовъ обработки земли? И чего ждать?

Медленность распространенія улучшеній.

«Расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія,—говоритъ тотъ-же М. И. Туганъ-Барановскій,—нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно». Это, мы видѣли, неотразимый доводъ въ пользу необходимости широкихъ мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что надо откладывать мѣры, направленныя къ повышенію производительности народнаго труда? Конечно, нѣтъ—какъ разъ напротивъ: вѣдь если проведеніе въ крестьянскую среду улучшенныхъ способовъ хозяйства требуетъ многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, то тѣмъ необходимѣе *теперь же* приступить къ работѣ въ этомъ направленіи: вѣдь если мы на десятки лѣтъ отложимъ *начало* этой работы, то на десятки лѣтъ отсрочится ея *конецъ*, еще на десятки лѣтъ оттянется столь необходимое улучшеніе крестьянскаго хозяйства.

И притомъ, дѣйствительно ли это еще такъ? Въ самомъ ли дѣлѣ улучшеніе крестьянскаго хозяйства требуетъ непремѣнно десятилѣтій? Едва ли... У насъ, правда, улучшенія прививались очень медленно, но это просто потому, что не о томъ думали: вниманіе и крестьянъ, и интеллигенціи, и правительства было направлено въ совсѣмъ другія стороны. И, тѣмъ не менѣе, даже у насъ, въ Россіи (мнѣ сейчасъ придется говорить объ этомъ подробнѣе) можно указать примѣры весьма быстраго распространенія тѣхъ или другихъ сельскохозяйственныхъ улучшеній. Еще быстрѣе такія улучшенія распространяются на Западѣ—въ Германіи, въ Италіи и т. п. Прежде, дѣйствительно, повышеніе производительности земли основывалось на дорого стоящихъ улучшеніяхъ, которыя давали плоды лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго срока. «Эти расчеты,—говоритъ А. И. Чупровъ,—существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена»; земледѣльческія улучшенія въ этомъ новомъ направленіи «дѣйствуютъ быстро, почти немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ-же годъ, возвращая издержки съ обильною, а иногда даже громадною прибылью»; для примѣненія ихъ «не требуется ни

продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала», и, въ концѣ-концовъ, «практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ»; улучшеніе хозяйства можетъ итти чрезвычайно быстро.

Значеніе уровня умственнаго развитія.

Улучшенія крестьянскаго хозяйства могутъ распространяться чрезвычайно быстро, *разъ населеніе сознало* необходимость такого рода улучшеній, поняло невозможность оставаться при старыхъ, отжившихъ свой вѣкъ, способахъ хозяйства и пріемахъ обработки земли. Но въ томъ-то и вопросъ: *можетъ ли* наше крестьянство сознать необходимость коренного улучшенія способовъ хозяйства? Для того, чтобы оно могло уразумѣть суть и смыслъ тѣхъ способовъ улучшенной обработки земли, какіе предлагаетъ наука и сельскохозяйственная практика другихъ странъ, для этого—говорятъ обыкновенно—требуется извѣстный уровень образованія и развитія, требуется просторъ для личной и общественной самодѣятельности; и только тогда,—говорятъ дальше,—когда поднимется умственный уровень крестьянскихъ массъ, когда изгладятся слѣды вѣкового гнета, тяготѣвшаго надъ личностью крестьянина, *только тогда* можно надѣяться на коренное улучшеніе способовъ крестьянскаго хозяйства и, значитъ, на существенное повышеніе производительности и доходности крестьянскихъ земель.

И образованіе, и свобода—все это, конечно, необходимо. Но если всего этого дожидаться и до тѣхъ поръ ничего не дѣлать для улучшенія крестьянскаго хозяйства, если до тѣхъ поръ оставаться при нашихъ допотопныхъ пріемахъ обработки земли,—такъ вѣдь «пока взойдетъ солнце, роса глаза выѣстъ». Пока будетъ вводиться всеобщее обученіе (въ три дня вѣдь его тоже не введешь!), пока оно подниметъ умственный уровень крестьянскихъ массъ, пока изгладятся слѣды вѣкового гнета, — что жъ будетъ *до тѣхъ поръ*? Неужели до тѣхъ поръ сложа руки глядѣть, какъ нашъ черноземъ даетъ 40 и 30 пудовъ съ десятины, какъ сидящій на этомъ черноземѣ крестьянинъ пухнетъ отъ голода и вырождается отъ недоѣданія?!.

И еще другое; мы вѣдь требуемъ для крестьянина всей полноты гражданскихъ и политическихъ правъ, включая избирательное право по четырехчленной формулѣ и вообще участіе въ

дѣлахъ государственнаго и мѣстнаго управленія; вѣдь сотни крестьянъ сидѣли и сидятъ въ Государственной Думѣ. Такъ неужели же крестьянинъ, котораго мы, значитъ, *признаемъ* способнымъ разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, далеко выходящихъ изъ обычнаго крестьянскаго кругозора, — неужели этотъ крестьянинъ неспособенъ уразумѣть такія простыя вещи, какъ преимущества хорошихъ сѣмянъ передъ плохими, какъ выгоды, доставляемыя травосѣяніемъ, какъ эффектъ минеральнаго удобренія или глубокой вспашки?.. Это и неправдоподобно и противорѣчитъ фактамъ. Мы знаемъ, прежде всего, что отнюдь не выше стоящія въ умственномъ развитіи и, конечно, не больше видѣвшія свободы туземныя племена многихъ изъ нашихъ окраинъ—сарты и даже осѣвшіе киргизы въ Туркестанѣ, китайцы и корейцы въ Уссурійскомъ краѣ, туземныя племена Закавказья и т. п.—довели свою сельскохозяйственную технику до такого уровня, который для нашего крестьянина является, пока, недосягаемымъ идеаломъ; мало того—сартовское или китайское хозяйство проявляетъ удивительную подвижность и приспособляемость къ измѣнчивымъ требованіямъ рынка, т.-е. какъ разъ тѣ качества, какія принято связывать съ высокою умственною культурой. А затѣмъ, вѣдь и самъ нашъ крестьянинъ отнюдь не такъ уже безусловно невоспріимчивъ къ хозяйственнымъ улучшеніямъ, какъ думаютъ... его искреннѣйшіе, но слишкомъ горячіе друзья, и фактически крестьянское хозяйство даже и въ эпоху тяжелаго кризиса не совсѣмъ стояло на мѣстѣ. Какъ я уже имѣлъ случай упоминать, средній урожай съ крестьянскихъ земель, въ среднихъ цифрахъ по десятилѣтіямъ, начиная съ 1861 по 1910 годъ, выражался 29—31—34—39—43 пудами съ десятины,—средній урожай пятаго десятилѣтія превышаетъ средній урожай перваго десятилѣтія, какъ никакъ, на 48% или почти въ полтора раза. Среди крестьянъ нечерноземной полосы быстро распространяется полевое травосѣяніе: въ 1881 году площадь, занятая у крестьянъ подъ посѣвными травами, не превышала 50 тыс. десятинъ; уже въ 1901 году она опредѣлялась, приблизительно, въ 355 тыс. десятинъ, а въ 1916 году она достигла, по даннымъ сельскохозяйственной переписи, почти милліона съ четвертью десятинъ. Въ значительной части—это такъ называемое «угловое» травосѣяніе или единоличныя попытки отдѣльныхъ крестьянъ, рядомъ съ про-

должающимъ еще господствовать трехпольнымъ хозяйствомъ но у немалой уже части крестьянъ, главнымъ образомъ подмосковной, почти въ такой же мѣрѣ пріозерной области, посѣвы травъ введены въ общій сѣвооборотъ, и такимъ образомъ сдѣланъ первый, рѣшительный шагъ по пути къ сельскохозяйственному прогрессу,—первый шагъ къ переходу отъ трехполья къ травопольному и плодосмѣнному хозяйству. Въ нечерноземной же, преимущественно, полосѣ, главнымъ образомъ въ ея западной половинѣ, быстро распространяются искусственныя удобренія. Чрезвычайно быстро—особенно, наоборотъ, въ черноземной полосѣ и главнымъ образомъ въ южной, степной ея части, распространяются улучшенныя земледѣльческія орудія, и притомъ не только такія, которыя способствуютъ лишь ускоренію и облегченію работы, но и такія, которыя способствуютъ качественному улучшенію обработки земли: заводскіе плуги, усовершенствованныя бороны, сѣялки, сортировки для зерна и т. п.; во многихъ мѣстностяхъ исконная соха-ковырялка или хохлацкій плугъ—сабанъ окончательно или почти окончательно отошли въ область преданій. «Мудрено доказывать,—говорить все тотъ-же А. И. Чупровъ, — недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ (и, конечно, и для необщинниковъ. *А. К.*) послѣ того, какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію—перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ»... Достаточно напомнить о такихъ фактахъ, какъ быстрое распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ минеральныхъ удобреній и въ очень многихъ—улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ, нерѣдко безъ всякаго планомѣрнаго воздѣйствія со стороны общественной агрономіи; какъ феноменально-быстрое развитіе въ Западной Сибири экспортнаго маслодѣлія, а въ связи съ этимъ и улучшеніе техники крестьянскаго скотоводства; я лично былъ свидѣтелемъ того, какъ нѣкоторые улучшенные сорта сѣмянъ, попавъ въ сибирскую деревню изъ Минусинскаго музея, въ 3—4 года распространились по друмъ громаднымъ сибирскимъ губерніямъ и почти совершенно вытѣснили старые, мѣстные сорта. Достаточно вспомнить обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наше крестьянское хозяйство и при данномъ куль-

турномъ уровнѣ отнюдь не такъ недоступно культурному воздѣйствію: что широко и планомѣрно поставленная агрономическая помощь *можетъ* дать обильные плоды и ранѣе распространенія всеобщаго обученія, и ранѣе, чѣмъ народъ переродится въ оживляющей водѣ политической свободы.

Вопросъ о средствахъ.

Затѣмъ — вопросъ о средствахъ: на что́ же крестьянинъ будетъ улучшать свое хозяйство, разъ ему нечего ѣсть, разъ ему не на что удовлетворить своимъ самымъ насущнымъ потребностямъ? Но вѣдь не всѣ же, въ концѣ-концовъ, крестьяне поголовно нищіе! Есть же между ними и такіе, которые имѣютъ пару десятковъ или сотенъ рублей свободныхъ денегъ, или которые могутъ какъ-нибудь эти деньги достать—вся бѣда въ томъ, что эти свободныя или откуда-нибудь добытыя деньги крестьяне употребятъ не на *улучшеніе* хозяйства и земли, а на *расширеніе* размѣровъ своего землепользованія и хозяйства, въ формѣ ли покупки земли или аренды. И отсюда—самый простой отвѣтъ на вопросъ о средствахъ. «Чѣмъ же,—спрашиваетъ себя А. И. Чупровъ,—крестьянскій дворъ будетъ покрывать дополнительныя затраты, неизбѣжно вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства? Тѣмъ-же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель»... А если у той или другой части крестьянства средствъ дѣйствительно нѣтъ, то средства *должны* быть доставлены государствомъ или обществомъ, должны быть доставлены всѣми возможными путями, и прежде всего—широкою организаціею мелкаго народнаго кредита. Средства, говорю я, *должны* найтись, потому что въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства—единственный дѣйствительный выходъ изъ аграрнаго кризиса; въ немъ—вся будущность нашего крестьянства и нашей страны. И организовать потребный для этой цѣли кредитъ будетъ, мнѣ думается, тѣмъ легче, что современная наука и сельскохозяйственная техника выработали цѣлый рядъ такихъ средствъ къ повышенію производительности земли, которыя даютъ чрезвычайно быстрые и вѣрные результаты и, слѣдовательно, вполнѣ обезпечиваютъ скорое погашеніе ссудъ.

Условія рынка.

Есть еще одно возраженіе. Говорятъ, повышеніе производительности крестьянской земли можетъ оказаться, въ концѣ-концовъ, невыгоднымъ для самихъ

крестьянъ. Вѣдь крестьянинъ ведетъ теперь, какъ мы отчасти видѣли въ нашей первой лекціи, не натуральное, а въ значительной мѣрѣ денежное хозяйство, ему приходится *продавать* хлѣбъ; значитъ—для него важны хлѣбныя цѣны; если крестьянская десятина вмѣсто нынѣшнихъ сорока пудовъ будетъ давать, ну хоть, скажемъ, 60 пудовъ, если такимъ образомъ будетъ выброшенъ на рынокъ лишній милліардъ пудовъ хлѣба, то цѣны на хлѣбъ упадутъ еще сильнѣе, чѣмъ упали за послѣднія 15 — 20 лѣтъ, и крестьяне, пожалуй, не только ничего не выиграютъ, но скорѣе проиграютъ отъ улучшенія своего хозяйства: имъ придется отдавать весь вновь производимый избытокъ хлѣба, отдавать задешево, чтобы какъ-нибудь покрыть нужду въ деньгахъ на подати и на всякій другой расходъ.

Мнѣ думается, однако, что и это возраженіе не имѣетъ существеннаго значенія. Вѣдь когда мы говоримъ объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, о повышеніи производительности земли,—это вовсе не значитъ непремѣнно, что будетъ попрежнему производиться въ однѣхъ губерніяхъ все одна только пшеница съ овсомъ, въ другихъ — рожь съ овсомъ. Важно то, что *теперь* земля мало даетъ крестьянину и что она *должна* давать больше. Но *что* она должна давать: хлѣбъ, картофель на винокуреніе, свеклу на сахаръ или кормовыя травы для откармливанія скота,—это вопросъ совсѣмъ другой, и, конечно, тѣ, кто будутъ помогать крестьянину вырабатывать улучшенные способы и пріемы хозяйства, должны будутъ сообразоваться съ тѣмъ, *что выгодно* въ данное время и въ данной мѣстности: если выгодно производить зерновые хлѣба—нужно будетъ выработать такое хозяйство, чтобы получалось побольше пшеницы или ржи; если будетъ выгодно откармливать скотъ или производить молочные продукты—выработается такое хозяйство, въ которомъ будетъ получаться меньше хлѣба, но больше кормовъ, и т. д. Но *для всякаго* выгоднаго хозяйства необходимо, чтобы была повышена производительность земли, чтобы крестьяне вели хозяйство не такъ, «какъ повелось», а какъ велитъ наука и какъ предписываетъ правильный расчетъ. Такъ или иначе, но улучшенное хозяйство *можетъ* и *должно* стать выгоднымъ для крестьянина-земледѣльца, и во всякомъ случаѣ оно его прокормитъ. А развѣ можетъ быть выгоднымъ *теперешнее* крестьянское хозяйство, дающее кругомъ 40, 30, а то

и 25 пудовъ съ десятины,—то хозяйство, которое обезпечиваетъ крестьянамъ лишь постоянное недоѣданіе и безысходную нищету?..

Словомъ, съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу о необходимости и возможности теперь же, не откладывая въ долгій ящикъ, приступить къ энергичной работѣ, направленной непосредственно къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, къ повышенію производительности крестьянскихъ земель,—какія бы ни разсматривать возраженія, результатъ получается одинъ: возраженія эти, доказывая *трудность* предстоящей задачи, отнюдь не доказываютъ, однако, ея *неразрѣшимости*. А трудности, какъ бы онѣ ни были велики, необходимо преодолѣть, потому что *всякая* земельная реформа останется безплодной, если не будетъ повышена производительность крестьянскихъ земель; и такія хорошія вещи, какъ грамотность, политическая и личная свобода и т. п., лишь постольку могутъ отразиться на хозяйственномъ положеніи крестьянина, поскольку онѣ будутъ способствовать улучшенію его хозяйства. А это приводитъ насъ еще къ одному первостепенно важному соображенію. Вѣдь какъ бы ни были увеличены земельные надѣлы, каково бы ни было вліяніе просвѣщенія и свободы,—все-таки крестьянинъ *самъ* не отыщетъ тѣхъ путей, которыми должно итти улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства. «Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ не можетъ даже и возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ» (А. И. Чупровъ). Крестьянина надо *научить*, что дѣлать для того, чтобы поднять свое хозяйство,—а между тѣмъ *къ этому мы* совершенно не готовы.

Необходимость въ помощи улучшенію крестьянскаго хозяйства.

Сказанное мною только что можетъ показаться и, вѣроятно, многимъ кажется ни съ чѣмъ несообразнымъ. *Учить крестьянина* обрабатывать землю!.. Сколько разъ крестьянскіе депутаты и въ первой, и во второй Думѣ поднимали на смѣхъ тѣхъ, кто говорилъ о томъ, что крестьянамъ надо учиться лучше вести хозяйство, лучше обрабатывать землю... Крестьянинъ, дескать, самъ знаетъ, какъ обходиться съ землей; онъ сызмалолѣтства привыкъ обрабатывать землю, онъ знаетъ каждый клочокъ ея, знаетъ, какъ и за что взяться; мужикъ знаетъ землю, и земля мужика знаетъ. Въ томъ-то, однако, и

бѣда, что дѣло тутъ обстоитъ не такъ просто. То унаслѣдованное отъ прадѣдовъ знаніе земли, то знакомство со способами и пріемами ея обработки, какимъ обладаетъ крестьянинъ, было достаточно до поры—до времени, когда было просторно, когда можно было распахивать свѣжія земли и косить необъятные луга. Да и то оно было не совсѣмъ достаточно: насколько лучше были бы урожаи и въ черноземныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и въ киргизской степи, и въ Уссурійскомъ краѣ, если бы крестьянинъ въ самомъ дѣлѣ *зналъ*, какъ надо взяться за обработку земли!.. Нечего уже говорить о томъ, что крестьянскаго знанія и умѣнья не можетъ хватить, когда земля повыпахалась, когда стало тѣсно, когда уже нельзя надѣяться на солнышко да на дождичекъ, когда уже нельзя вести хозяйство на авось: захочетъ, дескать, Господь, такъ и на камнѣ хлѣбушко вырастетъ... Вѣдь сельское хозяйство—это такое же искусство, такое же трудное дѣло, какъ и всякая другая промышленная дѣятельность, а можетъ быть, и еще труднѣе. Въ промышленности тоже когда-то обходились безъ науки, тоже когда-то всякій «самъ зналъ», что и какъ надо дѣлать: всякая крестьянка умѣла ткать, всякій крестьянинъ безъ труда выучивался и выдѣлывать кожи, и ковать желѣзо, каждый могъ построить избу или наладить телѣгу либо сани. *Теперь* за все это принялась наука, и человѣкъ, не обладающій большими знаніями, не можетъ вести ни ткацкаго, ни красильнаго, ни металлургическаго, ни строительнаго дѣла,—для всего этого надо знать физику, химію, электротехнику, нужно пройти практику на одной, или лучше на нѣсколькихъ, хорошо устроенныхъ фабрикахъ. То-же самое и въ сельскомъ хозяйствѣ. До сихъ поръ мелкій земледѣлецъ въ Россіи, русскій крестьянинъ, обходился «своимъ умомъ», какъ еще какихъ-нибудь 100 или 150, а гдѣ и 50 лѣтъ тому назадъ, обходились и въ Западной Европѣ; онъ велъ хозяйство «какъ повелось», какъ научили его дѣды и отцы, онъ руководствовался примѣтами, поговорками, пріурочивалъ работы къ церковнымъ праздникамъ и т. д. Теперь такъ вести дѣла уже нельзя. Старые способы хозяйства не годятся, нужно вырабатывать и вводить въ употребленіе новые. Очень многое изъ такого новаго уже примѣняется въ другихъ странахъ или даже на нѣкоторыхъ окраинахъ нашей необъятной страны: плодосмѣнъ, посѣвы кормовыхъ травъ, искусственныя удобренія,

правильная обработка почвы, искусственное орошеніе или осушка, подборъ сортовъ разводимыхъ растеній и улучшеніе сѣмянъ. Такъ неужели же надо «своимъ умомъ доходить» до всего того, что уже давно придумано и испытано другими?.. Но главное, безъ чего нельзя обойтись теперь,—это примѣненіе науки къ сельскому хозяйству. Такія вещи, какъ искусственныя удобренія, травосѣяніе и т. п., это все вещи, которыхъ *нельзя* примѣнять безъ разбора, ибо отъ этого легко можетъ получиться одинъ только вредъ: искусственное удобреніе должно быть сообразовано съ химическимъ составомъ почвы—одной почвѣ нужно азотистыя, а другой—фосфорнокислыя удобренія; оно должно быть сообразовано и съ посѣвами—одни растенія берутъ изъ почвы фосфоръ, другія известь, значитъ, одни требуютъ фосфористыхъ, другія известковыхъ удобреній. Если вводится травосѣяніе, надо выбрать травы, соотвѣтствующія почвѣ и климату, надо принять мѣры противъ односторонняго истощенія почвы (клевероутомленіе и пр.),—для этого нужно извѣстное чередованіе травы съ другими растеніями, нужны извѣстныя искусственныя удобренія. Наука выработала, затѣмъ, не мало способовъ борьбы съ разными злоключеніями, отъ которыхъ страдаютъ посѣвы. Въ понятіи крестьянъ разныя «помхи»—головня, медвяная роса и т. п.,—это просто попущеніе Божіе, противъ котораго ничего нельзя подѣлать; наука выяснила, что все это болѣзни, которыя можно лѣчить, какъ лѣчатъ болѣзни у людей и у скота. «Своимъ умомъ» дойти до всего этого нельзя, всему этому надо учиться, а кто не учился, долженъ слушать совѣта у тѣхъ, кто учился. Даже такая простая, казалось бы, вещь, какъ выборъ сортовъ того или другого хлѣба, въ дѣйствительности совсѣмъ не проста: надо умѣть подобрать сортъ, подходящій къ почвѣ и климату; если такого сорта нѣтъ, надо умѣть вывести его изъ мѣстныхъ или изъ привозныхъ сѣмянъ. Или подборъ хорошихъ и подходящихъ орудій—плуговъ, сѣялокъ и т. п.: надо умѣть подобрать плугъ, подходящій къ данной почвѣ, соотвѣтствующій тѣмъ культурамъ, подъ которыя имѣется въ виду обрабатывать землю. Все это дѣло агрономической науки и общественной агрономіи: агрономическая наука должна выработать для каждой мѣстности подходящіе пріемы и способы хозяйства, общественная агрономія должна познакомить населеніе съ этими способами, должна

помочь крестьянамъ выбрать тѣ изъ этихъ способовъ, которые болѣе всего соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ, которые болѣе всего отвѣчаютъ имущественной состоятельности, выгодамъ крестьянскаго хозяйства. На Западѣ въ послѣднее время это сознали вполнѣ, и получилось огромное улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ работами проф. А. И. Чупрова или хотя бы съ одною его книжкой: «Реформа земледѣлія въ Италіи», гдѣ дается очеркъ дѣятельности такъ называемыхъ странствующихъ каѳедръ, или странствующихъ профессоровъ по земледѣлію,—лицъ, по способу дѣятельности и по своимъ задачамъ имѣющихъ много общаго съ нашими земскими агрономами. «Неутомимою пропагандой каѳедры,—говоритъ, напримѣръ, А. И. Чупровъ о Пармской провинціи,—возбужденъ живѣйшій интересъ къ введенію новыхъ пріемовъ хозяйства; повсюду говорятъ, спорятъ, разсуждаютъ объ улучшеніяхъ, объ удобреніяхъ, о новыхъ сѣвооборотахъ, тогда какъ двадцать лѣтъ тому назадъ хозяйство велось еще вполнѣ по старой рутинѣ»,—т.-е. «какъ повелось отъ дѣдовъ». «И это,—продолжаетъ А. И. Чупровъ,—не одни слова, а факты: достаточно принять въ расчетъ хотя бы одно распространеніе минеральныхъ удобреній; потребленіе ихъ выросло теперь въ нѣсколько десятковъ разъ сравнительно съ періодомъ до основанія каѳедры». И что главное—«результаты новыхъ пріемовъ бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Стоитъ выѣхать изъ города, и вы тотчасъ же будете окружены роскошными полями, въ которыхъ клеверъ и люцерна чередуются съ великолѣпными хлѣбными посѣвами,—наглядное доказательство того, что пропаганда каѳедры не осталась пустымъ звукомъ, такъ какъ раньше поля занимались исключительно хлѣбными злаками. И это,—замѣчаетъ А. И. Чупровъ,—не въ какомъ-нибудь отдѣльномъ уголкѣ, а на пространствѣ многихъ десятковъ километровъ». И то же,—добавлю я отъ себя,—не только въ Пармской, но и въ другихъ провинціяхъ Италіи, гдѣ улучшеніе мелкаго крестьянскаго и арендаторскаго хозяйства также идетъ чрезвычайно быстро. Есть общины, «гдѣ земледѣльческое производство за десять лѣтъ выросло разъ въ двадцать»; есть селенія, которыя «бросаются теперь въ глаза своими роскошными виноградниками, а между тѣмъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ тому назадъ здѣсь былъ одинъ дикій ку-

старникъ»; есть деревни, откуда «еще недавно люди уходили въ тосканскую маремму (болотистую мѣстность) на заработки и оттуда приносили хлѣбъ и лихорадку, а нынѣ никто не отправляется туда, потому что на мѣстѣ имѣется достаточно пищи не только для прокормленія, но даже для сбыта на сторону».

Недостатокъ ея у насъ.

У насъ въ этомъ направленіи до недавняго времени было сдѣлано чрезвычайно мало. Самодержавное правительство до самой первой революціи, можно сказать, даже не принималось какъ слѣдуетъ за необходимыя мѣры для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Министерство земледѣлія за первыя 12 лѣтъ своего существованія сдѣлало очень мало для владѣльческаго и, можно сказать, ничего не сдѣлало для крестьянскаго хозяйства; *да и не могло* сдѣлать: деньги находились на все, на что угодно, но ихъ никогда не было для министерства земледѣлія. Гораздо больше сдѣлали земства, земская агрономія; все, что сдѣлано для улучшенія крестьянскаго хозяйства, сдѣлано, въ концѣ-концовъ, одними земствами. Но и они пока тоже сдѣлали еще очень мало. «Изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу,—говоритъ, опять-таки, А. И. Чупровъ, глубокій знатокъ даннаго вопроса,—выполнено до сихъ поръ земскими организаціями немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зернового трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи». И не только въ черноземной полосѣ, но даже и въ тѣхъ изъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ общественная агрономія достигла своего наибольшаго расцвѣта. Мы восторгаемся, и совершенно законно, необыкновенною быстротою распространенія травосѣянія въ московско-тверскомъ районѣ. Но изъ трудовъ В. Г. Бажаева, игравшаго такую видную роль въ дѣлѣ распространенія здѣсь травосѣянія, мы узнаемъ, что оно пока весьма мало способствовало общему улучшенію крестьянскаго хозяйства. И почему это?.. Потому, что «довѣрчивому сельскому люду рекомендовали травосѣяніе не въ современной постановкѣ, съ широкимъ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ, а въ устарѣлой формѣ», не принявъ необходимыхъ мѣръ «къ провѣркѣ на тщательныхъ мѣстныхъ опытахъ того, что давно выработано въ теоріи и въ практикѣ безчисленныхъ заграничныхъ хозяйствъ» (А. И. Чуп-

ровъ). Нечего уже говорить о такихъ мѣстностяхъ, какъ заволжскій юго-востокъ, гдѣ общественная агрономія (въ данномъ случаѣ даже не земская, а казенная), въ лицѣ самоотверженнаго труженика В. С. Богдана, только начала отыскивать выходъ изъ господствующаго здѣсь безпорядочнаго пестрополья—того самаго, которое даетъ крестьянину въ среднемъ 23 пуда съ десятины. Или какъ вологодское полѣсье, гдѣ трехполье уже стало пережиткомъ, продолжающимъ кое-какъ существовать лишь благодаря широко развитой арендѣ казенныхъ сѣнокосовъ (а эта аренда, въ свою очередь, до крайности затрудняетъ использованіе, для землеустроительныхъ цѣлей, обширнаго земельнаго фонда Вологодскаго края). И здѣсь современныя земельно-хозяйственныя условія настоятельно требуютъ чего-то другого; но чего—это общественная агрономія даже еще не начинала намѣчать; да и какъ ей было начать, когда никольское земство какъ разъ въ послѣднее время упразднило даже несчастную должность уѣзднаго агронома!.. «Работа дѣятелей общественной агрономіи,—говоритъ В. Г. Бажаевъ въ недавней своей статьѣ,—была необходима потому, что она накопляла драгоцѣннѣйшій запасъ опытныхъ указаній и вообще подготовляла почву для будущей мирной дѣятельности при обновленныхъ условіяхъ». Подготовляла, но—читатель видитъ—еще очень мало подготовила. Общественная агрономія должна быть усилена во много разъ, она должна работать, не покладая рукъ, не увлекаясь никакими дѣйствительными или мнимыми «требованіями настоящаго момента»,—работать дальше въ томъ-же направленіи. Она должна энергично и послѣдовательно готовиться къ тому, несомнѣнно, близкому моменту, когда крестьяне сознаютъ, что все ихъ спасеніе—въ коренномъ улучшеніи пріемовъ земледѣльческой культуры, и обратятся съ своими запросами къ общественной агрономіи. Неужели и тогда придется сказать, что «изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу выполнено до сихъ поръ немного»? И не скажетъ-ли тогда народъ, что напрасно его тѣшили безплодными надеждами и мечтами, а не дѣлали какъ разъ того, что было наиболѣе неотложнымъ и необходимымъ?..

Съ 1907 года, когда были написаны эти строки, положеніе вещей значительно измѣнилось къ лучшему. Начиная съ 1907—1908 гг., обнаружился рѣзкій поворотъ въ благопріятную для

развитія агрономической помощи сторону. Самодержавное правительство заинтересовалось улучшеніемъ крестьянскаго хозяйства, въ значительной мѣрѣ, въ противовѣсъ такъ ярко вспыхнувшимъ мечтамъ крестьянства о помѣщичьихъ земляхъ; значительно повысился интересъ къ агрономической помощи интеллигенціи, земствъ и самого крестьянства,—въ этомъ, какъ можно думать, не малую роль сыграло временное—какъ теперь оказывается—крушеніе надеждъ на скорое проведеніе аграрной реформы: отчаявшись въ надеждѣ скоро получить помѣщичьи земли, крестьянство устремило свой интересъ въ сторону улучшенія хозяйства въ своей землѣ. Какъ бы то ни было, съ этого времени начинается быстрой ростъ агрономической помощи. Расходы департамента земледѣлія съ 4 милліоновъ въ 1907 году возрастаютъ къ 1912 году до 21 милліона; правительственный агрономическій персоналъ, насчитывавшій въ 1906 году, на всю Россію, 55 (!!) человѣкъ, въ 1913 году достигаетъ численности 1400 человѣкъ. Земскія смѣты на агрономическую помощь въ 1895 г. составляли, въ итогѣ по 34 старо-земскимъ губерніямъ, менѣе милліона, въ 1905 году тоже еще только 5 милліоновъ, въ 1912 г. уже 13 милліоновъ; оборотные кредиты земствъ на расходы по снабженію населенія орудіями, сѣменами, удобреніями съ 700 тыс. въ 1895 году поднялись въ 1912 году до 20 милліоновъ. Только въ 1906 году, всего въ двухъ уѣздахъ, возникла участковая агрономія, т.-е. такая, близкая къ населенію, организація агрономической помощи, при которой отъ нея только и можно ожидать дѣйствительныхъ результатовъ,—а къ 1913 году участковая агрономія была введена уже въ 388 уѣздахъ.

Однако и теперь, и теперь больше, чѣмъ когда-либо, приходится повторить то-же, что я писалъ въ 1907 году: «для того, чтобы общественная агрономія могла дѣлать свое великое дѣло, нужно, прежде всего, чтобы русское общество и народъ *прониклись вѣрою* въ громадную важность этого дѣла, чтобы была предоставлена необходимая свобода и чтобы были налицо необходимыя денежныя средства. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, работать, когда полицейскій надзоръ и контроль мѣшаетъ рѣшительно всякому начинанію, тормозитъ всякое живое дѣло? Какъ работать, когда нѣтъ гроша денегъ на необходимые опыты и другіе расходы? Какъ работать, когда агрономическую организацію то

открываютъ, то закрываютъ, то опять открываютъ? И добро бы уничтожали земскую агрономію помѣщичьи, дворянскія земства!.. Нѣтъ, сплошь и рядомъ предложенія объ уничтоженіи агрономіи исходятъ или находятъ горячую поддержку со стороны гласныхъ-крестьянъ. Въ трудахъ происходившаго въ 1908 году съѣзда старообрядцевъ можно найти ходатайства объ упраздненіи должностей агрономовъ, вмѣстѣ съ земскими начальниками и прочими «безполезными» должностными лицами... Народъ, къ несчастью, не понимаетъ или плохо понимаетъ значеніе агрономической помощи, да и вообще необходимость коренного улучшенія способовъ и пріемовъ крестьянскаго хозяйства: это все, молъ, барскія затѣи, годныя для помѣщика, но совсѣмъ не подходящія для крестьянина; это, пожалуй,—думаютъ крестьяне,—еще и просто разговоры, которыми думаютъ отвести глаза крестьянамъ, чтобы они поменьше думали о господской землѣ. Но пока народъ такъ думаетъ, пока народъ не хочетъ учиться и переучиваться вести хозяйство, до тѣхъ поръ у насъ будутъ урожаи самъ-3 и самъ-4, до тѣхъ поръ не прекратятся голодовки и постоянное недоѣданіе. Безъ науки, безъ улучшенія способовъ и пріемовъ обработки земли, которое можетъ дать крестьянину только наука, нѣтъ способа поднять крестьянское хозяйство».

Къ несчастью,—повторяю,—и теперь все это, написанное въ 1907 году, остается въ полной силѣ. Событія пятнадцати мѣсяцевъ, протекшихъ со времени февральскаго переворота, показали, что наши народныя массы и сейчасъ очень плохо понимаютъ значеніе агрономической помощи, что онѣ не только не питаютъ къ ней довѣрія и симпатіи, но напротивъ, обнаруживаютъ къ ней трудно-понятную ненависть и недовѣріе. Демократизировавшіяся, послѣ переворота, земства во многихъ мѣстахъ, уничтожили свои агрономическія организаціи. Когда началась полоса погромовъ, крестьяне не только не щадили даже самыхъ передовыхъ, образцовыхъ владѣльческихъ хозяйствъ, у которыхъ они учились, отъ которыхъ они получали улучшенныя сѣмена, племенныхъ животныхъ и т. п., не только перепахивали подготовленныя подъ посѣвы свекловицы поля и засѣвали ихъ рожью или пшеницей, но во многихъ мѣстахъ они разрушили опытныя и показательныя учрежденія и подѣлили между собой отведенные такимъ учрежденіямъ земельные участки; разрушали даже метеорологическія станціи, отъ уничтоженія

которыхъ имъ, казалось бы, ужъ окончательно не могло быть никакой пользы. И можно сильно опасаться, что революціонныя бури не на одинъ годъ развѣяли появившійся было интересъ крестьянства къ улучшенію земледѣльческаго хозяйства. А между тѣмъ безъ такого улучшенія,—безъ того знанія, котораго крестьянство не можетъ получить иначе, какъ при содѣйствіи общественной агрономіи,—безъ этого ни для крестьянства, ни вообще для русскаго народнаго хозяйства нѣтъ выхода изъ переживаемаго имъ тяжелаго положенія.

Заключеніе.

На этомъ я заканчиваю. И конецъ, послѣдній выводъ изъ всего мною сказаннаго будетъ такой: корень зла, источникъ тѣхъ бѣдъ, которыя переживаетъ русское крестьянство, а съ нимъ и вся Россія, никакъ не въ одной землѣ. Есть въ крестьянской средѣ милліоны людей, которымъ, дѣйствительно, нѣтъ возможности прожить на своей землѣ,—для нихъ земля должна найтись, имъ земля должна быть дана. Но есть милліоны и десятки милліоновъ такихъ, кому вполнѣ возможно было бы безбѣдно прожить на своей землѣ, для кого земли и неоткуда будетъ взять, даже при самой широкой земельной реформѣ,—но они *не умѣютъ* взять съ земли того, что она можетъ и должна была бы дать. Корень зла въ народной темнотѣ, въ плохомъ хозяйствѣ. И чтобы помочь горю, надо поднять крестьянское хозяйство, надо внести свѣтъ въ темную крестьянскую среду. *Объ этомъ* должны думать государство, земство, общество; но и сами крестьяне должны понять, что по-старому жить и по-старому вести хозяйство уже нельзя. Надо выучиться вести хозяйство такъ, чтобы десятина давала вдвое противъ того, что она даетъ сейчасъ; это нужно потому, что удвоить число десятинъ противъ того, что теперь обрабатываетъ крестьянинъ, нѣтъ способа—земли неоткуда взять. Но для того, чтобы десятина давала столько, сколько теперь даютъ двѣ или хотя бы только полторы десятины, необходимо, чтобы народъ повѣрилъ наукѣ, принималъ то, что можетъ дать ему наука.

И нужно еще, чтобы крестьяне пріучались дѣйствовать союзомъ. Міръ, говорятъ, великъ человѣкъ. Не тотъ *старый* міръ, который только умѣлъ передѣлять землю и наваливать подати, какія наложитъ начальство, а *новый* міръ—товарищество, артель, кооперація. Кооперація дастъ крестьянину кредитъ и спа-

сетъ его отъ хищныхъ лапъ всякаго рода ростовщиковъ, которымъ теперь въ деревнѣ такая легкая пожива. Кооперація поможетъ крестьянину купить все, что ему нужно, дешево и хорошо: купить орудія, сѣмена, искусственныя удобренія и т. п. Кооперація поможетъ крестьянину выгодно продать хлѣбъ и другіе продукты, потому что она будетъ продавать хлѣбъ большими, хорошо отсортированными партіями, будетъ рядиться съ купцомъ, какъ равныя стороны; если же отдѣльному крестьянину нельзя ждать, пока хлѣбъ продастся, она ссудитъ его деньгами подъ принятый у него хлѣбъ. Кооперація поможетъ крестьянину переработать молоко на масло или сыръ, который можно выгодно продать въ столицѣ или заграницей, переработать хлѣбъ на спиртъ, картофель—на патоку или крахмалъ; она заведетъ для крестьянъ общественныя молотилки или сортировки, возьмется за осушку болотъ, которыя обратятся въ тучные луга, за орошеніе земель въ мѣстахъ, страдающихъ отъ засухи, за облѣсеніе песковъ, теперь засыпающихъ крестьянскія поля.

Такъ кончалъ я эту книжку въ первомъ ея изданіи, въ 1907 г. Съ тѣхъ поръ союзное начало—кооперація—сдѣлало огромные успѣхи и въ общественномъ и народномъ сознаніи, и въ дѣйствительности; она сдѣлалась огромною и идейною, и реальною силой. Въ 1907 году идеи кооперації еще только начинали распространяться въ средѣ русскаго общества,—теперь для всѣхъ ясно, что не кому иному,—не правительству, не земству, а именно кооперації, принадлежитъ господствующая роль въ созданіи необходимой для прогресса мелкаго трудового хозяйства экономической обстановки, что только широкое развитіе кооперації способно доставить крестьянскому хозяйству всѣ или почти всѣ тѣ экономическія выгоды, которыя присущи крупному капиталистическому предпріятію и которая, пока мелкія хозяйства разрознены, даютъ ему передъ ними рѣшительный перевѣсъ. Болѣе того: даже и прогрессъ техники крестьянскаго хозяйства въ значительной мѣрѣ облегчается извѣстными формами кооперації, потому что агроному гораздо легче подойти къ крестьянину, если онъ можетъ опереться на кооперативъ и дѣйствовать черезъ него, чѣмъ если онъ долженъ подходить отдѣльно къ каждому единичному хозяйству. И вотъ, число сельскохозяйственныхъ обществъ—вида кооперації, работающаго главнымъ образомъ въ смыслѣ распространенія сельскохозяйственныхъ

знаній, въ концѣ 90-хъ годовъ не превышавшее 270, уже къ 1912 году достигаетъ четырехъ тысячъ; это въ подавляющемъ большинствѣ общества «малаго района», обслуживающія болѣе или менѣе исключительно крестьянское хозяйство; сельскохозяйственныхъ товариществъ въ 1900 году было только 50, къ 1913 году 900,—конечно, тоже еще очень мало для такой необъятной страны, какъ Россія; число кредитныхъ товариществъ, изъ которыхъ многія не только доставляютъ необходимыя для крестьянскаго хозяйства оборотныя средства, но принимаютъ непосредственное участіе въ снабженіи крестьянъ улучшенными орудіями, сѣменами и пр. и вообще въ агрикультурно-просвѣтительной работѣ, за время съ 1903 по 1913 годъ возросло до восьми тысячъ, и т. д. Конечно, все это тоже еще *только начало* нужнаго для нашего крестьянскаго хозяйства развитія кооперації. Въ дальнѣйшемъ широкомъ ея развитіи и углубленіи ея работы какъ въ экономическомъ, такъ и въ культурномъ направленіи—одно изъ важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій прогресса нашего крестьянскаго земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коренного разрѣшенія нашего земельнаго вопроса.

Пособія: *А. И. Чупровъ.* Мелкое земледѣліе въ Россіи и его основныя нужды.—*Онъ же.* Къ вопросу о земельной реформѣ.—*Онъ же.* Реформа земледѣлія въ Италіи.—Сборникъ «Аграрный вопросъ», изд. Петрункевича и кн. Долгорукова, т. I, статья *А. А. Чупрова,* т. II, ст. *Кауфмана* (Къ вопросу о нормахъ дополнительнаго надѣленія) и *Дена.—Кауфманъ.* По новымъ мѣстамъ.—*Онъ же.* Переселеніе. Мечты и дѣйствительность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе къ 1-му изданію 5

ЧАСТЬ I.

Лекція первая. Крестьянскіе надѣлы 10
» вторая. Современное положеніе крестьянъ и ихъ земельныя отношенія 44
» третья. Правительственныя мѣропріятія 89

ЧАСТЬ II.

» четвертая. Сущность аграрнаго вопроса 134
» пятая. Аграрный вопросъ и главнѣйшія теченія русской общественной мысли 176
» шестая. Расширеніе крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянскаго хозяйства 237

Московское Научное Издательство.

Москва, Воронцово Поле, Б. Николо-Воробинскій пер., 3.
Телефонъ 1-43-05.

Лазаревъ, П. П. — Изслѣдованія по іонной теоріи возбужденія. Ч. I. 1916 г. Цѣна 2 руб.

P. Lazareff.—Recherches sur la théorie ionique de l'excitation. 1918. Prix 10 frs.

„Архивъ Физическихъ Наукъ".—2 выпуска. 1918 г. Цѣна 10 р.

„Archives des Sciences physiques". 1918. Prix 6 frs.

„Успѣхи Физическихъ Наукъ".—Подъ ред. акад. П. П. Лазарева. № 1. Цѣна 6 руб.

Физическій Институтъ Московскаго Научнаго Института. 1918. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Исторія Экономической Мысли.—Подъ ред. В. Я. Желѣзнова и А. А. Мануилова.

Вып. I. **В. Я. Желѣзновъ.** — Экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ. Цѣна 6 руб.

Вып. III. **С. Н. Булгаковъ.** — Основные мотивы философіи хозяйства въ платонизмѣ и раннемъ христіанствѣ.

П. Г. Виноградовъ.—Экономическія теоріи средневѣковья. Цѣна 3 руб.

Хвостовъ, В. М.—Соціологія. Томъ I. 1917 г. (Разошлось).

Таль, Л. С. — Очерки промышленнаго рабочаго права. 1918 г. Цѣна 8 руб.

Кауфманъ, А. А. — Аграрный вопросъ въ Россіи. 1919.

Хвостовъ, В. .—Исторія римскаго права. 1919.

Чарновскій, Н. Ф. — Организація промышленныхъ предпріятій по обработкѣ металловъ. 1919.

Цѣна **10** руб.